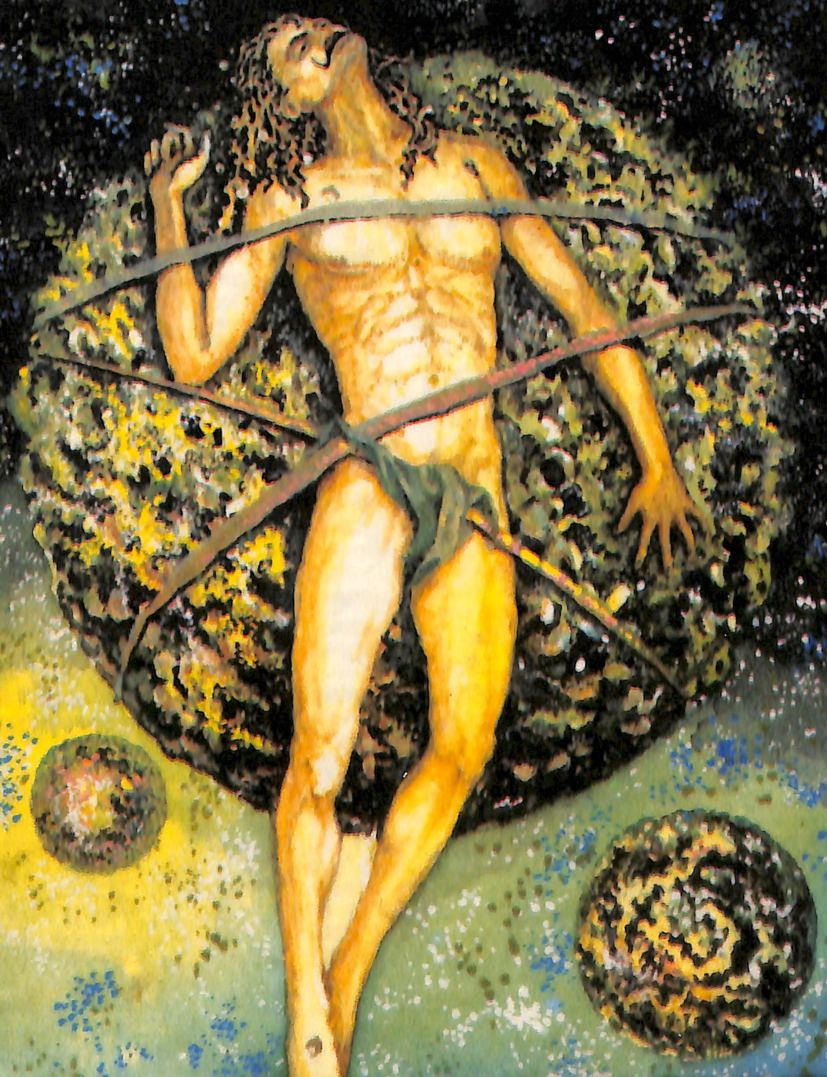
Роджер Желязны

Творец сновидений

Творец сновидений

Роджер Желязны

РОСТОВ-НА-ДОНУ
"ГЕРМЕС„
1992

Библиотека фантастики 5

Остров мертвых
Творец сновидений
Джек-из-Тени

Роджер Желязны

Творец сновидений

ББК 84.7 США
Ж52

Серия основана в 1991 г.

Составители *А. Г. Бобита, С. В. Гизело*
Художники-иллюстраторы *В. Г. Еременко, И. И. Еременко*

Издание осуществлено совместно с издательским центром КПКФ «Реванш», г. Харьков

Издатели выражают особую благодарность за помощь, оказанную в издании данной книги, *А. В. Гайденко*
А. М. Цыганенко

© Составление.
А. Г. Бобита, С. В. Гизело, 1992
© Подготовка текста. Макет.
А. Г. Бобита, 1992
© Литературный перевод.
Д. Е. Громов, О. С. Ладыженский, С. М. Ладыженский, 1992
© Иллюстрации.
В. Г. Еременко, И. И. Еременко, 1992
© Разработка серийного оформления.
В. Г. Еременко, А. Е. Ткач, А. Г. Бобита, 1992

Ж $\frac{4703040100—011}{У\ 36(03)—92}$

ISBN 5-87022-011-4

Вор-ец сновидений

© *By Roger Zelazny*
«The Dream Master» N.Y. 1970

ГЛАВА 1

Как ни приятна была эта процедура с кровью и всем прочим, Рэндер сознавал, что дело идет к концу.

«Значит, каждая микросекунда должна растянуться в минуту», — решил он. — «И, возможно, следовало бы повысить температуру...» Где-то на самом краю темнота остановила свое наступление.

Нечто вроде крещендо подсознательного грома замерло на самой яростной ноте. И нота эта была квинтэссенцией стыда, боли и страха.

Форум застыл.

Цезарь трусливо съежился вне яростного круга. Он прикрыл руками глаза, но это не мешало ему видеть.

Сенаторы не имели лиц. Их одежды были запятнаны кровью. Голоса их походили на птичьи крики. С нечеловеческой яростью они втыкали кинжалы в поверженное тело.

Все, кроме Рэндера.

Лужа крови, в которой он стоял, продолжала расширяться. Рука его, казалось, поднималась с регулярностью механизма, горло его извергало птичьи крики — но он был одновременно и участником сцены, и находился вне ее.

Ибо он был Рэндером. Конструктором.

Скорчившись, мучаясь и завидуя, Цезарь выплакал свой протест:

— Ты убил его! Убил Марка Антония, безупречного человека!

Рэндер повернулся. Огромный кинжал в его руке был полностью залит кровью.

— Ага, — сказал он.

Лезвие двигалось из стороны в сторону, и Цезарь, окол-

дованный отточенной сталью, покачивался в том же ритме.

— Зачем?! — закричал он. — Зачем?!

— Потому что, — ответил Рэндер, — он был куда более благородным римлянином, чем ты.

— Ты лжешь! Не поэтому!

Рэндер пожал плечами и повернулся к бойне.

— Это неправда! — Вопил Цезарь. — Неправда!

Рэндер снова обернулся к нему и помахал кинжалом. Цезарь, как кукла, качнулся вслед за лезвием.

— Неправда? — улыбнулся Рэндер. — А кто ты такой, чтобы спрашивать? Ты никто! Ты унижен величием этого случая! Убирайся!

Краснолицый мужчина вскочил одним прыжком. Волосы его торчали в беспорядке, как клочья ваты. Он повернулся и побрел прочь, оглядываясь через плечо.

Он отошел уже далеко от круга убийц, но стена не уменьшалась в размерах. Она сохраняла странную электрическую прозрачность, и это создавало у Цезаря ощущение, что чем дальше он отходил, тем более он становился одинок и отстранен.

Рэндер обогнул не отмеченный заранее угол и встал перед Цезарем слепым нищем.

Цезарь запахнул полы своей одежды.

— У тебя сегодня дурное предзнаменование для меня?

— Берегись! — пронзительно сказал Рэндер.

— Да! Да! — вскрикнул Цезарь. — Беречься? Хорошо! Чего беречься?

— Ид!

— Да! Каких?

— Октябрьских.

Цезарь выпустил одежду.

— Что ты говоришь? Что такое октябрь?

— Месяц.

— Врешь! Нет такого месяца!

— Это дата, которой благородный Цезарь должен бояться — несуществующее время, случай, который никогда не будет отмечен. — Рэндер исчез за другим углом.

— Подожди! Вернись!

Рэндер захохотал, и Форум засмеялся вместе с ним. Птичьи крики слились в хор нечеловеческой насмешки.

— Вы смеетесь надо мной! — заплакал Цезарь.

Форум был духовкой, и пот образовал как бы стеклянную маску на узком лбу Цезаря, остром носу, на челюсти без подбородка...

— Я тоже хочу быть убитым! — всхлипнул он. — Это нечестно!

А Рэндер взорвал Форум, сенаторов и оскалившегося мертвого Антония, смел их куски в черный мешок, и последним исчез Цезарь.

Чарлз Рэндер сидел перед девятью десятками белых кнопок и двумя красными, но не глядел на них. Его правая рука бесшумно двигалась по гладкой поверхности консоли, нажимая одни кнопки, перескакивая через другие, скользя дальше, вычерчивая путь, чтобы нажать следующую в Серии Отклика. Ощущения задохнулись, эмоции сошли на нет. Член палаты представителей Эриксон познал забвение в колыбели.

Мягкий щелчок.

Рука Рэндера скользнула к концу ряда кнопок. Акт осознанного намерения — воли, если угодно, — требовал нажатия красной кнопки.

Рэндер освободил руку и снял Венец Медузы — волосы его представляли собой миниатюризированную схему. Конструктор выскользнул из-за стеллажа и поднял крышку. Потом он подошел к окну, сделав его прозрачным, и взял сигарету.

«Одна минута в колыбели,» — решил он. — «Не больше. Это решающая минута... Будем надеяться, что снег пока не пойдет, но, судя по тучам...»

Гладкие желтые решетки и высокие башни, тусклые и серые — все тлело вечером. Они окружали вулканические острова, горящие в предвечернем свете, грохочущие глубоко под землей — это были обильные, нескончаемые потоки уличного движения.

Рэндер отвернулся от окна и подошел к громадному яйцу, гладкому и сверкающему, лежавшему возле его стола. Отражение в нем смазало горбинку на носу Рэндера, сделало его глаза серыми блюдцами, трансформировало волосы в прочерченный молнией горизонт; красноватый галстук стал широким языком вампира.

Рэндер улыбнулся, потянулся через стол и нажал вторую красную кнопку.

Яйцо со вздохом утратило свою непрозрачность. В середине его появилась горизонтальная трещина. Через быстро светлеющую скорлупу Рэндер увидел, как Эриксон гримасничает и плотнее сжимает веки, борясь с возвращением сознания и всем тем, что его сопровождало. Верхняя половина яйца поднялась вертикально к основанию, показав угловатого, розового Эриксона в нижней раковине. Когда глаза Эриксона открылись, он не смотрел на Рэндера. Он встал на ноги и принялся одеваться. Рэндер воспользовался этим временем, чтобы проверить колыбель. Он вновь наклонился над столом

и стал нажимать кнопки: температурный контроль, полный обзор — проверено; экзотические звуки — он поднял наушники — проверено на колокольчики, на жужжание, на звуки скрипки и свист, на крики и стоны, на шум дорожного движения и рокот прибоя; цепь обратной связи, анализирующая собственный голос пациента — проверено; общий звук, брызги влаги, запах — проверено; цветные молнии, стимуляторы вкуса...

Рэндер закрыл яйцо и выключил его. Втолкнул агрегат в стенной шкаф, ладонью захлопнул дверцу. Лента зарегистрировала нужную последовательность.

— Садитесь, — кивнул он Эриксону.

Тот сел, суетливо дергая шеей.

— У нас полный отклик, — сказал Рэндер, — так что мне не требуется суммировать происшедшее. От меня ничего не скрылось. Я был там.

Эриксон кивнул.

— Смысл эпизода вам должен быть ясен.

Эриксон вновь кивнул и, наконец, обрел голос.

— Но это действительно было? — спросил он. — Я имею в виду, что вы конструировали сон и все время контролировали его? Я ведь не просто видел это во сне — ну, как если бы нормально спал. Вы сумели сгрудить на столе все происходящее для чего-то, на что вы хотели указать, верно?

Рэндер медленно покачал головой, стряхнул пепел в южное полушарие своей шарообразной пепельницы и встретился взглядом с Эриксоном.

— Это правда, что я изменил формат и модифицировал формы. Но вы наполнили их эмоциональным содержанием, продвинули их к статусу символов, соответствующих вашей проблеме. Если бы сон был действительно аналогией, он не вызвал бы такой реакции. Он был бы лишен тревожного рисунка, который зарегистрировала лента.

— Ваша психика анализировалась уже много месяцев, — продолжал Рэндер, — и все, что я узнал, не смогло убедить меня, что ваша боязнь быть убитым имеет под собой какие-либо реальные основания.

Эриксон уставился на него.

— Тогда какого же дьявола эта боязнь у меня есть?

— Потому что, — ответил Рэндер, — вам очень хотелось бы стать объектом убийства.

Эриксон улыбнулся. К нему начало возвращаться хладнокровие.

— Уверяю вас, доктор, я никогда не помышлял о самоубийстве и не имею никакого желания прервать свою жизнь. — Он закурил. Руки его дрожали.

— Когда вы пришли ко мне летом, вы уверяли, что боитесь покушения на свою жизнь. Но вы затруднялись сказать, из-за чего кто-либо хотел бы убить вас...

— Мое положение! Нельзя быть членом палаты представителей и не иметь врагов!

— Однако, — возразил Рэндер, — вы, похоже, ухитрились не обзавестись ими. Когда вы позволили мне поговорить с вашими детективами, я узнал, что они не откопали никакого указания на то, что ваши опасения имеют реальное основание. Никакого.

— Они смотрели слишком близко или не там, где надо. Видимо, они что-то пропустили.

— Боюсь, что нет.

— Почему?

— Повторяю: потому что ваши ощущения не имеют никакой реальной основы. Будьте честны со мной: имели ли вы информацию откуда бы то ни было, что кто-то ненавидит вас до такой степени, что хочет убить?

— Я получаю множество угрожающих писем...

— Как и все члены палаты представителей... и все письма, направленные вам в течение прошлого года, расследовались. Было установлено, что это работа сумасшедших. Можете ли вы предложить мне хоть одно доказательство, подтверждающее ваши заявления?

Эриксон рассматривал кончик своей сигареты.

— Я пришел к вам по совету одного коллеги. Пришел, чтобы вы порылись в моем мозгу и нашли что-то такое, что дало бы зацепку моим детективам. Может, я кого-то сильно оскорбил или неудачно применил закон, имея дело с...

— ...и я ничего не нашел, — повторил Рэндер, — ничего, кроме причины вашего недовольства. Сейчас, конечно, вы боитесь услышать ее и пытаетесь отвлечь меня от изложения вашего диагноза...

— Нет!

— Тогда слушайте. Потом можете комментировать, если хотите, но вы любопытствовали и тратили здесь время, не желая принять то, что я предлагал вам в десятке разных форм. Теперь я хочу сказать вам прямо, в чем дело — и делайте с этим, что хотите.

— Прекрасно...

— Во-первых, вы очень хотели бы иметь множество врагов обоего пола...

— Это смешно!

— ...потому что это единственная альтернатива возможности иметь друзей...

— У меня куча друзей!

— ...потому что никто не хочет, чтобы его все игнорировали, чтобы никто не испытывал к нему по-настоящему сильных чувств. Любовь и ненависть — высшие формы проявления человеческих эмоций. Не в силах добиться любви, вы жаждете ненависти. Вы так сильно хотели ее, что убедили себя в ее существовании. Но на такие вещи существует определенный психический ценник. Подлинная эмоциональная потребность, отвечая нажиму желания-суррогата, не приносит реального удовлетворения, а дает тревогу и дискомфорт, потому что в этих делах психика должна быть открытой системой. Вы же ищете человеческих отношений внутри самого себя. Вы закрыты. То, в чем вы нуждаетесь, вы творите из материала собственного «я». Вы — человек, очень сильно нуждающийся в крепких связях с другими людьми.

— Дерьмо!

— Примите это или откажитесь, — закончил Рэндер. — Я вам советую принять.

— Я платил вам полгода, чтобы вы обнаружили, кто хочет убить меня. А вы говорите теперь, что я все выдумал, чтобы удовлетворить желание иметь кого-то, кто меня ненавидит.

— Ненавидит или любит. Правильно.

— Это абсурд! Я встречаю так много людей, что ношу в кармане записывающий аппарат и камеру на лацкане, чтобы запомнить их всех...

— Я говорю не о том, что вы встречаетесь со множеством людей. Скажите, этот последний сон много значил для вас?

Эриксон задумался.

— Да, — сознался он наконец. — Много. Но, все равно, ваша интерпретация этого дела — абсурд. Но, допустим, просто ради поддержания спора, что ваши слова справедливы. Что я в таком случае должен делать, чтобы избавиться от этих снов?

Рэндер откинулся в кресле.

— Пустите вашу энергию по другому пути. Встречайтесь с некоторыми людьми не как член правительства, а просто как Джо Эриксон. И занимайтесь при этом тем, что вам нравится — чем-нибудь, не относящимся к политике, скажем, в чем-то соревнуйтесь — и вы приобретете несколько настоящих друзей или врагов, желательно — друзей. Я все время советовал вам сделать это.

—. Тогда скажите мне еще кое-что.

— Охотно.

— Допустим, вы правы; так почему я никогда не любил и не ненавидел никого, и никто не испытывал тех же чувств ко мне? Я занимаю ответственный пост в правительстве, я все время встречаюсь с людьми. Почему же я такой... нейтральный?

Хорошо знакомый теперь с карьерой Эриксона, Рэндер отогнал свои истинные мысли на этот счет, потому что они не имели оперативной ценности. Он хотел бы процитировать Эриксону замечание Данте на этот счет — о тех душах, которые, не имея добродетелей, отрицают небо, а по недостатку существенных пороков отрицают также и ад. Они поднимают паруса и плывут туда, куда несет их ветер времени, без определенного направления — к какому порту прибьются. Такова была и долгая бесцветная карьера Эриксона, карьера мигрирующей преданности, политических перемен. Но вместо всего этого Рэндер сказал:

— В наше время все больше и больше людей оказываются в таких обстоятельствах. Это происходит из-за растущей сложности общества, где индивидуум обезличивается, превращаясь в социометрическую единицу. В результате даже влечение к другим особам становиться более вынужденным. Сейчас таких много.

Эриксон кивнул, и Рэндер внутренне улыбнулся.

«Иногда нужен грубый нажим, а затем нотация,» — подумал он.

— У меня создалось впечатление, что вы, возможно, и правы, — сказал Эриксон. — Иногда я и в самом деле ощущаю то, что вы только что описали — единица, нечто безликое...

Рэндер взглянул на часы.

— То, что вы будете делать, выйдя отсюда — решать, конечно, вам. Я думаю, что вам следует потратить еще некоторое время и остаться для более подробного анализа. Теперь мы оба знаем причину ваших жалоб. Я не могу водить вас за руку и показывать, как надо жить. Я могу указать, могу посочувствовать, но без глубокого зондирования... сами понимаете; договоритесь о встрече, когда почувствуете необходимость поговорить о вашей деятельности и соотнести ее с моим диагнозом.

— Я приду, — кивнул Эриксон. — Черт бы побрал этот сон! Он захватил меня. Вы делаете их такими же живыми, как сама жизнь... даже еще более живыми... Наверное, я не скоро забуду его.

— Надеюсь.

— О'кей, доктор. — Эриксон встал и протянул руку. — Я, вероятно, вернусь через пару недель. Я сделаю честную попытку к общению. — Он ухмыльнулся при этих словах, от которых обычно хмурился. — В сущности, начну немедленно. Могу я угостить вас выпивкой внизу, за углом?

Рэндер пожал влажную руку, утомленную действием, как у ведущего актера после очень удачной игры, и почти с сожалением сказал:

— Спасибо, но у меня назначена встреча.

Он помог Эриксону надеть пальто, подал ему шляпу и проводил до двери.

— Ну, спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Когда дверь бесшумно закрылась, Рэндер снова прошел в свою крепость красного дерева и бросил сигарету в южное полушарие. Он откинулся в кресле, заложил руки за голову и закрыл глаза.

— Конечно, он более реален, чем жизнь, — сказал он в пространство. — Я создал его.

Улыбаясь, он вновь просмотрел шаг за шагом последовательный сон, желая, чтобы кто-нибудь из его учителей мог быть свидетелем. Сон был хорошо сконструирован, мощно выполнен и точно соответствовал данному случаю. Но ведь он, Рэндер — Конструктор, один из двухсот особых аналитиков, чья психика позволяла входить в невротические системы и вносить туда эстетическое удовлетворение при помощи имитации отклонения. Он — Здравомыслящий Мастер.

Рэндер невольно разворошил свою память. Его самого тоже анализировали и, как гранитно-волевого, ультрапрочного аутсайдера, заставляли переносить ядовитый газ фиксации; и он проходил невредимым через химеры искажений, заставляя темную Мать Медузу закрывать глаза перед его искусством.

Его собственный анализ не был таким трудным. Девять лет назад (как давно это было!) он добровольно подвергся инъекции новокаина в самую болезненную область своей души. Это было после автокатастрофы, когда погибли Руфь и их дочь Мириам, и он хотел отстранения. Возможно, он не желал вновь обрести переживания. Возможно, его собственный мир теперь базировался на определенной жестокости чувств. Если так, то он достаточно разбирался в путях мозга, чтобы понять это, и, видимо, решил, что такой мир имеет свои преимущества.

Его сыну Питеру было теперь десять лет. Он учился в хорошей школе и писал отцу каждую неделю. Письма постепенно становились все более грамотными, демонстрируя быстрое развитие, которое Рэндер мог только одобрить. Что ж, он должен взять мальчика на лето с собой в Европу.

Что касается Джилл — Джилл де-Вилл (какая уж вычурная, оригинальная фамилия — он и любил ее отчасти именно за эту фамилию*) — то эта женщина все больше и больше интересовала его. Он иногда задумывался, не признак ли это преждевременной старости. Его привлекал ее немузыкальный

---

* *Дьявол (англ.)*

голос, ее беспокойство по поводу неизлечимой родинки на правой стороне ее, во всех других отношениях красивого, носа. По-настоящему следовало бы немедленно позвонить ей и отправиться на поиски нового ресторана, но ему почему-то не хотелось.

Он уже несколько недель не был в своем клубе «Куропатка и Ланцет» и сейчас чувствовал желание поесть за дубовым столиком одному, в выстроенной на разных уровнях столовой с тремя каминами, под искусственными факелами и кабаньими головами, напоминающими рекламу джина. Итак, он сунул свою перфорированную членскую карточку в прорезь телефона на столе, и позади голосового экрана дважды прожужжало.

— Алло, «Куропатка и Ланцет» слушает, — послышался голос, — чем могу служить?

— Говорит Чарлз Рэндер, — сказал он. — Я хотел бы заказать столик. Примерно через полчаса.

— На сколько человек?

— На меня одного.

— Очень хорошо, сэр. Значит, через полчаса. Рэндер. Р-э-н-д-е-р?

— Правильно.

— Спасибо.

Он отключил связь и встал. День снаружи уже исчез. Монолиты и башни теперь отбрасывали вдаль собственный свет. Мягкий, похожий на сахар, снег падал вниз и превращался в капли на оконных стеклах.

Рэндер взял пальто, выключил свет, закрыл внутреннюю дверь. На книге записей миссис Хиджис лежала записка.

«Звонила мисс де-Вилл», — прочел он. Рэндер скомкал записку и бросил в мусоропровод. Придется позвонить ей завтра и сказать, что работал допоздна над лекцией.

Он выключил последний свет, надел шляпу, вышел и запер за собой наружную дверь. Лифт спустил его в подземный гараж, где была припаркована его машина.

Там было холодно, и его шаги гулко звучали по цементному полу.

При ярком свете его кар С-7 казался гладким серым коконом, из которого вот-вот появятся нетерпеливые крылья. Два ряда антенн, веером склоняющихся над капотом, усиливали это впечатление. Рэндер прижал свой большой палец к дверце.

Усевшись, он коснулся зажигания, и раздалось жужжание одинокой пчелы, проснувшейся в большом улье. Дверца закрылась, когда он поднял рулевое колесо и закрепил его на месте. Прокрутившись по спиральному скату, он подъехал к двери перед выходом наружу.

Когда дверь с грохотом поднялась, он включил экран назначения и стал крутить ручку поиска по карте. Слева направо, сверху вниз — он сменял секцию за секцией, пока не нашел часть Карнеги-авеню, которая была ему нужна. Он пробил эти координаты и опустил руль. Кар включил мотор и выехал на окраинное шоссе. Рэндер закурил. Оттолкнув свое сидение в центр, он оставил все стекла прозрачными. Приятно было откинуться на спинку кресла и смотреть на машины, пролетающие мимо, подобно рою светлячков. Он сдвинул шляпу на затылок и посмотрел вверх.

Было время, когда он любил снег, когда снег напоминал ему романы Томаса Манна и музыку скандинавских композиторов. Но теперь в его мозгу был другой элемент, от которого он никак не мог полностью отделаться. Он так отчетливо видел облачка молочно-белого холода, кружащиеся вокруг его старой машины с ручным управлением, текущие в ее оплавленное огнем нутро, чтобы почернеть там; ясно видел, как он идет по известковому дну озера к машине — затонувшему обломку — и он, водитель, не может раскрыть рта и заговорить — боится утонуть; и он знал, что когда бы ни увидел падающий снег — для него это будут белеющие где-то черепа... Но девять лет вымыли большую часть боли, поэтому он осознавал также, что ночь весьма приятна.

Он быстро ехал по широким дорогам, проносился по высоким мостам, чья гладкая поверхность, сверкающая под фарами, была соткана из листьев дикого клевера, нырял в тоннели, где тускло светящиеся стены расплывались, подобно миражу. В конце концов он затемнил окна и закрыл глаза.

Он не мог вспомнить, дремал он или нет, и это означало, что, скорее всего, дремал. Рэндер почувствовал, как кар замедляет ход, и пододвинул сидение вперед. Почти тотчас же раздалось жужжание отключившейся автоматики. Он поднял руль, въехал в паркинг-купол, остановился у ската и оставил кар в секции, получив талон от обслуживающего бокс робота, который торжественно мстил человеческому роду, прокалывая картонный язык всем, кого обслуживал.

Как всегда, шум был приглушен, освещение тоже. Помещение, казалось, поглощало звук и превращало его в тепло, успокаивало нос и язык вкусными запахами, гипнотизировало ухо живым потрескиванием в трех каминах.

Рэндер был рад, что ему оставили его любимый столик в углу, справа от маленького камина. Меню он знал наизусть, но рьяно изучал его, потягивая «Манхэттен» и делая заказ соответственно аппетиту. Занятия по психоформированию всегда возбуждали в нем волчий голод.

— Д-р Рэндер...

— Да? — Он поднял глаза.

— Д-р Шэлотт желает поговорить с вами, — тихо произнес официант.

. — Не знаю никакого Шэлотта, — бросил Рэндер. — Может, нужен Вандэр? Это хирург из Подземки, он иногда обедает здесь...

Официант покачал головой.

— Нет, сэр, Рэндер. Вы. Вот, взгляните, — он протянул карточку 3 на 5, на которой было напечатано заглавными буквами полное имя Рэндера. — Д-р Шэлотт последние две недели обедает у нас почти каждый вечер и всегда спрашивает, не пришли ли вы.

— Хм... — задумался Рэндер. — Странно. Почему он не позвонил мне в офис?

Официант сделал неопределенный жест.

— Ну, ладно, скажите, чтобы подошел, — махнул рукой Рэндер, допивая «Манхэттен», — и принесите мне еще стаканчик.

— К несчастью, д-р Шэлотт не видит, — объяснил официант. — Может быть, вам легче...

— Да, конечно. — Рэндер встал, оставляя любимый столик с сильным предчувствием, что сегодня к нему уже не вернется.

— Проводите.

Они прошли мимо обедающих и поднялись на следующий уровень. Знакомое лицо бросило «Привет!» от столика у стены, и Рэндер ответил приветливым кивком ведущему семинар для учеников, которого звали не то Юргенс, не то Джиргинс, или еще как-то в этом роде.

Он вошел в маленькую по размерам столовую, где были заняты только два столика. Нет, три. Один стоял в углу у дальнего конца затемненного бара, частично скрытый рыцарскими доспехами у дверей. Официант вел Рэндера именно туда.

Он остановился перед столиком, и Рэндер уставился на темные очки, которые тут же поднялись вверх. Д-р Шэлотт оказалась женщиной чуть старше тридцати лет. Низкая бронзовая челка не вполне скрывала серебряное пятно на лбу, похожее на кастовую метку. Рэндер затянулся, и голова женщины слегка дернулась, когда кончик его сигареты вспыхнул. Она, казалось, смотрела прямо в его глаза. Рэндер почувствовал себя неловко, хотя знал, что она могла видеть лишь то, что крошечный фотоэлемент передавал в соответствующий участок коры мозга по имплантированной, тонкой, как волос, проволочке. Сейчас это был огонек сигареты.

— Д-р Шэлотт, это д-р Рэндер, — представил его официант.

— Добрый вечер, — сказал Рэндер.

— Добрый вечер, — ответила она. Меня зовут Элина, и я страшно хотела встретиться с вами. Вы не пообедаете со мной?

Ему показалось, что голос ее слегка дрогнул.

— С удовольствием, — согласился он, и официант предупредительно выдвинул ему стул. Рэндер сел и заметил, что женщина уже что-то пьет. Он напомнил официанту о своем втором «Манхэттене».

— Вы уже получили заказ? — спросил он официанта.

— Нет.

— Дайте два меню... — начал он, но прикусил язык.

— Только одно, — улыбнулась женщина.

— Не надо, — поправился он и процитировал меню.

Они сделали заказ. Она спросила:

— Вы всегда так?

— То есть?

— Держите все меню в голове?

— Только некоторые, — ответил он, — для тяжелых случаев. Так о чем вы хотите поговорить со мной?

— Вы — врач-нейроморфолог, — сказала она. — Конструктор.

— А вы?

— Я резидент психиатрии, Стейт Психик. Мне остался год.

— Значит, вы знали Сэма Вискоумба.

— Да, он помог мне получить назначение. Он был моим советником.

— А мне — близким другом. Мы вместе учились в Миниджente.

Она кивнула.

— Я часто слышала от него о вас. Отчасти поэтому я и хотела встретиться с вами. Это он убедил меня идти дальше в моих планах, несмотря на мой гандикап.

Рэндер внимательно оглядел ее. Она была в темно-зеленом вельветовом платье. На корсаже с левой стороны была приколота брошь, вероятно, золотая, с красным камнем — возможно, рубином, контур оправы которого был помят. А, может быть, это были два профиля, смотрящие друг на друга через камень? В этом было что-то смутно знакомое, но он не мог сейчас вспомнить. Камень ярко блестел, несмотря на слабое освещение.

Рэндер взял у подошедшего официанта свой заказ.

— Я хочу стать врачом-нейроморфологом, — произнесла она.

Если бы она обладала зрением, Рэндер подумал бы, что она в упор смотрит на него в надежде узнать ответ по выражению его лица. Он не сразу понял, что она хочет ему сказать.

— Приветствую ваш выбор и уважаю ваши стремления, — сказал он, пытаясь выразить голосом улыбку. — Но дело это

нелегкое, и не все желающие становятся Конструкторами.

— Я знаю. Я слепа от рождения, и мне нелегко было пройти свой путь. И я знаю, что дальше будет еще труднее.

— С рождения? — переспросил он. — Я думал, что вы недавно потеряли зрение. Значит, вы на последнем курсе и прошли медицинскую школу без глаз... Просто поразительно.

— Спасибо, но это не совсем так. Я слышала о первых нейроморфологах — Бэртльметре и других — когда была еще ребенком, и тогда я решила, что хочу стать такой же. И с тех пор вся моя жизнь диктовалась этим желанием.

— Как же вы работали в лабораториях? — допытывался он. — Не видя образцов, не глядя в микроскоп... А читать все это?

— Я нанимала людей читать мне мои записи. А потом стала все записывать на ленту. Все понимали, что я хочу идти в психиатрию, и специально договаривались в лабораториях. Лаборанты вскрывали трупы и описывали мне внутренние органы. Я все знаю наощупь... И память у меня — вроде как у вас на меню. — Она улыбнулась. — «Качество феномена психоучастия может определить только сам врач в тот момент вне времени и пространства, когда он стоит среди мира, созданного из ткани снов другого человека, осознает неевклидову структуру заблуждения, а затем берет пациента за руку и свертывает ландшафт... Если он может отвести пациента обратно в обычный мир — значит, его суждения здравы, его действия имеют ценность».

«Это все из «Почему нет психометриста в этой службе». Автор — Чарлз Рэндер, Л. М.,» — отметил Рэндер.

— А вот и ваш обед, — сказал он вслух, поднимая свой бокал, в то время как перед ней ставили только что зажаренное мясо.

— Это главная причина, по которой я хотела встретиться с вами, — продолжила она, тоже подняв бокал, когда к ней подвинули блюдо. — Я хочу, чтобы вы помогли мне стать Конструктором.

Ее туманные глаза, пустые, как у статуи, вновь обратились к нему.

— У вас совершенно уникальное положение, — начал он. — Еще никогда, по очевидным причинам, не бывало нейроморфолога, слепого от рождения. Мне необходимо рассмотреть все аспекты ситуации, прежде чем советовать вам что-либо. Но давайте сначала поедим. Я проголодался.

— Ладно. Но моя слепота не означает, что я ничего не увижу.

Он не спросил ее, что она имеет в виду, потому что перед ним стояла первоклассная грудинка, а рядом — бутылка шамбертена. Когда она подняла из-под стола свою левую руку, он

заметил, что она не носит колец.

— Интересно, идет ли еще снег, — начал он, когда они пили кофе. — Он шел чертовски сильно, когда я выезжал из купола.

— Надеюсь что идет, — улыбнулась она, — хотя он рассеивает свет, и я совершенно ничего не вижу. Но мне приятно чувствовать, что он падает вокруг и бьет в лицо.

— Как же вы ходите?

— Моя собака Зигмунд — сегодня я дала ей выходной, — она улыбнулась, — может вести меня куда угодно. Это мутированная овчарка.

— Ого! — Рэндер заинтересовался. — Он говорит?

Она кивнула.

— Эта операция прошла не так успешно, как у других. В его словаре приблизительно четыреста слов, но, мне кажется, ему больно говорить. Он вполне разумен. Вы когда-нибудь с ним встретитесь.

Рэндер окунулся в еще свежие воспоминания. Он разговаривал с такими животными на недавней медицинской конференции и был поражен сочетанием их способности рассуждать с преданностью хозяевам. Перемешанные как попало хромосомы с последующей тонкой эмбриохирургией давали собаке мозг шимпанзе. Затем требовалось еще несколько операций для приобретения речевых способностей. Большая часть таких экспериментов кончалась неудачей, но примерно дюжина годовалых щенков, у которых все прошло успешно, были оценены в сто тысяч долларов каждый. Тут он сообразил, что камень в броши мисс Шэлотт — подлинный рубин. И начал подозревать, что ее поступление в медицинскую школу базировалось не только на академических знаниях, но и на солидных дотациях, полученных выбранным ею колледжем. Но, возможно, это и не так, — упрекнул он себя.

— Да, — сказал он, — вы могли бы сделать диссертацию на этих собаках и их неврозах. К примеру, этот пес упоминал когда-нибудь о своем отце?

— Он никогда не видел своего отца, — спокойно ответила она. — Он вырос вдали от других собак. Его поведение вряд ли можно назвать типичным. Не думаю, что вы когда-нибудь изучали функциональную психологию собаки-мутанта.

— Вы правы, — согласился он. — Еще кофе?

— Нет, спасибо...

— ...Итак, вы хотите стать Конструктором...

— Да.

— Я терпеть не могу разрушать чьи-либо высокие стремления. Ненавижу. Но если они не имеют под собой никакой

реальной основы — тогда я безжалостен. Таким образом — честно, откровенно и со всей искренностью — я не вижу, как это можно устроить. Быть может, вы и хороший психиатр, но, по моему мнению, для вас физически и умственно невозможно стать нейроморфологом. По моим понятиям...

— Подождите, — прервала она его, — давайте не здесь. Я устала от этого душного помещения. Увезите меня куда-нибудь, где можно поговорить. Я думаю, что смогла бы убедить вас.

— Почему бы и не поехать? У меня уйма времени. Но, конечно, выбираете вы. Куда?

— «Слепая спираль».

Он подавил смешок при этом словосочетании, а она открыто рассмеялась.

— Прекрасно, — согласился он, — но мне хочется пить.

Тут же на столе выросла бутылка шампанского в пестрой корзине с надписью «Пейте, пока едете в машине». Он подписал счет, несмотря на протесты мисс Шэлотт, и они встали. Она была высокой, но он — еще выше.

«Слепая спираль»...

Это одно название для множества мест, мимо которых проезжает машина с автоуправлением. Пронестись по стране в надежных руках невидимого шофера, с затемненными окнами, в кромешной ночи, под высоким небом; лететь, атакуя дорогу, проложенную под похожими на четырех призраков пилонами; начать со стартовой черты и закончить в том же месте, так и не узнав, куда вы ехали и где были — это, вероятно, возбуждает чувство индивидуальности в самом холодном черепе, дает познание себя через добродетель отстранения от всего, кроме чувства движения, потому что движение сквозь тьму есть высшая абстракция самой жизни — по крайней мере, так сказал один из главных комедиантов, и все смеялись.

И в самом деле, феномен под названием «Слепая спираль», как и следовало ожидать, стал наиболее популярным среди многих молодых людей, когда управляемые дороги лишили их возможности пользоваться личными автомобилями и другими подобными индивидуалистическими средствами передвижения, которые заставляли хмуриться начальство контроля нерационального движения. Молодые люди должны были что-то придумать.

И они придумали.

Сначала стихийный протест вызвал к жизни инженерный подвиг, заключавшийся в отключении радиоконтроля машины после того, как она выходила на управляемое шоссе. В результате кар исчезал из поля зрения монитора и переходил

обратно под управление пассажиров кара. Монитор, так как не мог вынести отрицания запрограммированного всеведения, метал громы и молнии на ближайшую к точке последнего контакта контрольную станцию, чтобы оттуда выслали «крылатых серафимов» на поиски ускользнувшей машины.

Но часто серафимы прибывали слишком поздно, потому что дороги имели хорошее покрытие, и удрать от преследования было сравнительно нетрудно.

Зато другие машины вынужденно вели себя так, словно бунтарей вообще не существовало.

Запертый на медленно идущей секции шоссе, нарушитель подвергался мгновенной аннигиляции в случае превышения скорости или сдвига с правильной схемы движения, даже при теоретически свободном положении, потому что подобные нарушения почти всегда приводили к аварии.

Позднее мониторные приборы стали более совершенными, и операция обгона была автоматизирована, что уменьшило количество аварийных инцидентов, но вмятины и ушибы оставались.

Следующий ход молодых людей лежал на поверхности. Мониторы пропускали людей туда, куда те желали, только потому, что люди говорили, куда они хотят ехать. Человек, наугад нажимавший кнопки координат, не сообразуясь с картой, либо оставался на стоянке, где вспыхивало табло: *«ПРОВЕРЬТЕ ВАШИ КООРДИНАТЫ»*, либо внезапно уносился в неизвестном направлении. Позднее люди нашли некое романтическое очарование в том, что предлагали скорость, неожиданные зрелища и свободные руки. Таким образом, все узаконилось. Стало возможным проехать так по двум континентам, если у вас достаточно денег и выносливости.

Как и всегда в таких делах, практика быстро распространилась вверх по возрастным группам. Школьные учителя, ездившие только по воскресеньям, пользовались дурной репутацией, как отстаивающие преимущества подержанных машин. Таков путь к концу мира, — говорил комик.

Конец это был, или нет, но кар, предназначенный для движения по управляемым дорогам, был эффективным средством передвижения, укомплектованным туалетом, шкафом, холодильным отделением и откидным столиком. В нем также можно было спать — двоим свободно, четверым — в некоторой тесноте. Случалось, впрочем, что и троим было тесно.

Рэндер вывел машину из купола в крайнее крыло и остановился.

— Хотите набрать координаты? — спросил он.

— Лучше вы. Мои пальцы знают слишком много.

Рэндер наобум нажал кнопки. Кар двинулся в сторону кольцевой дороги. Рэндер потребовал увеличить скорость, и машина вышла на линию высокого ускорения.

Фары кара прожигали дыры в темноте. Город быстро уходил назад. По обеим сторонам дороги горели дымные снежные костры, раздуваемые случайными порывами ветра, который прятался в белых клубах, затемняемых ровным падением серого пепла. Рэндер знал, что его скорость лишь две трети той, какая могла бы быть в ясную, сухую ночь.

Он не стал затемнять окна, а откинулся назад и смотрел в несущуюся навстречу белую мглу. Элина «смотрела» перед собой, десять-пятнадцать минут они ехали молча.

— Что вы видите снаружи? — спросила наконец Элина.

— Почему вы не попросили меня описать наш обед или рыцарские доспехи возле вашего столика?

— Потому что обед я ела, а доспехи ощущала. А тут совсем другое дело.

— Снаружи все еще идет снег. Уберите его — и вокруг будет чернота.

— А что еще?

— Слякоть на дороге. Когда она станет замерзать, движение замедлится до ползания, пока мы не минуем полосу снегопада. Слякоть похожа на старый черный сироп, начавший засахариваться.

— Больше ничего?

— Нет, леди.

— Снегопад сильнее, чем был, когда мы вышли из клуба?

— Сильнее, по-моему.

— У вас есть что-нибудь выпить?

— Конечно.

Они повернули сидения внутрь кара. Рэндер поднял столик, достал из шкафчика два бокала и разлил шампанское.

— Ваше здоровье.

— Оно зависит от вас.

Рэндер опустил свой бокал на столик и стал ждать ее следующего замечания. Он знал, что двое не могут играть в Сократов, и рассчитывал, что будут еще вопросы, прежде чем она скажет то, что хотела сказать.

— Что было самое интересное из того, что вы видели? — спросила она.

«Да, — подумал он, — я правильно угадал». И вслух сказал:

— Погружение Атлантиды.

— Я серьезно.

— И я тоже.

— Вы специально говорите загадками?

— Я лично утопил Атлантиду. Это было года три назад. О, боже, как она была красива! Башни из слоновой кости, золотые минареты, серебряные балконы, опаловые мосты, малиновые знамена, молочно-белая река между лимонно-желтыми берегами. Там были янтарные шпили, старые, как мир, деревья, задевающие брюха облаков, корабли в громадной гавани Ксанаду, сконструированные изящно, как музыкальные инструменты; двенадцать принцев королевства собрались в двенадцатиколонном Колизее Зодиака, чтобы слушать играющего на закате грека — тенор-саксофониста. Грек, конечно, был моим пациентом-параноиком. Этимология довольно сложная, но именно это я ввел в его мозг. Я дал на некоторое время свободу его воображению, а затем расколол Атлантиду пополам и погрузил всю на пять фантомов.

Он снова заиграл, и вы, без сомнения, с удовольствием слушали бы его, если вы вообще любите такие звуки. Он здоров. Я периодически вижу его, но он уже больше не последний потомок величайшего менестреля Атлантиды. Он просто хороший саксофонист конца XX столетия.

Но иногда, оглядываясь назад, на тот апокалипсис, который я сработал в его видении величия, я испытываю чувство утраченной красоты — потому что на один миг его ненормальная интенсивность чувств была моей, а он чувствовал, что его сон был самой прекрасной вещью в мире.

Он вновь наполнил бокалы.

— Это не совсем то, что я имела в виду, — сказала она.

— Я знаю.

— Я имела в виду нечто реальное.

— Это было более реально, чем сама реальность, уверяю вас.

— Я не сомневаюсь, но...

— Но я разрушил основание, которое вы сложили для вашего аргумента. О'кей, я прошу прощения. Беру свои слова назад. Есть кое-что, что могло бы стать реальным.

Мы идем по краю большой песчаной чаши. В нее падает снег. Весной он растает, вода впитается в землю или испарится от солнечного жара. И останется только песок. В песке ничего не вырастет, разве что случайный кактус. В песке никто не живет, кроме змей, немногих птиц, насекомых и пары бродячих койотов. В послеполуденные часы все эти существа будут искать тень. В любом месте, где есть старая изгородь, камень, череп или кактус, могущие укрыть от солнца, вы увидите жизнь, съежившуюся от страха перед стихиями. Но цвета невероятны, и стихии более красивы, чем существа, которых они уничтожают.

— Поблизости нет такого места, — недоуменно сказала она.

— Если я говорю, значит, есть. Я видел его.

— Да... вы, наверное, правы.

— И имеет ли значение, лежит ли это прямо за нашим окном или нарисовано женщиной по имени О'Киф, если я это видел?

Он снова наполнил бокалы.

— У меня ущербны глаза, а не мозг, — произнесла она после небольшой паузы.

Он зажег ей сигарету и закурил сам.

— Я увижу чужими глазами, если войду в чужой мозг?

— Нейроморфология основана на том факте, что две нервные системы могут разделить один и тот же импульс, одни и те же фантазии... контролируемые фантазии.

— Я могла бы производить терапию и в тоже время испытывать подлинные визуальные ощущения?

— Нет, — сказал Рэндер. — Вы не знаете, что значит быть отрезанным от всей области раздражителя! Знать, что монголоидный идиот может испытывать нечто такое, чего вы никогда не узнаете, и что он не может оценить это, поскольку он, как и вы, еще до рождения, осужден судом биологической случайности — это не правосудие, а чистый случай. Вселенная не изобрела справедливость. Человек — другое дело. Но, к несчастью, человек должен жить во Вселенной.

— Я не прошу Вселенную помочь мне, я прошу вас.

— Мне очень жаль.

— Почему вы не хотите помочь мне?

— Сейчас вы демонстрируете эту главную причину.

— А именно?

— Эмоции. Это дело очень много значит для вас. Когда врач в фазе с пациентом, он нарко-электрически отрезает большую часть собственных ощущений.

Это необходимо, потому что его мозг должен полностью погрузиться в данную задачу. И его эмоции также должны подвергаться такой временной отставке. Полностью убить их, конечно, невозможно. Но эмоции врача возгоняются в общее ощущение хорошего настроения или, как у меня, в артистическую мечтательность. А у вас будет слишком много «видения». И вы будете подвергаться постоянной опасности утратить контроль над сном.

— Я с вами не согласна.

— Ясное дело, не согласны. Но это факт, что вам постоянно придется иметь дело с отклонениями психики. Об их силе не имеет понятия девяносто девять, запятая девять и так далее в периоде процентов населения, потому что мы не можем адекватно судить об интенсивности собственного невроза —

мы отличаем их один от другого, только когда смотрим со стороны. Вот почему нейроморфолог никогда не возьмется лечить полного психа. Немногие пионеры в этой области сегодня сами все на излечении.

Пять лет назад у меня была клаустрофобия. Потребовалось шесть месяцев, чтобы победить эту штуку — и все из-за крошечной ошибки, случившейся в ничтожную долю секунды. Я передал пациента другому врачу. И это только минимальное последствие. Если вы сглупите в сценарии, девочка, то на всю жизнь попадете в лечебницу.

Наступила ночь. Город остался далеко позади, дорога была открытая, чистая. Между падающими хлопьями все больше сгущалась тьма. Кар набирал скорость.

— Ладно, — согласилась она, — может, вы и правы. Но я все-таки думаю, что вы можете мне помочь.

— Как?

— Приучите меня видеть, и тогда образы потеряют свою новизну, эмоции спадут. Возьмите меня в пациенты и избавьте меня от моего страстного желания видеть. Тогда того, о чем вы говорили, не произойдет. Тогда я смогу заняться тренировкой и все внимание отдам терапии. Я смогу возместить зрительное удовольствие чем-то другим.

Рэндер задумался. Наверное, это возможно. И это могло бы войти в историю психотерапии. Никто не мог считать себя настолько квалифицированным, чтобы взяться за такое дело — потому что никто никогда и не пытался.

Но Элина Шэлотт тоже была редкостью — нет, уникумом, поскольку она, вероятно, была единственной в мире, соединившей необходимую техническую подготовку с уникальной проблемой.

Он допил свой бокал и вновь налил себе и ей.

Он все еще обдумывал эту проблему, когда вспыхнули буквы: *«ПЕРЕКООРДИНИРОВАТЬ?»* Кар вышел на кольцевую дорогу и остановился. Рэндер выключил зуммер и надолго задумался.

Мало кто слышал, чтобы он хвастался своим умением. Коллеги считали его скромным, хотя бесцеремонно отмечали, что тот день, когда лучший нейроморфолог начал практиковать, стал днем, когда больного Гомо Сапиенса стал лечить некто, сильно отличающийся от ангела.

Оба бокала остались нетронутыми. Рэндер швырнул пустую бутылку в задний бункер.

— Вы знаете? — спросил он наконец.

— Что?

— Пожалуй, стоит попробовать.

Он наклонился, чтобы дать новые координаты, но она уже сделала это. Когда он нажал кнопки и машина развернулась, Элина поцеловала Рэндера. Ниже очков щеки ее были влажными.

ГЛАВА 2

Самоубийство расстроило его больше, чем следовало бы, а миссис Лэмберг позвонила накануне и отменила встречу, так что Рэндер решил потратить утро на размышления. Он вошел в офис хмурый, жуя сигарету.

— Вы видели?.. — спросила миссис Хиджис.

— Да. — Он бросил пальто в дальний угол комнаты, подошел к окну и уставился в него. — Да, — повторил он. — Я ехал мимо с прозрачными стеклами.

— Вы его знали?

— Я даже не знаю его имени. Откуда мне знать?

— Мне только что звонила Прайс Толли, секретарша инженерной компании на 86-м. Она сказала, что это был Джеймс Иризэри, дизайнер, офис которого дальше по коридору. И очень высоко... Он, наверное, был уже без сознания, когда ударился? Его отнесло от здания. Если вы откроете окно и выгляните, то увидите — слева...

— Неважно, Винни. Ваша приятельница имеет какое-нибудь представление, почему он это сделал?

— Вообще-то, нет. Его секретарша выскочила из комнаты с воплем. Похоже, она вошла в его кабинет насчет какого-то чертежа как раз тогда, когда он перемахнул через подоконник. На столе лежала записка: «У меня было все, чего я хотел. Чего ждать?» Занятно, а? Я не хочу сказать — смешно...

— Угу. Что-нибудь известно о его личных делах?

— Женат. Пара детишек. Хорошая профессиональная репутация. Куча работы. Разумный, как всякий другой. Он мог позволить себе иметь офис в этом здании.

— О, господи! И вы узнали все это здесь или в другом месте?

— Видите ли, — она пожала пухлыми плечами, — у меня в этом улье повсюду друзья. Мы всегда болтаем, когда нечего делать. А Прайс к тому же моя золовка...

— Вы хотите сказать, что если я нырну в это окно, то моя биография через пять минут пойдет по кругу?

— Вероятно. — Она скривила свои яркие губы в улыбке. — Отдаешь и получаешь взаимно. Но ведь вы сегодня этого не сделаете, а? Знаете, это будет повторение, произойдет нечто вроде спада интереса, и это не получит огласки, как в единичном случае.

— Вы забываете о статистике, — заметил Рэндер. — Среди медиков, как и среди юристов, такое случается примерно втрое чаще, чем у людей других профессий.

— Ну да! — Она, похоже, расстроилась. — Уходите от моего окна! Иначе я перейду работать к д-ру Хансену. Он — растяпа.

Рэндер подошел к ее столу.

— Я никогда не знаю, когда вас принимать всерьез, — сказала она.

— Я ценю ваши заботы. В самом деле ценю. Дело в том, что я никогда не был приверженцем статистики — но, наверное, за четыре года такая нервная — в прямом смысле — работа должна была сказаться.

— Хотя нет, о вас писали бы все газеты, — задумалась она. — Все репортеры спрашивали бы меня о вас... Слушайте, зачем это делают?

— Кто?

— Кто угодно.

— Откуда я знаю, Винни? Я всего лишь скромный возбудитель души. Если бы я мог точно указать общую подспудную причину и вычислить способ предупреждения таких вещей — это было бы куда лучше моих бросков к новым границам. Но я не могу сделать это по одной причине: не могу придумать.

— Ох!

— Примерно тридцать пять лет самоубийство в США считалось девятой по частоте причиной смерти. Теперь она шестая для Северной и Южной Америки. В Европе — седьмая, я думаю.

— И никто так и не узнает, почему Иризэри выбросился из окна?

Рэндер отставил стул, сел и стряхнул пепел в ее маленький сверкающий подносик. Она тут же опорожнила его в корзинку для бумаг и многозначительно кашлянула.

— О, всегда можно поразмышлять, — сказал он, — и человеку моей профессии необходимо подумать. Во-первых, посмотреть, не было ли личных черт, предрасполагающих к периодам депрессии. Люди, держащие свои эмоции под жестким контролем, люди, добросовестно и, может быть, с некоторым предубеждением занимающиеся мелкими делами... — Он снова сбил пепел в ее подносик и следил, как она было потянулась вытряхнуть его, но затем быстро отдернула руку. Он оскалился в злой усмешке. — Короче говоря, нечто типичное для людей тех профессий, которые требуют скорее индивидуального, чем группового действия — медицина, закон, искусство.

Она задумчиво смотрела на него.

— Не беспокойтесь, — хохотнул он, — я чертовски радуюсь жизни.

— Но сегодня вы несколько унылы.

— Пит звонил. Он сломал лодыжку на уроке гимнастики. Они должны были бы внимательнее следить за такими вещами. Я думаю перевести его в другую школу.

— Опять?

— Может быть. Посмотрим. Директор хотел позвонить мне вечером. Мне не хотелось бы его переводить, но я хочу, чтобы он окончил школу целым и невредимым.

— Мальчики не вырастают без одного-двух несчастных случаев. Такова статистика.

— Статистика — не судьба, Винни. Тут уж каждый творит свою сам.

— Статистику или судьбу?

— И то, и другое, я думаю.

— Я думаю, что если что-то должно случиться, то оно случится.

— А я — нет. Я думаю, что человеческая воля при поддержке здравого смысла в какой-то мере управляет событиями. Если бы я так не думал, я не занимался бы своим делом.

— Ну да. В машинном мире вы знаете причину и следствие. Статистика — это проверка.

— Человеческий мозг — не машина, и я не знаю причины и следствия. И никто не знает.

— Но у вас знания химика. Вы — ученый, док.

— Я — троцкистский уклонист, — улыбнулся он, — а вы когда-то были преподавательницей балета. — Он встал и взял свое пальто.

— Кстати, мисс де-Вилл звонила. Просила передать: «Как насчет Сент-Мориса?»

— Слишком ритуально, — отмахнулся он. — Лучше Давос.

Самоубийство расстроило Рэндера больше, чем следовало бы, поэтому он закрыл окна, включил фонограф и только одну настольную лампу.

«Как изменилась качественно человеческая жизнь, — записал он, — после промышленной революции?»

Он перечитал фразу. С этой темой его просили выступить в субботу. Как обычно в таких случаях, он не знал, что говорить, потому что сказать он мог многое, а ему давали только час.

Он встал и начал ходить по кабинету, наполненному теперь звуками Восьмой симфонии Бетховена.

— Сила вредоносного воздействия на человеческую психику, — сказал он, щелкнув по микрофону и включив записывающий аппарат, — увеличилась с развитием технологического прогресса. — Его воображаемая аудитория притихла. Рэндер улыбнулся. — Человеческий потенциал генерирования

таких воздействий умножался массовым производством. Способность вредить психике через личные контакты распространялась в прямой пропорции с повышением легкости общения. Но все это общеизвестно, и это совсем не то, что я хочу рассмотреть сегодня. Я хотел бы поговорить о том, что я называю аутопсихомимикрией — это самогенерирующиеся комплексы тревоги, которые на первый взгляд кажутся подобными классическим образцам, но в действительности стимулируют радикальный перерасход психической энергии. Они характерны для нашего времени... — Он сделал паузу, чтобы положить сигарету и сформулировать следующую фразу. — Аутопсихомимикрия — самопродолжающийся комплекс имитации — почти всегда — дело, привлекающее внимание. Например, джазист полжизни действовал в возбуждении, хотя никогда не пользовался сильными наркотиками и с трудом вспоминает тех, кто ими пользовался — потому что сегодня все стимуляторы и транквилизаторы очень слабые. Как Дон Кихот, он шел за легендой, и одной его музыки было достаточно, чтобы привести его в возбуждение.

Или другой мой пациент — корейский военный сирота, который жив и сейчас, благодаря Красному Кресту, Юнеско и приемным родителям, которых у него никогда не было. Он так отчаянно хотел иметь семью, что выдумал ее. И что же? Он ненавидел воображаемого отца и нежно любил воображаемую мать, потому что был высокоинтеллигентным человеком и слишком сильно стремился к полуистинным традиционным комплексам. Почему?

Сегодня каждый достаточно начитан, чтобы знать основные, освященные веками, образцы психических расстройств. Сегодня многие причины этих расстройств устранены — не радикально, как у моего теперь взрослого сироты, но с заметным эффектом. Невротически мы живем в прошлом. Почему? Потому что наше настоящее направлено на физическое здоровье, безопасность и благополучие. Мы уничтожили голод, хотя сирота в глуши охотнее примет пачку пищевых концентратов от людей, которые о нем заботятся, чем горячую еду из автоматического устройства.

Физическое благополучие является теперь правом каждого человека. Реакция на это встречается в области ментального здоровья. Благодаря технологии причины многих прежних социальных проблем исчезли, а с ними ушли многие причины психических бедствий. Но между черным вчера и белым завтра огромное серое сегодня, полное ностальгии и страха перед будущим, что выражается не в материальном плане, а представлено упрямыми поисками исторических моделей тревоги.

Коротко прожужжал телефон. Рэндер не услышал его за звуками симфонии.

— Мы боимся того, чего не знаем, — продолжал он, — а завтрашний день нам полностью неизвестен. Области моей специализации в психиатрии тридцать лет назад еще не существовало. Наука способна так быстро развиваться, что становится подлинным неудобством — я бы даже сказал — бедствием для общества, и логическое следствие — полная механизация всего в мире...

Он проходил мимо стола, когда телефон зажужжал вновь. Рэндер выключил микрофон и приглушил музыку.

— Алло!

— Сент-Морис.

— Давос.

— Чарли, ты страшно упрям!

— Как и ты, дорогая Джилл.

— Мы так и будем спорить об этом?

— Не о чем спорить.

— Ты заедешь за мной в пять?

Он поколебался.

— Ладно, в пять.

— Я сделала прическу. Хочу снова удивить тебя.

Подавив смешок, он осведомился:

— Надеюсь, приятно? О'кей, до встречи. — Он подождал ее «до свидания» и выключил связь.

Рэндер сделал окна прозрачными, выключил свет на столе и посмотрел на улицу.

Небо серое, медленно падают хлопья снега, спускаются вниз и теряются в беспорядке...

Открыв окно и высунувшись, он увидел место, где Ирисэри оставил на земле свою последнюю отметку.

Он закрыл окно и дослушал симфонию. Прошла неделя с тех пор, как он сделал «слепую спираль» с Элиной. Встреча с ней была назначена через час.

Он вспомнил, как пальцы Элины прошлись по его лицу, легко, как дуновение ветерка, изучая его внешность по древнему методу слепых. Воспоминание было очень приятным — непонятно почему.

Далеко внизу тускло блестело пятно вымытой мостовой. Под тонким налетом белизны оно было скользким, как стекло. Сторож при здании поспешно вышел и набросал на пятно соли, чтобы кто-нибудь не поскользнулся и не покалечился...

...Зигмунд был ожившим мифом, Фенрисом. После того, как Рэндер велел миссис Хиджис впустить их, дверь стала

открываться, потом вдруг распахнулась, и пара дымчато-желтых глаз уставилась на Рэндера. Глаза глубоко сидели в странно-уродливой собачьей голове.

У Зигмунда не было низкого собачьего лба, идущего слегка покато от морды; у него был высокий грубый череп, отчего глаза казались посаженными даже глубже, чем это было на самом деле. Рэндер слегка вздрогнул от вида и размера этой головы. Все мутанты, которых он видел, были щенятами, а Зигмунд был вполне взрослым, и его серо-черная шерсть имела тенденцию вставать дыбом, и из-за этого он казался больше, чем нормальная собака этой породы.

Он посмотрел на Рэндера совсем не по-собачьи и проворчал нечто очень похожее на «привет, доктор».

Рэндер кивнул и встал.

— Привет, Зигмунд, входи.

Собака повернула голову, понюхала воздух в комнате, как бы решая, вверить или нет опекаемую этому пространству. Затем пес утвердительно наклонил голову и прошел в открытую дверь. Все его раздумье длилось не больше секунды.

Следом за ним вошла Элина, легко держа двойной поводок. Собака бесшумно шла по толстому ковру, опустив голову, словно подкрадываясь к чему-то. Ее глаза не отрывались от Рэндера.

— Значит, это и есть Зигмунд? Ну, а как вы, Элина?

— Прекрасно... да, я страшно хотела прийти и встретиться с вами.

Рэндер подвел ее к креслу и усадил. Она отстегнула двойной карабин от собачьего ошейника и положила поводок на пол. Зигмунд сел рядом, продолжая внимательно глядеть на Рэндера.

— Как дела в Стейт Психик?

— Как всегда. Могу я попросить сигарету, доктор? Я забыла свои.

Он вложил сигарету ей в пальцы, поднес огонь. На Элине был темно-синий костюм, стекла очков тоже отливали синим. Серебряное пятнышко на лбу отражало свет лампы. Она продолжала «смотреть» в одну точку, когда он убрал руку; ее волосы до плеч казались немного светлее, чем в тот вечер; сегодня они были цвета новенькой медной монеты.

Рэндер присел на угол стола.

— Вы говорили мне, что быть слепой — еще не значит ничего не видеть. Тогда я не просил вас объяснить это. Но сейчас я хотел бы спросить.

— У меня был сеанс нейроморфологии с доктором Вискоумбом до того, как с ним произошел несчастный случай.

Он хотел приучить мой мозг к зрительным впечатлениям. К несчастью, второго сеанса уже не было.

— Понятно. Что вы делали в тот сеанс?

Она закинула ногу за ногу, и Рэндер заметил, что ноги ее красивой формы.

— Главным образом, цвета. Опыт был совершенно потрясающим.

— Вы хорошо его помните? Когда это было?

— Около шести месяцев назад... и я никогда не забуду этого. С тех пор я даже думаю цветными узорами.

— Часто?

— Несколько раз в неделю.

— Какого рода ассоциации их вызывают?

— Затрудняюсь выделить что-либо конкретное. Просто они входят в мой мозг вместе с другими стимуляторами — в случайном порядке.

— Например?

— Ну, вот сейчас, когда вы задали мне вопрос, я увидела его желтовато-оранжевым. Ваше приветствие было серебряным. А сейчас, когда вы просто сидите, слушаете меня и ничего не говорите, я ассоциирую вас с глубоко синим, даже фиолетовым.

Зигмунд перевел взгляд на стол и уставился на боковую панель.

«Слышит ли он, как крутится магнитофонная лента?» — подумал Рэндер. — И если да, то знает ли, что это такое и для чего служит? Если да, то собака, без сомнения, скажет Элине — хотя та и сама знает об этой общепринятой практике, но ей может не понравиться то, что он, Рэндер, рассматривает ее случай как лечение, а не как механический адаптационный процесс. Он поговорил бы с собакой частным образом насчет этого, если бы считал, что это что-то даст. Рэндер внутренне улыбнулся и пожал плечами.

— Тогда я сконструирую элементарный фантастический мир, — сказал он наконец, — и введу вам сегодня кое-какие базисные формы.

Она улыбнулась. Рэндер посмотрел вниз, на миф, скорчившийся рядом с ней и вывесивший язык через частокол зубов. Неужели он тоже улыбается? — удивился Рэндер.

— Спасибо, — сказала она.

Зигмунд постучал хвостом.

— Вот и хорошо, — Рэндер положил сигарету. — Сейчас я достану «яйцо» и проверю его. А в это время, — он нажал незаметную кнопку, — немного музыки может подействовать расслабляюще.

Она хотела ответить, но увертюра Вагнера смахнула слова. Рэндер вновь нажал кнопку. В тишине прозвучал его извиняющийся голос:

— Ох-ох. Я думал, следующий — Распай. — И он коснулся кнопки еще раз.

— Вы могли бы оставить Вагнера, — заметила она. — Я люблю его.

— Не стоит, — бросил он, открывая шкаф, — я бы воздержался от этой кучи лейтмотивов.

В кабинет вкатилось громадное «яйцо»; катилось оно бесшумно, как облако. Когда Рэндер подтянул его к столу, он услышал тихое ворчание и быстро обернулся. Зигмунд, как тень, метнулся к его ногам и уже кружил вокруг машины, обнюхивая ее, напружинив хвост и оскалив зубы.

— Полегче, Зигги, — сказал Рэндер. — Эта машина не кусается и ничего плохого не делает. Это просто машина, как, скажем, кар, телевизор или посудомойка. Мы ей воспользуемся сегодня, чтобы показать Элине, как выглядят некоторые вещи.

— Не нравится, — громко сказала собака.

— Почему?

— Нет слов. Пойдем домой?

— Нет, — ответила она, — ты свернешься в углу и вздремнешь, а я в машине тоже вздремну... или вроде этого.

— Нехорошо, — сказала собака, опуская хвост.

— Иди, — она погладила пса, — ляг и веди себя как следует.

Зигмунд отошел, но заскулил, когда Рэндер затемнил окна и коснулся кнопки, трансформирующей его стол в сиденье оператора.

Он заскулил еще раз, когда «яйцо», включенное теперь в розетку, раскололось посередине, и верх отошел, открывая внутреннюю полость машины.

Рэндер сел. Его сиденье начало принимать контуры ложа и наполовину вошло в консоль. Рэндер сел прямо — ложе двинулось обратно, и снова половина потолка отошла, изменила форму и повисла в виде громадного колокола. Рэндер встал и обошел «яйцо». Распай говорил о соснах, небе и тому подобном; Рэндер достал из-под «яйца» наушники. Закрыв одно ухо и прижав наушник к другому, он свободной рукой играл кнопками. Шорох прибоя утопил поэму: мили дорожного движения перекрыли ее; обратная связь сказала: «... сейчас, когда вы просто сидите, слушаете меня и ничего не говорите, я ассоциирую вас с глубоко синим, почти фиолетовым».

Он включил маску и проверил: раз — корица, два — сгнивший лист, три — сильный мускатный запах змей... и

вниз через третий, и вкус меда, уксуса, соли, и вверх через лилии и мокрый бетон, и предгрозовой запах озона, и все основные обонятельные и вкусовые сигналы для утра, дня и вечера.

Ложе, как полагалось, плавало в ртутном бассейне, стабилизированное магнитными стенками «яйца». Рэндер поставил ленты.

— О'кей, — сказал он, поворачиваясь. — Все проверено.

Элина как раз клала очки поверх своей сложенной одежды. Она разделась, пока Рэндер проверял машину. Его взволновала ее тонкая талия, большие груди с темными сосками, длинные ноги. Она отлично сложена для женщины ее роста, — подумал он. Но, глядя, на нее, Рэндер понимал, что главное препятствие, конечно, в том, что она — его пациентка.

— Готова, — сказала она.

Он подвел ее к машине. Ее пальцы ощупали внутренность «яйца». Когда он помогал Элине войти в аппарат, он заметил, что глаза ее — цвета морской волны. И этого он тоже не одобрил.

— Удобно?

— Да.

— О'кей, устраивайтесь. Сейчас я закрою. Приятного сна.

Верхняя часть «яйца» медленно опустилась. Оно стало непрозрачным, затем ослепительно блестящим. Рэндер был смущен своими испорченными рефлексами. Он двинулся обратно к столу.

Зигмунд стоял, прижавшись к столу. Рэндер потянулся погладить его, но пес отдернул голову.

— Возьми меня с собой, — проворчал он.

— Боюсь, что этого сделать нельзя, дружище, — сказал Рэндер. — К тому же мы, в сущности, никуда не уходим. Мы подремлем прямо здесь, в этой комнате.

Собака, похоже, не успокоилась.

— Зачем?

Рэндер вздохнул. Спор с собакой был, пожалуй, самой нелепой вещью, какую он мог представить себе в трезвом виде.

— Зигги, — сказал он, — я пытаюсь помочь ей узнать, на что похожи разные вещи. Твоя работа, бесспорно, прекрасна — водить ее по этому миру, которого она не видит, но ей нужно знать, как он выглядит, и я собираюсь показать ей.

— Тогда я ей не буду нужен.

— Будешь. — Рэндер чуть не засмеялся. Патетичность собаки была почти абсурдной, и в то же время предельно искренней. — Я не могу исправить ее зрение, — объяснил он. — Я просто собираюсь передать ей некоторое абстрактное видение — ну, вроде как дать ей на некоторое время взаймы свои глаза. Усек?

— Нет, — ответил пес. — Возьми мои.

Рэндер выключил музыку и показал на дальний угол.

— Ляг там, как велела Элина. Это не очень долго, и когда все кончится, ты по-прежнему будешь водить ее. Идет?

Зигмунд не ответил, повернулся и пошел в угол, опустив хвост.

Рэндер сел и спустил купол — операторский вариант «яйца». Перед ним было девяносто белых кнопок и две красные. Мир кончался в темноте под консолью. Он ослабил узел галстука и расстегнул воротник. Затем достал шлем из гнезда и проверил его. Надел на нижнюю часть лица полумаску и опустил на нее забрало шлема. Его правая рука была на перевязи. Постукивающим жестом он включил сознание пациентки.

Конструктор не нажимает сознательно на белые кнопки. Он внушает условия. Тогда глубоко имплантированные мышечные рефлексы осуществляют почти незаметное давление на чувствительную перевязь; та скользит в нужное положение и заставляет вытянутый палец двинуться вперед. Кнопка нажата. Перевязь движется обратно.

Рендер чувствовал покалывание в основании черепа. Пахло свежескошенной травой.

Вдруг он влетел в громадный серый проход между мирами...

Через какое-то, показавшееся долгим, время Рэндер почувствовал, что стоит на страшной Земле. Он ничего не видел, только ощущение присутствия информировало его о том, что он прибыл. Такого полного мрака он еще ни разу не видел.

Он пожелал, чтобы мрак рассеялся. Ничего не произошло.

Часть его мозга вновь проснулась, а часть, которую он не реализовывал, спала; он вспомнил, в чей мир он вошел. Он прислушался к Элине. Услышал страх и ожидание. Он пожелал цвет. Сначала красный.

Рэндер почувствовал соответствие. Значит, это было.

Все стало красным. Он находился в центре бесконечного рубина.

Оранжевый, желтый...

Он оказался в куске янтаря.

Теперь зеленый, и он добавил к нему соленые испарения моря. Синий — и вечерняя прохлада.

Он напряг мозг и произвел все цвета сразу. Они закружились громадными перьями.

Затем он разорвал их и заставил принять форму. Раскаленная радуга выгнулась через темное небо.

Под собой он обнаружил коричневый и серый цвета. Они появились полупрозрачными, мерцающими, исчезающими пятнами.

Где-то присутствовало ощущение страха, но не было и следа истерии, поэтому он продолжал творить.

Рэндер создал горизонт, и мрак ушел за него. Небо чуть заголубело, и он пустил в него стадо темных облаков. Его попытки создать расстояния и глубину натолкнулись на сопротивление, поэтому он подкрепил картину очень слабым звуком прибоя. Когда он расшвырял облака, от аудитории медленно пришла концепция расстояния, и он быстро воздвиг высокий лес, чтобы подавить поднимающуюся волну агорафобии.

Паника исчезла.

Рэндер сфокусировал свое внимание на высоких деревьях — дубах, соснах, секвойях. Он раскидал их вокруг, как копья, в рваных зеленых, коричневых и желтых нарядах, раскатал толстый ковер влажной от утренней росы травы, разбросал с неравными интервалами серые булыжники и зеленоватые бревна, перепутал и сплел ветки над головой, бросил однообразные тени через узкую долину.

Эффект получился потрясающим. Казалось, весь мир вздрогнул с рыданием, а затем стих.

Сквозь тишину он почувствовал ее присутствие. Он решил, что лучше будет побыстрее закончить с фоном и создать осязаемые объекты, чтобы подготовить поле действий. Позднее он может изменить, исправить или улучшить результаты в последующих сеансах, но для начала многое было необходимо.

С самого начала он понял, что тишина — это не отстраненность Элины: она приблизила себя к деревьям, траве, кустам и камням, олицетворила себя в их формах, слилась с их ощущениями, звуками, ароматами...

Легким ветерком он пошевелил ветви деревьев. За пределами видимости создал плещущие звуки ручья.

Пришло ощущение радости. Он разделил его.

Она переносила все исключительно хорошо, и он решил расширить опыт. Он пустил свое сознание блуждать среди деревьев. И вот он рядом с ручьем и ищет Элину.

Он плыл по воде. Он еще не обрел формы. Плеск превратился в журчание, когда он толкнул ручей на глубокое место над камнями. По его настоянию вода стала выговаривать слова.

— Где вы? — спросил ручей.

— Здесь! Здесь! Здесь!

— И здесь! — повторили деревья, кусты, камни, трава.

— Выбирайте одно, — сказал ручей, расширился, обогнул скалу и стал спускаться по склону к голубому бассейну.

— Не могу, — ответил ветер.

— Вы должны. — Ручей влился в бассейн, покружился на

поверхности, затем успокоился. — Скорее!

— Прекрасно, — отозвалось дерево. — Минутку.

Розовый туман поднялся над озером и потянулся к берегу.

— Давайте, — зазвенел он.

— Сюда...

Она выбрала маленькую иву.

Ива качалась на ветру и тянула ветви к воде.

— Элина Шэлотт, — сказал Рэндер, — всмотритесь в озеро.

Ветер усилился, и ива наклонилась.

Рэндеру было нетрудно вспомнить ее лицо, ее тело. Дерево крутилось, как будто не имело корней. Элина стояла в тумане взрыва листьев и со страхом смотрела в глубокое голубое зеркало мозга Рэндера, в озеро. Она закрыла лицо руками, но все-таки смотрела.

— Смотрите на себя, — сказал Рэндер.

Она опустила руки и посмотрела вниз, а затем стала медленно поворачиваться, изучая себя со всех сторон.

— Я чувствую, что выгляжу вполне приятно, — сказала она наконец. — Я чувствую это, потому что вы так хотите, или это так и есть? — Она все время оглядывалась вокруг, ища Конструктора.

— Это так и есть, — ответил Рэндер. Отовсюду.

— Спасибо.

Взметнулся белый цвет, и Элина оказалась одетой в узорчатое шелковое платье. Далекий свет стал чуть ярче. Нижний слой облаков окрасился нежно-розовым.

— Что там происходит? — спросила Элина, глядя туда.

— Хочу показать вам восход солнца, — ответил Рэндер, — но я, вероятно, чуточку испорчу его, потому что это мой первый профессиональный солнечный восход для таких обстоятельств.

— Где вы?

— Везде.

— Пожалуйста, примите форму, чтобы я могла видеть вас.

— Хорошо.

— Вашу естественную форму.

Он пожелал оказаться рядом с ней на берегу — и оказался.

Испуганный визгом металла, он оглядел себя. Мир на миг исчез, но тут же стабилизировался. Рэндер рассмеялся, но смех замер, когда он подумал кое о чем.

На нем были доспехи, стоявшие рядом со столиком в «Куропатке и Ланцете» в вечер его встречи с Элиной.

Она потянулась и потрогала его костюм.

— Броня возле нашего стола, — узнала она, пробежав пальцами по пластинам и застежкам. — Я ассоциировала его с вами в тот вечер.

— ...и немедленно сунули меня в него, — прокомментировал Рэндер. — Вы — волевая женщина.

Броня исчезла. Рэндер был в своем светло-коричневом костюме, со свободно завязанным галстуком цвета свернувшейся крови и с профессиональным выражением лица.

— Смотрите, какой я на самом деле, — он слегка улыбнулся. — Ну, вот и восход. Я хотел использовать все цвета. Следите.

Они сели на зеленую парковую скамейку, появившуюся позади них, и Рэндер указал направление.

Солнце медленно проводило свои утренние эволюции. Впервые в этом частном мире оно выплыло снизу, как божество, отразилось в озере, разбило облака, и ландшафт задымился туманом, поднимающимся от влажного леса.

Пристально, напряженно вглядываясь в поднимающееся светило, Элина долгое время сидела неподвижно и молча. Рэндер чувствовал, что она очарована.

Она смотрела на источник всего света: он отразился в сияющей монете на ее лбу, как капля крови.

Рэндер пояснил:

— Вот солнце, а вот облака, — он хлопнул в ладоши, облака закрыли солнце, и прокатился тихий рокот. — А вот гром, — закончил он.

Пошел дождь, разбивая озеро и щекоча их лица. Он резко стучал по листьям и с мягким звуком капал с ветвей вниз. Он мочил одежду и приглаживал волосы, слепил глаза и превращал землю в грязь.

Вспышка молнии пронзила землю и небо, гром гремел еще и еще.

— А это летняя гроза, — говорил Рэндер. — Вы видите, как дождь воздействует на растительность и на лес.

— Слишком сильно, — сказала она. — Уберите его, пожалуйста.

Дождь тут же прекратился, солнце пробило тучи.

— Мне чертовски хочется покурить, — заявила Элина, — но я оставила сигареты в другом мире.

В ее пальцах тут же появилась уже зажженная сигарета.

— У нее, наверное, слабый вкус, — странным тоном сказал Рэндер, внимательно посмотрел на Элину и добавил: — Я не давал вам эту сигарету, вы сами взяли ее из моего мозга.

Дым спирально пошел вверх и исчез.

— ...А это означает, что я сегодня второй раз недооценил

притяжения этого вакуума в вашем мозгу — того места, где должно быть зрение. Вы исключительно быстро ассимилировались с новыми впечатлениями. Вы даже собираетесь продолжить ощупывание их. Будьте осторожны. Сдержите этот импульс.

— Это, как голод, — прошептала она.

— Наверное, нам лучше сейчас закончить сеанс.

Одежда их высохла. Запели птицы.

— Нет, подождите! Прошу вас! Я буду осторожна. Я хочу увидеть многое.

— Будет следующий визит, — мягко сказал Рэндер, — но я полагаю, что кое-что можно устроить и сейчас. Есть что-нибудь, что вы особенно хотели бы увидеть?

— Да. Зиму, снег.

— О'кей. — Конструктор улыбнулся. — Тогда закутайтесь в этот мех...

...После ухода пациентки день прошел быстро. Рэндер был в хорошем настроении. Он чувствовал себя опустошенным и вновь наполненным. Он провел первое испытание без страданий и каких-либо последствий. Удовлетворение было сильнее страха. И он с удовольствием вернулся к работе над своей речью.

— ...И что есть психический вред?— вопросил он в микрофон и тут же ответил: — Мы живем радостью и болью. Можем огорчаться, можем бодриться, но хотя радость и боль коренятся в биологии, они обуславливаются обществом. И они имеют цену.

Огромные массы людей, лихорадочно меняющие положение в пространстве, циркулирующие между городами планеты, приходят к необходимости существования полностью нечеловеческого контроля над их передвижениями. С каждым днем этот контроль распространяется на новые и новые области — водит наши кары, наши самолеты, интервьюирует нас, диагностирует наши болезни, и я не рискую морально осуждать это вторжение. Этот контроль становится необходимым. В конце концов, он может оказаться целительным.

Однако я хочу указать, что мы часто не знаем наших собственных ценностей. Мы не можем честно сказать, что означает для нас та или иная вещь, пока мы не удалим ее из наших жизненных условий. Если перестанет существовать достаточно ценный предмет, то психическая энергия, связанная с ним, высвобождается. Мы ищем новые ценности, в которые вкладываем эту энергию — сверъхестественные силы, если угодно, или либидо, если неугодно. И нет такой вещи, исчез-

нувшей три, четыре, пять десятилетий назад, которая много значила бы сама по себе; и нет новой вещи, появившейся за это время, которая сильно вредила бы тем, кто пользуется ею. Однако, общество придумывает множество вещей, и когда вещи меняются слишком быстро, то результат непредсказуем. Интенсивное изучение душевных болезней часто вскрывает природу стрессов в обществе, где появились эти болезни. Если схемы тревоги соответствуют определенным группам и классам, то по ним можно изучить причины недовольства общества. Карл Юнг указывал, что когда сознание неоднократно разочаровывается в поиске ценностей, оно начинается искать бессознательность; потерпев неудачу и в этом, он пробивает себе путь в гипотетическую коллективную бессознательность. Юнг отмечал в своих послевоенных исследованиях бывших нацистов, что чем больше они хотят восстановить что-то из руин своей жизни — если они пережили период классического иконоклазма и увидели, что их новые идеалы также опрокинуты — тем больше они ищут спасения в прошлом и втягиваются в коллективную бессознательность своего народа. Даже их сны были основаны на тевтонских мифах.

Это, хотя и менее драматически, происходит сегодня. Есть исторические периоды, когда групповая тенденция повернуть мозг внутрь себя, к прошлому, проявляется сильнее, чем в другие времена. Мы живем в период донкихотства в первоначальном значении этого слова. Это потому, что сила психического вреда в наше время — это возможность не знать, отгородиться, и это более не является исключительным свойством человеческих существ...

Его прервало жужжание. Он выключил записывающий аппарат и коснулся фонбокса.

— Чарлз Рэндер слушает.

— Это Поль Джертер, — прошепелявил бокс. — Я директор Диллингской школы.

— Да?

Экран прояснился. Рэндер увидал человека с высоким морщинистым лбом и близко посаженными глазами.

— Видите ли, я хочу еще раз извиниться за случившееся. Виною была неисправность части оборудования...

— Разве вы не в состоянии приобрести приличное оборудование? Ваши гонорары достаточно высоки.

— Оно было новое. Заводской брак...

— Разве никто не следил за классом?

— Следил, но...

— Почему же он не проверил оборудование? Почему не оказался рядом, чтобы предупредить падение?

— Он был рядом, но не успел: все произошло слишком быстро. А проверять заводской брак не его дело. Извините. Я люблю вашего мальчика. Могу заверить вас, что ничего подобного больше не случится.

— В этом вы правы, но только потому, что завтра утром я возьму его и переведу в другую школу, такую, где выполняются правила безопасности. — И легким движением пальца Рэндер завершил разговор.

Через несколько минут он встал и подошел к шкафу, частично замаскированному книжной полкой. Он открыл его, достал дорогую шкатулку, содержавшую дешевенькое ожерелье и фотографию в рамке; на ней были изображены мужчина, похожий на Рэндера, только молодой, и женщина с высоко зачесанными волосами и маленьким подбородком; между ними стояла улыбающаяся девочка с младенцем на руках. Как всегда, Рэндер несколько секунд нежно смотрел на ожерелье, затем закрыл шкатулку и спрятал ее — снова на многие месяцы...

...Бум! Бум! — гремел турецкий барабан.

Чик-чик-чик-чира, — щелкали тыквы.

Возникли цвета — красный, зеленый, синий и божественно-величественный желтый — вокруг удивительных металлических танцоров.

— Люди? — спросила крыша.

— Роботы? — спросили непосредственно снизу.

— Смотри сам! — тихо прошелестело по полу.

Рэндер и Джилл сидели за микроскопическим столиком, к счастью, поставленным у стены, под нарисованными углем карикатурами на неизвестных личностей. Среди субкультур четырнадцатимиллионного города было слишком много деятелей. Морща нос от удовольствия, Джилл не сводила глаз с центральной точки этой особой субкультуры, время от времени поднимая плечи к ушам, чтобы подчеркнуть молчаливый смех или слабый протест, потому что исполнители были *слишком* людьми — черный робот провел пальцами по лбу серебряного робота, когда они расходились. Рэндер делил свое внимание между Джилл, танцорами и скверно выглядевшим пойлом, больше всего похожим на плохой коктейль с водорослями (по которым в любой момент мог подняться Кракен, чтобы утащить на дно какой-нибудь беспомощный корабль).

— Чарли, я все-таки думаю, что это люди!

Рэндер извлек свой взгляд из ее волос и прыгающих колец-сережек и осмотрел танцоров на площадке, которая находилась ниже того места, где стоял столик.

Без этих металлических корпусов это могли быть и люди. Если так, то танцевали они исключительно ловко. Хотя производство легких сплавов не было проблемой, все равно нужен был какой-то трюк, чтобы танцор, закованный с головы до ног в броню, мог прыгать так свободно и почти без усилий продолжительное время, да еще и без раздражающего лязга. Беззвучно...

Они скользили, как две чайки: одна покрупнее, цвета полированного антрацита, а вторая — как лунный свет, падающий через окно на закутанный в шелк манекен.

Даже когда они соприкасались, звука не было... А, может, и был, но заглушался ритмами джаза.

Бум-бум! Чира-чик!

Танец плавно перешел в танец анашей. Рэндер взглянул на часы. Слишком долго для нормальных артистов, — решил он. Видимо, это роботы. Когда он снова взглянул на них, черный робот оттолкнул от себя серебряного футов на десять и повернулся к нему спиной.

Звука столкновения металла с металлом не было.

Интересно, сколько стоит такая система? — подумал Рэндер.

— Чарли! Не было никакого звука! Как они это делают?

Свет снова стал желтым, потом красным, синим, зеленым. Белый робот отполз назад, а черный крутил шарнир своего запястья кругом и кругом, держа в руках зажженную сигарету. Раздался хохот, когда он машинально прижал ее к своему гладкому безротому лицу. Серебряный робот атаковал черного. Черный бросил сигарету и снова повернулся к партнеру. Неужели он вновь оттолкнет серебряного? Нет...

Медленно, как длинноногие восточные птицы, они снова начали свой танец со множеством поворотов.

Что-то в глубине души Рэндера забавлялось, но он сам не мог понять, что тут забавного. Поэтому он стал смотреть на Кракена на дне бокала.

Джилл вцепилась в его бицепс, привлекая внимание к площадке. Пока светлое пятно терзало спектр, черный робот поднял серебряного высоко над головой и закружился с ним, выгнув спину и сложив руки ножницами — сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Затем он завертелся с невероятной скоростью, и полосы спектра также вращались все быстрее, вместе с ним.

Рэндер потряс головой, чтобы прояснить ее.

Они двигались так быстро, что просто должны были упасть — люди они или роботы. Но они не упали. Они слились в одну серую фигуру. Затем стали замедлять вращение. Все медленнее, медленнее... Остановились.

Музыка смолкла. Затем упала темнота, наполненная аплодисментами.

Когда свет загорелся снова, оба робота стояли как статуи, лицом к публике. Затем медленно, очень медленно поклонились.

Аплодисменты усилились. Роботы повернулись и ушли.

Вновь зазвучала музыка, свет стал ярким. Поднялся шум голосов. Рэндер убил Кракена.

— Что ты об этом думаешь?— спросила Джилл.

Рэндер сделал серьезное лицо и сказал:

— Кто я — человек, воображающий себя роботом, или робот, воображающий себя человеком? — Он ухмыльнулся и добавил: — Не знаю.

Она шутя стукнула его за это по плечу и он заметил ей, что она пьяна.

— Нет, — протестовала она. — Разве чуточку. Не так, как ты.

— Все же, я думаю, тебе нужно показаться врачу. Например, мне. Лучше сейчас. Давай уедем отсюда.

— Не сейчас, Чарли. Мне хочется посмотреть на них еще раз. Ну, пожалуйста.

— Если я еще выпью, я не буду способен видеть их.

— Тогда закажи чашку кофе.

— Фу!

— Ну, пива.

— Я и без этого буду страдать.

На площадке начали танцевать, но ноги Рэндера как свинцом налились. Он закурил.

— Итак, ты сегодня разговаривал с собакой?

— Да. Это как-то смущает...

— Она хорошенькая?

— Это кобель. И безобразный.

— Дурачок, я имею в виду хозяйку.

— Ты знаешь, что я никогда не говорю о делах, Джилл.

— Но ты же сам сказал мне насчет собаки. Я только хочу знать, хорошенькая она или нет. В смысле — хозяйка.

— Ну... и да, и нет. — Он сделал неопределенный жест. — Знаешь...

— Повторить то же самое, — сказала она официанту, внезапно возникшему из смежного озера тьмы. Он наклонился и столь же быстро исчез.

— Пропадают мои добрые намерения, — вздохнул Рэндер. — Посмотрим, как тебя будет обследовать пьяный дурак — вот и все, что я могу сказать.

— Ты быстро протрезвеешь. Ты всегда так. Клятва Гиппократа и все такое...

Он фыркнул и посмотрел на часы.

— Завтра я должен быть в Коннектикуте. Забрать Пита из этой проклятой школы.

Джилл вздохнула. Она уже устала от этой темы.

— Мне кажется, ты слишком уж нянчишься с ним. Любой парнишка может сломать ногу. Это издержки роста. И школа не виновата, что такие вещи случаются.

— К дьяволу! — прорычал Рэндер, беря свою темную выпивку с темного подноса, принесенного темным человеком. — Если они не могут хорошо работать, я найду тех, кто может!

Она пожала плечами.

— Ты — босс. А я знаю только то, о чем читаю в газетах. И все-таки ты сидишь в Давосе, хотя знаешь, что в Сент-Морисе встретил бы лучшее общество.

— Мы же собирались прокатиться, верно? Я предпочел прокатиться в Давос.

— Значит, я не каждый вечер выигрываю?

Он погладил ее по руке.

— Со мной ты всегда в выигрыше, милочка.

Они вышли, закурили и держались за руки, пока люди расходились с танцевальной площадки и снова тянулись к своим крохотным столикам, а цвета кружились, окрашивая облака дыма от цвета ада до солнечного восхода и обратно, и барабан ухнул: бом!

Чира-чира!

— О, Чарли, они опять идут сюда!

Небо было чистое, как кристалл. Дороги чистые. Снегопад прекратился.

Джилл сонно дышала. С-7 несся по городским мостам.

Если бы Рэндер сидел спокойно, он убедил бы себя, что пьяно только его тело, но как только он поворачивал голову, мир вокруг начинал танцевать. И тогда он воображал себя спящим и Конструктором всего этого.

В какой-то миг это было правдой. Он улыбнулся, погружаясь в дремоту. Но в следующий миг он проснулся и уже не улыбался.

Вселенная взяла реванш за его самонадеянность. За один миг триумфа над беспомощностью, которой он хотел помочь, он снова должен был заплатить видением дна озера. И когда он опять двинулся к гибели на дне мира — как пловец, как неспособный говорить, он слышал откуда-то с высоты над Землей вой Волка Фенриса, готовящегося пожрать Луну. И услышав, он понял, что вой этот так же похож на трубный глас правосудия, как дама рядом похожа на Луну. В каждой малости. Во всех отношениях. И его охватил страх.

ГЛАВА 3

Он был собакой.

Он выехал за город сам.

По виду — крупная немецкая овчарка, если не считать головы — он сидел на переднем сиденьи, смотрел в окно на другие кары и на все, что видел вокруг. Он обгонял другие кары, потому что ехал по высокоскоростной полосе.

День был холодный, на полях лежал снег; деревья были в ледяных куртках, и все птицы в небе и на земле казались удивительно черными.

Его голова была больше, чем у любой другой собаки, исключая, может быть, ирландского волкодава. Глаза темные, глубоко сидящие, а пасть открыта, потому что пес смеялся. Он ехал дальше.

Наконец кар перешел на другую полосу, замедлил ход, перешел на крайнюю правую и через некоторое время свернул и проехал несколько миль по сельской дороге, а затем соскользнул на тропинку и припарковался за деревом. Машина остановилась, и дверца открылась. Собака вышла и закрыла дверцу плечом. Увидя, что свет погас, пес повернулся и пошел по полю к лесу.

Он осторожно поднимал лапы, осматривая свои следы.

Войдя в лес, он несколько раз глубоко вздохнул, встряхнулся, залаял странным несобачьим лаем и пустился бегом.

Он бежал между деревьев и скал, перепрыгивал через замерзшие лужи, узкие овражки, взбирался на холмы и сбегал по склону, проносился мимо застывших кустов в радужных пятнах, мимо ледяного ложа ручья.

Он остановился, отдышался и понюхал воздух.

Он открыл пасть и засмеялся — он научился этому у людей.

Затем пес вздохнул, закинул голову и завыл — этому он от людей не учился. Он даже не знал точно, где научился этому.

Его вой прокатился по холмам, и эхо было подобно громовой ноте горна.

Его уши стали торчком, пока он прислушивался к этому звуку.

Затем он услышал ответный вой, похожий и непохожий на его призыв. Совсем похожего не могло быть, потому что его голос не был вполне собачьим. Он прислушался, принюхался и снова завыл.

И снова пришел ответ, теперь уже ближе...

Он ждал, нюхая воздух, несший сообщение.

К нему на холм поднималась собака, сначала быстро, потом она перешла на шаг и, наконец, остановилась в сорока футах от него. Вислоухая крупная дворняга...

Он вновь принюхался и тихо заворчал. Дворняга оскалила зубы. Он двинулся к ней. Когда он был примерно в десяти футах, она залаяла.

Он остановился. Собака стала осторожно обходить его кругом, нюхая ветер. Наконец он издал звук, удивительно похожий на «хэллоу». И шагнул к ней.

— Хорошая собака, — сказал он.

Собака склонила голову набок.

— Хорошая собака, — повторил он, сделал к ней шаг, еще один и сел. — Оч-чень хорошая собака.

Собака слегка вильнула хвостом. Он встал и подошел к ней. Она обнюхала его. Он ответил тем же. Она замахала хвостом, обежала дважды, запрокинула голову и гавкнула. Потом двинулась по более широкому кругу, время от времени опуская голову, а затем бросилась в лес.

Он понюхал землю, где только что стояла собака, и побежал следом. Через несколько секунд он догнал ее, и они побежали рядом.

Из-за куста выскочил кролик. Пес догнал кролика и схватил его своими громадными челюстями. Кролик отбивался, но спина его хрустнула, и он затих.

Некоторое время он держал кролика, оглядываясь вокруг. Собака подбежала к нему, и он уронил кролика к ее ногам.

Собака посмотрела на него с надеждой. Он встал. Тогда она опустила голову и разорвала маленький труп. Кровь дымилась в холодном воздухе. Собака жевала и глотала, жевала и глотала.

Наконец и он опустил голову, оторвал кусок. Мясо было горячее, сырое и дикое. Собака отпрянула, когда он схватил кусок, рычание замерло в ее глотке.

Он был не очень голоден, поэтому бросил мясо и отошел.

Собака вновь наклонилась к еде.

Потом они еще несколько часов охотились вместе. Он всегда превосходил дворнягу в искусстве убивать, но всегда отдавал добычу ей. Они вместе загнали семь кроликов. Последних двух не съели.

Дворняга села и посмотрела на него.

— Хорошая собака, — сказал он.

Она вильнула хвостом.

— Плохая собака, — сказал он.

Хвост перестал вилять.

— Очень плохая собака.

Она опустила голову. Он повернулся и пошел прочь. Она пошла за ним, поджав хвост. Он остановился и оглянулся через плечо. Собака съежилась. Он несколько раз пролаял и завыл. Уши и хвост собаки поднялась. Она подошла и снова обнюхала его.

— Хорошая собака, — сказал он.

Хвост завилял.

Он засмеялся.

— Ми-кро-це-фал, и-ди-от.

Хвост продолжал вилять.

Он снова засмеялся.

Собака покружила, легла, положила голову между передними лапами и посмотрела на него. Он оскалил зубы, прыгнул к собаке и укусил ее за плечо.

Собака взвизгнула и пустилась наутек.

— Дура! — закричал он. — Дура!

Ответа не было. Он снова завыл: такого воя не издало бы ни одно другое животное. Затем он повернулся к кару, открыл носом дверцу и залез внутрь.

Он нажал кнопку, и мотор завелся. Пес лапой набрал нужные координаты. Кар выполз задом из-за дерева и поехал по тропе к дороге, быстро выбрался на шоссе и исчез.

Где-то гулял человек.

В это холодное утро ему следовало бы надеть пальто потеплее, но он предпочел легкое пальто с меховым воротником.

Заложив руки в карманы, он шел вдоль охранного забора. По ту сторону забора ревели кары.

Он не поворачивал головы.

Он мог бы выбрать множество других мест, но выбрал это.

В это холодное утро он решил гулять.

Он не хотел думать ни о чем, кроме прогулки.

Кары проносились мимо, он же шел медленно, но ровно. Он не видел никого, кто бы шел пешком.

Воротник его пальто был поднят, чтобы защититься от ветра, но от холода не спасал. Он шел, а утро кусало его и дергало за одежду. День держал его в своей бесконечной галерее картин, недописанных и незамеченных.

Канун Рождества.

В противоположность Новому Году.

Это время семейных сборов, пылающих дров, время подарков, особых кушаний и напитков.

Это, скорее, личное время, чем общественное; время сосредоточиться на себе и на семье, а не на обществе; время замерзших окон, ангелов в звездном ореоле, горящих поленьев, плененной радуги и толстых Санта-Клаусов с двумя пара-

ми брюк — потому что самые маленькие, садящиеся к ним на колени, легко грешат; и время кафедральных окон, снежных бурь, рождественских гимнов, колоколов, поздравлений от далеко и не очень далеко живущих друзей и родственников, передач Диккенса по радио, время свеч, снежных сугробов, огней елок, сосен, Библии и средневековой Англии. «О, маленький городок Вифлеем», время рождения и обещаний, света и тьмы, ощущений от осознания до свершения, смены стражи года, время традиций, одиночества, симпатий, сочувствия, сентиментальности, песен, веры, надежды, смерти; время собирать камни и время разбрасывать камни, время обнимать, получать и терять, смеяться, молчать, говорить; время разрушать и время созидать, время сеять и время пожинать посеянное...

Чарлз Рэндер, Питер Рэндер и Джилл де-Вилл праздновали Сочельник вместе.

Квартира Рэндера помещалась на самом верху башни из стали и стекла. Здесь царила определенная атмосфера постоянства. Ряды книг вдоль стен; в некоторых местах полки прерывались скульптурами; примитивная живопись в основных цветах занимала свободное место. Маленькие зеркала, вогнутые и выпуклые, теперь обрамленные ветвями Гадуба, висели в разных местах.

На каминной доске лежали поздравительные открытки. Горшечные растения — два в гостиной, одно в кабинете — и целый куст в спальне — были осыпаны блестками. Тихо лилась музыка.

Пуншевая чаша была из драгоценного камня в ромбовидной оправе. Она стояла на низком кофейном столике грушевого дерева в окружении бокалов, сверкающих в рассеяном свете.

Настало время развернуть рождественские подарки...

Джилл развернула свой и закуталась в нечто похожее на полотно пилы с мягкими зубьями.

— Горностай! — воскликнула она. — Какой величественный! Какой прекрасный! О, спасибо, дорогой Конструктор!

Рэндер улыбнулся и выпустил кольцо дыма.

Свет упал на мех.

— Снег, но теплый, лед, но мягкий... — шептала Джилл.

— Шкурки мертвых животных, — заметил Рэндер, — высокая награда за доблесть охотника. Я охотился за ней для тебя, я исходил вдоль и поперек всю Землю. Я пришел к самым красивым из мертвых животных и сказал: «Отдайте мне ваши шкурки», и они отдали. Рэндер — могучий охотник.

— У меня тоже есть кое-что для тебя, — сказала она.

— Да?

— Вот. Это тебе подарок.

Он развернул обертку.

— Запонки, — сказал он. — Тотемические. Три лица, одно над другим, и все — золотые. Ид, Эго и Супер-Эго — так я назову их. Самое верхнее лицо наиболее экзальтированное.

— А самое нижнее улыбается, — сказал Питер.

Рэндер кивнул.

— Я не уточнил, какое — самое верхнее, — сказал он мальчику. — А улыбается оно потому, что имеет собственные радости, каких вульгарное стадо никогда не поймет.

— Бодлер?— спросил Питер.

— Хм, — усмехнулся Рэндер. — Да, Бодлер.

— ...Чертовски неудачно сказано.

— Обстоятельства, — проговорил Рэндер, — это дело времени и случая. Бодлер на Рождество — это сплав чего-то старого и чего-то нового.

— Звучит, как свадьба, — сказал Питер.

Джилл вспыхнула под своим снежным мехом, но Рэндер сделал вид, что не заметил этого.

— Теперь твоя очередь открыть свои подарки, — сказал он сыну.

— Идет. — Питер разорвал пакет. — Набор алхимика, — заметил он, — как раз то, что я всегда хотел — перегонный куб, реторты, водяная баня и запас жизненного эликсира. Мощно! Спасибо, мисс де-Вилл!

— Пожалуйста, называй меня Джилл.

— Хорошо. Спасибо, Джилл.

— Открой и второй.

— О'кей. — Он сорвал белую бумагу с падубом и колокольчиками. — Сказочно: вторая вещь, которую я всегда хотел! Нечто старое, нечто новое, нечто заимствованное и нечто голубое: семейный альбом в голубом переплете и копия отчета Рэндера сенатскому подкомитету протоколов о социоматическом неумении приспособиться к обстановке среди правительственных служащих. А также собрания сочинений Лафтинга, Грэхема и Толкиена. Спасибо, папа! Ох, и еще! Таллис, Лорелли, Моцарт и добрый старый Бах. Мою комнату наполнят драгоценные звуки! Спасибо, спасибо вам. Что я могу дать вам взамен? Так, мелочь... Как вам это? — Он протянул один пакет отцу, другой Джилл.

Оба вскрыли свои пакеты.

— Шахматы, — констатировал Рэндер.

— Пудреница с пудрой и румянами, — воскликнула Джилл. — Спасибо!

— Не за что.

— А почему ты пришел с флейтой? — спросил Рэндер.

— Чтобы вы послушали.

Питер собрал флейту и заиграл. Он играл о Рождестве и святости, о вечере и пылающей звезде, о горячем сердце, о пастухах, королях, о свете и голосах ангелов.

Закончив, он разобрал флейту и спрятал ее.

— Очень хорошо, — сказал Рэндер.

— Да, хорошо, — сказала Джилл. — Очень...

— Спасибо.

— Как школа? — спросила Джилл.

— Хорошая, — ответил Питер.

— Много было беспокойства с переходом?

— Нет, потому что я хороший ученик. Папа меня здорово учил, очень здорово.

— Но тут будут другие учителя...

Питер пожал плечами.

— Если знаешь учителя, то знаешь только учителя. А если знаешь предмет, то знаешь его. Я знаю много предметов.

— А ты знаешь что-нибудь об архитектуре? — спросила Джилл.

— Что именно вы хотите спросить? — осведомился Питер с улыбкой.

— Раз ты задал такой вопрос, значит, ты кое-что знаешь об архитектуре.

— Да, — согласился он. — Я недавно изучал ее.

— В сущности, я именно это и хотела узнать.

— Спасибо. Мне приятно, что вы доверяете моей осведомленности.

— А зачем ты изучал архитектуру? Я уверена, что она не входит в учебный план.

— Нихиль хоминум... — он пожал плечами.

— О'кей, я просто интересовалась. — Она быстро взглянула на свою сумочку и достала сигареты. — А что ты о ней думаешь?

— Что можно думать об архитектуре? Она — как солнце: большая, яркая, и она — тут. Вот, примерно, и все — если только вы не хотите услышать что-нибудь конкретное.

Она снова покраснела.

— Я имею в виду — она тебе нравится?

— Инвариантно — если она старая и издали, если новая, а я внутри, когда снаружи холодно. Я утилитарен в вопросах физического удовольствия и романтичен в том, что относится к чувствительности.

— Боже! — сказала она и поглядела на Рэндера. — Чему

ты научил своего сына!

— Всему, чему мог, и насколько мог.

— Зачем?

— Не хочу, чтобы ему когда-нибудь наступил на ногу кто-то размером с небоскреб, набитый фактами и современной физикой.

— Дурной тон — говорить о человеке в третьем лице, как будто его тут нет, — заметил Питер.

— Правильно, — согласился Рэндер, — но хороший тон не всегда уместен.

— По твоему, человек и извиняться не должен?

— Это каждый решает сам для себя, иначе это не имеет смысла.

— В таком случае, я решил, что не требую ни от кого извинений, но если кто-то желает извиниться, я приму это как джентльмен, в соответствии с хорошим тоном.

Рэндер встал и поглядел на сына.

— Питер... — начал он.

— Можно мне еще пунша? — спросила Джилл. — Он очень вкусный.

Рэндер потянулся к чаше.

— Я подам, — опередил его Питер, взял чашу и встал, опираясь локтем о спинку кресла.

Локоть соскользнул. Чаша упала на колени Джилл. По белому меху побежала полоса земляничного цвета. Чаша скатилась на софу, выливая на нее остатки пунша.

Питер грохнулся на пол, вскрикнул и схватился за лодыжку. Зажужжал телефон. Рэндер прорычал что-то по-латыни, взял одной рукой колено сына, другой — лодыжку.

— Здесь больно?

— Да!

— А здесь?

— Да! Везде больно!

— А тут?

— Сбоку... Вот!

Рэндер помог ему встать и поддерживал, пока мальчик тянулся за костылями.

— Пошли. Опирайся на меня. Внизу в квартире доктора Хайдла — любительская лаборатория. Я хочу еще раз просветить твою ногу рентгеном.

— Нет! Это не...

— А что будет с моим мехом? — спросила Джилл.

Телефон прожужжал снова.

— Черт бы вас побрал! — буркнул Рэндер и включил связь. — Да! Кто это?

— Ох, это я, босс. Я не вовремя?

— Винни! Послушайте, я не собирался орать на вас, но тут случилось черт знает что. Поднимитесь сюда. К тому времени, как вы придете, тут все будет в порядке...

— О'кей, если вы хотите. Только я на минутку. Я иду в другое место.

— Понятно. — Он выключил связь. — Останься здесь и прими ее, Джилл. Мы вернемся через несколько минут.

— А что делать с мехом? И с софой?

— Успеется. Не переживай. Пошли, Пит.

Он вывел сына в коридор. Они вошли в лифт и спустились на шестой этаж. На пути вниз они встретили другой лифт, поднимающий Винни наверх.

— Питер, почему ты ведешь себя, как сопливый подросток?

Пит вытаращил глаза.

— Ты же сам знаешь, что я — акселерат, а что касается сопливости... — Он высморкался.

Рэндер вздохнул.

— Поговорим позднее.

Дверь открылась.

Квартира доктора Хайдла находилась в конце коридора. Большая гирлянда из вечнозеленых растений и сосновых шишек висела над дверью, обрамляя дверной молоток. Рэндер поднял его и постучал.

Изнутри доносились слабые звуки рождественской музыки. Через минуту дверь открылась. Перед ними стоял доктор Хайдл, глядя на них из-под толстых очков.

— Добро пожаловать, певцы гимнов! — проговорил он низким голосом. — Входите, Чарлз и...

— Мой сын Питер, — представил сына Рэндер.

— Рад познакомиться с тобой, Питер. Входи и присоединяйся к празднеству. — Он распахнул дверь и посторонился.

Они вошли в праздничный взрыв, и Рэндер объяснил:

— У нас маленькое несчастье. Питер недавно сломал лодыжку, и вот сейчас опять упал на нее. Я хотел бы воспользоваться вашим рентгеновским аппаратом, чтобы просветить ногу.

— Конечно, пожалуйста, — сказал маленький доктор. — Пройдите сюда. Очень грустно слышать об этом.

Он провел их через гостиную, в которой свободно расположились семь или восемь человек.

— Счастливого Рождества!

— Привет, Чарли!

— Счастливого Рождества, док!

— Как идет промывка мозгов?

Рэндер автоматически поднял руку и помахал в четырех

разных направлениях.

— Это Чарлз Рэндер, нейроморфолог, — объяснил Хайдл остальным, — и его сын Питер. Мы вернемся через несколько минут. Им нужно посетить мою лабораторию.

Они вышли из комнаты, в два шага миновали вестибюль, и Хайдл открыл дверь в свою изолированную лабораторию, которая стоила ему немало времени и средств. Подписей потребовалось больше, чем для целого госпиталя: согласие местных строительных властей, согласие квартирного хозяйства, которое, в свою очередь, упирало на письменное согласие всех жильцов дома. Как понял Рэндер, для некоторых жильцов потребовались экономические «доводы».

Они вошли в лабораторию, и Хайдл включил свою аппаратуру. Он сделал нужные снимки, быстро проявил их и высушил.

— Хорошо, — сказал он изучив снимки. — Никакого повреждения, и кость практически срослась.

Рэндер улыбнулся, заметив, что рука его дрожит. Хайдл хлопнул его по плечу.

— Итак, возвращаемся и пробуем наш пунш.

— Спасибо, Хайдл. Попробую. — Он всегда звал Хайдла по фамилии, потому что они оба были Чарлзами.

Хайдл выключил оборудование, и они вышли из лаборатории.

Вернувшись в гостиную, Рэндер пожал несколько рук и уселся с Питером на софу.

Он потягивал пунш, а один из мужчин, с которыми он только сейчас познакомился — доктор Минтон — начал разговаривать с ним.

— Вы ведь Конструктор, да?

— Да.

— Меня всегда интересовала эта область. На прошлой неделе в госпитале мы как раз разговаривали об отказе от этого.

— Вот как?

— Наш постоянный психиатр заявил, что нейротерапия не более и не менее успешна, чем обычный терапевтический курс.

— Я вряд ли поставил бы его судьей, особенно если вы говорите о Майкле Мэсмере, а я думаю, вы говорите именно о нем.

Доктор Минтон развел руками.

— Он сказал, что собрал цифры.

— Изменение состояния пациента в нейротерапии — это качественное изменение. Я знаю, что ваш психиатр подразу-

мевал под «успешным». Результаты успешны, если вы ликвидируете проблему пациента. Для этого есть различные пути, их так же много, как и врачей, но нейротерапия качественно выше некоторых других методов, потому что она производит умеренные органические изменения. Она действует непосредственно на нервную систему под паутиной реальности и стимулирует нейростремительные импульсы. Она вызывает желаемое состояние самоосознания и создает неврологическую основу для поддержки этого состояния. Психоанализ же и смежные с ним области чисто функциональны. Проблема менее склонна к рецидиву, если она упорядочена нейротерапией.

— Тогда почему вы пользуетесь ею для лечения психотиков?

— Раза два это делалось. Но вообще-то это слишком рискованное дело. Не забывайте, что «соучастие» — это ключевое слово. Участвуют два мозга, две нервные системы. Это может обернуться своей противоположностью — антитерапией, если схема отклонения слишком сильна для контроля оператора. Его состояние самосознания может ухудшиться, его неврологический фундамент изменится. Он сам станет психотиком, страдающим органическим повреждением мозга.

— Наверное, есть какая-то возможность выключить принцип обратной связи?— спросил Минтон.

— Пока нет. Этого нельзя сделать, не пожертвовав частично эффективностью оператора. Как раз сейчас над этим и работают в Вене, но до решения еще очень далеко.

— Если вы найдете решение, то, вероятно, сможете вторгнуться в области более серьезных душевных болезней, — понимающе кивнул Минтон.

Рэндер допил свой пунш. Ему не понравилось подчеркнутое слово «серьезных».

— А пока, — сказал он после паузы, — мы лечим то, что можем, и лучшим способом из тех, которые знаем, поскольку нейротерапия — действительно лучшее из того, что мы знаем.

— Кое-кто утверждает, что вы в действительности не лечите неврозы, а угождаете им — удовлетворяете пациентов, давая им маленькие миры, в которых их собственные неврозы свободны от реальности, миры, где они командуют, как помощники Бога.

— Не тот случай, — возразил Рэндер. — То, что случается в этих маленьких мирах, не обязательно приятно пациенту. И он почти ничем не командует: командует Конструктор, или, как вы сказали, Бог. Это — познавательный опыт. Вы познаете радость и познаете боль. В основном, в этих случаях больше боли. — Он закурил и получил вторую порцию пунша. — Так

что я не считаю эту критику ценной, — закончил он.

— А она широко распространена.

Рэндер пожал плечами. Он прослушал рождественский гимн и встал.

— Большое спасибо, Хайдл, — сказал он, — но мне пора.

— Что вы торопитесь? — удивился Хайдл. — Оставайтесь подольше.

— Рад бы, но у меня наверху люди.

— Да? Много?

— Двое.

— Давайте их сюда. Я тут устроил буфет, и всего более, чем достаточно. Мы их накормим и напоим.

— Идет, — согласился Рэндер.

— Ну и прекрасно. Почему бы вам не позвонить им отсюда?

Рэндер так и сделал.

— Лодыжка Пита в порядке, — сообщил он.

— Замечательно. А как насчет моего манто? — спросила Джилл.

— Забудь о нем пока. Я займусь им позднее.

— Я попробовала теплой водой, но оно все еще розоватое...

— Положи его обратно в коробку и больше не морочь мне голову! Я же сказал, что займусь им.

— Ладно, ладно. Мы через минуту спустимся. Винни принесла подарок для Питера и кое-что для тебя. Она собирается к сестре, но сказала, что не спешит.

— Прекрасно. Тащи ее вниз. Она знает Хайдла.

— Отлично. — Она выключила связь.

Канун Рождества.

В противоположность Новому Году.

Это скорее личное время, чем общественное; время сосредоточиться на себе и на семье, а не на обществе; это время многих вещей: время получать и время терять; время хранить и время выбрасывать; время сеять и время пожинать посеянное...

Они ели в буфете. Большинство пило горячий глинтвейн с корицей и гвоздикой, фруктовый коктейль и пахнущий имбирем пунш. Разговаривали об искусственных легких, о компьютерной диагностике, о бесценных свойствах пенициллина. Питер сидел, сложив руки на коленях, слушал и наблюдал. Его костыли лежали рядом. Комната была полна музыки.

Джилл тоже сидела и слушала.

Когда говорил Рэндер, слушали все. Винни улыбалась, взяв еще стаканчик. Рэндер говорил как директор, с иезуит-

ской логикой. Ее босс — человек известный. А кто знает Минтона? Только другие врачи. Конструкторы знамениты, а она — секретарша Конструктора. О Констукторах знает всякий. Подумаешь — быть специалистом по сердцу или костям, или по внутренним болезням! А ее босс был ее мерилом славы. Девушки вечно спрашивали ее о нем, о его магической машине...

«Электронные Свенгали» — так называл их «Тайм», и Рэндеру там было отведено три столбца — на два больше, чем другим (не считая Бэртльметра, конечно).

Музыка плавно перешла в легкую классическую. Винни почувствовала ностальгию, ей вновь хотелось танцевать, как она танцевала в далекие времена. Время года, компания, вкупе с музыкой, пуншем и декорациями заставили ее ноги медленно пританцовывать, а мозг — вспоминать свет, сцену, полную света и движения, и себя. Она прислушалась к разговору.

— ...если вы можете передавать и воспринимать их, значит, можете и записывать? — спрашивал Минтон.

— Да, — ответил Рэндер.

— Я вот что подумал: почему у нас так мало пишут об этих чудесных вещах?

— Лет через пять-десять, а, может, и раньше — напишут. Но сейчас использование прямой записи ограничено — только для квалифицированного персонала.

— Почему?

— Видите ли... — Рэндер сделал паузу, чтобы закурить, — ...если быть полностью откровенным, то вся эта область держится под контролем, пока мы не узнаем о ней побольше. Если это дело широко обнародовать, его могут использовать в коммерческих целях... и, возможно, с катастрофическими последствиями.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что мог бы взять вполне стабильную личность и построить в ее мозгу любой вид сна, какой вы могли бы назвать, и множество таких, что вы назвать не сможете — сон с градацией от насилия и секса до садизма и извращений, сон о заговоре с полным участием в истории или сон, ограниченный одним безумием, сон о немедленном выполнении любого желания. Я даже мог бы ввести визуальное искусство, от экспрессионизма до сюрреализма, если хотите. Сон о насилии в кубистической постановке — нравится? Прекрасно. Можете стать лошадью Герники. Я мог бы записать все это и проиграть вам или кому угодно множество раз.

— Вы Бог!

— Да, Бог. Я мог бы сделать Богом и вас тоже, если бы вы захотели, мог бы сделать Создателем и оставить вас на полные семь дней. Я управляю чувством времени, внутренни-

ми часами и могу растянуть реальную минуту в субъективные часы.

— Рано или поздно такие вещи произойдут, не так ли?

— Да.

— И каковы будут результаты?

— Никто не знает.

— Босс, — тихо сказала Винни, — вы могли бы снова вернуть к жизни воспоминания? Могли бы воскресить что-то из прошлого и дать ему жизнь в мозгу человека, и чтобы все это было как бы реальным?

Рэндер прикусил губу и как-то странно поглядел на нее.

— Да, — сказал он после долгой паузы, — но это не было бы добрым делом. Это поощряло бы жизнь в прошлом, которое уже не существует. Это нанесло бы ущерб умственному здоровью. Это регресс, атавизм, невротический уход в прошлое.

Комната наполнилась звуками «Лебединого озера».

— И все-таки, — сказала Винни, — я хотела бы снова стать лебедем.

Она медленно встала и сделала несколько неуклюжих па — отяжелевший, подвыпивший лебедь в красновато-коричневой одежде. Затем она покраснела и поспешно села, но тут же рассмеялась, и все засмеялись вместе с ней.

— А куда бы вы хотели вернуться? — спросил Минтон Хайдла.

Маленький доктор улыбнулся.

— В один летний уикэнд моего третьего года в медицинской школе, — сказал он. — Да, я истрепал бы эту ленту за неделю. А как насчет тебя, сынок? — спросил он Питера.

— Я слишком мал, чтобы иметь какие-то хорошие воспоминания, — ответил Пит. — А вы, Джилл?

— Не знаю... Я думаю, я хотела бы снова стать маленькой девочкой, и чтобы папа — я имею в виду моего отца — читал мне воскресными зимними вечерами... — Она взглянула на Рэндера. — А ты, Чарли? Если бы ты не был в данный момент профессионалом, в каком времени ты хотел бы быть?

— В этом самом, — с улыбкой ответил он. — Я счастлив как раз там, где я есть, в настоящем, которому принадлежу.

— Ты и в самом деле счастлив?

— Да, — сказал он и взял еще бокал пунша. — Я и в самом деле счастлив. — Он засмеялся.

Позади него послышалось тихое посапывание. Винни задремала.

А музыка кружилась и кружилась, и Джилл смотрела на Рэндеров — то на отца, то на сына. Лодыжка Питера снова

была в гипсе. Сейчас мальчик зевал. Она смотрела на него. Каким он будет через десять-пятнадцать лет? Вспыхнувшим гением? Мастером в какой-нибудь еще неисследованной области? Она смотрела на Питера, а он следил за отцом.

— Но это могло бы быть подлинной формой искусства, — говорил подвыпивший Минтон, — и никто, кроме него, не имеет права на самоубийство...

Она коснулась его руки. Он вздрогнул, как бы проснувшись, и отдернул руку.

— Я устала, — сказала она. — Ты не отвезешь меня домой?

— Чуть позже, — ответил он. — Дай Винни еще немного подремать. — И он вновь обернулся к Минтону.

Питер повернулся к Джилл и улыбнулся.

Она внезапно почувствовала, что и в самом деле очень устала. А ведь раньше она очень любила праздновать Рождество.

Винни продолжала похрапывать. Время от времени слабая улыбка мелькала на ее лице. Видимо, она танцевала.

Где-то человек по имени Пьер кричал, возможно, потому, что он больше не был человеком по имени Пьер.

— Я? Я Жизненный, как говорит еженедельник «Тайм». Я подхожу к удару по морде, Чарли! Нет, не по твоей морде. Понятно? По моей! Понятно? Вот так. Такое выражение всегда приходит в голову человеку, когда он смотрит на заголовок, уже прочтя статью от начала до конца. Но тогда уже поздно, да, конечно, они желают добра, но, ведь понятно...

Пришли мальчика с кувшином воды и тазиком, ладно? «Смерть Гиту», как это теперь называют. Говорят, что человек может работать с этим битом много лет, обходя кругом обширную и сложную социологическую структуру, известную как «контур», и роняя этот бит в новые девственные уши при всяком удобном случае. О, живая смерть! Когда-то мировые телекоммуникации толкали это инвалидное кресло по склону бесчисленных выборов. Теперь оно прыгает по камням Лимбо. Мы входим в новую, счастливую и энергичную эру... Так вот, все твои люди отправились в Хельсинки и Терра Дель Фуэго. Скажи, слышал ли ты такую шутку: речь идет об одном старинном комике, которого называли «бит». Однажды вечером он участвовал в радиопостановке и, по своему обыкновению, выдал бит. Хороший был бит, солидный и к месту, полный смысла и равновесия. К сожалению, после этого он лишился работы, потому что этот бит дошел до каждого. В отчаянии он взобрался на перила моста и уже собирался броситься вниз, как его остановил голос: «Не бросайся вниз, в темный текучий символ смерти, и слезай с перил». Обернувшись, он увидел

странное создание, к слову сказать, безобразное, все в белом, смотревшее на него и улыбавшееся почти беззубым ртом. «Кто ты, странное улыбающееся создание в белом?» — спросил он. «Я — Ангел Смерти, — ответило создание. — Я пришла, чтобы предотвратить твое самоубийство». Он покачал головой. «Увы, — сказал он, — я должен покончить с собой, потому что мой бит полностью устарел». Она же подняла руку и сказала: «Не отчаивайся, мы, Ангелы Смерти, способны творить чудеса. Я могу дать битов втрое больше, чем может быть использовано за короткий слабый виток существования смертных». «Тогда, умоляю, скажи, что я должен сделать для этого?» «Спать со мной», — ответила она. «Но в этом что-то неправильное, неангельское». «Ничуть, — возразил Ангел. — Почитай внимательно Старый Завет — и узнаешь об ангельских отношениях». «Ладно», — согласился он, и они ушли. Он сделал свой бит, несмотря на то, что она едва ли была самой привлекательной из всех дочерей Смерти. На следующее утро он встал и закричал: «Проснись! Проснись! Пора уже отдать мне ночной запас битов». «Давно ли ты занимаешься битами?» — спросила она. — «Тридцать лет». — «А сколько лет тебе?» — «Сорок пять». — «Не многовато ли, чтобы верить в Ангелов Смерти?» — засмеялась она. Он ушел и, конечно, сделал еще бит. А теперь дай мне немного спокойной музыки. Вот хорошо. Вообще-то она заставляет морщиться, и знаешь почему? Где ты в наше время слышишь спокойную музыку? В кабинете дантиста, в банке, в магазине и тому подобных местах, где всегда приходится долго ждать обслуживания. Ты слышишь успокаивающую музыку, когда подвергаешься всевозможным травмам. И что в результате? Успокаивающая музыка становится самой беспокойной вещью в мире. И она всегда вызывает у меня голод, потому что ее играют в тех ресторанах, где медленно обслуживают. Ты ждешь еды, а тебе играют эту успокаивающую музыку... Да... Ну, где мальчик с кувшином и тазиком? Я хочу вымыть руки...

Ты слышал насчет пилота, который был на Центавре? Он обнаружил там расу гуманоидов и стал изучать их обычаи, нравы, табу. Наконец, он коснулся воспроизводства. Изящная молодая девица взяла его за руку и отвела на завод, где собирали центаврийцев. Да, именно собирали — торсы шли по конвейеру, к ним привинчивали суставы, в черепа бросали мозги, внутрь тела заталкивали органы, приделывали к пальцам ногти и так далее. Он выразил изумление, и она спросила: «Почему? А как это делают на Земле?» Он взял ее за нежную ручку и сказал: «Пойдем за холмы, я продемонстрирую». Во время демонстрации она вдруг истерически захохотала. «В чем

дело?» — спросил он. — Почему ты смеешься?» «Потому что, — ответила она, — таким способом мы делаем кары. Выключи меня, Бэби, и продай немного пасты!»

«...Эй! Это я, Орфей, должен быть разорван на куски такими, как вы! И в некотором смысле это, пожалуй, подходяще. Что ж, приходите, вакханки, и творите свою волю над певцом!»

Темнота. Вопль.

Тишина.

Аплодисменты!

Она всегда приходила рано и уходила одна, и всегда садилась на одно и то же место. Она сидела в десятом ряду в правом крыле, и единственной досадой для нее были антракты. Она не могла знать, когда кто-нибудь захочет пройти мимо нее.

Она приходила рано и оставалась до тех пор, пока театр не погружался в тишину.

Она любила звук культурного голоса, поэтому предпочитала британских актеров американским.

Она любила музыкальные спектакли не потому, что очень любила музыку, а потому, что ей нравилось чувство волнения в голосах. Поэтому же ей нравились стихотворные пьесы.

Ее вдохновляли древнегреческие пьесы, но она терпеть не могла «Царя Эдипа».

Она надевала подкрашенные очки, но не темные. И никогда не носила трость.

Однажды вечером, когда должен был подняться занавес перед последним актом, темноту прорезало световое пятно. В него шагнул мужчина и спросил:

— Есть ли в зале врач?

Никто не отозвался.

— Это очень важно, — продолжал он. — Если здесь есть доктор, просим его немедленно пройти в служебный кабинет в главном фойе.

Он оглядывался вокруг, но никто не шевельнулся.

— Благодарю, — сказал он и ушел со сцены.

Затем поднялся занавес, и вновь возникли движение и голоса.

Она подождала, прислушиваясь. Затем встала и двинулась вверх по крылу, ощупывая стену пальцами. Выйдя в фойе, она остановилась.

— Могу я помочь вам, мисс?

— Да, я ищу служебный кабинет.

— Вот он, слева от вас.

Она повернулась и пошла влево, слегка вытянув вперед

руку. Коснувшись стены, она вела по ней рукой, пока не нащупала дверь. Тогда она постучалась.

— Да? — дверь открылась.

— Вам нужен врач?

— Вы врач?

— Да.

— Быстрее! Сюда!

Она пошла по звуку его шагов внутрь и в коридор, параллельный крылу зала. Она услышала, как человек поднимается по лестнице, и последовала за ним. Они дошли до костюмерной и вошли в нее.

— Вот он.

— Что случилось? — спросила она, вытянув руку и коснувшись человеческого тела.

Послышался булькающий звук и кашель без дыхания.

— Это рабочий сцены, — сказал мужчина. — Я думаю, он подавился ириской. Он вечно жует их. Видимо, она застряла в горле, и вытащить ее никак не удается.

— Вы вызвали «скорую»?

— Да, но посмотрите на него, он же весь посинел! Не знаю, успеют ли они. Она откинула голову пострадавшего и ощупала горло.

— Да, какое-то препятствие. Я тоже не могу его извлечь. Дайте мне короткий острый нож — простерилизованный. Быстро!

— Сию минуту, мэм.

Она осталась одна. Пощупала пульс сонной артерии. Положила руки на напряженную грудь больного, откинула его голову еще больше назад и ощупала горло.

Прошла минута с небольшим. Звук поспешных шагов.

— Вот... мы вымыли лезвие спиртом...

Она взяла нож в руки. Лезвие спиртом...

Вдалеке послышалась сирена скорой помощи, но она не была уверена, что врачи успеют вовремя.

Поэтому она проверила нож кончиком пальца, исследовала шею человека, а затем повернулась к тому, чье присутствие ощущала рядом.

— Не думаю, что вам стоит смотреть. Я собираюсь сделать ему срочную трахеотомию. Это неприятное зрелище.

— Ладно, я подожду за дверью.

Удаляющиеся шаги...

Она разрезала.

Вздох, затем поток воздуха. Затем мокрота... пузырящийся звук.

Она повернула голову больного. Когда врач «скорой» появился в двери сцены, ее руки снова лежали спокойно, потому

что она знала: человек будет жить...

— ...Шэлотт, — сказала она врачу, — Элина Шэлотт, Стейт Психик.

— Я слышал о вас. Но вы...

— Да, но людей я читаю лучше.

— Да, вижу. Значит, мы можем встретиться с вами в Стейт?

— Да.

— Спасибо, доктор. Спасибо вам, — сказал менеджер.

Она вернулась на свое место в зрительный зал.

Последний занавес. Она сидела, пока зал не опустел.

Сидя здесь, она еще чувствовала сцену.

Сцена для нее была центральной точкой звука, ритма, чувства, движения, некоторых нюансов света и тьмы — но не цвета: это был центр особого рода блеска для нее: место пульса, конвульсия жизни, через призму страстей и восприятий; место, где страдающий, способный и благородный страдал благородно; место, где даровитые французы ткали легкую ткань комедии между столбами идей; место, где черная поэзия нигилистов продавала себя за доступную цену тем, кто над ней насмехался; место, где проливалась кровь, и крики имели приличную дикцию, а песни звенели, и где Аполлон и Дионис ухмылялись из-под крыльев, где Арлекин постоянно ухитрялся извлечь капитана Спецфера из его штанов. Это было место, где любое действие можно было имитировать, но где над всеми действиями реально стояли лишь две вещи: счастье и горе, комическое и трагическое, то есть любовь и смерть — две вещи, называемые человеческими состояниями. Это было место героев и не вполне героев. Это было место, которое она любила. Она видела там только одного человека, лицо которого она знала. Он шел по поверхности этого места, осыпанный символами... Поднять руки против моря смут, злой встречи в лунном свете, и обратить это в их противоположность, призвать силу мятежных ветров и создать ревущую битву между зеленью моря и лазурным сводом... Какая же это искусная работа — человек! Источник нескончаемых способностей, форм, движений!

Она знала его во всех его ролях, того, кто не мог бы существовать без зрителей. Он был Жизнью.

Он был Конструктором.

Он был Действующим и Двигающим.

Он был более велик, чем герои.

Мозг может совершать множество вещей. Он учится. Но он не может научиться не думать.

Эмоции качественно остаются теми же всю жизнь. Стимулятор, на который они отвечают — предмет количественных

вариаций, но ощущение — это основа дела.

Вот почему театр выжил: это культурный перекресток. Он содержит Северный и Южный полюсы человеческого состояния. Эмоции падают в его притяжение, как железные опилки.

Мозг не может научиться не думать, но ощущения падают предназначенным узором.

Он был ее театром.

Он был полюсами мира.

Он был всеми действиями.

Он был не имитацией действий, но самыми действиями.

Она знала, что он очень способный человек, и зовут его Чарлз Рэндер.

Он Конструктор, Творец.

В мозгу содержится много вещей.

Но ОН больше любой другой вещи.

Он был всегда.

Она чувствовала его.

Когда она встала и пошла, ее каблуки гулко стучали в опустевшей тьме.

Пока она поднималась по крылу, звуки ее шагов снова и снова возвращались к ней.

Она шла по пустому театру, уходила от пустой сцены. Она была одна.

У верха крыла она остановилась.

Как далекий смех внезапно обрывается шлепком, упала тишина.

Она не была теперь ни зрительницей, ни актрисой. Она была одна в темном театре.

И ей стало страшно.

Человек продолжал идти вдоль шоссе, пока не дошел до определенного дерева. Там он остановился, держа руки в карманах, и долго смотрел на дерево. Затем повернулся и пошел обратно, откуда пришел.

Завтра будет другой день.

— О, увенчанная скорбью любовь моей жизни, почему ты покинул меня? Разве я не красива? Я давно любила тебя, и все тихие места слышат мои стенания. Я любила тебя больше самой себя и страдала от этого. Я любила тебя больше жизни со всей ее сладостью, и сладость стала миндальной. Я готова оставить эту свою жизнь ради тебя. Почему ты должен уехать на ширококрылом, многоногом корабле за море, взяв с собой свои лавры и пенаты, а я должна остаться здесь одна? Я бы сделала себе свадебный костюм, чтобы сжечь простран-

ство и время, разделяющее нас. Я должна быть с тобой всегда. Я пошла бы на это сожжение не тихо и молча, но с рыданиями. Я не обычная девушка, чтобы чахнуть всю жизнь и умереть пожелтевшей и с потухшими глазами: во мне кровь Принцев Земли, и моя рука — рука воина в битве. Мой поднятый меч разрубает шлем моего врага, и враг падает. Я никогда не была покорной, милорд. Но мои глаза болят от слез, а мой язык — от воплей. Заставить меня увидеть тебя — это преступление хуже убийства. Я не могу забыть ни свою любовь, ни тебя. Было время, когда я смеялась над любовными песнями и жалобами девушек у реки. А теперь мой смех вырван, как стрела из раны, и я без тебя одинока. И не взыскивай с меня, любимый, потому что я любила тебя. Я хочу разжечь костер моими воспоминаниями и надеждами. Я хочу сжечь мои уже горящие мысли о тебе, положить их, как поэму, на погребальный костер, чтобы ритмичные фразы превратились в пепел. Я любила тебя, а ты уехал. Никогда в жизни я не увижу тебя, не услышу музыку твоего голоса, не почувствую трепета от твоего прикосновения. Я любила тебя, а мои слова попадали в глухие уши, а сама я стояла перед невидящими очами. Разве я не красива, о ветры Земли, овевающие меня, о жизнь сердца в моей груди? Я иду теперь к пламени моего отца, чтобы быть лучше принятой. Из всех любовников прошлого никогда не было такого, как ты. Пусть боги благословят тебя и поддержат, пусть не слишком строго судят они тебя за то, что ты делал. Знай, я сгорю из-за тебя! Костер, будь моей последней любовью!

Когда она покачнулась в круге света и упала, раздались аплодисменты. Затем зал потемнел.

Через мгновение свет снова загорелся, и другие члены клуба «Искусство и миф» встали и выступили вперед, чтобы поздравить ее с доходчивой интерпретацией. Они говорили о значении народных мотивов от сати* до жертвоприношения Брунгильды. Хорошо, основа — костер, — решили они. «Костер... моя последняя любовь» — хорошо: Эрос и Танатос в финальном очищении пламени.

Когда они высказали свою оценку, в центр зала вышли маленький сутулый мужчина и его похожая на птицу и по-птичьи идущая жена.

— Элоиза и Эбелер, — объявил мужчина.

Вокруг — почтительное молчание.

Высокий мускулистый человек средних лет с блестящим

---

* *Сати — обычай самосожжения вдовы вместе с телом мужа. (Индия)*

от пота лицом подошел к нему.

— Мой главный кастратор, — сказал Эбелер.

Крупный мужчина улыбнулся и поклонился.

— Ну, давайте, начнем...

Хлопок — и упала тьма.

Глубоко закопанные, как мифические черви, силовые линии, нефтепроводы и пневматические трубы тянутся через континент. Пульсирующие, подобно кишечнику, они глотают землю. Они несут масло и электричество, воду и уголь, посылки, тюки и письма. Все эти вещи, идя под землей, извергаются в местах назначения, и машины, работающие в этих местах, принимают их.

Они слепые, и уползают подальше от солнца; они не имеют вкуса и не переваривают землю; они не имеют ни обоняния, ни слуха. Земля — их каменная тюрьма. Они знают только то, к чему прикасаются, и прикосновения — это их постоянная функция.

Такова глубоко закопанная игрушка, подобная червям.

...В новой школе Рэндер поговорил со штатным психологом и осмотрел спортивное оборудование. Он также осмотрел квартиры учащихся и был удовлетворен.

Но сейчас, когда он вновь оставил Питера одного в учебном заведении, он чувствовал какое-то недовольство. И сам не знал, почему. Все, казалось, было в полном порядке, как и в первое его посещение. Питер вроде бы был в хорошем настроении. Даже в исключительно хорошем.

Рэндер вернулся к своему кару и выехал на шоссе, похожее на громадное дерево без корней, ветви которого покрывали два континента; он думал, анализировал и удивлялся, что не может найти причину своего недовольства. Руки его лежали на коленях, ландшафт плыл вокруг него то вверх, то вниз, потому что он ехал по холмам.

Руки снова поднялись к панели.

— Алло?

— Элина, это Рэндер. Я не мог позвонить вам раньше, но слышал, что вы сделали трахеотомию в театре.

— Да. Я сделала доброе дело — я и нож. Откуда вы звоните?

— Из кара. Я только что отвез Питера в школу и теперь возвращаюсь.

— Да? Как он? Как его лодыжка?

— Отлично. Он тут слегка напугал нас на Рождество, но все обошлось. Расскажите, что случилось в театре, если это вас

не смущает.

— Разве врача смущает кровь? — Она тихо засмеялась. — Так вот, было уже поздно, перед последним актом...

Рэндер откинулся, закурил и с улыбкой слушал.

Местность вокруг перешла в гладкую равнину, и кар катился по ней, как кегельный шар, точно по канавке...

Под проводами высокого напряжения и над захороненными кабелями человек снова шел рядом с главной ветвью дороги-дерева, шел сквозь заснеженный воздух и радиопередачу.

Мимо неслись кары, и некоторые пассажиры видели его.

Руки он держал в карманах, голову опустил, потому что не смотрел ни на что. Воротник пальто был поднят, и тающий небесный дар — снежные хлопья — приклеивались к полям его шляпы.

Он был в галошах. Земля была мокрая и грязная.

Он с трудом тащился — случайный заряд в поле громадного генератора.

— ...обедаем вечером в «К. и Л.»?
— Почему бы и нет? — сказал Рэндер.
— Скажем, в восемь?
— Договорились.

...Кары высадили своих пассажиров на платформы в больших машинных ульях. Возле киосков кольцевой линии подземки стояли на стоянках аэротакси. Некоторые из них падают прямо с неба, но большинство движется вдоль дорог...

Но люди шли в выставочный зал пешком.

Здание было восьмиугольное. Крыша напоминала перевернутую супницу. Восемь нефункциональных треугольников из черного камня украшали снаружи каждый угол.

Крыша представляла собой светофильтр. Сейчас она высосала всю голубизну меркнущего вечера и слабо светилась, белая, белее выпавшего вчера снега. Внутри потолок был безоблачным летним днем, но без солнца.

Люди шли под этим небом среди экспонатов, как темный поток среди скал.

Они двигались волнами и редкими водоворотами. Они клубились, сближались, журчали и бормотали. Иногда оживлялись...

Они ровно выливались из припаркованных машин за голубым горизонтом.

Закончив обход, они возвращались к выходу во внешнюю часть.

Во внешней части была выставка, организованная НАСА.

Она работала две недели по двадцать четыре часа в сутки и привлекала посетителей со всего мира.

Это была выставка достижений Человека в Космосе.

Руководителем выставки был двухзвездный генерал со штатом из дюжины полковников, многих майоров, капитанов и бесчисленных лейтенантов. Генерала никто даже не видел, кроме полковников и работников «Выставки, Инкорпорейтед». Компании «Выставки, Инкорпорейтед» принадлежал выставочный зал рядом с космопортом, и она устраивала все по высшему классу для тех, кто снимал зал.

Как выходишь в зал Мухоморов, как кто-то его окрестил, и сразу же направо идет Галерея.

В Галерее были фото на всю стену, так что посетитель мог почти войти в них, потеряться в громадных стройных горах за Лунной Базой-III, выглядевших так, словно они качаются от ветра, только никакого ветра там не было; войти в купол-пузырь подземного города; провести рукой по холодным частям наблюдательного мозга и почувствовать, как в нем щелкают быстрые мысли; войти в грубую пустыню под зеленоватым небом, обойти высокие стены Портового комплекса — монолитные, серо-голубые, построенные на бог-весть каких развалинах, войти в крепость, где в марсианском складе люди двигались, как призраки, ощутить фактуру стеклоновых стен, которые произвели сенсацию во всем мире; пройти ад меркурианского пекла, посмотреть на его цвета — пылающий, желтый, серо-коричневый и оранжевый, и, наконец, затерятьсяся в Великом Ледовом Каньоне, где ледяной гигант сражается с огненным существом, и где каждое отделение запечатано и отделено, как в подводной лодке или транспортной ракете, и по тем же причинам; или пройтись, заложив руки за спину, посчитать цветные полосы на стенах, похожих на скалы, увидеть солнце или сверкающую звезду, поежиться, выпустить облачко пара и признать, что все эти места крайне удивительны, и фото тоже хороши.

После Галереи шли гравитационные комнаты, где человек поднимался по лестнице, пахнувшей свежеспиленным деревом. Наверху он мог выбрать любую гравитацию: лунную, марсианскую, меркурианскую — и спускаться обратно на небольшой воздушной подушке, вроде лифта, познав на миг ощущение переноса своего тела в выбранный мир. Платформа опустилась, посадка приглушена... будто упал в сено или в перину.

Дальше идут латунные перила высотой по пояс. Они идут вокруг Фонтана Миров. Наклонись и смотри...

Вычерпанные из света бездонные сферы мрака...

Это планетарий.

Миры в нем держатся на магнитных силовых линиях. Они движутся вокруг горящего лучистого шара — Солнца и холодно сияют во мраке. Земля — изумруд и бирюза. Венера — молочный янтарь. Марс — оранжевый щербет, Меркурий — масло, Нептун — свежеиспеченный хлеб.

В Фонтане Миров висели пища и богатство. Жаждущие и вожделеющие наклонялись над латунными перилами и смотрели. Это вызывало болезненные мечты.

Другие бросали взгляд и проходили мимо, чтобы увидеть реконструкцию декомпрессионной камеры на Лунной Базе-I в натуральную величину, или услышать представителя промышленности, сообщающего малоизвестные факты насчет конструкций пресс-шлюзов и энергии, потребляемой воздушным насосом. Можно было также проехаться через зал в карах по подвесной монорельсовой дороге, или посмотреть двадцатиминутный фильм. Можно было подняться на свежеобрушенную стену, скорее даже утес, в скейл-ботах и орудовать захватами-клешнями, какими пользуются на внеземных горных разработках.

Но алчные оставались на одном месте. Они стояли дольше, сменялись реже. Они были частью потока, образовывающего заводи...

— Думаешь направиться куда-нибудь?

Мальчик повернул голову, покачнувшись на костылях, и посмотрел на обратившегося к нему полковника. Офицер был высокого роста, с загорелыми руками и лицом, с темными глазами; маленькие усики и тонкая коричневая дымящаяся трубка больше всего бросались в глаза после свежей, хорошо сшитой формы.

— Почему? — спросил мальчик.

— Ты как раз в том возрасте, когда планируют будущее. Карьеру надо нанести на карту заранее. В тринадцать лет человек уже может промахнуться, если он не думает о будущем.

— Я читаю литературу...

— Без сомнения. В твоем возрасте все читают. Но сейчас ты видишь модели и думаешь, что это модели настоящего. Но между ними и настоящим — большая разница, громадная. И ты не поймешь этого, читая буклеты.

Наверху прошуршал монорельсовый кар. Офицер показал на него трубкой.

— Даже это — не та машина, что едет над Великим Ледовым Каньоном, — заметил он.

— Тогда это недостатки тех, кто пишет буклеты, — сказал мальчик. — Любой человеческий опыт должен быть описан и интерпретирован достаточно хорошим писателем.

Офицер искоса взглянул на него.

— Повтори-ка это еще раз, сынок.

— Я сказал, что если ваши буклеты не дают того, чего вы от них хотите, то это не вина исходного материала.

— Сколько тебе лет?

— Десять.

— Ты чертовски умен для такого возраста.

Мальчик пожал плечами, поднял костыль и показал им в направлении Галереи.

— Хороший художник мог бы сделать вам в пятьдесят раз лучшую работу, чем эти большие глянцевые фото.

— Это очень хорошие фотографии.

— Конечно, хорошие. Отличные. И, вероятно, дорогие. Но любая из этих сцен у настоящего художника была бы бесценной.

— Пока что здесь нет места художникам. Сначала идут землекопы, а культура потом.

— А почему бы не сделать наоборот? Выбрать нескольких художников — и они помогут вам найти кучу землекопов.

— Хм, — офицер был несколько озадачен, — интересная точка зрения. Не прогуляешься ли со мной немного? Посмотришь еще кое-какие достопримечательности.

— Что ж, — слегка заколебался мальчик, — почему бы и нет? Правда, прогуляться — не совсем подходящее слово.

Он снова качнулся на костылях, поравнялся с офицером, и они пошли мимо экспонатов.

Скейл-боты ползли по стене, цепляя клешнями.

— Устройство этих машин основано на структуре ног скорпиона?

— Да, — ответил офицер. — Один блестящий инженер украл этот трюк у Природы. Именно такого сорта мозги мы и стремимся привлечь.

Мальчик кивнул.

— Я жил в Кливленде. Там в низовьях реки пользовались одной штукой под названием Хоуп-конвейер для разгрузки судов с рудой. Его работа основана на принципе ноги кузнечика. Какой-то смышленный парень с таким мозгом, какой вы хотите привлечь, лежал однажды во дворе, обрывал ноги кузнечикам и вдруг его осенило: «Эй, — сказал он, — это может пригодиться!». Он разодрал еще несколько кузнечиков, и родился Хоуп-конвейер. Как вы сказали, он украл трюк, который природа потратила на существ, всего лишь скачущих по полям да жующих табак. Мой отец однажды взял меня в путешествие по реке, и я увидел эти конвейеры в действии. Это громадные металлические ноги с зазубренными концами, и они производят самый ужасный шум, какой я когда-либо слышал —

словно призраки всех замученных кузнечиков. Боюсь, что у меня не тот род мозга, какой вы хотели бы привлечь.

— Да, — согласился офицер, — похоже, что у тебя мозг иного рода.

— Какого — иного?

— Такого, о котором ты говорил: тот, что будет видеть и интерпретировать, и сможет сказать людям здесь, дома, на что это похоже *там*.

— Вы взяли бы меня как хроникера?

— Нет, мы взяли бы тебя для другого. Но это не должно было бы остановить тебя. Сколько людей обращается к Мировым Войнам, чтобы написать военный роман? Сколько военных романов написано? А сколько из них хороших? Очень мало. Ты мог бы начать свою подготовку с этого конца.

— Возможно, — согласился мальчик.

— Пойдем сюда? — спросил офицер.

Мальчик кивнул и пошел за ним в коридор, а затем в лифт.

Лифтер закрыл дверь и спросил, куда их отвезти.

— На нижний балкон, — сказал офицер.

Едва заметное ощущение движения, затем дверь открылась. Они оказались на узком балконе, идущем вдоль края крыши. Он был закрыт стеклоном, который тускло светился.

Под ними лежали огороженные площадки и часть поля.

— Несколько машин скоро взлетят, — сказал офицер. — Я хочу, чтобы ты увидел, как они поднимаются в кольцах огня и дыма.

— Кольца огня и дыма, — улыбаясь, повторил мальчик. — Я видел эту фразу в куче ваших буклетов. Вы по-настоящему поэтичны, сэр.

Офицер не ответил. Ни одна из металлических башен не шевелилась.

— Вообще-то, они далеко не ходят, — заметил, наконец, полковник. — Они только перевозят материалы и персонал орбитальных станций. Настоящие большие корабли здесь никогда не садятся.

— Да, я знаю. Это верно, что один парень совершил на вашей выставке самоубийство этим утром?

— Нет, — сказал офицер, не глядя на него. — Это был несчастный случай. Он шагнул в помещение с марсианской гравитацией до того, как платформа оказалась на месте, и была установлена воздушная подушка. И упал в шахту.

— Почему же не закрыли этот отдел выставки?

— Потому что вся защитная аппаратура функционировала нормально. Предупреждающая световая сигнализация и охранные перила работали.

— Тогда почему же вы назвали это несчастным случаем?

— Потому что он не оставил записки. Вот! Смотри, сейчас одна поднимется. — Он помахал трубкой.

Бурлящий пар появился у основания у одного из стальных сталагмитов. В центре этого облака вспыхнул свет. Затем внизу загорелось сияние, и волна дыма растеклась по полю и поднялась высоко в воздух.

Но не выше корабля... потому что он теперь двигался.

Почти незаметно корабль поднимался над грунтом. Вот сейчас движение стало уже заметным...

И вдруг он оказался высоко в воздухе, в громадном потоке пламени.

Он был как фейерверк, потом стал вспышкой, и, наконец, звездой, быстро удаляющейся от них.

— Ничего похожего на ракету в полете, — сказал офицер.

— Да, вы правы.

— Ты хотел бы следовать за ним? Следовать за этой звездой?

— Да. Когда-нибудь я так и сделаю.

— Мое обучение было очень тяжелым, а сейчас требования стали даже более суровыми. — Они проследили, как взлетели еще два корабля.

— Когда вы в последний раз летали? — спросил мальчик.

— Не так давно...

— Я, пожалуй, пойду. Мне еще надо сделать письменную работу для школы, — сказал мальчик.

— Возьми несколько наших новых буклетов.

— Спасибо, я все их собираю.

— До свидания. Спасибо, парень.

— До свидания! Спасибо за показ.

Мальчик пошел обратно к лифту. Офицер остался на балконе, пристально глядя вдаль. Трубка его давно погасла.

Свет, движущиеся, борющиеся фигуры.

Затем темнота.

— О, сталь! Такая боль, точно вошли лезвия! У меня много ртов, и все они блюют кровью!

Тишина.

Затем аплодисменты.

ГЛАВА 4

...плоское, прямое, унылое. Это Винчестерский кафедральный собор, как говорит путеводитель. «Своими колоннами от пола до потолка, так похожими на громадные древесные

стволы, он добивается жесткого контроля над пространством. Потолок плоский. Каждый пролет между колоннами сам по себе олицетворяет уверенность и стабильность. Собор как бы отражает дух Вильгельма Завоевателя. Презрение к сложности и страстная преданность миру иному создает соответствующую обстановку для некоторых легенд Мэлори...»

— Обратите внимание на украшенные зубцами капители, — заметил экскурсовод. — Своей примитивной резьбой они предваряют то, что позднее станет общим мотивом...

— Фу! — фыркнул Рэндер, но тихо, потому что находился в храме с группой.

— Ш-ш-ш! — зашипела на него Джилл де-Вилл (Фатлак — вот ее настоящая последняя фамилия).

Но Рэндер был так же поражен, как и утомлен. Хоть он и снимал шляпу перед хобби Джилл, но оно так действовало на его рефлексы, что он предпочел бы сидеть под восточным приспособлением, капавшим воду на голову, чем ходить по аркадам и галереям, переходам и туннелям и, задыхаясь, подниматься по высоким лестницам башен.

Так что он водил глазами по всему, сжигая все это, закрывал глаза и строил все заново из дымящегося пепла памяти, чтобы позднее изобразить в видении пациентки, могущей увидеть все это только таким образом. Этот собор был ему менее неприятен, чем другие здания. Да, он должен принести его ей.

Камера в его мозгу фотографировала все окружающее, пока Рэндер, перекинув плащ через руку, шел с другими, а его пальцы нервно тянулись за сигаретой. Он удерживался от открытого игнорирования гида, понимая, что это было бы верхом всех возможных форм протеста. Так что он шел по Винчестеру и думал о двух последних сеансах с Элиной Шэлотт.

Он снова бродил с ней.

«...Где пантера ходит туда-сюда по ветке дерева...»

Они бродили.

«...Где олень яростно поворачивается к охотнику...»

Они остановились, когда она подняла руки к вискам, раздвинула пальцы и искоса взглянула на него. Губы ее разжались, как если бы она хотела спросить.

— Олени, — сказал он.

Она кивнула, и олень подошел. Она ощупала его ноги, уши, похлопала по морде.

— Да, — сказала она.

Олень повернулся и пошел прочь, а пантера прыгнула ему на спину и вцепилась в горло.

Элина видела, как олень дважды ударил огромную кошку

рогами, а затем умер.

«...Где гремучая змея греется на солнце, растянувшись на камне...»

Элина смотрела, как змея свивалась и ударяла. Затем она ощупала погремушки на хвосте змеи и повернулась к Рэндеру.

— Зачем эти вещи?

— Вы должны знать не только идиллию, — ответил он и указал:

«...Где аллигатор спит рядом с заболоченным заливом...»

Она коснулась плоской кожи. Животное зевнуло. Она изучала его зубы, строение челюстей.

Вокруг жужжали насекомые. Москит сел на ее руку и ужалил. Элина прихлопнула его и засмеялась.

— Я продвигаюсь? — спросила она.

Он улыбнулся и кивнул.

— Вы хорошо держитесь.

Он хлопнул в ладоши — лес и болото исчезли.

Они стояли босиком на зыбком песке. Солнце и его отражение светили им с поверхности воды и над их головами. Стайка ярких рыб проплыла между ними, морские водоросли качались взад и вперед, полируя течение.

Их волосы поднялись и тоже колыхались подобно водорослям, и одежда шевелилась. Морские раковины разных форм лежали перед ними; они проплывали мимо коралловых стен, над окатанными морем камнями, перед ними открывались беззубые, безъязыкие рты гигантских моллюсков.

Она остановилась и поискала что-то между раковинами. Когда Элина выпрямилась, в ее руках была громадная, тонкая, как яичная скорлупа, трубка. На одном ее конце был завиток, он шел к углублению, похожему на гигантский отпечаток большого пальца, и винтом уходил обратно, чтобы соединиться с другим концом через лабиринты тонких, как спагетти, трубочек.

— Это, — сказала она, — раковина Дедала.

— Какая раковина Дедала?

— Разве вы, милорд, не знаете легенду, как величайший из ремесленников, Дедал, скрылся однажды и был найден королем Миносом?

— Что-то смутно припоминается...

— Минос искал Дедала по всему древнему свету, но бесполезно, потому что Дедал мог своим искусством изменять себя, почти как Протей. Но, в конце концов, советник короля придумал, как обнаружить Дедала.

— И как же?

— Посредством раковины. Вот этой самой.

Рэндер взял ее творение в руки и осмотрел.

— Король послал ее по разным городам, — продолжала она, — и предложил большую награду тому, кто протянет нитку через все комнаты и коридоры этой раковины.

— Кажется, припоминаю...

— Припоминаете, как это было сделано, и зачем? Минос знал, что только один человек может найти способ сделать это: искуснейший из ремесленников, и знал также, что гордость Дедала заставит его попытаться сделать невозможное и доказать, что он может сделать то, чего не может никто.

— Да, — сказал Рэндер, — он ввел шелковую нитку в один конец и ждал, когда она появится из другого. Крошечная петля, затянутая вокруг ползущего насекомого. Он заставил насекомое войти в один конец, зная, что оно привыкло к темным лабиринтам, и что сила этого насекомого далеко превосходит его размеры.

— ...И он решил задачу, получил награду и был пленен королем.

— Пусть это будет уроком всем Творцам: творить надо мудро, но не слишком хорошо.

Она рассмеялась.

— Но он, конечно, потом убежал.

— Ясное дело.

Они поднялись по коралловой лестнице. Рэндер вытащил нитку, поднес раковину к губам и дунул. Под водой прозвучала одна-единственная нота.

«...Где выдра питается рыбой...»

Гибкий торпедообразный пловец вторгся в косяк рыбы и стал жадно глотать. Они подождали, пока выдра закончит свою охоту и вынырнет на поверхность, а затем продолжили подъем по винтовой лестнице.

Сначала над водой поднялись их головы, потом плечи, руки, и вот они встали, сухие и теплые, на узком берегу. Они вошли в рощу неподалеку и пошли вдоль ручья.

«...Где черный медведь ищет корни и мед, где бобер шлепает по грязи веслоподобным хвостом...»

— Посмотрите на бобра и медведя.

Пчелы отчаянно жужжали вокруг черного мародера, грязь плескалась под ударами хвоста грызуна.

— Бобер и медведь, — сказала она. — Куда мы теперь пойдем?

«...Мимо сахарного тростника, мимо желтых цветов хлопчатника, мимо риса на низком влажном поле», — ответил он и зашагал дальше. — Смотрите на растения, на их форму и цвет.

Они шли все дальше.

«...Мимо западной хурмы, — продолжал Рэндер, — мимо длиннолистной кукурузы, мимо нежных цветов флокса...»

Она опускалась на колени, изучала, нюхала, трогала, пробовала на вкус.

Они шли через поля, и она чувствовала под ногами черную, жирную землю.

— Я пытаюсь что-то вспомнить, — сказала она.

«...Мимо тусклой зелени ржи, — ответил он, — когда она колышется по ветру...»

— Подождите минутку, — попросила она, — я вспоминаю, но медленно. Подарите мне желание, которое я ни разу не высказала вслух.

— Взобраться на гору, — тут же ответил он, — «с опасностью задохнуться».

Так они и сделали.

— Скалы и холодный ветер. Здесь высоко. Куда мы идем?

— Вверх. На самую вершину.

Они влезли туда в безвременный миг и остановились на вершине горы. Им казалось, что они поднимались много часов.

— Расстояние, перспектива, — сказал он. — Мы прошли через все это, и теперь вы видите это перед собой.

— На такую гору я однажды взбиралась, не видя ее.

Он кивнул. Ее внимание вновь привлек океан под голубым небом.

Через некоторое время они стали спускаться с другого склона горы. Снова Время дернулось и изменилось вокруг них — и вот они уже у подножия горы и идут вперед.

«...Гуляющий червь прокладывает путь по траве и пробивается сквозь листья куста...»

— Вспомнила! — воскликнула она, хлопнув в ладоши. — Теперь я знаю!

— Так где же мы? — спросил Рэндер.

Она сорвала травинку и сжевала ее.

— Где? Ну, конечно, «где перепел свистит в лесах и в пшеничном поле».

Перепел засвистел и пересек их дорогу, а за ним, строго след в след, шествовал его выводок.

Они шли по темнеющей тропе между лесом и пшеничным полем.

— Так много всего, — сказала она. — Вроде каталога ощущений. Дайте мне еще строчку.

— «Где летучая мышь летает в канун Седьмого месяца», — продекламировал Рэндер и поднял руку.

Элина быстро опустила голову, чтобы мышь не налетела на нее, и темный силуэт исчез в лесу.

— «...где большой золотой жук падает сквозь тьму...» — сказала она, и жук, похожий на метеорит весом в двадцать четыре карата, упал к ее ногам. Он лежал секунду, как окрашенный солнцем скарабей, а затем пополз по траве у края тропы.

— Теперь вы вспомнили? — спросил он.

— Да.

Канун Седьмого месяца был холодным, на небе появились блестящие звезды. Месяц наклонился над краем мира, и его пересекла еще одна летучая мышь. Где-то в траве застрекотал сверчок.

— Мы пойдем дальше, — сказала она.

— Дальше?

— Туда, где «ручей обнажает корни старого дерева и течет на луг...», — ответила она.

— Ладно, — сказал он и наклонился к гигантскому дереву, мимо которого они шли. Между его корнями пробивался родник, питавший ранее пройденный ручей. Он звенел, как эхо далеких колокольчиков. Он вился между деревьями, зарывался в землю, кружился и прорезал свой путь к океану.

Она шла по воде. Вода изгибалась и пенилась вокруг нее, брызгала дождем, сбегала по спине, по груди, по рукам и ногам.

— Идите сюда, магия ручья прекрасна, — позвала Элина.

Но Рэндер покачал головой. Он ждал. Она вышла, встряхнулась и тут же высохла.

— Лед и радуга, — заметила она.

— Да, но я забыл, что там дальше.

— Я тоже, но помню вот что: «...Где пересмешник издает свое нежное бульканье, хихиканье, визг, плач...»

И Рэндер сморщился, услышав пересмешника.

— Это не мой пересмешник, — сказал он.

Она засмеялась.

— Какая разница? Во всяком случае, он появился немедленно.

Рэндер покачал головой и отвернулся. Она встала рядом с ним.

— Простите. Я буду более осторожной.

— Прекрасно. — Он пошел дальше. — Я забыл следующую часть.

— Я тоже.

Они оставили поток далеко за собой и шли по пригибающейся траве, по плоской безграничной равнине, и все, кроме зарева солнечной короны, исчезло с горизонта.

— «...Где тени при заходе солнца удлиняются и бегут по бесконечной одинокой прерии...» Я вспомнил: вот это место. «...Где стада бизонов медленно растекаются на квадратные мили...»

Темная масса слева постепенно обрела форму. Выделялся громадный бизон американских прерий. Не на родео, не на выставке рогатого скота, не на обратной стороне старинной никелевой монетки, а здесь стояли эти животные, опустив рогатые головы, покачивая мощными спинами — знак Торо, неудержимое плодородие весны, исчезающее в сумерках в былое, в прошлое — вероятно, туда, «...где сверкают колибри...»

Рэндер и Элина шли по великой равнине, луна плыла за ними. Наконец они дошли до противоположного конца страны, где большие озера, другие ручьи, мосты и другой океан. Они прошли через опустевшие фермы, сады и двинулись вдоль воды.

— «...Где шея лебедя изгибается и поворачивается...», — произнесла она, глядя на своего первого лебедя, плывущего по озеру в лунном свете.

— «...Где хохочущая чайка носится над берегом, — ответил он, — и смех ее — почти человеческий...»

И в ночи раздался смех, но он не был ни смехом чайки, ни смехом человека, потому что Рэндер никогда не слышал, как хохочет чайка. Журчащие звуки он сотворил из сырого ощущения холодного вечера.

Он велел вечеру вновь стать теплым. Он осветил тьму, заставил ее звенеть серебром. Смех начал замирать и исчез совсем. Сотворенная чайка унеслась в океан.

— Ну, — объявил он, — на этот раз почти все.

— Но здесь есть гораздо больше! — возразила она. — Вы держите в голове меню обедов, как же вы не помните еще кое-чего об этом? Я помню что-то насчет куропаток, укладывающихся на ночлег кольцом, головами наружу, и о цапле в желтой короне, питающейся крабами на краю болота, и о кузнечиках в орешнике, и...

— Этого достаточно, даже слишком, — остановил ее Рэндер.

Они прошли через рощу лимонных и апельсиновых деревьев, по местам, где кормится цапля, мимо орехового дерева, где поют кузнечики, и там, где куропатки спят кольцом, головами наружу.

— В следующий раз вы покажете мне всех животных?

— Да.

Она свернула по узкой тропке к фермерскому дому, открыла дверь и вошла. Рэндер, улыбаясь, шел за ней.

Чернота.

Полная чернота, мрак абсолютной пустоты. Внутри дома ничего не было.

— В чем дело? — спросила она.

— По сценарию эта экскурсия не планировалась, — сказал

Рэндер. — Я хотел опустить занавес, а вы решили, что шоу должно продолжаться. На этот раз я воздерживаюсь от какой-либо поддержки.

— Я не всегда могу контролировать это, — ответила она. — Простите, давайте закончим. Я овладела импульсом.

— Нет, пойдем дальше. Свет!

Они стояли на вершине холма, и летучие мыши летели мимо узкого металлического серпа луны. Вечер был холодным. От груды мусора доносилось грубое карканье. Деревья были металлическими столбами с приклеенными к ним ветками. Трава под ногами — из зеленого пластика. У подножия холма тянулось гигантское пустое шоссе.

— Где мы? — спросила она.

— Это ваша «Моя Песня» со всем крайним нарциссизмом, каким вы могли бы набить ее. Все было правильно... до определенного момента. Но вы зашли слишком далеко. Теперь я чувствую, что необходимо восстановить равновесие. Я не могу позволить себе играть в игрушки каждый сеанс.

— Что вы собираетесь делать?

— Пойдем гулять, — он хлопнул в ладоши.

— «...где чаша пыли просит воды...», — сказал голос неизвестно откуда, и они, закашлявшись, пошли.

— «...где сильно загрязненная река не знает живого существа, — сказал голос, — и пена ее ржавого цвета...»

Они шли вдоль вонючей реки. Элина зажала нос, но запах все равно чувствовался.

«...где лес погублен, и ландшафт есть преддверие ада...»

Они шли среди пней, спотыкаясь об остатки ветвей, и под их ногами хрустели сухие листья. Испуганно косящаяся луна свисала с черного купола на тонкой нитке. Под листьями трещала земля.

«...где земля кровоточит в опустевших горных выработках...»

Вокруг них лежали покинутые механизмы. Горы земли и камней сиротливо громоздились в ночи. Громадные бреши в земле заросли похожими на пятно крови, болезненными растениями.

«...пой. Муза алюминия, которая вначале рассказывала этому пастуху, как искусственный мир восстает из Хаоса — а теперь, если тебя больше восхищает смерть, созерцай величайшее кладбище!»

Они вернулись назад, на вершину холма, чтобы посмотреть оттуда. Кругом было множество тракторов, бульдозеров, экскаваторов, кранов. Грудами лежал искореженный, проржавевший, изломанный металл. Вокруг валялись рамы, плиты,

пружины, балки. Брошенные орудия. Ненужные вещи.

— Что это? — спросила она.

— Металлический лом. Об этом Уолт не пел — о вещах, которые идут по его траве и выдирают ее с корнем.

Они прошли мимо мертвых механизмов.

— Эта машина срыла индейский могильник, а эта спилила старейшее на континенте дерево. Вот эта прорыла канал, отклонивший реку, из-за чего зеленая долина превратилась в пустыню. Эта ломала стены домов наших предков, а эта поднимала плиты для чудовищных башен, заменивших дома...

— Вы пристрастны, — заметила она.

— Конечно. Вы должны всегда стараться видеть широко, если хотите рассмотреть что-то мелкое. Помните, я показывал вам пантеру, гремучую змею, аллигатора? Помните, что я ответил, когда вы спросили: «Зачем это?»

— Вы сказали, что я должна знать не только идиллию.

— Правильно, и, поскольку вы снова жаждете перехватить инициативу, я решил, что чуть больше боли и чуть меньше удовольствия могут укрепить мое положение. Вы уже наделали ошибок.

— Да, я знаю. Но это скопище механизмов, мостящих дорогу в ад...

Они обошли кучу банок, бутылок и матрасных пружин. Он остановился перед металлическим ящиком и поднял крышку.

— Посмотрите, что спрятано в брюхе этого бака на целые столетия!

Фантастическое сияние наполнило темную полость мягким зеленым светом.

— Чаша Святого Грааля, — объявил он. — Это энантиодромия, моя дорогая. Круг, замкнутый сам на себя. Когда он проходит через свое начало, начинается новый виток спирали. Откуда мне знать, когда это случится? Грааль мог быть спрятан в машине. Со временем все меняется. Друзья становятся врагами, зло становится благодеянием. Но у меня еще есть время, и я расскажу вам маленькую легенду, как и вы угощали меня легендой о греке Дедале. Ее рассказал мне пациент по имени Росман, изучавший каббалу. Чаша Грааля, которую вы видите, есть символ света, чистоты, святости и небесного величия. Каково ее происхождение?

— Никто не знает.

— Да, но есть традиция, легенда, которую Росман знал: Чашу Грааля отлил Мелхиседэк, израильский первосвященник, предназначив ее для Мессии. Но как Мелхиседэк ее сделал? Он вырезал ее из громадного изумруда, найденного им

в пустыне. Этот изумруд выпал из короны Шамаэля, Ангела Тьмы, когда тот был сброшен с небес. Кто знает, какова вообще суть Чаши Грааля? Энантиодромия. Прощай, Грааль. — Он закрыл крышку, и все сделалось мраком.

Затем, идя по Винчестерскому кафедральному собору с плоским потолком и обезглавленной (Кромвелем, как сказал гид) статуей справа, он вспоминал следующий сеанс. Он вспоминал свою почти невольную позу Адама, когда называл всех проходящих перед ним и животных. Он чувствовал себя приятно буколически, когда, вызубрив старый ботанический текст, творил и называл полевые цветы.

Так что они были вдали от городов, вдали от машин. Ее эмоции были все еще мощными, даже при виде простых, осторожно вводимых объектов. Чтобы рискнуть ввести ее в сложную и хаотическую дикость, он должен был медленно строить ее город.

Что-то быстро пронеслось над собором, издав пронзительный гул. Рэндер на секунду взял Джилл за руку и улыбнулся, когда она посмотрела на него. Джилл, склонная к красоте, обычно прилагала много усилий для ее достижения, но сегодня ее волосы были просто зачесаны назад и связаны пучком, глаза и губы ненакрашены, маленькие белые уши были открыты и казались какими-то заостренными.

— Обратите внимание на зубцы капителей, — прошептал он.

— Фу! — фыркнула Джилл.

— Ш-ш-ш! — зашикала стоявшая рядом маленькая женщина.

...Позднее, когда они шагали обратно к своему отелю, Рэндер спросил:

— Ну что, Винчестер — о'кей?

— О'кей.

— Рада?

— Рада.

— Значит, можем вечером уехать?

— Идет.

— В Швейцарию...

— А может, мы сначала потратим деньги на осмотр старых замков? В конце концов, они же сразу через Пролив, а пока я буду осматривать, ты можешь попробовать все местные вина...

— Ладно.

Она посмотрела на него с некоторым удивлением.

— Что? Никаких возражений? — Она улыбнулась. — Где твой боевой дух? Ты позволяешь мне вертеть тобой?

— Когда мы галопом неслись по потрохам этого храма,

я услышал слабый стон, а затем крик. «Ради всего святого, Монтрезор!» Я думаю, это был мой боевой дух, потому что голос-то был мой. Я уступаю призраку, даже неустановленному. Давай поедем во Францию.

Вот и все!

— Дорогой Рэнди, это всего на пару дней...

— Аминь, — сказал он, — хотя мазь на моих лыжах уже сохнет.

...Они уехали. На третий день утром, когда она говорила ему о замках Испании, он вслух размышлял, что психологи нередко пьют, злятся и ломают вещи. Приняв это, как завуалированную угрозу Видсвудскому фарфору, который она коллекционировала, она согласилась с его желанием кататься на лыжах. «Свободен!» — чуть не выкрикнул Рэндер.

...Сердце его стучало где-то в голове. Он резко наклонился и свернул влево. Ветер бил в лицо, жег и царапал щеки душем ледяных кристаллов.

Он был в движении. Мир кончился в Вайсфилде, и Дофтал вел вниз и прочь от его портала.

Его ноги были двумя мерцающими реками, несущимися по твердым, изгибающимся плоскостям. Они не мерзли на ходу. Вниз! Он плыл. Прочь от всего мира! Прочь от удушающей нехватки интенсивности, от избалованности благосостоянием, от убийственной поступи вынужденных развлечений, рубящих досуг, как Гидру.

Летя вниз, он чувствовал сильное желание оглянуться через плечо, не создал ли мир, оставшийся за спиной, грозное воплощение его самого, тень, которая гонится за ним, Рэндером. Поймает и утащит обратно в теплый и хорошо освещенный город в небе, где он будет лежать и беседовать с алюминиевым приводом, с гирляндой чередующихся токов, успокаивающих его дух.

— Я ненавижу тебя, — выдохнул он сквозь зубы, и ветер унес его слова. Затем он засмеялся, потому что всегда анализировал свои эмоции, как цепочки рефлексов, и добавил: — Беги, Орест, безумец, преследуемый фуриями...

Через некоторое время склон стал более пологим. Рэндер достиг конечной точки трассы и остановился.

Он закурил и пошел обратно на вершину, чтобы спуститься снова.

В этот вечер он сидел перед камином в большом помещении, чувствуя, как тепло пропитывает усталые мышцы. Джилл массировала ему плечи, пока он разыгрывал Роршаха. Он потянулся за блестящим стаканчиком, который тут же был выхвачен у него звуком голоса, донесшегося с другого конца

Зала Девяти Сердец.

— Чарлз Рэндер? — произнес голос (только это прозвучало как «Шарльс Рундер»).

Его голова тут же повернулась в том направлении, но в глазах его плясало слишком много остаточных изображений, чтобы он мог выделить источник зова.

— Морис? — спросил он. — Бэртльметр?

— Угу, — пришел ответ, и затем Рэндер увидел знакомое лицо, посаженное прямо на плечи, на красный с синим мохнатый свитер, безжалостно натянутый на винный бочонок. Человек пробивал себе путь в их направлении, ловко обходя разбросанные лыжные палки, сваленные в кучу лыжи и людей, которые, подобно Джилл и Рэндеру, пренебрегали стульями.

— Вы еще больше потолстели, — заметил Рэндер. — Это не к добру.

— Вздор, это все мышцы. Ну, как вы, что у вас нового? — Он посмотрел на Джилл, и она улыбнулась ему.

— Это мисс де-Вилл, — представил ее Рэндер.

— Джилл, — уточнила она.

Он слегка поклонился и, наконец, выпустил из своих стальных тисков руку Рэндера.

— ...А это профессор Морис Бэртльметр из Вены, — закончил Рэндер, — ярый последователь всех форм диалектического пессимизма и весьма замечательный пионер нейроморфологии, хотя, глядя на него, этого никогда не подумаешь. Я имел счастье быть его учеником.

Бэртльметр кивнул, соглашаясь с ним, принял фляжку, которую Рэндер достал из пластиковой сумки, и наполнил до краев складные стаканчики.

— Ага, вы все еще хороший врач, — сказал он. — Вы сразу же диагностировали случай и дали правильное предписание. За здоровье!

— Дай Бог, не последняя, — ответил Рэндер.

Они сели на пол. Пламя ревело в громадной кирпичной трубе камина, коряги обгорали по ветвям, сучьям, по годовым кольцам. Рэндер подкладывал дрова.

— Я читал вашу последнюю книгу года четыре назад, — небрежно бросил Бэртльметр.

Рэндер кивнул.

— Вы занимались в последнее время какой-нибудь исследовательской работой?

— Да, — ответил Рэндер, — отчасти. — Он взглянул на Джилл, которая дремала, прижавшись щекой к ручке огромного кожаного кресла. По ее лицу пробегали малиновые тени. — Я натолкнулся на довольно необычного субъекта и начал некую сомнительную

операцию, которую надеюсь со временем описать.

— Необычный? В каком смысле?

— Во-первых, слепая от рождения.

— Вы пользуетесь «яйцом»?

— Да. Она хочет быть Конструктором.

— Черт побери! Вы сознаете возможные последствия?

— Конечно.

— Вы слышали о несчастном Пьере?

— Нет.

— Это хорошо. Значит, все было удачно засекречено. Пьер преподавал философию и писал диссертацию об эволюции сознания. Прошлым летом он решил, что ему необходимо исследовать мозг обезьяны, чтобы сравнить менее тошнотворный мозг со своим, я полагаю. Во всяком случае, он получил незаконный доступ к «яйцу» и к мозгу нашего волосатого предка. Как далеко он зашел, подвергая животное стимулирующей терапии — так и не выяснено, но полагают, что такие вещи не могут немедленно передаваться от человека к обезьяне — звуки уличного движения, например, и тому подобное — и что-то испугало животное. И с тех пор Пьер находится в обитой мягким пластиком камере, и все его реакции — реакции испуганной обезьяны.

Таким образом, поскольку он не закончил своей диссертации, он, вероятно, может дать достаточно материала для кого-то другого.

Рэндер покачал головой.

— Сюжет похож, — тихо сказал он, — но в нем нет ничего драматического. Я нашел исключительно стабильного индивидуума — психиатра, человека, уже потратившего немало времени на обычные анализы. Она хочет стать нейроморфологом, и ее не останавливает страх перед зрительной травмой. Я постепенно представляю ей целый ряд зрительных феноменов. Когда я закончу, она полностью привыкнет видеть и сможет отдать все свое внимание терапии, не будучи, так сказать, ослеплена видением. Мы уже провели четыре сеанса.

— И?..

— Все идет прекрасно.

— Вы уверены в этом?

— Да, насколько вообще можно быть уверенным в подобных вещах.

— М-м-м, — протянул Бэртльметр. — Скажите, вы находите ее исключительно волевой? Скажем, возможен ли навязчиво-принудительный рисунок чего-либо, в который ее можно ввести?

— Нет.

— Ей когда-нибудь удавалось перехватить у вас контроль над фантазиями?

— Нет.

— Врете, — просто сказал Бэртльметр.

Рэндер закурил и улыбнулся.

— Старый отец, старый мастер, возраст не уменьшил вашей проницательности. Я мог бы соврать любому, но не вам. Да, правильно, ее очень трудно держать под контролем. Она не удовлетворяется тем, что видит. Она хочет творить. Это вполне понятно — и мне, и ей — но сознательное понимание и эмоциональное восприятие, кажется, никогда не совпадают. В некоторых случаях она начинает доминировать, но мне удается почти немедленно снова перехватить контроль. В конце концов, над клавиатурой-то я хозяин.

— Хм... Вы знакомы с буддийским текстом «Катехизис Шавкары»?

— Боюсь, что нет.

— Тогда я расскажу вам о нем. Он основан — отнюдь не для терапевтических целей — на истинном эго и мнимом эго. Истинное эго — бессмертная часть человека, которая должна отправиться в Нирвану — душа, так сказать. Прекрасно. Мнимое же эго — нормальный мозг, опутанный иллюзиями. Ясно? Ясно. Дальше: ткань этого мнимого эго основана на скандхах, как они называют. Сюда включаются ощущения, восприятия, способности, самосознание и даже физическая форма. Крайне ненаучно. Да. Но это все не то же самое, что неврозы, мнимые жизни мистера Ибсена или галлюцинации — нет.

Каждая из пяти скандх есть часть оригинальности, которую мы называем личностью, а затем наверх выступают неврозы и все прочие неприятности, следующие за ними и дающие нам работу. О'кей? О'кей. Я прочел вам эту лекцию, потому что нуждаюсь в драматическом ограничении того, что сейчас скажу, а я хочу сказать кое-что драматическое.

Посмотрим на скандхи, как они лежат на дне водоема: неврозы ребят на поверхности реки: «истинное эго», если оно есть, закопано глубоко в песке на дне. Так. Рябь заполняет пространство между субъектом и объектом. Скандхи — часть субъекта, основная, единственная часть и ткань его существа. Итак, вы согласны со мной?

— Со многими оговорками.

— Хорошо. Теперь, когда я установил свою границу, я буду ею пользоваться. Вы играете со скандхами, а не с простыми неврозами. Вы пытаетесь выправить у этой женщины всеобъемлющую концепцию ее самой и мира. Для этого вы используете «яйцо». Это то же самое, что играть с психотиками

или с обезьяной. Все вроде бы идет хорошо, но... в какой-то момент вы можете сделать что-то, показать ей какое-то зрелище или какой-то способ видеть, который переломится в ее личности, сломает скандху и — пфф! — словно пробито дно водоема. В результате — водоворот, который унесет все... куда? Я не хочу иметь вас в качестве пациента, молодой человек, молодой мастер, поэтому я советую вам не продолжать. «Яйцо» не стоит использовать подобным образом.

Рэндер швырнул сигарету в огонь и начал загибать пальцы:

— Во-первых, вы делаете мистическую гору из маленьких камешков. А я всего лишь настраиваю ее сознание на прием дополнительной области восприятия. Во многом это простая передача работы других чувств.

Во-вторых, ее эмоции были крайне интенсивны вначале, потому что это была действительно травма, но мы уже прошли эту стадию. Теперь это для нее просто новинка. Скоро это станет привычным.

В-третьих, Элина сама психиатр, она опытна во всех этих делах и прекрасно знает деликатную природу того, что мы делаем.

В-четвертых, ее чувство личности и ее желания, или ее скандхи, или как вы их там называете, тверды, как Гибралтарская скала. Вы же понимаете, какая напряженность требовалась от слепой, чтобы получить образование, полученное ею? Нужна была стальная воля, эмоциональный контроль и аскетизм тоже...

— ...А если что-то из этих сил сломается в безвременный момент тревоги? — Бэртльметр грустно улыбнулся. — Пусть тени Зигмунда Фрейда и Карла Юнга будут рядом с вами в долине мрака...

И, в-пятых, — неожиданно добавил он, глядя в глаза Рэндеру, — она привлекательна?

Рэндер отвернулся к камину.

— Весьма разумно, — вздохнул Бэртльметр. — Я не могу сказать, то ли вы покраснели, то ли на вашем лице отблеск пламени. Боюсь, однако, что вы покраснели, и это означает, что вы сознаете, что сами можете стать возбуждающим стимулятором. Вечером я зажгу свечу перед портретом Адлера и буду молиться, чтобы он дал вам силы успешно соревноваться в вашей дуэли с пациенткой.

Рэндер посмотрел на Джилл, которая все еще спала, протянул руку и поправил ей локоны.

— Во всяком случае, — сказал Бэртльметр, — если вы будете продолжать, и все пойдет хорошо, я с великим интересом прочитаю о вашей работе. Я говорил вам когда-нибудь,

что я лечил нескольких буддистов, но так и не обнаружил «истинного эго»?

Оба мужчины рассмеялись.

...Он похоже и непохоже на меня, это существо на поводке, маленькое, серое, невидящее, пахнущее страхом. Рыкни — и оно задохнется в своем ошейнике. Голова его пуста, как отверстие, из которого появляется обед, когда Она нажмет кнопку. Говори с ним — оно ничего не понимает, хотя и похоже на меня. В один прекрасный день я убью его. Зачем?..

Тут поворот.

Три ступеньки. Вверх. Стеклянные двери. Лучше справа.

Вперед. Лифт. Внизу сады. Там приятно пахнет. Трава, сырая земля, чистый воздух. Я вижу. Птицы — правда, запись. Я вижу его. Я.

Лифт. Четыре ступеньки.

Вниз. Да, хочется сделать громкий шум в горле — глубокое чувство. Чисто, спокойно, много деревьев. Богиня сидит на скамье, жует листья, пахнущие зеленью. Не может видеть их, как я. Может, теперь что-нибудь?.. Нет.

Следи за ступеньками.

Вперед. Направо, налево, направо. Налево деревья и трава. Зигмунд видит. Гуляет... доктор с машиной даст ей свои глаза. Рыкни — он не задохнется. Запаха страха нет.

Выкопать в земле глубокую яму, похоронить глаза. Богиня слева. Чтобы видеть, есть Зигмунд. Теперь ее глаза наполнены, но он боится зубов. Заставит ее видеть и возьмет ее высоко в небо, глядеть оттуда. Оставит меня здесь, оставит Зигмунда одного, невидящего... Я выкопаю в земле глубокую яму...

Джилл проснулась утром после десяти. Она не повернула головы, чтобы узнать, встал ли Рэндер. Он всегда встает рано. Она протерла глаза, потянулась, повернулась набок и приподнялась на локте. Посмотрела на часы на ночном столике и потянулась за сигаретами и зажигалкой.

Закурив, она увидела, что пепельницы нет. Без сомнения, Рэндер унес ее, потому что не одобрял курения в постели. Вздохнув, она вылезла из кровати и потянулась за халатом.

Она терпеть не могла процесса вставания, но, уже встав, позволяла дню начаться и продолжать без пропусков регулярный процесс событий.

— Черт бы его взял, — улыбнулась она. Ей хотелось бы завтракать в постели, но было уже слишком поздно.

Размышляя, что ей надеть, она заметила в углу пару чужих лыж. На одну из них был насажен листок бумаги.

«Присоединишься ко мне?» — спрашивали каракули.

Она отрицательно покачала головой и почувствовала печаль. Она дважды в жизни вставала на лыжи и боялась их. Она сознавала, что следовало бы попробовать снова, что это разумный хороший спорт, но ей тяжело было даже вспоминать об отвратительном рывке вниз, рывке, который в обоих случаях быстро переносил ее в сугроб, и не хотелось вновь ощутить головокружение, охватывавшее ее при тех двух попытках.

Так что она приняла душ, оделась и пошла завтракать.

Все девять каминов уже ревели, когда она, проходя мимо большого холла, заглянула туда. Несколько краснолицых лыжников уже подносили руки к пламени центрального камина. Народу было немного. На подставках стояло несколько пар мокрых ботинок, на вешалке висели яркие шапочки, возле двери стояли на своем месте влажные лыжи. Несколько человек сидели в креслах в центре холла, читали газеты, курили, болтали. Она не увидела никого из знакомых, и прошла дальше, в столовую.

Когда она шла мимо регистрационного стола, ее окликнул старик, работавший там. Она улыбнулась и подошла.

— Письмо, — сказал он и протянул ей конверт. — Выглядит важным.

Это был объемистый коричневый конверт, пересылавшийся три раза, как она заметила, и обратный адрес был адресом ее поверенного.

— Спасибо.

Она села у большого окна и посмотрела на заснеженный сад и на винтовую тропу вдали, усеянную фигурами с лыжами на плечах. Затем она разорвала конверт.

Да, это был финал. Письмо адвоката сопровождалось копией решения суда о разводе. Она только недавно решила положить конец законной связи с мистером Фатлаком, чье имя перестала носить пять лет назад, когда они расстались. Теперь она имела вещь, с которой не вполне знала, что делать. Ее дорогой Рэнди, наверное, чертовски удивится. Надо будет придумать какой-нибудь невинный повод подбросить ему эту информацию. Ну, для этого еще будет время. Хотя надолго откладывать не стоит... Ее тридцатый день рождения висел, как грозная туча над апрелем, а апрель через четыре месяца. Ладно... Она тронула губы помадой, сильно напудрила родинку и закрыла косметичку. В столовой она увидела д-ра Бэртльметра, сидевшего перед огромной горой, состоявшей из умопомрачительной яичницы, гирлянды сосисок, кучи тостов и полупустой бутылки апельсинового сока. На спиртовке стояла кастрюля с кофе. Доктор слегка наклонился вперед и работал

вилкой, как ветряная мельница лопастями.

— Доброе утро, — сказала Джилл.

Он поднял глаза.

— Мисс де-Вилл... Джилл... доброе утро. — Он кивнул на стул напротив себя. — Присоединяйтесь, пожалуйста.

Она села и сказала подошедшему официанту:

— Мне то же самое, но в десять раз меньше. — И снова повернулась к Бэртльметру. — Вы видели сегодня Чарлза?

— Увы, нет, а я хотел продолжить нашу дискуссию, пока его мозг еще на ранней стадии пробуждения и, значит, более уступчив. К несчастью, он из тех, кто входит в день где-то в середине второго акта.

— А я обычно прихожу в антракте и узнаю краткое содержание, — улыбнулась Джилл. — Так почему бы не продолжить дискуссию со мной? Я уступчива, и мои скандхи в хорошем состоянии.

Глаза их встретились.

— Ага, — произнес он медленно, — так я и думал. Что ж — хорошо. Что вы знаете о работе Рэндера?

— М-м-м... Он прекрасный специалист в своей области, и мне трудно понять некоторые вещи и говорить о них. Я хотела бы иногда заглядывать в мозг других людей, посмотреть, что они думают обо мне, но не думаю, чтобы я оставалась бы там надолго. Особенно, — она шутливо поежилась, — в чьем-то мозгу с проблемами. Наверное, я либо слишком сочувствовала бы, либо боялась, либо еще что-нибудь, и тогда, в соответствии с прочитанным, возникло бы нечто вроде симпатической связи, и эти проблемы могли бы стать моими. Но, у Чарлза таких проблем не бывает, во всяком случае, он не говорил мне об этом. Однако позднее я задумалась. Эта слепая девушка и ее собака-поводырь, кажется, слишком сильно занимают его.

— Собака-поводырь?

— Да, собака, служащая ей глазами. Один из хирургических мутантов.

— Как интересно... Вы когда-нибудь встречались с этой женщиной?

— Никогда.

— Так. — Он задумался. — Иногда врач сталкивается с пациентом, чьи проблемы так родственны его собственным, что сеанс становится чрезвычайно острым. Так всегда бывало со мной, когда я лечил коллег-психиатров. Возможно, Чарлз видит в этой ситуации параллель с чем-то, что тревожит его лично. Я не смотрел его личный анализ, не знаю всех путей его мозга, хотя он долгое время был моим учеником. Он всегда

был замкнутым, о чем-то умалчивал; при случае мог быть весьма авторитетным. Что еще занимает его в последнее время?

— Как всегда, его сын Питер. Он переводил мальчика из школы в школу пять раз за пять лет. — Ей подали завтрак, и она придвинулась к столу. — И он читает обо всех случаях самоубийства и без конца рассказывает о них.

— С какой целью?

Она пожала плечами и принялась за еду.

— Он никогда не упоминал — зачем, — проговорила она, снова взглянув на Бэртльметра. — Может, он пишет что-нибудь...

Бэртльметр покончил с яичницей и налил себе еще кофе.

— Вы боитесь этой его пациентки?

— Нет... Да, боюсь.

— Почему?

— Боюсь симпатической связи, — сказала она, слегка покраснев.

— Под это определение может подходить очень многое.

— Это верно, — признала она. — Мы с вами объединились ради его благополучия и пришли к согласию в том, что именно представляет угрозу. Не могу ли я просить вас об одолжении?

— Можете.

— Поговорите с ним еще раз. Убедите его бросить это дело.

Он смял салфетку.

— Я намерен сделать это после обеда. Я верю в реальную ценность спасительных побуждений. Это необходимо сделать.

«Дорогой отец-идол!

Да, школа прекрасная, лодыжка моя заживает, и с моими одноклассниками у меня много общего. Нет, я не нуждаюсь в деньгах, питаюсь хорошо и не имею затруднений с новым учебным планом. О'кей?

Здание я не буду описывать, поскольку ты уже видел эту мрачную вещь. Землю описать не могу, потому что она сейчас под холодными белыми пластами. Брррр! Правда, меня восхищает искусство зимы, но я не разделяю твоего энтузиазма к этой противоположности лета, кроме как в рисунках или эмблеме на пачке мороженого.

Лодыжка ограничивает мою подвижность, а мой товарищ по комнате уезжает на уикенды домой — то и другое является настоящим благословением, потому что у меня в результате появилось время, чтобы взяться за чтение. Что я и делаю.

Питер.»

Рэндер наклонился и погладил громадную голову. Голова стоически приняла это, а затем перевела взгляд на австрийца,

у которого Рэндер попросил огонька; она как бы говорила: «Должен ли я терпеть такое оскорбление?» Человек улыбнулся, щелкнул гравированной зажигалкой, и Рэндер заметил среди заглавных букв маленькую «ф».

— Спасибо, — сказал Рэндер и обратился к собаке: — Как тебя зовут?

— Бисмарк, — проворчал пес.

— Ты напомнил мне другого похожего пса, некоего Зигмунда, компаньона и гида моей слепой приятельницы в Америке.

— Мой Бисмарк — охотник, — гордо ответил молодой человек, — но здесь нет ни оленей, ни больших кошек.

Уши собаки встали торчком, она смотрела на Рэндера гордыми горящими глазами.

— Мы охотились в Северной и Южной Америке. И в Центральной Африке тоже. Бисмарк никогда не теряет след. Никогда не промахивается. Он прекрасный зверь, и его зубы как будто сделаны в Золингене.

— Ты счастливчик, что у тебя такой компаньон.

— Я охочусь, — прорычал пес. — Я преследую... иногда убиваю...

— Так вы не знаете другой такой же собаки — Зигмунда, или женщину, которую он водит — мисс Элину Шэлотт? — переспросил Рэндер.

Человек покачал головой.

— Нет. Бисмарка я получил из Массачусета и не знаком с хозяевами других мутантов.

— Понятно. Ну, спасибо за огонек. Всего вам доброго.

— Всего доброго...

Рэндер зашагал по узкой улице, засунув руки в карманы. Вторая попытка Бэртльметра чуть было не заставила его наговорить лишнего, о чем он сам потом сожалел бы. Проще было уйти, чем продолжать разговор. Поэтому он извинился и не сказал, куда идет — он и сам не знал.

Повинуясь внезапному импульсу, он вошел в лавку и купил часы с кукушкой, бросившиеся ему в глаза. Он был уверен, что Бэртльметр примет подарок и поймет его смысл. Он улыбнулся и пошел дальше. Интересно, что это было за письмо для Джилл, с которым клерк специально подошел к их столику в столовой? Оно три раза переадресовывалось и было отправлено юридической фирмой. Джилл даже не вскрыла его, а улыбнулась, поблагодарила старика-клерка и сунула письмо в сумочку. Хорошо бы узнать о его содержании. Его любопытство так возбуждено, что она, конечно, пожалеет его и скажет.

Ледяные столбы неба, казалось, внезапно закачались пе-

ред ним. Подул резкий северный ветер. Рэндер сгорбился и упрятал голову в воротник. Сжимая часы с кукушкой, он поспешно двинулся обратно.

В эту ночь змея, державшая свой хвост в зубах, выплюнула его. Волк Фенрис прокладывал путь к Луне. Маленькие часы сказали «ку-ку», и завтра пришло, как последний буйвол Менолета, тряся рогами ворота и мыча обещание втоптать львов в песок.

Рэндер пообещал себе отдохнуть от излишней сентиментальности.

Позже, много позже, когда они мчались по небу в крейсере, похожем на коршуна, Рэндер смотрел вниз на потемневшую землю, думая о ее полных звезд городах, смотрел вокруг себя, на людей, мелькавших на экранах, на автоматы с кофе, чаем и спиртными напитками, которые посылали свои флюиды, чтобы исследовать внутренность людей и заставить их нажимать кнопки, а затем смотрел на Джилл, которую старинные здания заставляли бродить в их стенах, и знал — она чувствует, что он смотрит на нее, и чувствует, что его сиденье требует превращения в ложе — чтобы он уснул.

ГЛАВА 5

Ее кабинет был полон цветов, ей нравились экзотические ароматы. Иногда она зажигала курения. Ей нравилось мочить ноги в теплых лужах, гулять в снегопад, слушать слишком много музыки, может быть, излишне громкой, выпивать каждый вечер пять или шесть различных лекарств (обычно приятно пахнущих анисом, иногда — полынью). Руки у нее были мягкие, слегка веснушчатые, с длинными сужающимися к концам пальцами. Колец она не носила.

Ее пальцы снова и снова ощупывали выпуклости цветка рядом с ее креслом, пока она говорила в записывающий аппарат.

— ...основные жалобы пациента при поступлении — нервозность, бессонница, боли в животе и периоды депрессии. В карточке пациента отмечены его прежние кратковременные поступления. Он был в этом госпитале в 1995 году с маниакально-депрессивным психозом слабо выраженного типа и снова вернулся сюда второго марта 1996 года. 9 февраля 1997 года он поступил в другой госпиталь. Физическое обследование показало кровяное давление 170 на 100. На день обследования — 12.11.98 — он был нормально развит и хорошо упитан. В это время пациент жаловался на постоянную боль в пояснице, и были отмечены некоторые умеренные симптомы

от алкогольной абстении. Дальнейшее физическое обследование не выявило патологии, за исключением того, что его сухожилия реагируют преувеличенно, но одинаково. Эти симптомы — результат отхода от алкогольной абстении. При поступлении он не показал себя психотиком, у него не было ни заблуждений, ни галлюцинаций. Он хорошо ориентировался в пространстве, времени и своей личности. Вскоре психологическое состояние было определено: он был в какой-то мере претенциозным, экспансивным и, в достаточной степени, враждебным. Его считали потенциальным нарушителем порядка. Поскольку он был по специальности поваром, его назначили работать на кухне. Тогда его общее состояние показало явное улучшение. Больше сотрудничества, меньше напряженности. Диагноз: маниакально-депрессивная реакция (усиленная неизвестным стрессом). Степень психического ухудшения — средняя. Признан правомочным. Продолжить лечение в условиях госпитализации.

Она выключила аппарат и засмеялась. Этот звук испугал ее: смех — феномен общественный, а она была одна. Она вновь включила запись и грызла уголок носового платка, пока мягкие скользящие слова возвращались к ней. После первого же десятка она перестала их слушать.

Когда аппарат замолчал, она выключила его. Она была очень одинока. Она была так чертовски одинока, что лужица света, возникшая, когда она стукнула себя по лбу и повернулась лицом к окну, вдруг стала самой важной вещью на свете. Она хотела, чтобы это был океан света, или чтобы она сама стала совсем крошечной — все равно, лишь бы этот свет втянул ее в себя.

Вчера минуло три недели...

Слишком долго, думала она, я должна ждать. Нет! Невозможно! А что, если он умрет, как этот Вискоумб? Нет! Не может быть! С ним ничего не может случиться. Никогда. Он всесилен и защищен от всего. Но... но придется ждать следующего месяца. Еще три недели... Без зрения!.. Вот что это значит — ослепнуть... Но разве воспоминания потускнели? Разве они ослабли? Как выглядит дерево? Или облако?.. Я не помню! Что такое зеленое? Что такое красное? Боже! Это уже истерия! Я слежу за ней, но не могу ее прекратить! Надо принять лекарство. Лекарство!

Плечи ее тряслись. Лекарство принимать она не стала, но сильно прикусила платок, пока острые зубы не прорвали ткань.

— Берегись, — сказала она личному блаженству, — тех, кто жаждет справедливости, потому что мы желаем удовлет-

ворения. И берегись кротких, ибо мы будем пытаться унаследовать Землю. И берегись...

Коротко прожужжал телефон. Она убрала платок, сделала спокойное лицо и повернулась к аппарату.

— Алло.

— Элина, я вернулся. Как вы?

— Хорошо, даже вполне хорошо. Как прошел ваш отпуск?

— О, не жалуюсь. Я давно собирался и, думаю, что заслужил отдых. Слушайте, я привез вам кое-что показать — например, Винчестерский кафедральный собор. Хотите прийти на этой неделе? Я свободен в любое время.

«Сегодня!.. Нет. Я отчаянно хочу этого. Это может стать препятствием, если он увидит...»

— Как насчет завтрашнего дня? — спросила она. — Или послезавтрашнего?

— Завтра будет прекрасно, — ответил он. — Встретимся в «К. и Л.» около семи?

— Да. Это будет очень приятно. Тот же столик?

— Почему нет? Я закажу его.

— Идет. Значит, завтра увидимся.

— До свидания.

Связь выключилась. В ту же минуту в ее голове внезапно закружились цвета, и она увидела деревья — дубы, сосны и секвойи — большие, зеленые с коричневым и серым; она увидела комья облаков, протирающих пастельное небо, и пылающее солнце, и озеро глубокой, почти фиолетовой синевы. Она сложила свой изорванный носовой платок и выбросила.

Она нажала кнопку рядом со столом, и кабинет наполнился музыкой. Скрябин. Затем нажала другую кнопку и снова проиграла надиктованную ею пластинку, но почти не слышала ни того, ни другого...

...Пьер подозрительно понюхал еду. Санитар снял ее с подноса и вышел, заперев за собой дверь. Салат ждал на полу. Пьер осторожно подошел к нему, захватил горсть и проглотил.

Он боялся.

«Только бы сталь перестала грохотать, сталь о сталь, где-то в этой темной ночи... Только бы...»

...Зигмунд встал, зевнул и потянулся. На секунду его задние лапы ослабли, затем он стал внимательным и встряхнулся. Она, наверное, скоро пойдет домой. Он поглядывал вверх, на часы, висящие на уровне человеческого роста, чтобы проверить свои ощущения, а затем подошел к телевизору. Встав на задние лапы, он одной передней оперся о стол, а

другой включил телевизор.

Время сводки погоды; может быть, дороги обледенели...

— ...Я проезжал через всемирные кладбища, — писал Рэндер, — обширные каменные леса, которые каждый год увеличиваются.

Почему человек так ревниво охраняет своих мертвых? Не потому ли, что это монументально демократический путь увековечивания, высшее утверждение вредящей силы, то есть жизни, и желание, чтобы она продолжалась вечно? Унамуно уверял, что это именно так. Если да, то в последние годы значительно больший процент населения жаждет бессмертия, чем когда-либо раньше в истории...

Чик-чик, чира-чик!
Как ты думаешь, это все-таки люди?
Вряд ли, слишком они уж хороши.

Вечер был звездным. Рэндер завел С-7 в холодный подвал, нашел свое место и поставил на него машину.

От бетона шла холодная сырость, она вцеплялась в тело, как крысиные зубы. Рэндер повел Элину к лифту. Их дыхание облачком висело перед ними.

— Холодновато, — заметил он.

Она кивнула.

В лифте он отдышался, размотал шарф и закурил.

— Дайте и мне, пожалуйста, — сказала она, почувствовав запах табака.

Он подал ей сигарету.

Они поднимались медленно, и Рэндер прислонился к стенке, вдыхая смесь дыма и кристаллизованной влаги.

— Я встретил еще одну мутированную овчарку в Швейцарии; такую же большую, как Зигмунд. Только это охотник.

— Зигмунд тоже любит охотиться, — заметила Элина. — Два раза в год мы ездим в северные леса, и я отпускаю его. Он пропадает несколько дней и возвращается вполне счастливым. Он никогда не рассказывает, что делал, и никогда не приходит голодным. Я думаю, ему нужен отдых от людей, чтобы оставаться нормальным.

Лифт остановился. Они вошли в холл, и Рэндер снова повел ее.

Войдя в кабинет, он включил термостат, и по комнате заструился теплый воздух. Их пальто он повесил тут же, в кабинете, и выкатил из гнезда «яйцо». Включив его в розетку, он начал превращать стол в контрольную панель.

— Как вы думаете, это долго продлится? — спросила она, пробегая кончиками пальцев по гладким холодным изгибам «яйца». — Я имею в виду, полная адаптация к зрению.

Он задумался.

— Не имею представления. Пока не знаю. Мы начали очень хорошо, но еще многое нужно сделать. Месяца через три я смогу делать предположения.

Она задумчиво кивнула, подошла к столу и обследовала его легкими, как десять перышек, пальцами.

— Осторожно! Не нажмите какую-нибудь кнопку.

— Не буду. Как, по-вашему, долго ли мне придется учиться оперировать ими?

— Учиться — три месяца. Шесть — чтобы стать достаточно опытной для использования их на ком-то; и еще шесть — под постоянным наблюдением, прежде чем вам можно будет доверить самостоятельную работу. Всего вместе — больше года.

— О-хо-хо! — она села в кресло. Рэндер коснулся кнопок сезонов, фаз дня и ночи, дыхания сельской местности и города, элементов, открыто бегущих по небу и всех танцующих сигналов, которыми он пользовался для построения миров. Он разбил час времени и опробовал примерно пять веков.

— О'кей, все готово.

Это произошло быстро и с минимумом советов со стороны Рэндера. На секунду все стало серым. Затем мертвенно-белый туман. Затем он сам собой разошелся, как от порыва ветра, хотя Рэндер не почувствовал его.

Он стоял рядом с ивой у озера, а Элину наполовину скрывали ветки и решетка теней. Солнце клонилось к закату.

— Мы вернулись, — сказала она. — Я все время боялась, что этого так и не произойдет, но я снова вижу все и вспоминаю.

— Хорошо, — сказал он. — Посмотрите на себя.

Она посмотрела в озеро.

— Я не изменилась.

— Нет.

— А вы изменились, — сказала она, глядя на него. — Но я еще понимаю не все, что вижу.

— Ясно.

— Что мы будем делать?

— Смотрите.

На ровной дороге она увидела кар. Он шел издалека, прыгал по горам, жужжал у подножия холмов, кружился по прогалинам и расцвечивал их голосом в серое и серебро синхронизированной силы, и озеро дрожало от звуков. Кар остановился в сотне футов за кустарником. Это был С-7.

— Идемте со мной, — пригласил Рэндер, беря Элину за руку. — Поедем.

Они прошли меж деревьев, обогнув последний куст. Она дотронулась до гладкого кокона, до антенны, до окон — и окна сразу просветлели. Она посмотрела через них внутрь кара и кивнула.

— Это ваш кар С-7.

— Да. — Он открыл дверцу. — Садитесь. Мы возвращаемся в клуб. Сейчас самое время. Воспоминания свежи и будут в меру приятны или нейтральны.

— Приятны, — с улыбкой уточнила она, садясь в машину.

Он захлопнул дверцу, обошел кар и сел рядом с ней. Она смотрела, как он набирает воображаемые координаты. Кар прыгнул вперед и ровным ходом пошел среди деревьев. Рэндер чувствовал возрастающее напряжение, поэтому не менял сценария. Элина поворачивалась на вращающемся сиденьи и осматривала внутренность кабины, а затем снова уставилась в окно. Она смотрела на убегающие деревья.

Рэндер уловил ощущение тревоги и затемнил окна.

— Спасибо, — сказала она. — Мне вдруг стало слишком много видения — все несется мимо, как...

— Понятно, — кивнул Рэндер, поддерживая ощущение движения. — Я так и предполагал. Но вы становитесь выносливее. — Теперь расслабьтесь, — добавил он через минуту, и где-то была нажата кнопка.

Элина расслабилась, и они ехали все дальше и дальше. Наконец, кар замедлил ход, и Рэндер сказал:

— А теперь один непродолжительный взгляд в окно.

Он пустил в ход все стимуляторы, которые способствовали удовольствию и расслаблению, и выстроил вокруг кара город. Она смотрела сквозь просветленные окна на профили башен и монолитные блоки жилищ, затем увидела три кафетерия, дворец развлечений, аптеку, медицинский центр из желтого кирпича с аркой, сплошь застекленную школу, сейчас пустую, еще аптеку и множество каров, припаркованных или несущихся мимо, и людей, входящих и выходящих, идущих мимо домов, садящихся и вылезающих из каров. И было лето, и предзакатный свет формировался из цветов города и одежды людей, идущих по бульвару или стоящих на террасах и балконах, разговаривающих на улицах; женщина с пуделем, ракеты, снующие высоко в небе.

Затем мир исчез. Рэндер держал абсолютный мрак, приглушив все ощущения, кроме чувства движения.

Через некоторое время появился тусклый свет. Они все еще сидели в каре, но окна снова стали непрозрачными.

— Боже! — прошептала она. — Мир так наполнен! Я и в самом деле видела все это?

— Я не собирался доходить до этого сегодня, но вы пожелали. Похоже, что вы были готовы.

— Да, — после недолгого раздумья согласилась она, и окна вновь просветлели. Она быстро повернулась.

— Все исчезло, — успокоил ее он. — Я только хотел, чтобы вы бегло взглянули.

Она смотрела. Снаружи теперь было темно, и они медленно ехали по мосту. Других машин не было. Под ними была плоскость, а в небе — множество звезд; они освещали дышащую воду, уходящую под мост. Косые опоры моста спокойно проплывали мимо.

— Вы правильно сделали, я вам очень благодарна, — сказала она. — Кто же вы?

Видимо, он хотел, чтобы она спросила об этом.

— Я — Рэндер, — он засмеялся.

Они продолжали путь по теперь пустому темному городу и, наконец, подъехали к клубу в большом паркинг-куполе. Там он тщательно исследовал все ее ощущения, готовый убрать мир в нужный момент, но этого не потребовалось.

Они вышли из кара и пошли в клуб, который он не решился переполнить людьми. Они сели за свой столик недалеко от бара, в маленькой комнате с комплектом доспехов рядом, и заказали ту же еду, что и раньше.

— Нет, — заявил он, оглядывая себя. — Это не мое.

Доспехи снова оказались рядом со столом, а Рэндер — в своем сером костюме с черным галстуком и серебряным зажимом из трех лепестков.

Оба рассмеялись.

— Я не тот тип, чтобы носить жестяной костюм, и хотел бы, чтобы вы перестали меня видеть в нем.

— Простите. — Она улыбнулась. — Я сама не знаю, зачем и как я это сделала.

— Я знаю, и склонен к уточнению. Итак, я еще раз предупреждаю вас. Вы осознаете факт, что это все иллюзия. Я принял этот способ для вас, чтобы получить полную выгоду. Для большинства из моих пациентов это реальность, которую они переживают. Это производит контртравму или символическую последовательность, даже более сильную. Но вы знаете параметры игры, и, хотите вы того или нет, это дает другой вид контроля, не тот, с каким я обычно имею дело. Прошу вас, будьте осторожны.

— Простите, я не хотела этого.

— Я знаю. Нам принесли еду, которая была у нас.

— Уф! Выглядит она страшно. Неужели мы ели эту дрянь?

— Да, — фыркнул он. — Вот нож, вот вилка, а вот ложка. Вот ростбиф, картофельное пюре, горошек, а это масло...

— Боже!

— Это — салат, это — речная форель, ммм! Это — картофель фри, это — бутылка вина... Ну-ка, посмотрим, я ведь не платил за него — ага, это кьянти, и бутылка Икома для... Эй!

Комната закачалась.

Он оголил стол, уничтожил ресторан. Они вновь оказались на прогалине. Сквозь просвечивающую ткань мира он видел, как его рука двигалась по панели. Кнопки были нажаты. Мир вновь был осязаемым. Их пустой столик теперь стоял у озера, и была летняя ночь, и скатерть казалась очень белой при ярком свете луны.

— Как глупо с моей стороны, — произнес он. — Ужасно глупо. Я, видимо, ввел их одновременно. Основной зрительный образ, плюс словесный стимулятор могли потрясти человека, видящего это впервые. Я так увлекся творчеством, что забыл о пациентке. Приношу свои извинения.

— Я уже в порядке. В самом деле.

Он вызвал холодный ветер с озера.

— ...а это луна, — добавил он жалобно.

Она кивнула. Она носила крошечную луну в центре лба, и эта луна сияла, как и та, перед ними, и заливала серебром волосы и платье Элины.

На столе стояла бутылка кьянти и два бокала.

— Откуда это?

Она пожала плечами. Он налил вино в бокалы.

— Оно может оказаться безвкусным, — заметил Рэндер.

— Нет, нет... — она подала ему бокал.

Он пригубил и понял, что вино имеет вкус — фруктовый — как если бы давили сок из винограда, выращенного на островах Благословения, гладкого, мясистого, а хмель выжат из дыма горящего мака. Он с самого начала понял, что его рука, вероятно, перегородила дорогу сознанию, синхронизируя чувственные сигналы и контрпередачу, и это привело его совершенно неосознанно сюда, к свету.

— Так уж вышло, — заметил он, — и теперь нам пора возвращаться.

— Так скоро? Я еще не видела кафедральный...

— Да, так скоро.

Он хотел, чтобы мир кончился, и он кончился.

— Здесь холодно, — сказала она, одеваясь, — и темно.

— Я знаю. Сейчас я смешаю чего-нибудь выпить и уберу машину.

Он глянул на запись, покачал головой и прошел к своему бару.

— Это не совсем кьянти, — заметил он, протягивая руку за бутылкой.

— Ну и что? Я не возражаю.

В данный момент он тоже не возражал. Они выпили, он убрал «яйцо», помог Элине надеть пальто, и они вышли.

Пока они спускались в лифте в подвал, ему хотелось, чтобы мир снова исчез, но мир не исчезал.

«В стране приблизительно 1 миллиард 800 миллионов жителей и 500 миллионов личных автомобилей. Если человек занимает два квадратных фута поверхности земли, а машина примерно 120, то становится очевидным, что в то время как люди занимают 2 миллиарда 160 миллионов квадратных футов нашей страны, экипажи занимают 67,2 миллиарда квадратных футов, то есть примерно в тридцать раз большее пространство, чем человеческий род. Если в данный момент половина этих автомобилей задействована, и в каждом сидят в среднем по два пассажира, то соотношение составит больше, чем 47 к 1 в пользу каров. Как только страна станет одной мощеной плоскостью, люди либо будут жить под поверхностью земли, либо эмигрируют на другие планеты, и тогда, возможно, технологическая эволюция будет постепенно продолжаться по линиям, которые предложили для нее статистики.

Сибилл К. Дельф,
заслуженный профессор в
отставке. Начало речи в
Преподавательском колледже
штата Юта.»

«Папа, я доковылял из школы до такси, а на такси в космопорт, ради тамошней выставки НАСА — Снаружи, как она называется. (О'кей, я преувеличил ковыляние, хотя оно и требует дополнительных усилий).

Все тут нацелено на то, чтобы подтолкнуть молодежь к пятилетнему контакту, как я понял. Но это сработало. Я хочу присоединиться. Хочу уйти Наружу. Как ты думаешь, возьмут меня, когда я подрасту? Я имею в виду — возьмут Наружу, а не на какую-нибудь работу за разбухшим столом. Как думаешь — возьмут?

Я думаю, да.

Там была важная шишка — полковник. Он увидел шкета,

шатающегося вокруг и прижимающего нос к их стеклам, и решил дать ему подсознательную рекламу. Мощно! Он провел меня по Галерее и показал все достижения космического флота, от Лунной Базы до Марсопорта. Он прочел мне лекцию о Великих Традициях Службы и водил меня в полицейскую комнату, где служба занималась шашками и соревновалась друг с другом в юморе, где «все решается умением, а не мускулами». Мы делали скульптуры из подкрашенной воды прямо в воздухе... Здорово!

Но если серьезно, я хотел бы быть там, когда они полетят на Пять Внешних и дальше. Не потому, что в проспектах наврано или не продумано, но чувствительный человек мог бы вести хронику в правильном контексте. Помнишь грубого пограничного наблюдателя Фрэнсиса Паркмэна — Мэри Остин, кажется. Так вот, я решил туда податься.

Этот мужик из НАСА, благодарение богам, не говорил покровительственным тоном. Мы стояли на балконе и следили за взлетающими кораблями, и он говорил мне, что если я буду напряженно учиться, я когда-нибудь поведу их. Я не стал говорить ему, что я не такой уж сосунок и получу диплом раньше, чем буду достаточно взрослым для применения его где бы то ни было, даже в Службе этого полковника. Я просто посмотрел, как взлетают корабли, и сказал: «Через десять лет я буду смотреть сверху, а не снизу». А он рассказал, какой трудной была его собственная тренировка, но я не спросил, чего ради он согласился с таким вшивым назначением, как у него. Теперь, подумав, я рад, что не спросил. Он гораздо больше походил на человека из их рекламы, чем кто-нибудь из их реальных людей. Надеюсь, я никогда не буду походить на типа из рекламы.

Спасибо тебе за монету и за теплые носки, и за струнные квинтеты Моцарта, которые я слушаю прямо сейчас. Я хотел бы получить разрешение побывать на Луне; вместо того, чтобы ехать на лето в Европу. Может быть... это возможно? Ну, если я осилю тот новый тест, который ты для меня придумал? Но, в любом случае, пожалуйста, подумай насчет этого.

Твой сын Питер.»

— Алло, Психиатрический институт слушает.
— Я хотела бы записаться на обследование.
— Минутку. Я соединяю вас со Столом записи.
— Алло, Стол записи слушает.
— Я хотела бы записаться на обследование.
— Минуточку... Какого рода обследование?
— Я хочу увидеть д-ра Шэлотт. Как можно скорее.

— Сейчас... я посмотрю расписание. Вас устроит следующий вторник, два часа?

— Прекрасно.

— Ваше имя, пожалуйста.

— Де-Вилл. Джилл де-Вилл.

— Хорошо, мисс де-Вилл. Значит, в два часа, вторник.

— Спасибо.

Человек шел рядом с шоссе. По шоссе неслись кары. На линии высокого ускорения они мелькали, как расплывающиеся пятна.

Движение было слабое.

Было 10.30 утра; холодно.

Меховой воротник у человека был поднят, руки засунуты в карманы, сам он наклонился навстречу ветру. По ту сторону ограды дорога была сухой и чистой.

Утреннее солнце закрыли тучи. В грязном свете человек видел деревья за четверть мили.

Шаг его не менялся. Глаза не отрывались от деревьев. Мелкие камешки хрустели под ногами.

Дойдя до деревьев, он снял пальто и аккуратно сложил его.

Он положил пальто на землю и полез на дерево.

Когда он долез до ветки, которая тянулась над оградой, он посмотрел, нет ли приближающихся каров, затем схватил ветвь обеими руками, опустился вниз, повиснув на мгновение, и упал на шоссе.

Это была полоса, ведущая на восток, шириной в сто ярдов.

Он бросил взгляд на запад, увидел, что движения в его сторону пока нет, и пошел к центральному острову. Он понимал, что может не достичь его. В это время дня кары шли по линии высокого ускорения со скоростью приблизительно 160 миль в час. Но он шел.

Кар прошел позади него. Он не остановился. Если окна были затемнены, как это обычно бывает, то пассажиры даже не видели, что он пересек их путь. Потом они, вероятно, услышат об этом и осмотрят перед и зад машины — нет ли признаков наезда.

Кар прошел перед ним. Окна были прозрачными. На мгновение мелькнули два лица, раскрытые рты в виде буквы «О», а затем исчезли. Его собственное лицо ничего не выражало. Оно не изменилось. Еще два кара пролетели мимо. Он прошел по шоссе ярдов двадцать...

Двадцать пять...

Ветер или что-то под ногами сказали ему, что идет кар. Он даже не взглянул в ту сторону, но уголком глаза заметил

идущую машину. Шага он не изменил.

...У Сесила Грина окна были прозрачными — ему так нравилось. Левая рука его забралась под ее блузку, юбка ее была скомкана на коленях, а его правая рука уже лежала на рычаге, опускающем сиденье. Вдруг девушка откинулась назад, издав горловой звук.

Его рука дернулась влево.

Он увидел идущего человека.

Он увидел профиль, так и не повернувшийся к нему полностью. Он увидел, что человек не изменил походки.

А затем он уже не видел человека.

Легкое дребезжание, и лобовое стекло стало само очищаться. Сесил Грин ехал дальше. Он затемнил окна.

— Как?.. — спросил он, когда она снова была в его объятиях, и всхлипнул.— Монитор не задержал его...

— Он, видимо, не коснулся ограды...

— Наверное, он спятил...

— Все равно, его должны были задержать в самом начале пути...

Лицо могло быть любое... Мое?

Испуганный Сесил опустил сиденье...

— ...Привет, ребятишки. Это крупный план большой, жирной, запачканной табаком улыбки, которой вы только что были вознаграждены. Но хватит юмора. Сегодня вечером мы отойдем от нашего необыкновенного неофициального формата. Мы начнем с тщательно придуманного драматического представления по последней арт-моде.

Мы собираемся играть Миф.

— Только после основательного проникновения в душу и болезненного самоанализа мы решили сыграть для вас сегодня именно этот миф.

— Да, я жую табак — с краснокожим, подлинной фабричной маркой на пачке.

— Теперь, когда я буду скакать по сцене и плеваться, кто первый установит мою мифическую агонию? Не увлекайтесь фонами. Пуск!

— Ладно, леди, джентльмены и все прочие: Я — Титан Бессмертный, одряхлел и превратился в кузнечика. Пуск!

— Для моего следующего номера нужно больше света.

— Больше, чем сейчас... Пуск!

— Еще больше света...

— Слепящий свет!

— Очень хорошо. Пуск!

— Теперь — в моей пилотской куртке, солнцезащитных

очках, шелковом шарфе — вот!

— Где мой халат?

— Ладно, все установлено.

— Эй вы, шелудливые! Пошел! Хо! Хо! Вверх! Вверх, в воздух, бессмертные лошади, поднимайтесь туда!

— Больше света!

— Эй, лошади! Быстрее! Вниз! Папа и мама смотрят, и моя девушка внизу! Давай-давай! Не позорьтесь на этой высоте! Еще!

— Какого дьявола это лезет ко мне? Оно похоже на молнию... а-а-ах!

— Ух. Это был Фаэтон в «слепой спирали» на солнечной половине.

— Вы все, наверное, слышали старую поговорку: только Бог может быть один в трех лицах. Так вот, этот миф называется «Аполлон и Дафнис». Да уберите вы эти юпитеры!..

Чарлз Рэндер писал главу «Некрополь», главу для первой за четыре года своей книги «Недостающее звено человечества». После возвращения он освободил свое послеобеденное время каждого вторника и четверга для работы над ней, закрывался в своем кабинете и заполнял страницы своим обычным хаотическим письмом.

«У смерти множество вариантов, в противоположность умиранию...» — писал он, когда интерком зажужжал коротко, длинно, затем опять коротко.

— Да? — спросил он, повернув выключатель.

— К вам... посетитель...

Рэндер встал, открыл дверь и выглянул.

— Доктор... помоги...

Рэндер сделал три шага и опустился на колено.

— В чем дело?

— Едем. Она... больна.

— Больна? Как? Что случилось?

— Не знаю. Поедем.

Рэндер пристально вглядывался в нечеловеческие глаза.

— Что за болезнь? — настаивал он.

— Не знаю, — повторил пес. — Не говорит. Сидит. Я... чувствую, она больна.

— Как ты добрался сюда?

— Вел машину. Знаю координаты... Оставил кар снаружи.

— Я сейчас позвоню ей.

— Не стоит. Не ответит.

Зигмунд оказался прав.

Рэндер вернулся в кабинет за пальто и врачебным чемо-

данчиком. Он выглянул в окно и увидел, что кар Элины припаркован у самой грани, где монитор освободил его от своего контроля. Если никто не возьмет на себя управление, кар автоматически перейдет на длительную стоянку. Другие машины будут объезжать его.

Машина так проста, что даже собака может водить ее, — подумал Рэндер. Лучше спуститься, пока не явился крейсер. Кар уже, наверное, отрапортовал, что стоит здесь. А, может, и нет. Может, несколько минут еще есть в запасе.

— Ладно, Зигги, поехали.

Они спустились в лифте на первый этаж, вышли через главный вход и поспешили к кару.

Мотор все еще работал вхолостую.

Рэндер открыл пассажирскую дверцу, и Зигмунд прыгнул внутрь. Рэндер втиснулся, было, на сиденье водителя, но собака уже набирала лапой координаты и адрес.

«Похоже, я сел не на то сиденье», — подумал Рэндер. Он закурил. Кар уже несся в подземном проходе. Выйдя на противоположной стороне, кар на мгновение остановился, а затем влился в движущий поток. Собака направила кар на высокоскоростную полосу.

— Ох, — сказала собака. — Ох.

Рэндеру хотелось погладить ее голову, но, взглянув на нее, он увидел оскаленные зубы и отказался от своего намерения.

— Когда она начала вести себя необычно? — спросил он.

— Пришла домой с работы. Не ела. Не отвечала, когда я говорил. Просто сидела.

— Раньше такое бывало?

— Нет.

Что могло стрястись? Может, просто был тяжелый день? В конце концов, Зигмунд всего лишь собака, как ему определить? Нет. Он бы знал. Но что же тогда?

— А как было вчера и сегодня утром, когда она уходила из дома?

— Как всегда.

Рэндер попробовал еще раз позвонить ей, но ответа по-прежнему не было.

— Ты сделал это, — сказал пес.

— Что ты хочешь сказать?

— Глаза. Зрение. Ты. Машина. Плохо.

— Нет, — возразил Рэндер.

— Да. — Собака вновь повернулась к нему. — Ты хочешь делать ей хорошо?

— Конечно.

Зигмунд снова уставился вдаль.

Рэндер чувствовал себя физически приятно возбужденным, а умственно — инертным. У него были такие ощущения с самого первого сеанса. В Элине Шэлотт было что-то, нарушающее порядок: комбинация высокого интеллекта и беспомощности, решительности и уязвимости, чувствительности и горечи.

Но находил ли он это особо привлекательным? Нет. Просто контрпередача, черт ее возьми!

— Ты пахнешь страхом, — сказала собака.

— Значит, меня пугает цвет, — ответил Рэндер. — Сверни на другую полосу.

Серией поворотов они замедлили ход, снова перешли на быстрый, опять на медленный. Наконец, кар поехал по узкой части дороги, свернул на боковую улицу, проехал еще с полмили, негромко щелкнул чем-то под приборной доской и повернул на стоянку позади высокого кирпичного жилого дома. Щелчок, видимо, был произведен специальной следящей системой, которая включалась, когда монитор отпускал кар. Потому что кар прошел через стоянку, вошел в свое прозрачное стойло и остановился. Рэндер выключил зажигание.

Зигмунд уже открыл дверцу. Рэндер прошел за ним в здание и поднялся на лифте на пятидесятый этаж. Затем собака прошла по коридору и нажала носом пластину на двери. Дверь приоткрылась внутрь на несколько дюймов. Собака распахнула ее плечом и вошла. Рэндер вошел следом и закрыл за собой дверь.

Комната была большая, стены приятно неукрашенные, их окраска скомбинирована ненавязчиво. Один угол занимал чудовищный комбинированный радиоприемник. Перед окном — большой кривоногий стол, вдоль правой стены — низкая софа; рядом с ней — закрытая дверь, ведущая, по-видимому, в другие комнаты. Элина сидела в мягком кресле в дальнем углу у окна. Зигмунд встал около нее.

Рэндер пересек комнату и достал из портсигара сигарету. Щелкнув зажигалкой, он держал пламя, пока Элина не повернулась к нему.

— Сигарету? — спросил он.

— Чарлз?

— Да.

— Спасибо. Да. Закурю. — Она протянула руку, приняла сигарету и поднесла к губам.

— Спасибо. Каким образом вы оказались здесь?

— Общественный вызов. Так случилось, что я был по соседству...

— Я не слышала ни звонка, ни стука.

— Может, вы задремали. Мне открыл Зигмунд.
— Да, возможно, я задремала. Который час?
— Почти 4.30.
— Значит, я дома больше двух часов... Видимо, очень устала...
— Как вы себя чувствуете?
— Прекрасно. Чашку кофе?
— Не откажусь.
— Бифштекс с ним пойдет?
— Нет, спасибо.
— Бикарли в кофе?
— Неплохо бы.
— Тогда извините, я на одну минутку.

Она вышла в дверь рядом с софой, и Рэндер мельком увидел там большую сверкающую автоматическую кухню.

— Ну? — шепнул он собаке.

Зигмунд покачал головой.

— Не то.

Рэндер кивнул. Он положил пальто на софу, аккуратно сложив его на чемоданчике, сел рядом и задумался.

«Не слишком ли большой ломоть видений бросил я ей сразу? Может, она страдает от депрессивных побочных эффектов — скажем, угнетения памяти, нервной усталости? Может, я каким-то образом вывел из равновесия ее сенсорно-адаптационную систему? Незачем было спешить. Неужели я так чертовски жаждал описать это? Или я делал все по ее желанию? Могла ли она повлиять на меня, сознательно или бессознательно? Или я оказался настолько уязвимым?..»

Она окликнула его из кухни, чтобы он нес поднос. Рэндер поставил его на стол и сел напротив Элины.

— Хороший кофе, — сказал он, обжигая губы.

— Удачная машина, — ответила она, поворачивая лицо на голос.

Зигмунд растянулся на ковре неподалеку от кресла, положил голову между передними лапами и закрыл глаза.

— Я подумал, — заговорил Рэндер, — не было ли каких-нибудь пост-эффектов в последний сеанс — вроде увеличения синаптических сигналов, в виде галлюцинаций или...

— Да, — ответила она ровно. — Сны.

— Какого рода?

— Последний сеанс. Я видела его снова и снова во сне.

— С начала до конца?

— Нет, особого порядка событий не было. Мы ехали по городу или через мост, или сидели за столиком, или шли к кару — вот такие всплески, очень живые.

— Какие ощущения сопровождали эти... всплески?

— Не скажу. Они все перепутались.

— А каковы ваши ощущения теперь, когда вы вспоминаете их?

— Такие же перемешанные.

— Вы не были испуганы?

— Н-нет. Не думаю.

— Вы не хотели бы отдохнуть от сеансов? Вам не кажется, что мы действуем слишком быстро?

— Нет. Отнюдь. Это... ну, вроде, как учиться плавать. Когда вы, наконец, научитесь, вы плаваете до изнеможения. Затем вы ложитесь на берег, хватаете ртом воздух и вспоминаете, как все было, а ваши друзья болтаются рядом и ругают вас за перенапряжение — и это хорошее ощущение, хоть вам и холодно, и во всех ваших мускулах иголки. Я так чувствовала себя после первого сеанса — и после последнего. Первый раз — он всегда особенный... Иголки исчезают, и я снова обретаю дыхание. Господи, я совершенно не могу сейчас остановиться! Я чувствую себя отлично.

— Вы всегда спите днем?

Десять красных ногтей двинулись через стол, когда она потянулась.

— ...Устала. — Она улыбнулась, скрывая зевок. — Половина штата в отпуске или болеет, и я всю неделю поздно уходила с работы. Но сейчас все в порядке, я отдохнула. — Она взяла чашку обеими руками и сделала большой глоток.

— Угу, — кивнул Рэндер, — хорошо. Я немного за вас беспокоился и рад видеть, что причин для этого нет.

— Беспокоились? Если вы читали записи д-ра Вискоумба о моем анализе и об испытании в «яйце», то как вы можете думать, что обо мне следует беспокоиться? Да! У меня оперативно-полезный невроз, касающийся моей деятельности, как человеческого существа. Он фокусирует мою энергию, координирует мои усилия. Это повышает чувство личности...

— У вас дьявольская память, — заметил Рэндер. — Почти стенографический отчет.

— Конечно.

— Зигмунд сегодня тоже беспокоился о вас.

— Зиг? Как это?

Собака смущенно шевельнулась, открывая один глаз.

— Да, — проворчала она, глядя на Рэндера. — Он нужен. Приехать домой.

— Значит, ты снова водил кар?

— Да.

— Зачем?

— Я испугался. Ты не отвечала, когда я говорил.

— Я и в самом деле устала. А если ты еще раз возьмешь кар, то я буду закрывать дверь так, чтобы ты не мог входить и выходить по своему желанию.

— Прости...

— Со мной все в порядке.

— Я вижу.

— Никогда больше не делай этого.

— Прости.

Взгляд собаки не покидал Рэндера. Он был, как зажигательное стекло. Рэндер отвел свой взгляд.

— Не будьте жестоки к бедному парню, — сказал он. — В конце концов, он подумал, что вы больны, и поехал за мной. А если бы он оказался прав? Вы должны поблагодарить его, а не ругать.

Успокоенный Зигмунд закрыл глаза.

— Ему надо выговаривать, когда он поступает неправильно, — возразила Элина.

— Я полагаю, — сказал Рэндер, отпив кофе, — что никакой беды не случилось. Раз уж я здесь, поговорим о деле. Я кое-что пишу и хотел бы узнать ваше мнение.

— Великолепно. Посвятите мне сноску?

— Даже две или три. Как по-вашему, общая основа мотиваций, ведущих к самоубийству, различна в разных культурах?

— По моему хорошо обдуманному мнению — нет. Разочарования могут привести к депрессии или злобе; если же они достаточно сильны, то могут вести к самоуничтожению. Вы спрашиваете насчет мотиваций: я думаю, что они остаются, что это внекультурный и вневременной аспект человеческой деятельности. Не думаю, что он может измениться без изменения основной природы человека.

— Ладно. Проверим. Теперь, как насчет побудительного элемента? Возьмем человека спокойного, со слабоменяющимся окружением. Если его поместить в сверхзащищенную жизненную ситуацию — как вы думаете, будет ли она подавлять его или побуждать к ярости в большей степени, чем если бы он не был в таком охраняющем окружении?

— Хм... В каком-то другом случае я бы сказала, что это зависит от человека. Но я вижу, к чему вы ведете: многие расположены выскакивать из окон без колебаний — окно даже само откроется для вас, потому что вы его об этом попросите — это протест скучающих масс. Но мне не нравится такой вывод. Я надеюсь, что он ошибочен.

— Я тоже надеюсь, но я думаю также о символических самоубийствах — функциональных расстройствах, случающихся по самым неубедительным причинам.

— Ага! Эта ваша лекция в прошлом месяце: аутопсихомимикрия. Хорошо сказано, но я не могу согласиться.

— Теперь и я тоже. Я переписал всю часть «Танатос в сказочной стране глупцов», как я назвал ее. На самом деле инстинкт смерти идет почти по поверхности.

— Если я дам вам скальпель и труп, можете вы вырезать инстинкт смерти и дать мне ощупать его?

— Нет, — сказал он с усмешкой в голосе, — в трупе все это уже израсходовано. Но найдите мне добровольца, и он своим добровольным согласием докажет мои слова.

— Ваша логика неуязвима, — улыбнулась Элина. — Выпьем еще кофе, ладно?

Рэндер прошел на кухню, ополоснул и вновь наполнил чашки, выпил стакан воды и вернулся в комнату. Элина не шевельнулась. Зигмунд — тоже.

— Что вы будете делать, когда прекратите работать Конструктором? — спросила она.

— То же, что и большинство: есть, пить, спать, разговаривать, посещать друзей, ездить по разным местам, читать...

— Вы склонны прощать?

— Иногда. А что?

— Тогда простите меня. Сегодня я поспорила с женщиной по фамилии де-Вилл.

— О чем?

— Она обвинила меня в таких вещах, что лучше бы моей матери было не рожать меня. Вы собираетесь жениться на ней?

— Нет. Брак — это вроде алхимии. Когда-то он служил важной цели, но теперь — едва ли.

— Хорошо.

— И что вы ей сказали?

— Я дала ей карту направления, где было сказано: «Диагноз: сука. Предписание: лечение успокаивающими средствами и плотный кляп.»

— О! — протянул Рэндер с явным интересом.

— Она разорвала карту и бросила мне в лицо.

— Интересно, зачем это все?

Она пожала плечами, улыбнулась.

— Отцы и старцы, — вздохнул Рэндер, — я размышляю, что есть ад?

— «Я считаю, что это — страдание от неспособности любить», — закончила Элина. — Это Достоевский, верно?

— Поздравляю. Я включил бы его в лечебную группу. Это был бы реальный ад для него — со всеми этими людьми, действующими, как его персонажи и радующимися этому.

Рэндер поставил чашку и отодвинул ее от края стола.

— Полагаю, что вы теперь должны идти?

— Должен, в самом деле

— Нельзя ли поинтересоваться: вы пойдете пешком?

— Нет.

Она встала.

— Ладно. Сейчас надену пальто.

— Я могу доехать один и отправить кар обратно.

— Нет! Меня мучает идея пустых каров, катающихся по городу. На меня это будет давить недели две. Кроме того, вы обещали мне кафедральный собор.

— Вы хотите сегодня?

— Если смогу вас уговорить.

Рэндер встал, размышляя. Зигмунд поднялся тоже и встал рядом с Рэндером, глядя снизу вверх в его глаза. Он несколько раз открывал и закрывал пасть, но не издал ни звука. Затем он повернулся и вышел из комнаты.

— Нет! — голос Элины вернул его назад. — Ты останешься здесь до моего возвращения.

Рэндер надел пальто и затолкал чемоданчик в просторный карман.

Когда они шли по коридору к лифту, Рэндер услышал слабый далекий вой...

...В этом месте, как и во всех других, Рэндер знал, что он — хозяин всего.

Он был как дома в тех чужих мирах без времени, в тех мирах, где цветы спариваются, а звезды сталкиваются в небе и падают на землю, обескровленные; где в мирах обнаруживаются лестницы вниз, в глубину, из пещер возникают руки, размахивающие факелами, чье пламя похоже на жидкие лица — все это Рэндер знал, потому что посещал эти миры на профессиональной основе в течение уже почти десяти лет. Одним согнутым пальцем он мог выделять колдунов, судить их за измену королевству, мог казнить их, мог назначать их преемников.

К счастью, это путешествие было только из вежливости... Он шел через прогалину, разыскивая Элину. Он чувствовал ее пробуждающееся присутствие повсюду вокруг себя.

Он продрался сквозь ветви и остановился у озера. Оно было холодное, голубое, бездонное, в нем отражалась та стройная ива, которая стала символом прибытия Элины.

— Элина!

Ива качнулась к нему и обратно.

— Элина! Идите сюда!

Посыпались листья, поплыли по озеру, тревожа его спокойствие, искажая отражения.

— Элина!

Все листья на иве разом пожелтели и попадали в озеро. Дерево перестало качаться. В темнеющем небе раздался странный звук, вроде гудения высоковольтных проводов в морозный день.

На небе вдруг появилась двойная вереница лун. Рэндер выбрал одну, потянулся и прижал ее. Остальные тут же исчезли, и мир остановился. Гудение в воздухе смолкло.

Он обошел озеро, чтобы получить субъективную передышку от действий по отбрасыванию отраженного им удара. Он пошел к тому месту, где хотел поставить собор. Теперь на деревьях пели птицы. Ветер мягко пролетал мимо. Рэндер отчетливо ощущал присутствие Элины.

— Сюда, Элина, сюда!

Она оказалась рядом с ним. Зеленое шелковое платье, бронзовые волосы, изумрудные глаза, на лбу изумруд. Зеленые туфли скользили по сосновым иглам.

— Что случилось? — спросила она.

— Вы были испуганы.

— Чем?

— Может, вы боитесь кафедрального собора. Может, вы ведьма? — он улыбнулся.

— Да, но сегодня у меня выходной.

Он засмеялся, взял ее за руку, они обошли зеленый остров, и там, на травянистом холме был воздвигнут кафедральный собор, поднявшийся выше деревьев. Он дышал носом органа, в его стеклах отражались солнечные лучи.

— Держитесь крепче, — сказал он. — Отсюда гиды начинают обход.

Они вошли.

— «...с колоннами от пола до потолка, так похожими на громадные древесные стволы, собор достигает жесткого контроля над своим пространством...» — процитировал Рэндер.— Это из путеводителя. Это северный придел...

— «Зеленые рукава», — сказала она. — Орган играет «Зеленые рукава».

— Верно. Вы не можете порицать меня за это.

— Я хочу подойти ближе к музыке.

— Прекрасно. Вот сюда.

Рэндер чувствовал, что что-то не так, но не мог сказать, что именно. Все держалось так основательно...

Что-то быстро пронеслось высоко над собором и произвело звучный гул. Рэндер улыбнулся, вспомнив теперь: это было вроде ошибки в языке — он на миг спутал Элину с Джилл — да, вот что случилось.

Но почему же тогда...

Алтарь сиял белизной. Рэндер никогда и нигде не видел такого. Все стены были темными и холодными. В углах и высоких нишах горели свечи. Орган гремел под невидимыми пальцами.

Рэндер понимал, что что-то тут неправильно.

Он повернулся к Элине Шэлотт. Зеленый конус ее шляпы возвышался в темноте, неся клок зеленой вуали. Ее шея была в тени, но...

— Где ожерелье?

— Не знаю. — Она улыбалась. Она держала бокал, отливающий розовым. В нем отражался ее изумруд.

— Выпьете? — спросила она.

— Стойте спокойно, — приказал он.

Он пожелал, чтобы стены обрушились. Но они лишь подернулись тенями.

— Стойте спокойно, — повторил он повелительно.— Не делайте ничего. Постарайтесь даже не думать. Стены, падайте! — закричал он, и стены взлетели в воздух, и крыша поплыла по вершине мира, и они стояли среди развалин, освещенных единственной свечой. Ночь была черна, как уголь.

— Зачем вы сделали это? — спросила она, протягивая ему бокал.

— Не думайте. Не думайте ни о чем. Расслабьтесь. Вы очень устали. Ваше сознание мерцает и гаснет, как эта свеча. Вы с трудом держитесь в бодрствующем состоянии. Вы едва стоите на ногах. Ваши глаза закрываются. Да здесь и смотреть не на что.

Он пожелал, чтобы свеча погасла. Но она продолжала гореть.

— Я не устала. Пожалуйста, выпейте.

Он слышал сквозь ночь органную музыку. В другое время он не узнал бы ее сразу.

— Мне нужно ваше сотрудничество.

— Пожалуйста. Все, что угодно.

— Смотрите, луна! — показал он.

Она взглянула вверх, и из-за чернильной тучи вышла луна.

— И еще, и еще...

В темноте прошли луны, как нитка жемчуга.

— Последняя будет красной, — сказал он.

Так и было.

Он вытянул указательный палец, откинул руку в сторону, вдоль поля зрения Элины, и хотел коснуться красной луны.

Рука его заболела; ее жгло. Он не мог шевельнуть ею.

— Очнитесь! — завопил он.

Красная луна исчезла, и белая тоже.

— Пожалуйста, выпейте.

Он вышиб бокал из ее руки и отвернулся. Когда он вновь повернулся к ней, она по-прежнему держала бокал.

— Выпьете?

Он повернулся и полетел прочь.

Это напоминало бег сквозь высокий — выше пояса — снежный сугроб. Это было неправильно. Он усложнял ошибку этим бегом — он уменьшал свою силу, а силу Элины увеличивал. И это вытянуло из него энергию, высушило его.

Он стоял во мраке.

— Мир движется вокруг меня, — сказал он. — Я — его центр.

— Пожалуйста, выпейте, — повторил ее голос, и он очутился на прогалине, рядом с их столиком у озера. Озеро было черное, а луна серебряная, и висела она высоко: он не мог до нее дотянуться. На столе мигала единственная свеча, и ее свет делал волосы и платье Элины серебряными. На лбу ее была луна. На белой скатерти стояла бутылка кьянти — рядом с широким фужером для вина. Он был полон, и розовые пузырьки пенились по краю.

Рэндера мучила жажда, а Элина была прекраснее всех, кого он когда-либо видел, и ожерелье ее сверкало, и с озера дул холодный ветер, и было здесь что-то, что он должен был вспомнить...

Он шагнул к ней, и его доспехи слегка зазвенели. Он потянулся к фужеру, но его рука болезненно застыла и упала вдоль тела.

— Вы ранены!

Он медленно повернул голову. Из открытой раны на бицепсе лилась кровь, стекала по руке и капала с пальцев. Броня была пролюмлена. Он заставил себя отвернуться.

— Выпей, любимый, это излечит тебя. Я подержу фужер.

Он смотрел на нее, когда она подносила фужер к его губам.

— Кто я? — спросил он.

Она не ответила, но ответило что-то из плещущей воды озера:

— Ты Рэндер, Конструктор.

— Да, я вспоминаю, — сказал он и, медленно повернувшись к той лжи, которая могла сломать всю иллюзию, заставил себя сказать:

— Элина Шэлотт, я ненавижу вас.

Мир закачался и поплыл вокруг него, вздрагивая, как от рыданий.

— Чарлз! — взвизгнула Элина, и мрак упал на них.

— Очнитесь! Очнитесь! — кричал он, и его правая рука болела и горела, кровоточа в темноте.

Он стоял один на белой равнине, безмолвной и бесконечной, спадающей к краям мира. Она испускала собственный свет, и небо было не небом, а пустотой, ничем.

Ничто. И он был один. Его собственный голос эхом возвращался к нему с конца мира: «...ненавижу вас», — говорило Эхо, — «...ненавижу вас».

Он упал на колени. Он был Рэндером. Ему хотелось кричать.

В небе появилась красная луна, бросающая призрачный свет на всю протяженность равнины. Слева поднялась стена гор, и такая же — справа.

Он поднял правую руку, поддерживая ее левой, вытянул указательный палец и потянулся к луне.

С черных высот пришел вой — странный плачущий крик, получеловеческий — вызов, отчаяние и сожаление. Затем Рэндер увидел Его, шагающего по горам, сбивающего хвостом снег с самых высоких пиков — последнего волка-оборотня Севера, Фенриса, сына Локи, бушующего в Небе.

Фенрис прыгнул в воздух и проглотил Луну. Он приземлился неподалеку от Рэндера. Его огромные глаза горели желтым огнем. Он крался к Рэндеру на бесшумных лапах через холодные белые поля, лежавшие между горами. И Рэндер отступал от него, поднимаясь и спускаясь по холмам, через трещины и ущелья, через долины, мимо сталагмитов и башенок, все вниз и вниз, пока жаркое дыхание зверя не обдало его, и хохочущая пасть не раскрылась над ним. Рэндер увернулся, и его ноги стали двумя сверкающими реками, уносящими его прочь.

Мир отскочил назад, Рэндер скользил по склонам. Вниз... быстрее... прочь...

Он оглянулся через плечо.

Вдалеке серая тень неслась за ним. Рэндер чувствовал, что зверь легко сократит разрыв, если захочет. Надо двигаться быстрее.

Мир под ним зашатался. Повалил снег. Он бежал вперед к расплывчатому, размытому контуру. Он прорывался сквозь пелену снега, который, шел теперь вверх, с земли.

Он приближался к разбитому предмету. Приближался, как пловец — неспособный открыть рот и заговорить из боязни утонуть, утонуть, так и не узнав ничего.

Он не мог оценить свое продвижение вперед: его несло, как прибоем, к обломкам, и, наконец, он остановился рядом с ними.

Некоторые вещи никогда не меняются. Это вещи, которые давно перестали быть предметами и оставались исключительно как никогда не зарегистрированные случаи вне порядка элементов, называемого Временем.

Рэндер стоял здесь и уже не беспокоился, что Фенрис может прыгнуть на него сзади и съесть его мозг. Он закрыл глаза, но не мог перестать видеть. Сейчас не мог. Большая часть его самого лежала мертвой у его ног.

Раздался вой. Серая тень мелькнула мимо Рэндера. Злобные глаза и кровожадная пасть протискивались в искореженный кар, прогрызая сталь, стекло, нащупывая внутри...

— Нет! Зверь! — закричал Рэндер. — Мертвые священны! Мои мертвые священны! В его руке появился скальпель, и он умело полосовал сухожилия, бугры мускулов напряженных плеч, мягкое брюхо, веревки артерий.

Рыдая, он расчленил чудовище, часть за частью, и оно исходило кровью, пачкая машину и останки в ней адским звериным соком. Кровь капала и лилась, пока вся равнина не покраснела и не скорчилась.

Рэндер упал поперек разбитого капота, тут было мягко, тепло и сухо. Он рыдал.

— Не кричи, — сказала она.

Он крепко ухватился за ее плечо. Рядом было черное озеро под луной Видсвудского фарфора. На их столике мигала единственная свеча. Элина держала фужер у его губ.

— Пожалуйста, выпей это.

— Да, давайте.

Он глотнул вина; оно было сама мягкость и легкость. Оно горело в нем, и он почувствовал, что его сила возвращается.

— Я...

— Рэндер, Конструктор, Творецццс, — плеснуло озеро.

— Нет!

Он повернулся и снова побежал, глядя на обломки. Он хотел уйти обратно, вернуться...

— Ты не можешь.

— Могу! — закричал он. — Могу, если постараюсь...

Желтое пламя свилось кольцами в густом воздухе. Желтые змеи. Они обвились вокруг его лодыжек. Затем из мрака выступил его двухголовый враг.

Мелкие камни прогрохотали мимо него. Одуряющий запах ввинчивался в нос и в мозг.

— Конструктор! — промычала одна голова.

— Ты вернулся для расплаты! — прорычала другая.

Рэндер вглядывался, вспоминая.

— Я не буду платить, Томиэль, — ответил он. — Я побью

тебя и скую именем Росмана, да, Росмана, каббалиста. — Он начертил в воздухе пентаграмму. — Уходи в Клинхот. Я изгоняю тебя.

— Клинхот здесь.

— ...Именем Камаэля, ангела крови, именем Воинства Серафимов, во имя Элоиза Гобора, приказываю тебе исчезнуть!

— Не сейчас, — засмеялись обе головы.

Враг двинулся вперед. Рэндер медленно отступал, его ноги связывали желтые змеи. Он чувствовал, что за ним разверзается пропасть. Мир зигзагом уходил в сторону. Рэндер видел его отделяющиеся куски.

— Сгинь!

Гигант заревел в обе глотки. Рэндер споткнулся.

— Сюда, любимый!

Она стояла в маленькой пещере справа. Он покачал головой и попятился к пропасти.

Томиэль потянулся к нему. Рэндер повалился на край.

— Чарлз! — взвизгнула она, и с ее воплем сам мир качнулся в сторону.

— Значит, Уничтожение, — ответил он, падая. — Я присоединяюсь к тебе в темноте.

Все пришло к концу...

— ...Я хотел бы видеть д-ра Чарлза Рэндера.

— К сожалению, это невозможно.

— Но я прискакал сюда только для того, чтобы поблагодарить его. Я стал новым человеком! Он изменил всю мою жизнь!

— Мне очень жаль, мистер Эриксон, но, когда вы позвонили утром, я сказал вам, что это невозможно.

— Сэр, я член палаты представителей Эриксон... И Рэндер однажды оказал мне большую услугу.

— Вот и вы окажите ему услугу — езжайте домой.

— Вы не можете говорить со мной таким тоном!

— Могу. Пожалуйста, уходите. Может, в следующем году...

— Но несколько слов могут заинтересовать...

— Приберегите их...

— Я... Я прошу прощения...

Как ни прекрасна была порозовевшая от зари, брызгающая, испаряющаяся чаша моря — он знал, что это вот-вот кончится. Тем не менее...

Он спустился по лестнице высокой башни и вышел во внутренний двор. Прошел через беседку и посмотрел на соломенную постель в центре.

— Доброе утро, милорд, — сказал он.

— И тебе того же, — ответил рыцарь. Его кровь смешивалась с землей, цветами, травой, брызгала на его доспехи, алые капли стекали с пальцев.

— Никак не заживает?

Рэндер покачал головой.

— Я пустой. Я жду.

— Ваше ожидание скоро кончится.

— Что ты имеешь в виду? — рыцарь сел.

— Корабль. Подходит к гавани.

Рыцарь встал и прислонился к замшелому стволу дерева.

Он смотрел на огромного бородатого слугу, который продолжал говорить с грубым варварским акцентом:

— Он идет, как черный лебедь по ветру. Возвращается.

— Черный, говоришь? Черный?

— Паруса черные, лорд Тристан.

— Врешь!

— Хотите сами увидеть? Ну, смотрите. — Слуга сделал жест.

Земля задрожала, стены упали. Пыль закружилась и осела. Отсюда был виден корабль, входящий в гавань на крыльях ночи.

— Нет! Ты солгал! Смотри — они белые!

Заря танцевала на воде. Тени улетали из парусов корабля.

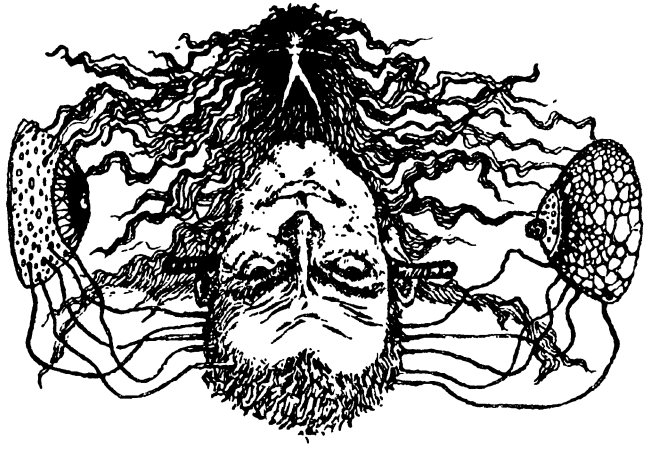
— Нет, глупец, черные! Они должны быть черными!

— Белые! Белые! Изольда! Ты сохранила веру! Ты вернулась! — он побежал к гавани.

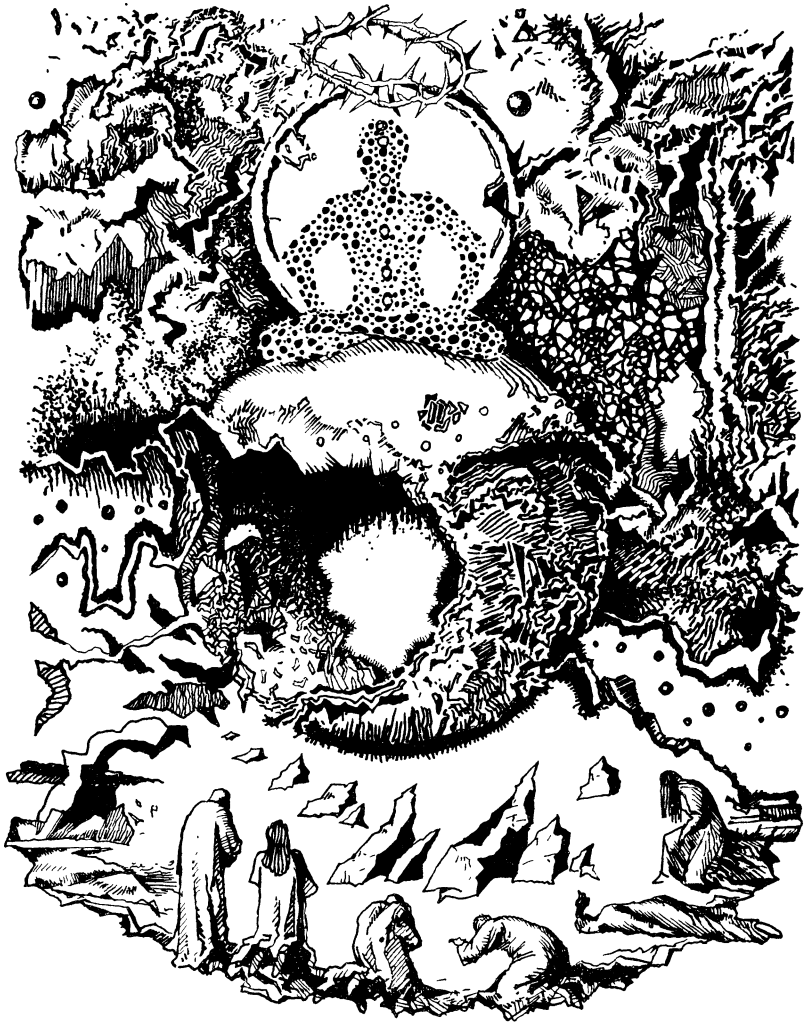
— Вернитесь! Вы ранены! Вы больны! Стоп...

Паруса белели под солнцем, которое было красной кнопкой, и слуга быстро повернулся к ней.

Упала ночь.

Остров мертвых

© *By Roger Zelazny*
«Isle of Dead» N.Y. 1969

ГЛАВА 1

Прошу великодушно простить мне крохотное философское отступление в качестве пролога к той истории, которую я собираюсь рассказать — но жизнь моя изредка напоминает берег залива в Токио.

С тех пор, как я в последний раз видел этот залив, минул не один век, так что в чем-то я могу и заблуждаться, но по рассказам очевидцев изменилось немногое, если не считать кондомов.

Я помню гигантское пространство грязной воды, — к горизонту она, наверное, становилась чище и ярче — помню ее вонь и зябкий плеск, с которым вода, подобно Времени, приносила и уносила различные предметы. Ежедневно волнами Токийского залива выбрасывались на берег разнообразные вещи. Назови наугад — и вода рано или поздно вынесет и оставит на песке: покойника, алебастрово-белую раковину или же розовую, подобно тыкве, с завивающимся влево спиральным рогом, невинным, словно у единорога; бутылку — с запиской или пустую, но если записка все-таки есть, то ее либо можно прочесть, либо нельзя; и светлую гальку, и темную гальку, пустые лодки, дохлую рыбешку, обрывки каната, водоросли, кораллы; — ну просто «дары моря» и тому подобное... И если вы не тронете оставленную морем вещь и позволите ей лежать на прежнем месте, то вода вскоре непременно заберет ее обратно. Вот такие-то дела...

Ах да, чуть не забыл — в те времена залив был полон использованных кондомов — медузообразных, полупрозрачных доказательств бессмертия инстинкта к продолжению рода, только «завтра, завтра, не сегодня...» Иногда они украша-

лись лихой картинкой, а как-то на одном конце обнаружилось перо. Ходят слухи, что теперь они полностью исчезли, подобно водяным часам или крючкам на одежде — противозачаточные пилюли вытеснили их со сцены.

Ну и что? Молочные железы также имеют свойство неуклонно увеличиваться в объеме — но кто этим возмущается?!.

Когда ранним солнечным утром я слонялся по берегу, то озноб легкого бриза успешно помогал мне справляться с отдыхом и восстановительной терапией после махонькой и сугубо местной войны в Азии, забравшей моего младшего брата.

И во время прогулки мне то и дело слышались крики птиц, хотя самих птиц нигде видно не было. Они вносили в происходящее привкус таинственности, и неизбежно возникало сравнение: жизнь — это некая штука, чертовски напоминающая берег залива в Токио.

Все течет, все изменяется.

Невозможно предсказать, что именно вынесет на берег сегодняшняя волна. Возможно, это будете вы, возможно — я; и некоторое время мы проваляемся на песке бок о бок, а потом ледяные, трясущиеся пальцы дурно пахнущего прибоя разгребут песок — и где теперь мы с вами?.. А вокруг, словно олицетворение туманного человеческого будущего, словно символ конца жизни — таинственные крики невидимых птиц. Смех богов? Может, и так...

И, наконец, последний штрих к затянувшемуся прологу: мне кажется, что некоторые исчезнувшие предметы вполне способны вернуться на прежние берега — случайно или повинуясь капризам течения. И если мне не довелось ни с чем таким столкнуться, то это лишь по причине нехватки терпения. Или кто-то успел прийти на берег раньше меня, подобрать нужный предмет и утащить с собой.

Когда я отчетливо осознал возможность первого из вышеназванных явлений — меня сразу же стошнило. Что неудивительно после трехдневной попойки и пристрастия к аромату некоего экзотического растения... Придя наконец в себя, я поспешил выставить за дверь всех своих гостей. Шок — лучшее средство для отрезвления. Я и раньше знал, что явление второй категории — это когда Некто приходит и утаскивает предмет с берега моего залива — вполне может случиться и уже случалось со мной. Но я и не предполагал, что воочию столкнусь с явлением категории первой! Проглотив таблетку, обещавшую в три часа просветлить мой разум до прозрачности стеклышка, я подкрепил ее действие сауной и завалился на кровать — пока моя механическая и натуральная прислуга занималась уборкой дома.

Меня била дрожь. Я боялся. В большинстве случаев я — трус.

Множество вещей на этом свете пугает меня. И все это явления того разряда, над которыми у меня отсутствует всяческий контроль. Или — есть, но совсем крохотный. Классический пример — Большое Дерево.

Приподнявшись на локте, я дотянулся до ночного столика, взял присланный пакет и в десятый раз стал разглядывать его содержимое.

Ошибка исключалась. Какая тут ошибка, если письмо адресовалось лично мне!..

В свое время, получив это заказное письмо, я сунул его в карман куртки и лишь на досуге догадался распечатать.

И понял, что передо мной уже шестое подобное послание. Вот тогда-то мне стало плохо, и я решил прекращать пить.

Пакет содержал любопытную объемную фотографию. Кэтти в белом платье. Согласно пометке, снимок был сделан месяц тому назад. Кэтти была моей первой женой, и, пожалуй, кроме нее я не любил по-настоящему ни одну женщину. К тому же, пятьсот лет успели пройти со дня ее смерти. Подробности я изложу позднее.

Я внимательно осмотрел фотографию. Шестой снимок за последние месяцы. И на всех — разные люди, которых объединяло одно: все они были мертвы много веков.

Кто мог посылать мне это? Кто и зачем? Никакого текста не прилагалось — только снимок: лица моих друзей, лица моих врагов.

Я еще раз посмотрел на карточку. За спиной Кэтти были скалы и голубое небо. Снять такой кадр можно везде, где есть небо да скалы; а можно и с легкостью подделать. Некоторые типы способны и не на такое...

Кто знал обо мне достаточно для подобных шуток?!.

И вновь на ум мне пришел залив в Токио. И еще — Апокалипсис.

Сейчас был полдень, но я укрылся одеялом с головой и провалился в самодельные сумерки. Все эти годы жизнь была так прекрасна... И теперь рубец, который я считал затянувшимся, прорвался и начал кровоточить.

Хотя бы шанс из миллиона, что я держу не подделку...

Я бросил пакет на пол и забылся сном. Проснувшись, я долго вспоминал кошмар, заставивший меня покрыться холодным потом. Впрочем, все, что ни идет, все к лучшему.

Приняв душ, я переоделся во все чистое, наспех перекусил и с полным кофейником отправился в кабинет. Я привык называть эту комнату кабинетом еще с тех пор, когда в ней работал.

Но эта привычка улетучилась сама собой приблизитель-

но лет тридцать-тридцать пять тому назад. Перерыв гору рассортированной корреспонденции последних месяцев, я обнаружил: просьбы о финансовой помощи от нескольких странных благотворительных контор и не менее странных личностей, намекавших на аргументы в виде бомб в случае моего отказа; четыре приглашения прочесть лекцию, одно предложение заняться работой, которая еще пару лет назад могла бы меня заинтересовать; послание от внезапно объявившегося наследника — родственника со стороны третьей жены, которого я терпеть не мог, и который собирался встретиться со мной у меня дома; настойчивые мольбы жаждущих покровительства любителей искусств, а также тридцать одну повестку в суд, сообщавшую о возбуждении против меня уголовного дела и тридцать одно извещение от моих адвокатов по поводу прекращения вышеупомянутых дел.

Короче, в этом хламе я все-таки разыскал интересующие меня письма.

Первое из них — письмо Мэрилинга с Мегапеи.

«Привет тебе, Сын Земли, привет от всех Двадцати Семи Имен, существующих и поныне, привет и надежда, что ты успел разбросать во мраке не одну россыпь жемчужин, расцветив их всеми оттенками жизни.

Полагаю, что срок существования того дряхлого темно-зеленого тела, которое я имею честь носить, вскоре оборвется, причем не позднее начала будущего года. И одно тяготит меня — невозможность увидеть моего чужеземного сына этими пожелтевшими близорукими глазами. Пусть он посетит меня до пятого периода, чтобы рука его на моем плече облегчила груз тревог и горестей, явившихся непрошенными.»

Следующим шло послание от «Компании глубинного бурения». Всем было известно, что под этой вывеской скрывается первое отделение ЦББЗ — Центрального Бюро Безопасности Земли.

В письме был запрос — нет ли у меня желания приобрести бывшее в употреблении, но вполне работоспособное оборудование для горного дела, хранящееся в столь отдаленной местности, что его транспортировка была убыточной для владельцев.

С шифром, которым кодировалось данное послание, я успел познакомиться еще в те незапамятные времена, когда подвизался на некоей работенке, подписав контракт с федеральным правительством Земли. Так что в расшифрованном виде смысл несколько менялся.

«Что происходит?! По-прежнему ли Вы верны Земле? Более двух десятков лет мы не можем допроситься, чтобы Вы приехали для консультации по жизненно важному делу. Все

наши запросы были последовательно проигнорированы. Но мы не сомневаемся в Вашей лояльности и т.д. и т.п.»

Третье письмо было написано по-английски.

«Я не намерена намекать на связывавшие нас некогда узы, но больше мне просто не к кому обратиться. У меня огромные неприятности. При малейшей возможности прошу тебя заглянуть на Альдебаран-5. Адрес старый, хотя декорации в чем-то новые.

Искренне твоя, Руфь.»

Вот они — три призыва к совести Фрэнка Сандо. И имеют ли они хоть какое-то отношение к письму в левом кармане моей куртки?!

Устроенная мною развеселая вечеринка по сути являлась прощальным ужином. И сейчас все гости успели отчалить от моей планеты и направиться к своим родным мирам. Еще в самом начале пирушки, пытаясь спровадить их самым приятным и эффектным способом, я знал свой собственный будущий маршрут.

Но снимок Кэтти разрушил все мои планы.

Адресаты всех трех писем были знакомы с Кэтти. И знали, кем она была для меня. Руфь в свое время вполне могла заполучить такую фотографию, и подсунуть ее ловкому монтажеру. Для Мэрилинга вообще не представляло трудности просто-напросто сотворить эту штуку... А Бюро Безопасности обладало обширнейшими архивами и лабораториями, где делали и не такое...

Впрочем, все это вполне могло оказаться и моими домыслами. И если загадочный Некто чего-то добивался от меня — почему тогда в пакете не было никакой записки?!

Если я не откликнусь на просьбу Мэрилинга, я никогда не смогу больше уважать сам себя. Но пятый период на Мегапее наступит почти через год. Следовательно, по пути туда я могу позволить себе несколько остановок.

Где и с какой целью?

Подданным Земли я не являлся, так что Бюро Безопасности не имело на меня никаких прав. Я никогда не отказывался помочь родной планете, но если дело тянулось уже два десятка лет, то оно могло подождать и еще немножко. Тем более, что по моим сведениям существование Земли было таким же, как всегда — то есть привычно плохоньким. Кроме того, в случае особой необходимости Бюро непременно прислало бы человека для личной встречи.

Оставалась — Руфь.

Около года мы прожили с ней вместе, пока не поняли, что лишь терзаем друг друга и ничего хорошего из этого не

выйдет. Впрочем, расстались мы дружески. Меня удивило то, что Руфь до сих пор была жива, но она много значила для меня, и для нее я сделаю все, что в моих силах.

На этом и остановимся. Я еду к Руфи. Затем расхлебываю ту кашу, которую она успела заварить, и отправляюсь на Мегапею. А по пути пытаюсь выудить хоть какой-нибудь намек относительно того, кто, когда и с какой целью бомбардирует меня загадочными снимками... Если же ничего разузнать не удастся — лечу на Землю и связываюсь с ЦББЗ. По принципу: ты — мне, я — тебе.

Я попивал кофе и курил. Потом, впервые за пять лет, я позвонил в порт и отдал приказ готовить «Модуль-Т» к дальней дороге. «Модуль-Т» — это мой подпространственный прыгатель. Готовить его будут до утра, и на рассвете я стартую к Руфи.

Затем я запросил у СЕКАРХа — это мой персональный Автосекретарь и Архивариус — всю информацию о нынешнем хозяине «Модуля-Т». Им оказался Лоренс Дж. Коннор. Уроженец Лоуширa. Дж. — в смысле «Джон».

Я велел доставить все необходимые документы, и через секунду они мягко упали на бархат приемного отделения. Изучив внешность Коннора, я отдался в манипуляторы кибера-парикмахера, и вскоре стал блондином, потерял изрядную долю загара, приобретя взамен пару морщин и пригоршню веснушек; кроме того, узор подушечек моих пальцев совершенно изменился.

В свое время я позаботился о целом списке фиктивных личностей, чьи биографии были безукоризненны и достоверны — если только не очень приближаться к «родной планете». Все они весили около ста шестидесяти фунтов, и рост их колебался между пятью футами и пятью футами одним дюймом. Совсем немного грима и набор фактов из биографии — и я способен превратиться в любого из своих призраков. Иначе я вынужден — а я этого терпеть не могу — регистрировать корабль на имя Фрэнсиса Сандо с планеты Независимое Владение, или, по другим источникам, с Земли Сандо. В принципе, я не против жертв, но на подобные мелкие неудобства необходимо идти, особенно если ты входишь в сотню самых богатых людей Галактики. Вот никак не могу вспомнить — не то номер 87, не то 88... В общем, где-то рядом...

Вечно кому-то что-нибудь нужно от меня — причем, как правило, либо деньги, либо кровь. А я не расположен попусту разбазаривать ни то, ни другое. И вообще, я человек нервный и ленивый, так что деньги и кровь мне пригодятся самому.

Разве что честолюбия недостает — иначе я стремился бы продвинуться в сотне денежных тузов на номер 86, затем на

номер 85, и так далее... Нехватка честолюбия беспокоила меня лишь в самом начале, и то слегка, а там забылась и исчезла. Получение первого миллиарда позволяет смотреть на деньги философски... Сперва меня заботило, не финансирую ли я множество темных делишек, сам того не подозревая, но позднее я создал идею Большого Дерева — и послал подобные мысли ко всем чертям.

Большое Дерево растет со времен рождения нашего общества — потому что это одно и то же. Общая сумма больших и малых листьев на его ветвях равна общей сумме всех, имеющихся в наличии денег И каждый листик украшен каким-нибудь именем. Одни опадают, другие вырастают, и в конце концов через пару сезонов все имена уходят в небытие и круг замыкается. Но само дерево от этого не меняется, оно продолжает расти и отращивать все новые листья. Некогда я намеревался отсечь все сухие и сгнившие ветви Большого Дерева. Но как только я справлялся с одной и делал перерыв на обед — тут же вырастал десяток новых. И тоже гнилых. Черт побери, в наше проклятое время даже от траты денег нельзя получить полного удовольствия, а Большое Дерево растет не в горшочке на подоконнике, и не желает развиваться по моему заказу. Ну и пусть себе растет — я не против — а некоторые свежие или желтеющие листики пусть сохраняют и мое имя — и я с радостью попрыгаю в его кроне, прячась под нигде не отмеченным именем. Это ведь наши личные отношения — мои и Большого Дерева. А если начать интересоваться, каким образом я заполучил столько вожделенной зелени — то подобный интерес вызовет к жизни более сложную и менее веселую метафору. И сейчас давайте не будем об этом.

На сегодня мы и так перебрали, а если вы считаете иначе, то припомните судьбу злосчастного Джона Донна, переставшего считать себя островом. Где он теперь? Лежит на дне Токийского залива, а вот ваш покорный слуга каким был, таким и остался.

Я сел за клавиатуру и стал вводить в СЕКАРХа необходимые инструкции для прислуги на период моего отсутствия. В результате титанического напряжения мозга и обилия поправок мне удалось ничего не забыть. А в завещании я решил ничего пока не менять. После чего часть бумаг перекочевала в бокс деструктора и был отдан приказ активизировать аппарат в некоторых случаях.

Потом было послано уведомление моему агенту на Альдебаране-5, чтобы мирный путешественник Лоренс Дж. Коннор — случись он проездом в тех местах — получил все, что ему требуется. Там же упоминался и секретный код на случай

аварии — мне отнюдь не хотелось потом доказывать, что я — это я.

И лишь после всего этого я выяснил, что уже четыре часа и мой желудок требует пищи.

— Сколько времени остается до заката, если округлить до минуты? — запросил я СЕКАРХа.

— Сорок три минуты, сэр, — ответил бесполый голос из невидимого динамика.

— Через три минуты я намерен обедать на Восточной террасе, — я сверился с хронометром. — На обед извольте подать омара с картофелем во фритюре, а также капустный салат, булочки, бутылку моего личного шампанского, кофе с цитрусовым щербетом, коньяк из самых старых запасов и пару сигар. Также поинтересуйтесь у Мартина Бремена — согласится ли он лично подавать на стол?

— Ясно, сэр. Иного гарнира не требуется?

— Нет.

Затем я возвратился в свои апартаменты, переоделся и сунул в сумку кое-какие вещи. Там был отдельный выход на информатор СЕКАРХа и я отдал еще один приказ. Он рождал озноб и сосущую тяжесть в желудке, но больше откладывать было нельзя. Настала пора действовать.

Ровно через два часа одиннадцать минут, — я снова посмотрел на часы, позвони Элиз и предложи ей выпить со мной. Сейчас, и на Западной террасе. Также приготовь два чека общей суммой на миллион долларов и рекомендательные письма для нее по категории «А». Все вышеназванное доставь мне в незапечатанных конвертах. Отдельно.

— Слушаюсь, сэр, — прозвучал ответ. И не успел я вставить запонки в петли манжет, как все документы уже лежали в приемной корзинке на трельяже.

На всякий случай я ознакомился с содержимым конвертов, заклеил их, спрятал во внутренний карман пиджака и двинулся на Восточную террасу.

Оранжевый колосс солнца как раз запутался в ажурных сетях перистых облаков и они таяли на глазах, заливая небосвод янтарной желтизной, расплавленным золотом и багрянцем. Солнцу пора было скатиться по извечной крутизне между двумя горными пиками — близнецами по имени Урим и Туммим. Это я приказал им стоять именно здесь, указывая уставшему светилу дорогу к ночному приюту. И пурпур солнечной крови в положенный час зальет склоны гор.

Мой стол располагался под вязом. Наверху в ту же минуту включился проектор силового поля, не дающий всякой дряни, вроде насекомых, птичьего помета или сухой листвы,

падать на стол. Через секунду показалась тележка с откидной крышкой и толкающий ее Мартин Бремен.

— Добрый вечер, сэр.

— Здравствуй, Мартин. Как поживаешь?

— Все в полном порядке, мистер Сандо. А у вас?

— У меня тоже. Я уезжаю.

— Да?!.

Он сервировал стол, поднял крышку и стал подавать.

— Вот поэтому-то перед отъездом я и собираюсь сказать тебе то, что ты и без меня знаешь. Из всех блюд, которые мне когда-либо доводилось пробовать, твои — самые лучшие.

Он скромно опустил глаза, стараясь не расплыться в улыбке, но его и без того красное лицо стало просто багровым.

— Благодарю вас, сэр. Мне было приятно работать для вас.

— Вот поэтому я и полагаю, что тебе никак не помешает годовой отпуск с сохранением содержания плюс премиальные для разработки новых кулинарных рецептов. Если возражений нет, то я сам улажу все вопросы с конторой Барсара.

— Когда вы едете, сэр?

— Завтра на рассвете.

— Все ясно, сэр. Ваше предложение весьма заманчиво. Благодарю вас.

— А скажи-ка мне, Мартин — каково готовить блюда, которые ты сам никогда не сможешь попробовать?

— Это неважно, сэр, — Бремен покачал головой. — На дегустатора можно смело положиться. Я иногда задумывался над тем, какого вкуса моя стряпня, но химик тоже не всегда пробует свои химикалии. Вы меня понимаете, сэр?

Подавал он приблизительно так: в одной руке — вазочка с булочками, в другой — кофейник, в третьей — круглое блюдо салата, а четвертая рука небрежно опиралась о тележку. Он был родом с Ригеля, и имя его на самом деле звучало Ммммир'т Брррр'н. Ригелианцы — лучшие кулинары Галактики, если приставить к ним хорошего дегустатора. К славе они абсолютно равнодушны. Мы не раз уже вели подобные разговоры, и Мартин прекрасно понимает, что я шучу, уговаривая его сознаться в том, что человеческая пища ассоциируется для него с техническими и биологическими отходами. Похоже, что он молчит исключительно из-за профессиональной чести. И выпады неспособны расшевелить Мартина. Разве что, когда он раздражен обилием грейпфрутового, апельсинового или лимонного сока, он утверждает, что низший уровень, который позволителен для ригелианца — это приготовление пищи для Гомо Сапиенс. Я поддерживаю эту мысль, потому что отлично отношусь и к Мартину, и к его продукции, а кроме

этого вы и за огромные деньги в наше время не сумеете раздобыть себе повара с Ригеля.

Ты знаешь, Мартин, — сказал я, — в моем завещании имеется специальный пункт, касающийся лично тебя.

— Но... я не знаю, что сказать на это, сэр...

— Значит, молчи. Только имей в виду — я собираюсь вернуться.

Немногим людям, в том числе и Мартину, я мог открыто сказать о завещании. За тридцать два года службы у меня он давно заслужил пожизненный пенсион. Приготовление особо изысканных блюд было его тихой страстью, да и ко мне он явно испытывал симпатию. Мотивы этого были мне совершенно непонятны. В случае моей смерти он стал бы обеспеченным человеком — хотя человеком он не был — но не настолько обеспеченным, чтоб подсыпать мне в кофе ядовитую пыльцу с крыльев муританского махаона.

И я решил сменить тему.

— Как тебе нравится сегодняшний закат?

Пару минут он внимательно разглядывал пики гор.

— Недурно подрумянено, сэр.

— Благодарю за комплимент. Оставь коньяк и сигары и можешь быть свободным. А я еще посижу немножко.

Он выполнил сказанное, выпрямился во весь свой восьмифутовый рост и произнес, кланяясь:

— Доброй дороги, сэр, и спокойной ночи.

— И тебе приятных сновидений.

— Спасибо, сэр.

И Мартин растворился в подступивших сумерках.

Я дождался легкого дуновения ночного ветра, от которого лягушки соловьиными голосами затянули баховскую прелюдию, и стал любоваться желтым лунным диском — под названием Флорида — который всплыл точно в том же месте, где час назад было солнце. В индиговый настой позднего вечера вплетался слабый аромат раскрывающихся розолилий, серебряная мишура звезд мерцала над головой, трещал на столе фитиль ровно горящей свечи, и омар таял на языке, подобно маслу, а шампанское наводило на мысли о полюсе и айсбергах. Грусть незаметно завладела моей душой, и я всем сердцем хотел сказать окружающему миру: «Я еще вернусь к тебе!..»

Покончив с омаром, щербетом и шампанским и еще не приступив к коньяку, я решил выкурить сигару. Разумеется, это крайне дурной тон, но я произнес тост за все, что видят сейчас мои глаза, и решил, что это вполне сойдет за извинение. Кроме того, я налил себе чашечку кофе.

Закончив ужин, я встал и направился вокруг огромной и

сложной постройки, гордо именующейся моим домом. Меня интересовал бар Западной террасы. Дойдя до него, я присел на табурет, поставив рядом рюмку с коньяком, и зажег вторую сигару.

И в этот самый момент в проходе возникла Она. Элиз сегодня предпочла шелк, голубой шарф пенился на ее плечах, искрясь в свете фонарей и наплывая на воротник-стойку, украшенную бриллиантами. Добавьте ко всему этому белые перчатки, пепельные пряди волос, и бледно-розовые губки бантиком, всегда чуть-чуть приоткрытые. И взгляд с кокетливым прищуром.

Ах, какая приятная встреча под луной, протянула Элиз, и влажность губ плавно перетекла в многообещающую улыбку.

Мой расчет был точен, потому что именно в эту секунду взошла вторая луна, жемчужно-белая, и зависла над западным горизонтом. А голос Элиз напоминал пластинку, неожиданно заевшую на ноте «до». В наше время пластинки никогда не заедают, но я-то помню и иные времена... Кто их еще может вспомнить, кроме меня?..

— Привет, — сказал я. — Что будешь пить?

Ответ был такой же, как всегда.

— Виски с содовой. Прекрасная ночь!..

Я улыбался, глядя в голубизну ее глаз.

— Да, конечно. Сейчас...

Я ввел код заказа, и спустя мгновение появился бокал.

— А ты стал другим, Фрэнк. Веселее, что ли...

— Пожалуй...

— Надеюсь, ты не собираешься заняться благотворительностью?

— Отнюдь, — я пододвинул ей бокал. — Сколько у нас там набежало? Около пяти месяцев?

— Чуть больше.

— У тебя контракт на год?

— Да, на год.

Я протянул ей конверт

Считай это расторжением контракта.

Ее улыбка застыла и исчезла совсем.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Как обычно. Лишь то, что уже сказано.

— То есть я могу считать себя свободной?

— Полагаю, что да. И пусть соответствующая сумма развеет твою тревогу, — я добавил к первому конверту второй.

— Лучше я немного подожду.

— Не стоит.

— Тогда я еду вместе с тобой.

— А если я скажу тебе, что ты можешь погибнуть? Вместе со мной?

Мне хотелось, чтобы она сказала «да». Но, к сожалению, я достаточно знаю людей, и поэтому всегда имею запас рекомендаций по категории «А».

— В наше время всякое случается, Элиз... Человек вроде меня должен уметь рисковать.

— А ты дашь мне рекомендацию?

— Вот она.

Она отпила из бокала.

— Хорошо, Фрэнк.

Я передал ей рекомендацию.

— Ты ненавидишь меня за это? — спросила она.

— Нет.

— Почему?

— А за что я должен тебя ненавидеть?

— За мою слабость. И за то, что я слишком сильно люблю жизнь.

— Я не меньше тебя люблю жизнь, хотя гарантии меня не всегда устраивают.

— Поэтому я согласна на отставку.

— Поэтому я все подготовил заранее.

— И ты считаешь, что можешь все предугадать?

— Я так не считаю.

Она уже опустошила бокал.

— Какие планы на сегодняшний вечер, Фрэнк?

— Я же тебе сказал, что не всеведущ.

— Зато я кое-что могу предположить. В конце-концов, ты неплохо ко мне относился.

— Благодарю.

— Я огорчена расставанием...

— Но и испугана моими словами?

— Да.

— Очень?

— Очень.

Коньяк тоже иссяк, и я стал докуривать сигару, любуясь лунами — Флоридой и той, второй, за белизну прозванной Бильярдным шаром.

Она взяла меня за руку.

— Забудь сегодня про ненависть, дорогой.

Элиз так до сих пор не распечатала конвертов. Она тоже разглядывала ночные светила, и в руке ее была вторая порция виски.

— Когда ты улетаешь?

— Завтра, на рассвете. Едва младая Эос...

— О Господи, ты становишься поэтом!
— Нет. Я становлюсь самим собой.
— Я это и имею в виду.
— Вряд ли, но твое общество было мне приятно.
Она допила и вторую порцию.
— Холодает, Фрэнк...
— Ты права.
— Я не прочь согреться.
— Присоединяюсь...

Я бросил сигару, встал, и Элиз поцеловала меня. Она поднялась, под рукой я ощутил ее упругую, шуршащую шелком талию, и мы оставили бар. Мы возвращались в дом, который вскоре должны были покинуть. Оба.

Очевидно, снова становясь самим собой, я действительно стал им, то есть, в некоторой степени, — параноиком. Хотя это было бы слишком простым объяснением происходящего.

Этот аргумент вполне пригоден для извинения за любые припадки трусости, накидывающиеся на меня всегда, когда я намереваюсь покинуть Независимое Владение. Хотя возможен и довод противоположного рода, поскольку паранойя — паранойей, а множество личностей и в самом деле не прочь взять меня за глотку. А на своей планете я в состоянии противостоять любому отдельному существу или целому правительству — при наличии у них страстного желания испытать крепость моей шеи. Убить меня — крайне дорогое удовольствие. Оно будет стоить полного разрушения целой планеты. Но и в этом, крайнем случае, я запасся запасным выходом — просто пока что мне не приходилось его испытывать.

Так что причина страха кроется не в мании преследования, а в банальной боязни смерти и неизвестности. Это свойственно всем людям, но мне это свойственно в несколько раз больше. Лишь однажды я дерзнул приподнять краешек занавеса — но не будем об этом.

В нашем тридцать втором столетии осталось немного свидетелей двадцатого века. Я и несколько древних секвой. Так сказать, живые анахронизмы... Но я не дерево, и их бесстрастное спокойствие мне чуждо. И чем дольше я живу, тем сильнее чувствую преходящесть всего живого. Следовательно, инстинкт выживания — раньше я считал его свойством низших видов и причудой старика Дарвина — становится главной проблемой. А окружающие джунгли сильно изменились со времен моей молодости, причем в худшую сторону. Тыщи полторы обитаемых миров, добавьте к этому наличие на каждом своих, индивидуальных способов умерщвления ближнего своего, а если межпланетное путешествие почти не отнимает

у вас времени, то вы можете легко гулять от одного способа к другому. Вам мало? Хорошо, примите в расчет семнадцать нечеловеческих разумных рас, четыре из которых, по моим предположениям, умнее Гомо Сапиенс, а семь или восемь — такие же идиоты, но с не меньшей тягой к убийствам; окружающие нас машины, привычные, как автомобиль в мою бытность молодым, и изредка приканчивающие своих владельцев, и свеженькие, только что открытые заболевания, и неопробованное оружие, и разнообразнейшие яды вместе с разнообразнейшими хищными представителями фауны; а вещи, служащие источником зависти и дурных привычек? — смерти, смерти, смерти...

И наконец существует просто множество миров и мест, где жизнь ничего не стоит В силу моей несколько необычной специальности я сталкивался с подобными мирами, и во всей Галактике найдется лишь двадцать шесть существ, знающих то, что знаю я.

Или чуть-чуть больше.

Вот поэтому-то я и боюсь. Боюсь, хотя никто не стреляет в меня, а тогда стреляли... Где? Там — за четырнадцать дней до прибытия в Японию, за четырнадцать дней до знакомства с заливом в Токио. Когда? Двенадцать столетий назад.

Совсем недолгий срок. Одна жизнь и ничего больше.

Я улетел в темноте перед самым рассветом, чтобы избежать прощаний. Разве что в контрольной башне мелькнула нечеткая фигура, и я махнул ей рукой.· Мне ответили тем же, я припарковал свою машину, двинувшись затем через взлетную полосу. Я думаю, что из башни я сам выглядел смутным силуэтом. Добравшись до дока, где на плитах спал мой «Модуль-Т», я поднялся на борт, разложил вещи и с полчаса занимался проверкой бортовых систем. Наконец, куря сигарету с ментолом, я выбрался наружу и осмотрел фазоизлучатели.

Восток понемногу начал светлеть. Из-за западных гор донесся хриплый раскат грома. Назойливые тучки все ползали по небу, и звезды пытались уцепиться за их клочковатые края. На канитель они больше не походили. Скорее уж на капли росы...

«Не сегодня, — подумал я. — Нет, не сегодня.»

Зазвенели птичьи голоса, и вышедший неизвестно откуда серый кот потерся о мою ногу и важно проследовал по направлению к птицам.

Ветер теперь стал южным. Лес на дальнем конце поля пропускал его через свой шуршащий фильтр, и до меня доносились запахи мокрой земли и свежих листьев.

Небо стало розоветь одновременно с последней затяжкой. На мое плечо опустилась крупная голубоватая птица. Я тронул

ее задрожавший хохолок и отпустил лететь дальше. И сделал шаг к кораблю.

Проклятый болт, торчащий из покрытия, подвернулся под ногу, и я чуть не грохнулся наземь. Руки вцепились в распорку, но одно колено я все-таки ободрал. И не успел подняться, как совсем маленький медвежонок уже облизывал мне лицо. Пришлось почесать его за ухом, потом погладить, и лишь когда он соизволил направиться обратно в лес, я встал на ноги.

Сделать второй шаг не удавалось. Я обнаружил, что зацепился рукавом – как раз в том месте, где распорка крепилась к стойке.

Освобождая рукав, я почувствовал птицу на своем плече. Ее товарки неслись ко мне из ветвей леса. Их крики заглушил новый раскат грома.

Все-таки *это* произошло. Я поспешил кинуться к кораблю, споткнувшись о салатную крольчиху с розовыми умильными глазками, которая сидела у люка. По плитам ко мне стремительно скользила сверкающая алмазами чешуи змейка. Забыв пригнуться, я треснулся лбом о край люка, и за лодыжку меня ухватила светлошерстая обезьянка. Она кривлялась и подмигивала мне с невинным видом.

Я потрепал ее по шерстке и выдернул ногу Пальцы обезьянки были цепче, чем я предполагал.

Я успел проскочить в люк, но тут заело крышку.

Пока я разбирался с поломкой, мое имя орала стая ярко-красных попугайчиков, а неугомонная змейка собиралась проползти на корабль.

Я включил наружные корабельные динамики и схватил микрофон.

— Черт вас всех побери! — взорвался я. — Я улетаю! Пока! Я вернусь!!!

Гром ударил сильнее, полыхнула молния — гроза от гор двигалась в мою сторону. Я поторопился захлопнуть крышку люка.

— Все уходите с поля!..

Я задраил люк, рухнул в кресло пилота и включил все бортовые системы. На экране было видно, что звери уходят Клубы тумана затягивали полосу и по корпусу ударили первые капли дождя

Я взлетел и тут разразилась гроза.

Пробив ее, я покинул атмосферу, и лег на необходимую орбиту, рассчитывая курс.

И вот так каждый раз... Поэтому-то я и стараюсь покидать Землю Сандо незаметно, без лишних прощаний. И никогда у меня это не получается...

Черт возьми, а приятно, когда тебя ждут!..

Выбрав соответствующее время, я сошел с орбиты и стал удаляться от Независимого Владения. И несколько часов не мог избавиться от тошноты и дрожи в пальцах. Слишком много курева перед отлетом и жажда просто замучила меня... Там, на Независимом Владении, я был в ответе за целый мир, но и мир в свою очередь хранил меня. Теперь я оставался один. Один на манеже. На какую-то долю секунды меня охватило желание вернуться обратно. Домой.

Потом память подсунула мне Кэтти, Мэрилинга, Руфь и давно умершего карлика по имени Ник, а также моего брата Чака — и ненавидя самого себя, я упрямо приближался к точке фазоперехода.

И вдруг все изменилось. Изменилось, едва корабль вошел в фазу и управление взял на себя автопилот.

Меня захлестнуло полное пренебрежение к опасности, совсем как в старые добрые времена. Я расхохотался.

Я могу погибнуть? Плевать! Что такого особенного в моей жизни?! Развлечения и улыбка наемной любовницы? Всех нас в конце ожидает Токийский залив, и сам я не являюсь исключением! Эй, старуха с косой — пусть ты догонишь меня, но моя цель в этот миг будет хоть самую малость благородна! Это лучше, чем качаться, как цветок в проруби, и дожидаться кого-то, кто изыщет способ прикончить меня в постели.

И тут *оно* накатило...

Я затянул священную песнь, язык которой был древнее человечества. Впервые за долгие годы я мог сделать это, потому что впервые почувствовал себя готовым к предназначенному.

Казалось, в кабине стало темно, хотя я был уверен, что светильники горят по-прежнему. И индикаторы приборов на панели управления расползлись по углам и превратились в светящиеся глаза хищных зверей, ожидающих во мраке джунглей. Я пел, и мой голос переставал быть моим, и становился голосом совсем другого человека, сидящего напротив.

И я последовал за ним.

Мысленно...

Иные голоса возникли вокруг меня и присоединились к пению. Я замолчал, но они продолжили свое кружение в бестелесном ветре, то замирая и отдаляясь, то вновь накатывая... В конце они почти исчезли, зовя в никуда, едва уловимые скорее душой, чем слухом... И новые, новые голоса, чужие, незнакомые, и вдалеке занимался рассвет, или закат, или просто зарево костров...

Я понимал, что все это — только сон, что при желании я всегда могу проснуться. Но желания не возникало.

И я пошел на запад.

Спустя вечность я вышел на край утеса и остановился. Дальше пути не было. Серое, бесцветное небо перетекало в призрачную воду — много миль бесконечной воды — и пересечь колеблющуюся равнину было невозможно. Вода изредка вспыхивала искрами, в их свете над поверхностью возникали туманные миражи, растекающиеся над волнами, и там, где я сейчас стоял, воздев руку к небу, там, где скалы громоздились друг на друга изломанными галереями, где острые грани каменных башен рвали небо в клочья, в самом сердце ледяной глыбы из полированного кедра я увидел исток моего пения — и ледяные пальцы тронули мою шею и взъерошили волосы.

Я видел тени мертвых — плывущие, подобно обрывкам тумана, или застывшие между угрюмыми скалами — и я знал, что они — мертвые. Я знал, кто они. Карлик Ник, и телепат Майкл Шендон, которого я прикончил собственными руками, но до того он едва не разрушил все здание моей империи; и заклятый мой враг Дэнго-Нож, и Коткор Боуджиз — человек с мозгом компьютера, и леди Карлай с Алгола, отмеченная печатью моей любви и ненависти...

И тогда я воззвал к последнему, что у меня еще оставалось.

Удар грома расколол небо надвое, и оно превратилось в озеро расплавленной бирюзы. И лишь на одно мгновение я различил там, в самом сердце черного острова за границей вод, — белый сполох платья Кэтти, и ее взгляд встретился с моим, и губы дрогнули, беззвучно шепча мое имя... Но второй раскат грома обрушил тьму на остров и Кэтти, и на неясную фигуру, воздевшую руки на утесе.

Кажется, это был я.

Проснувшись, я так и не сумел до конца разобраться в увиденном. Одна идея по этому поводу у меня имелась, но очень уж приблизительная... Я долго размышлял над ней, но так и не обнаружил особой ценности.

Некогда я сотворил Остров Мертвых. Работа не из легких, особенно учитывая тот факт, что все мои размышления легко вписываются в рамку книжной иллюстрации. Но всякий раз, когда мне на ум приходит мысль о смерти — а это случается довольно часто — мое воображение услужливо подсовывает два видения.

Первое из них — Долина Теней. Огромная черная долина, начинающаяся в ранних сумерках меж двух горных отрогов и постепенно переходящая в бездонный мрак глубокого космоса, и вашему взгляду не за что зацепиться в этой пустоте без звезд, без конца и Времени...

Второе — это эстамп сумасшедшего Беклина. «Остров

Мертвых». То место, что привиделось мне во сне. И если Долина Теней несет хоть какой-то намек на покой, то в Острове Мертвых присутствует нечто зловещее.

Возможно, это всего лишь мои предположения, поскольку я так и не удосужился приступить к созданию Долины, не покладая рук трудясь над каждым нюансом и пробуя на вкус каждый оттенок эмоционального настроения. Но в самом сердце одного мира, достойного стать Парадизом, много лет назад я все-таки разбросал скалы острова мертвых, и память об этом выжжена клеймом в моем сознании, став частью меня. Вот эта-то часть и откликнулась на мою своеобразную молитву, отвечая единственным возможным для нее способом. Она пыталась предупредить меня! — и, кроме того, Остров был намеком, деталью, которая со временем способна стать доминантной... Черт побери все эти символы! Их значение столь же непонятно, как и многозначительно...

Кэтти! Она, несомненно, видела меня... и раз так, значит, есть надежда, сон в руку...

Я включил экран обзора. Спирали света закручивались во все стороны, сплетая мой курс — но это были всего лишь звезды. Просто я воспринимал их со своей точки зрения, вернее, с точки зрения своего корабля, то есть с изнанки пространства. Я висел в вывернутом космосе, Вселенная плыла мимо меня, и я ощутил, как броня десятилетий, покрывающая мою душу, раскалилась и стала плавиться. Человек, которым я стремился быть, уходил в небытие, а на его место вышел совсем другой — Носящий Имя Шимбо из Башни Темного Дерева, он же Отец Грома.

Спирали звезд вызывали во мне благодарность и гордую печаль. Я прожил назначенную мне жизнь, прошел по Пути и понимал, что теперь меня, возможно, ожидает иной.

Мгновение спустя я растворился в черном водовороте Вселенной и провалился в прохладный сон без видений, тихий и спокойный. Наверное, так спят в Долине Теней.

Успели пролететь две полновесные недели, прежде чем Лоренс Дж. Коннор счастливо завершил свой полет на «Модуле-Т» и опустился на Альдебаран-5, имеющий еще и второе название — Дрисколл, по имени первооткрывателя. Фаза перелета вообще не имела временной протяженности, так что, говоря о двух неделях, я имею ввиду бортовое время на «Модуле-Т». Только не спрашивайте — почему. У меня сейчас нет времени писать целый трактат по этому поводу. Но если досточтимый Лоренс Дж. Коннор вдруг передумал бы и отправился восвояси на Независимое Владение — впереди у него было бы еще две недели гимнастики, чтения и микрофильмов,

и не исключено, что прибыл бы он обратно в тот самый день, когда некий Фрэнсис Сандо улетал на Альдебаран-5, только Сандо улетал утром, а Коннор прибыл бы к полудню.

Вне всяких сомнений, моя фауна умерла бы от счастья. Но досточтимый Лоренс Дж. Коннор почему-то не захотел возвращаться, и даже напротив — стал помогать тому самому Фрэнку Сандо в одном деликатном дельце с корнями вереска, что не приводило его в восторг — кого?.. — но явно было связано с частями той головоломки, которую он разгадывал.

Или это было одновременно несколько головоломок, только тесно сплетенных друг с другом? Кто знает...

Мне пришлось вырядиться в белоснежный тропический костюм, дополнив его светозащитными очками, потому что желтое небо скупилось на облака, и солнце низвергало на меня тепловой водопад, мелкими брызгами разбивавшийся о пастельные плиты тротуара. Мой прокатный скользящий турбомобиль неторопливо въехал в поселение местных живописцев, носившее название Мидии. На мой вкус, этот район был слишком аляповатым, неустойчивым и курортным. То, что люди называют домами, здесь представляло из себя башни, кубы, шпили, призмы и параллелепипеды, а конторы и мастерские изготавливались из специального вещества, называющегося «стеклон». Путем контролируемого процесса стеклон мог делаться прозрачным или непрозрачным, с добавлением любых оттенков. Я искал улицу Нуаж-Облако, проходящую у самой границы прибоя, для чего пришлось проехать через весь город, похожий на мармеладный торт — малина, земляника, вишня, лимон и все такое прочее.

В конце концов я нашел интересовавшее меня место. Адрес был тот же, но по поводу декораций Руфь оказалась права.

Многое, многое здесь успело измениться, и очень. В то далекое время, когда мы жили вдвоем, это был последний редут сопротивления пожиравшему все и вся мармеладу. Я прекрасно помнил каменную стену, окружавшую брусчатку небольшого дворика, в арке темнели железные створки ворот, и вода гоняла солнечных зайчиков по поверхности пруда и плитам покрытий...

Теперь на этом месте высился желейно-мармеладовый дворец из четырех башен. Между прочим, ярко-малиновых. Так что мне пришлось, поставив машину, пересечь радужный мостик и лишь потом нажать сигнальную пластинку на дверях.

— Дом не занят, — сообщил ханжеский голосок из скрытого динамика.

— Когда вернется мисс Лэрри? — поинтересовался я.

— Дом не занят, — повторил невидимый монах. — Если

вы решили приобрести его, рекомендую вам обратиться к Полю Глайдену из «Солнечного Сиона». Авеню Семи Воздыханий, 173.

— Оставляла ли мисс Лэрри свой новый адрес?

— Нет.

— Какую-нибудь другую информацию?..

— Нет.

Я возвратился к своему турбомобилю, поднял его на восьмидюймовой воздушной подушке и заскользил искать Авеню Семи Воздыханий, что некогда звалась Центральной улицей.

Поль оказался совершенно лысым толстяком, если не брать в расчет седых бровей с двухдюймовым промежутком и столь тонких, что напоминали небрежный карандашный росчерк. Под бровями прятались серо-стальные и внимательные глаза. Затем стоит отметить улыбку узкого розового рта, которую Глайден не снимал даже во сне. Между глазами и ртом торчала курносая картошка, мало пригодная для дыхания по причине возвышавшихся по бокам пухлых булок, растущих и грозящих поглотить все остальное. В общий интерьер плохо вписывались лишь крохотные ушки с сапфировыми сережками.

Короче, это был шумный и гладкий толстунчик, вырядившийся в красную рубаху и такой же румяный, как и его одеяние. И восседал вышеупомянутый мистер Глайден за столом в своей конторе «Солнечный Сион». Мы обменялись рукопожатием, и он потянулся за сигарой, звякнув масонским кольцом о завиток керамической пепельницы, затем погрузился, подобно рыбе, в озеро клубов табачного дыма и стал изучать меня.

— Присаживайтесь, мистер Коннор, — промычал он, жуя сигару. — Я к вашим услугам.

— Дом Руфь Лэрри, по улице Нуаж — ваша епархия?

— Моя. Подумываете о покупке?

— Я разыскиваю мисс Лэрри. Вам известно, куда она уехала?

Некий огонек моментально угас в его глазах.

— Нет. Я даже никогда ее не видел.

— Хорошо. Куда, в таком случае, вы собирались пересылать деньги, вырученные за дом?

— А почему я должен отвечать на ваши вопросы?

— А почему бы вам и не ответить?

— Деньги надо было положить на ее счет в банке.

— Это здесь в городе?

— Да. Фонд Художников.

— Но она не договаривалась с вами лично?..

— Это сделал ее адвокат.

— Не подскажете ли его имя?

Он слабо колыхнулся в недрах своего дымного озера.

— Пожалуйста. Андрэ Дюбуа, «Винсон, Кэрилинг и Ву». Восьмой квартал к северу отсюда.

— Спасибо.

— Я понимаю, что дом вас не интересует?

— Напротив. Я покупаю его. Но только в том случае, если вступлю в право владения не позднее полудня и свяжусь с этим адвокатом. Я полагаю, пятьдесят две тысячи вас должны устроить?

Поль Глайден немедленно выбрался на твердую землю.

— Как мне найти вас, господин Коннор?!.

— Я остановился в «Спектруме».

— Тогда я звоню вам после пяти. Договорились?

— Вполне.

Вполне, подумал я... Ну, и что теперь?

Сперва я снял номер в «Спектруме». Потом по секретному коду вызвал своего человека на Дрисколле и приказал подготовить необходимую сумму наличными для того, чтобы уважаемый Лоренс Дж. Коннор мог совершить интересующую его покупку. В-третьих, я отправился в квартал религиозных учреждений, оставил турбомобиль на стоянке и пошел дальше пешком.

Я проходил мимо церквей и храмов кого угодно: от Христа до Зороастра. Но лишь в пейанском секторе я замедлил шаги.

Немного погодя я нашел то, что искал. Дело в том, что над поверхностью возвышалось всего одно здание — нечто зеленое, с гараж величиной.

Я вошел и стал спускаться по винтовой лестнице. Потом оказался в небольшом фойе, освещенном свечами, и прошел под нависающей аркой.

Здесь располагался центр святилища. И здесь же был главный алтарь темно-зеленого цвета, окруженный рядами скамеек.

Сотни стеклоновых панелей украшали все пять стен, и на каждой красовались пейанцы, совершающие героические деяния Мне подумалось, как давно все это было, и сомнения закрались в душу

Быть может, мне не стоило прилетать сюда...

Шесть пейанцев и восемь людей находились в святилище, все они надели молитвенные ленты, а из шести пейанцев четверо были женщинами.

Рост у них приблизительно семь футов, и кожа имеет травяной оттенок. Головы смахивают на воронки горлышком вниз и сплюснутые сверху, а глаза такие же зеленые, как и

кожа, или с желтизной. Нос вообще почти отсутствует — так, две складки и ноздри размером с монету. Волос на теле нет Рот большой и беззубый. Вместо зубов — роговые наросты, заменяющие и губы по совместительству. Ими пейанцы жуют. Если вы никогда не видали пейанцев, то хочу добавить — даже если вам это покажется странным — что они грациозны, словно представители кошачьих, вполне симпатичны, а возраст их расы не сравним с возрастом юного человечества. И мудрость тоже... Кроме того, они двусторонне симметричны, и имеют по две руки и ноги с пятью пальцами на каждой. В независимости от пола, пейанцы предпочитают юбки, куртки и сандалии, почти всегда темного цвета. Женщины чуть ниже, шире в бедрах, но грудей не имеют. Просто у них нет необходимости выкармливать потомство молоком, поскольку те питаются запасами жира в подкожных тканях, и этого им вполне хватает на первых порах. А потом им дают жидкую кашу и разную морскую пищу.

Таковы пейанцы.

Изучить их язык почти невозможно. Но я изучил. Философские системы пейанцев очень сложны, и некоторые из них я знаю. Кстати, многие пейанцы обладают телепатией и иными необычными способностями. Как и я.

Я присел на скамью и расслабился. После обучения, которое я получил на Мегапее, всякий пейанский храм придает мне сил и бодрости. Их религия — крайний политеизм. В этом они немного похожи на индусов, поскольку ничего не отбрасывают насовсем, и всю историю своего существования только и делали, что копили ритуалы и богов. Эта религия носит название «странтра», и в последнее время становится популярной. У нее есть вполне солидный шанс превратиться в универсальную веру, потому что ее каноны удовлетворяют всех, от атеистов до анимистов, а также просто любителей экзотических обрядов. Думаю, что среди последователей «странтры» сейчас не более десяти процентов коренных пейанцев, и «странтра» вполне способна пережить расу, ее породившую.

Пейанцев с каждым годом все меньше и меньше. Индивидуальный срок жизни у них невероятно долог, но плодовитость оставляет желать лучшего. Их великие мыслители уже успели дописать самую главную — и последнюю — часть в «Истории пейанской культуры», и посему они вполне могли решить, что после 14926-и томов «Истории» жить дальше совершенно необязательно.

Слишком уж любят они своих мыслителей. Забавные существа...

Человек еще сидел на пороге своей пещеры, когда пей-

анцы успели создать галактическую империю. Затем они с переменным успехом вели вековые войны с ныне не существующей расой бакхулианцами — и численность обоих народов резко уменьшилась. И наконец империя сжалась до размеров небольшой планетной системы, где пейанцы и обитали по сей день. Их родина, называвшаяся Мегапея, была уничтожена злобными, ужасными, отвратительными и развращенными бакхулианцами. Я сомневаюсь в правдивости подобной характеристики, поскольку исторические хроники написали сами пейанцы. Так что облик бакхулианцев, вероятно, сильно интерпретирован. Во всяком случае, они не почитали «странтру», а поклонялись идолам. Это я прочел в тех же хрониках...

В противоположной стороне святилища кто-то затянул священную песнь. Я знал ее лучше, чем все присутствующие, и быстро поднял глаза на стены.

И *это* случилось.

Стеклоновая панель с изображением Отца Грома Шимбо из Башни Темного Дерева засияла зеленью и желтизной.

Если использовать привычные нам термины, то некоторые божества пейанцев пейаноморфны, а некоторые напоминают египетских, словно в некоем зоопарке скрещивали пейанцев и разнообразных животных. То есть вид их совершенно необычен. Но я не сомневаюсь, что когда-то пейанцы посещали Землю — потому что Шимбо выглядит, как человек. Я не знаю, почему цивилизованному народу вздумалось возвести дикаря на божеский престол, но вот он, Шимбо, Отец Грома — обнаженный, с легким зеленоватым оттенком кожи, и лицо его наполовину прикрыто поднятой рукой, в которой он несет через желтое небо тучу с громами. В правой руке Шимбо держит огромный лук, а на бедре у него колчан с перунами — молниями.

И вскоре все, находящиеся в храме — и люди, и пейанцы — подхватили ту священную песнь.

Новые посетители входили в двери. Помещение постепенно наполнялось. Где-то в области солнечного сплетения у меня зародилось мощное чувство силы и легкости, и распространилось по всему моему телу.

Я не знаю механизма этого явления, но всякий раз, когда я вхожу в пейанский храм — как сейчас — панель с изображением Шимбо начинает сиять, и я преисполняюсь мощью и восторгом. Я был единственным землянином в чисто пейанской профессии, но я прошел тридцатилетний цикл обучения и двадцатилетний — послушничества. А все остальные мироформисты были только пейанцами. Каждый из нас Но-

сит Имя одного из божеств, и это совершенно непонятным образом помогает нам в нашей работе. Лично я выбрал Шимбо — или это он избрал меня — из-за сходства с человеком. Шимбо!.. Пока я буду жив, Отец Грома через мое воплощение будет существовать в материальной вселенной. После моей смерти он вернется в блаженную Пустоту, пока не придет новый Носящий Имя — его Имя. Изображение соответствующего божества загорается всякий раз, когда Носящий Имя входит в пейанский храм. В любой храм, на любой планете. Я не чувствую себя дураком из-за того, что не могу понять причинную связь этого. Ну и что? Пейанцы тоже не понимают

Шимбо — я как-то свыкся с этой мыслью — уже давно поставил на мне крест и вычеркнул из своей памяти. За что? За все, что я сделал с Силой да и своей жизнью. И, все же, думаю, сегодня я зашел в храм, чтобы проверить — так ли это.

Все. Я встал и медленно двинулся в направлении выхода. Когда я был уже в дверном проеме, меня охватило неодолимое желание поднять левую руку. Подчиняясь ему, я сжимаю кулак и поднимаю его чуть выше плеча... И где-то там, в вышине, раздается мощный раскат грома.

Когда я вышел наружу, меня всего переполняла горячая и могучая мелодия. Начавшийся дождь, как бы помогая остудить этот жар, легко и свободно падал на меня, а вместе со мною и на весь поднебесный мир

А Шимбо, Отец Грома, продолжал ярко сиять на своей панели.

ГЛАВА 2

Мы встретились с Глайденом в конторе Андрэ Дюбуа. Андрэ оказался человеком невысокого роста, с суровым обветренным лицом, которое украшала копна снежно-белых седых волос. Он согласился открыть свою контору не только потому, что я настаивал заключить сделку по продаже дома сегодня же. Этому в неменьшей мере способствовали пятьдесят шесть тысяч, в которые мне этот дом обошелся. Я выплатил деньги, бумаги были подписаны, ключи положены в мой карман. Пожав друг другу руки, мы покинули контору адвоката. Когда мы не спеша шагали по мокрому тротуару к нашим достойным уважения экипажам, я с досадой воскликнул:

— Проклятье! Андрэ, я, кажется, забыл ручку на вашем столе.

— Я пришлю ее вам. Вы ведь остановились в «Спектруме»?

— Боюсь, мне придется очень скоро покинуть его...

— А если я пришлю ее вам домой, на улицу Нуаж?

Я покачал головой.

— Она мне понадобится сегодня вечером.

— Тогда, пожалуйста, возьмите мою, — и он протянул ручку.

К этому времени Глайден уже сел в свою машину. Я помахал ему рукой и пояснил:

— Мне нужно поговорить с вами наедине, без Глайдена.

Вокруг темных глаз Андрэ тут же образовались морщинки, отчего сами глаза сменили выражение тусклой брезгливости на разгорающееся любопытство.

— Хорошо, — коротко бросил он, и мы вернулись в здание его конторы, где ему вновь пришлось открывать дверь.

— Так, все-таки, в чем же дело? — поинтересовался он, когда снова уселся в мягкое кресло за своим рабочим столом.

— Я ищу Руфь Лэрри.

Он продемонстрировал самый универсальный из известных мне способов выиграть время и поразмышлять — он закурил сигарету.

— Почему? — поинтересовался он.

— Это мой старый друг. Вы знаете, где она?

— Нет.

— Вам не кажется несколько странным занесение денег, и немалых, на счет лица, местопребывание которого вам неизвестно?

— Кажется, — согласился он. — Кажется, если быть откровенным. Но я обязан выполнить поручение.

— Руфь Лэрри?

— Как прикажете вас понимать?

— Она лично поручала вам это или от ее лица это сделал кто-то другой?

— Я не знаю, каким образом все это касается вас, мистер Коннор. Но, думаю, нам лучше прекратить этот беспредметный разговор.

Для принятия решения не пришлось закуривать сигарету.

— Прежде всего, я хочу пояснить с какой целью я приобрел ее дом. Меня интересуют любые намеки, связанные с новым местом нахождения Руфи. Кроме того я намерен вернуть дому прежний облик, потому что мои желания расходятся с архитектурными вкусами вашего города. Вам это о чем-то говорит?

— Только о том, что с головой у вас, очевидно, не все в порядке.

Я согласно кивнул и добавил:

— Я — сумасшедший, имеющий возможность удовлетворять свои прихоти. Ненормальный, способный, при случае, сотворить впечатляющую кучу неприятностей. Интересно,

сколько стоит это здание? Пару миллионов?

— Н-не знаю, — удивился он. По его лицу пробежала тень беспокойства.

— Согласитесь, чертовски хлопотно искать помещение для своей конторы, если кто-нибудь купил бы вдруг этот симпатичный офис?

— Совсем не просто, мистер Коннор, разорвать мой контракт на аренду.

Я улыбнулся.

— ...Кроме того, — продолжал я развивать свою мысль, — еще печальней оказаться в зоне внимания городской Юридической Ассоциации. Верно?

Он выпрыгнул из кресла.

— Вы действительно сумасшедший!

— Вы в этом убеждены? Не могу сказать, в чем вас будут обвинять. Пока. Но даже простое дознание, как вы понимаете, причинит массу беспокойств. А потом, когда у вас возникнут трудности с новым помещением... Нет, ведение дела таким образом совсем не в моем вкусе. Всему виной время, точнее, его нехватка. Да... Так вы совершенно уверены, что я ненормальный? — завершил я свой монолог.

После паузы я услышал то, что хотел.

— Нет. Не уверен.

— Прекрасно! Тогда почему бы вам не рассказать, о чем вы с Руфь договорились. Детали меня не интересуют, лишь обстоятельства, при каких дом был покинут. Почему Руфь не оставила письма или иного сообщения — вот что меня удивляет.

Откинув голову на спинку кресла, Андрэ внимательно смотрел на меня сквозь сигаретный дым.

— Переговоры велись по телефону...

— Ее могли одурманить наркотиками, запугать...

— Исключено! Да и какое вы, собственно, имеете к этому отношение?

— Я уже говорил, она — мой старый друг.

Его зрачки расширились, потом сжались. Некоторые люди и поныне не могут забыть, кто был один из старых друзей Руфь.

— К тому же, — продолжил я, — недавно мною получено письмо, в котором она просит меня приехать по чрезвычайно важному делу. И вдруг она исчезает, не оставив ни письма, ни адреса. Естественно, возникают некоторые подозрения. Вот почему, мистер Дюбуа, я намерен найти ее.

Конечно, он не был слепой. Он прекрасно видел, какой на мне костюм, понимал, сколько он стоит и, вероятно, в моем голосе — после многих лет, когда я только и делал, что отдавал приказы — еще сохранился привычный командирский тон.

Во всяком случае, номер полиции он не набрал.

Все переговоры велись по телефону и почтой, — сказал он, — и я не имею никакого представления о том, где она находится. Прошу верить моей искренности — она просто сказала, что уезжает, просила продать дом, а деньги перевести на ее банковский счет. Выполняя ее просьбу о продаже, я и передал дом в «Солнечный Сион».

Он отвел взгляд в сторону, а потом снова посмотрел на меня.

Впрочем, она действительно оставила у меня письмо для особы, которая должна обратиться ко мне. Но это, увы, не вы. Если же указанная особа не обратится ко мне вообще по истечении указанного времени я должен отправить ему это письмо почтой.

— Могу ли я узнать, кому оно адресовано?

— Очень сожалею, мистер Коннор, но... Это личное дело клиента.

— Вот телефон, — сказал я, — наберите 73737373 — это в Глинкое. Свяжитесь с управляющим «Нашего объединения» — Домиником Мэлистай. Назовите себя, скажите ему «Бе-бе, черная овечка» и попросите установить личность Лоренса Дж. Коннора.

Андрэ Дюбуа не заставил себя ждать. Едва закончился телефонный разговор, он встал и подошел ко вделанному в стену миниатюрному сейфу, достал оттуда конверт и почтительно-вежливо вручил его мне. На запечатанном конверте — на его лицевой стороне — имелась отпечатанная на машинке надпись: «Фрэнку Сандо».

Скрывая свои чувства, я рассматривал лежавшие в конверте предметы. Их было три.

Новая фотография Кэтти на несколько изменившемся фоне.

Фотография Руфи, несколько погрузневшей и постаревшей, но все еще привлекательной.

И записка.

Записка была написана по-пейански. В приветствии я прочитал свое Имя, а далее стоял условный знак, каким обозначался в священных текстах великий Шимбо, Отец Грома. Короткое послание было подписано именем «Грин-Грин». Имя представляло собой игру слов. По-английски «Грин» — «Зеленый». Следовательно имя можно было прочесть так: «Зеленый-Зеленый». Смысл этого я понял позже. Подпись сопровождалась знаком Белиона, который к двадцати семи существовавшим Именам не относился.

Я был сбит с толку. Немногим, очень немногим были

известны те, кого называют Носящие Имя. А Белион — бог Огня, живущий в недрах — изначальный враг Шимбо. Он и Шимбо крушили друг друга, достойно заполняя паузы между новыми воскрешениями.

Я внимательно прочитал записку. Она — как я уже упоминал — была немногословной:

«Ищи своих женщин на Острове Мертвых. Боуджиз, Дэнго, Шендон и карлик ожидают тоже».

Дома, на Независимом Владении, остались объемные фото Боуджиза, Дэнго, Шендона, Ника, леди Карлай (ее тоже можно было назвать «моей женщиной») и Кэтти. Шесть фотографий, которые я получил. И вот теперь они захватили Руфь.

Кто они?

Как я ни старался, я не обнаружил в своей памяти имени Грин-Грин. Но Остров Мертвых я, конечно же, знал. И знал хорошо.

— Благодарю вас, Андрэ.

— Что-то не так, мистер Сандо?

— Да. Но я все улажу, — успокоил я его. — Не беспокойтесь, это вас не касается. Можете все забыть... И забудьте мое имя.

— Уже забыл, мистер Коннор.

— Прощайте, Андрэ.

— До свидания.

Меня ожидал дом на улице Нуаж. Там, прогуливаясь по комнатам, я попал в спальню Руфи и внимательно осмотрел ее. Все — обстановка, одежда, разного рода мелкие личные вещицы, настолько личные, что люди не оставляют их в старых жилищах, меняя адрес — все оставалось на своих местах. Бродить по дому было забавно и в то же время странно. Дом уже не был таким, как раньше. И, все же... То тут, то там я натыкался на знакомые предметы — старинные часы, искусно инкрустированный портсигар, расшитую шелком ширму — это напоминало мне о жизни, с легкостью карточного игрока тасующей вещи, некогда знакомые вам, уничтожая тем самым тонкий аромат очарования, оставшийся в вашей памяти от прошлых времен и мест И это беспокоит вас, пусть недолго, непонятным, каким-то ирреальным образом. Очарование умирает, пронзенное самим фактом встречи с ним. И чувства, которые вы и так успели позабыть, исчезают вновь, покидая полотно картины, возникшей в вашем сознании.

Я испытывал что-то похожее, отыскивая какой-то след, какой-то намек на то, что совсем недавно происходило здесь. Час проходил за часом, все вещи в доме одна за другой были пропущены сквозь фильтры моего внимания. И только тогда мысль, едва осознанная мной в конторе адвоката, все то, что

не покидало меня по пути с Независимого Владения и даже раньше — с того самого дня, когда я получил первый конверт с фотографией — эта мысль завершила свой круг обращения: из мозга в чрево и обратно в мозг.

Я присел и закурил сигарету. Фотография Руфь была сделана здесь, в этой комнате. На остальных снимках фон не менялся — голубое небо и скалы. «Голубое небо и скалы... Голубое небо... и скалы... и скалы...» Я тщательно обыскал комнату. Ничего. Никакого намека на насилие, никакого намека на личность моего врага. Эти слова я произнес уже вслух — «Моего врага». Первые слова после «Прощайте», произнесенного при расставании с оказавшимся столь любезным адвокатом.

Слова отозвались странным эхом в покинутом доме: «Моего врага...»

Теперь я знал точно. Я был на прицеле. Почему — этого я еще не знал. Хотя ответ напрашивался самый простой: меня хотят прикончить. Кто? Если бы не многочисленность — несмотря на постоянное убывание — моих врагов, решать было бы гораздо легче. Я постарался припомнить каждую деталь. Я постарался как можно точнее, с позиции моего противника, определить место встречи, наше поле боя. Я припомнил посетивший меня сон. Я видел это место.

Заманить меня туда, а тем более причинить мне какой-нибудь вред, мог только глупец или дурак. Оставляю на ваш выбор любое из этих определений. Единственное, что могло послужить оправданием — он не знал о той Силе, которую я обрету, едва ступлю на землю сотворенного мной мира. Если я вернусь на Иллирию, я найду союзников во всем. Потому что это я много веков тому назад пустил вращаться планету по ее орбите. И именно там находился Остров Мертвых. Мой Остров Мертвых.

...И я туда вернусь. Я знал это, Руфь. А, может быть, Кэтти...

Это требовало моего возвращения в необычный Эдем, некогда возведенный моими руками. Руфь и Кэтти... Я не хотел помещать эти два образа рядом, но разве был другой выход? Одновременно они не существовали для меня раньше, перемена совсем не нравилась мне и теперь. Решено, я отправляюсь туда, но горе тому, кто наживил для меня эту ловушку. Правда, горевать ему осталось недолго — он останется на Острове Мертвых навсегда.

Я раздавил сигарету. Внезапно возникшее чувство голода заставило меня запереть розовые ворота и вернуться в «Спектрум».

Я переоделся к ужину и спустился в холл. Там я обнаружил приличный ресторанчик, но он уже был закрыт. У стола

регистрации я навел справки о приятном местечке, где бы я мог в этот час пристойно поужинать.

— Поезжайте в Башню Бэрта, это у залива, — простонал ночной портье, стараясь подавить зевок. — Они не закрываются до глубокой ночи. У вас еще есть пара часов.

Получив столь необходимые для моего желудка сведения, как туда проехать, я покинул отель. Я еще не предполагал, что проверну дельце, связанное с «вересковым корнем». Смехотворно — это слово здесь более уместно, чем «странно» — но что поделаешь? Мы все живем под раскидистой кроной Большого Дерева, верно?

Я вышел у ресторана, оставив скользящий турбомобиль на попечение ливреи. Любая ливрея а они встречаются повсюду имеет сверху постоянно улыбающееся лицо Она открывает перед тобой дверь, которую ты можешь открыть сам, подает полотенце, в котором нет никакой необходимости, подхватывает чемодан, который не нужно нести... Главное правую руку ливрея всегда держит на уровне пояса, ладонью кверху — и ширина улыбки находится в прямой зависимости от блеска металла или похрустывания соответствующего сорта бумаги. И карманы у ливреи настолько глубоки, что в них способно утонуть многое. Ливреи сопровождают меня не одну тысячу лет, я совсем не против этой униформы Но я ненавижу улыбку, включающуюся только по сигналу и никак иначе.

Скользящий турбо был уже припаркован между парой красных полосок на полотне дороги.

В свое время «на чай» давали за услуги, выполненные быстро и расторопно. Это была своего рода компенсация, дополнение к низкому заработку определенного класса служащих. Это понимали и принимали. Но еще в моем веке туризм дал понять развивающимся странам, что туристы — это превосходные копилки, и — таким образом — возник прецедент, очень быстро покоривший все страны, в том числе и родные страны туристов. И теперь — зная о той выгоде, которую можно извлечь — все носящие униформу поставляли клиентам не всегда нужное и не всегда законное с самой любезной улыбкой. Армия ливрейных покорила мир. После тихой революции в XX-ом веке, едва мы выходим из дома, как превращаемся в туристов граждан второго сорта, которых не зная жалости, эксплуатируют улыбающиеся легионы О с каким коварством они одержали победу! В любом городе, который я имею честь посетить, ливреи бросаются мне навстречу и тщательно смахивают с меня несуществующие пылинки, суют в руки никому не нужные брошюры, пересказывают размышления синоптиков, перебрасывают мостки через

ближайшую лужу. Держат над моей головой раскрытый зонтик, если день солнечный; продолжают держать зонтик, если день дождливый; освещают мой путь ультра-инфра-фиолетово-красным фонариком, если день выдался облачным; извлекают якобы торчащую нитку из пуговицы на моем поясе, чешут мне спину, подбривают сзади мою шею, застегивают ширинку на моих брюках, полируют мне туфли — и улыбаются, улыбаются, улыбаются... Проклятье, каким бы роскошным местом стала вселенная, если бы мы все стали блестящими, скрипящими, Носящими Ливреи. Как бы мы тогда все улыбались друг другу!..

Заведение, куда меня доставил лифт, располагалось на шестидесятом этаже. Только тут я понял свою ошибку — следовало заказать столик по телефону еще из отеля Все столики в зале были заняты. Я не учел, что завтра на Дрисколле должен был состояться праздник. Распорядитель записал мое имя и извинился за те пятнадцать-двадцать минут, которые мне придется обождать. Ничего не оставалось, как отправиться в один из баров, где я заказал пиво.

Потягивая из кружки, я огляделся по сторонам. Напротив, в другом конце фойе, в полумраке виднелся еще один такой же бар. Толстощекое лицо, привлекшее мое внимание, показалось знакомым. Очки, надетые мной и достойно заменяющие подзорную трубу, помогли внимательно изучить интересующее меня лицо, на этот раз в профиль. Волосы, это ясно, другого цвета, да и кожа несколько темнее. Зато нос и уши, безусловно, те же самые.

Я встал и направился через фойе, но меня остановил официант, пояснив, что я не могу выносить спиртные напитки за пределы бара. Мои объяснения, что я иду в бар напротив, вызвали на его лице любезнейшую улыбку и предложение помочь мне отнести кружку. Я прикинул, что дешевле обойдется купить новое пиво — руку он держал на уровне пояса — и сказал, что мою кружку он может выпить сам.

Толстяк сидел один. Перед ним на столике, тоже в одиночестве, стоял бокал с чем-то ярким. Очки я снял и спрятал, пока подходил к столику.

Позвольте присоединиться, мистер Бэйкер? произнес я фальшивым фальцетом

Он чуть подскочил внутри собственной оболочки, отчего по слоям жира на какой-то миг пробежали волны. Объективы глаз величиной с блюдце фотографировали меня, и я знал, что машинка внутри его черепа, как дьявол на тренажере, уже набрала полные обороты.

— Видимо, вы ошиблись... — начал он, улыбаясь. — Нет,

это я ошибся, — нахмурившись, поправился он, — прошло столько времени, Фрэнк, мы оба изменились...

— ...надев походные сюртуки, — я окончил за него фразу нормальным голосом.

Уже сидя напротив него за столиком, я с интересом наблюдал, как он, действуя словно арканом, привлек внимание официанта, а потом и его самого.

— Что ты сегодня пьешь?

— Пиво. Любого сорта.

Официант принял заказ и удалился.

— Ты ужинал?

— Нет. Я сидел напротив и ждал места в ресторане, когда заметил тебя.

— А я поужинал, — сообщил он. — И не возникни у меня желания заглянуть сюда на минутку, мы бы не встретились.

— Странно, — сказал я.

— Что?

— Вер, вер. Грин, Грин.

— Боюсь, я что-то не понимаю. Это что, какой-то пароль, и я должен дать отзыв?

Я чуть пожал плечами.

— Можешь считать это молитвой-проклятием для моих врагов. Что новенького?

— Ну, теперь, когда ты здесь, нам, конечно, нужно поговорить. Я могу присоединиться к тебе?

— Само собой, Билл.

И когда, наконец, объявили заказ Л. Дж. Коннора, мы перешли за столик в одной из многочисленных комнат ресторана, занимавшего весь этаж Башни. Отсюда мог бы открыться прекрасный вид на залив, но небо затянуло тучами, а над свинцовыми волнами океана лишь изредка мигали огни буев и еще реже вспыхивал случайный прожекторный луч. Аппетит Бэйкера не погиб окончательно, и он заказал себе полный ужин. Пока я лишь наполовину прикончил бифштекс, он торжественно похоронил в своей утробе многочисленную кавалькаду спагетти в сопровождении не менее внушительного эскорта из кровяной колбасы и — поставив на этом крест — перешел к десерту и кофе.

— Да... Недурно... — удовлетворенно отвалился он от стола и тут же воткнул зубочистку в верхнюю часть улыбки, которую я видел на его лице лет сорок назад.

— Сигару? — предложил я.

— С удовольствием.

Зубочистка отправилась в пепельницу, сигары были зажжены, нам принесли счет. Я всегда использую этот прием в

многолюдных местах, если официанты не торопятся со счетами. Закуренная сигара, клубок голубоватого дыма и — счет на столе.

— Плачу я, — объявил Бэйкер.

— Чепуха! Ты мой гость.

— Ну, если так... — он поднял вверх обе руки.

В конце концов, Билл Бэйкер был сорок пятым богатым человеком в Галактике. Не каждый день выпадает возможность поужинать со столь удачливым человеком.

Когда мы вышли, он пробурчал:

— Мне известно одно местечко, мы можем там поговорить. Машину веду я.

Мы сели в его машину, оставив на стоянке разочарованную ливрею с досадно нахмуренным лбом. Потом минут двадцать кружили по городу, усердно освобождаясь от гипотетических «хвостов». Завершилось все это прибытием к многоквартирному дому в восьми кварталах от Башни Бэрта. Войдя в холл, Бэрт кивнул привратнику, тот не остался в долгу.

— Как вы считаете, завтра будет дождь? глубокомысленно заметил Бэйкер.

— Ясное дело, будет, — не стал возражать привратник.

Лифт поднял нас на шестой этаж. Обшивку панелей в коридоре украшали искусственные самоцветы, многие из которых были искусственны настолько, что по совместительству работали объективами. Бэйкер постучал в одну из дверей: три торопливых удара, пауза, два удара, пауза, еще два... Завтра же сигнал будет другим — я-то знаю толстяка. На стук дверь открыл молодой человек с суровым лицом и в темном костюме. Бэйкер указал через плечо большим пальцем, после чего человек исчез. Мы вошли и, прежде чем дверь была заперта, я все-таки успел заметить, что между двумя фальшивыми деревянными листами, напоминая бутерброд, заключена металлическая пластина. Потом минут десять Бэйкер тщательным образом, как врач богатого больного, прослушивал комнату поразительно разнообразным набором детекторов, пытаясь обнаружить подслушивающие устройства мне он дал знак хранить тишину и, в качестве дополнительной предосторожности, включил пару помехосоздающих приспособлений. Исчерпав все свои возможности, он вздохнул, снял пиджак, повесил его на спинку стула, повернулся ко мне и сказал:

— Все в порядке, теперь можно поговорить. Выпить желаешь?

— Ты уверен, что это безопасно? — спросил я, пряча улыбку.

С минуту он размышлял, потом неуверенно кивнул:

— Думаю, да.

— Тогда коньяк с содовой, если она у тебя есть.

Он отправился в соседнюю комнату и через минуту вернулся с двумя бокалами. В одном — если он собирался поговорить со мной о деле — находился чай. Но меня это мало волновало.

— Итак, как обстоят дела?

— Черт побери, все истории, которые о тебе ходят — чистая правда. Признайся, как ты узнал?

Я неопределенно пожал плечами.

— Нет, на этот раз ты меня не обставишь! Как тогда, с горными разработками на Веге.

— Не понимаю, о чем ты говоришь? — весь мой вид выражал искреннее удивление.

— Забыл, что произошло шесть лет назад?

Я рассмеялся.

— Почти не помню. Послушай, Билл, я мало слежу за тем, что делают мои деньги — пока они там, где им положено быть. Я доверяю своим служащим проявлять заботу о них и распоряжаться ими вместо меня. Если я шесть лет назад совершил выгодную сделку в системе Веги, то только потому, что один из моих хороших служащих хорошо постарался во благо своему хозяину Я не собираюсь возвышаться над своим состоянием и следить за ним, как бдительный пастух — подобно тому, как это делаешь ты. Я все передал в другие руки.

— Конечно, конечно, Фрэнк! Я понимаю — ты на Дрисколле инкогнито, и ты случайно умудрился наскочить на меня как раз в самый вечер перед сделкой. Скажи, кого из моих людей ты подкупил?

— Никого, честное слово.

— Я тебя заверяю, — пропыхтел он, развивая свою мысль, — Я ему ничего не сделаю, я просто переведу его в такое место, где он мне больше не повредит.

— Я приехал сюда не заниматься делами. И тебя я встретил совершенно случайно.

— Не знаю, что ты задумал, но на этот раз весь пирог тебе не проглотить, — заверил меня он.

— А я и не стремлюсь. Поверь мне.

— Проклятье! — его кулак ударил в подставленную ладонь. — Все шло так гладко!

— Я никого не видел, — вполне откровенно сказал я.

Он вскочил и выбежал из комнаты. Быстро вернулся и протянул мне трубку.

— Отличная трубка! — похвалил я.

— Пять тысяч, — сообщил он. — Недорого.

— Трубками я особенно не увлекаюсь.

— Десять процентов! Больше чем за десять я тебя в долю не беру. Я лично прокрутил это дело — и не желаю, чтобы ты мне подгадил!

И тогда я разозлился. Этот паразит, кроме еды, думает только об умножении своего богатства. Он абсолютно уверен, что я провожу свое время точно так же — иначе почему многие листья на Большом Дереве носят имя «Сандо»?..

— Я согласен на треть.

— Треть?!

— Или действую сам, — пригрозил я.

И началось. Хорошо, что комната была звуконепроницаемой и без «клопов». Такие изысканные выражения слышал я впервые за многие годы! Нервно шагая по комнате, он упорно менял боевую расцветку лица, пока не дошел до темно-багровой. Не знаю, чья кровь в нем кипела, но при ходьбе он стал подскакивать. И в это время — когда Бэйкер страстно старался меня в чем-то убедить — мое жадное и загребущее второе «Я» сидело со мной за одним столом и размышляло на предмет курительных трубок.

— ...ну-ка, пороемся в памяти, благо голова человека вроде меня содержит предостаточно самых разнообразных сведений. Дома, на Земле, в дни моей молодости лучшие трубки делались из пенки или особого рода вереска, «эрика». На то имелись веские причины: глиняные трубки слишком быстро нагревались, а деревянные слишком быстро прогорали и трескались. Позже, на исходе XX-го века, благодаря отчетам хирургического общества о заболеваниях органов дыхания, курение трубок пережило нечто вроде ренессанса. Если к началу следующего столетия мировые запасы пенки и эрика были истощены, то благодарность за это нужно вынести только хирургическому обществу. Пенка — или «гидроксил магния, скальная порода осадочного типа, встречающаяся в тысячелетних слоях отложившихся морских раковин» — будучи выработанной, исчезла совсем. Так, так... Вересковые трубки изготовлялись из корня белого вереска — или по-латыни «Эрика Арбореа» — который рос только в органических районах Средиземноморья и на полное созревание одного растения уходило лет сто — иначе изготовление трубки из его корня выглядело более чем проблематичным. Сбор белого вереска проводился так интенсивно и оплачивался так высоко, что о сохранении ресурсов на будущее никто даже не подумал. Итог — курильщикам трубок теперь приходится довольствоваться чем-то вроде пиролетического углерода, а пенка и вереск сохранились лишь в воспоминаниях и коллекциях. Правда, не-

значительные запасы пенки иногда обнаруживаются на других планетах, что способствует мгновенному обогащению владельцев месторождений. Но «Эрика Арбореа»... Нет, она выращивалась только на Земле и нигде больше. В наши дни — я и Андрэ Дюбуа являемся отщепенцами — подавляющее большинство курило трубки.

Трубка, которую мне показал Бэйкер, была изготовлена из отличнейшего вереска... Следовательно...

— Черта с два! Этот вереск стоит в десять раз дороже своего веса в платине!

— Ты доконаешь мое серце, если потребуешь больше восемнадцати процентов.

— Тридцать.

— Фрэнк!

— Если мы разговариваем о деле...

— Будь благоразумен, двадцать процентов — это все, что я могу себе позволить. И это обойдется тебе в пять миллионов.

Я рассмеялся ему в лицо.

Из чистого упрямства я торговался с ним еще целый час, отметая предложения Бэйкера, и наконец, сделка состоялась. На поле боя остались лежать четыре миллиона и двадцать пять с половиной процентов, и мне оставалось лишь позвонить Доминику Мэлистай, чтобы решить проблему переброски финансов.

Вот таким образом завершилось дело с вересковым корнем. Смехотворно, согласен, — это слово подходит больше, чем «странно», но ведь мы живем в тени Большого Дерева, верно?

Когда все было кончено, Бэйкер похлопал меня по плечу, сказав, что я — хладнокровный игрок и что лучше быть со мной на одной стороне, чем на противной; и вновь наполнив бокалы, высказал при этом заветное желание перекупить у меня Мартина Бремена, потому что ему никак не удавалось завести повара-ригелианца. И, конечно, снова спросил, кто дал мне знать о деле с вереском.

Он высадил меня у Башни Бэрта — ливрея открыла дверцу скальтура с моей стороны, получила ожидаемую мзду, выключила улыбку и удалилась — после чего уехал. А я отправился в «Спектрум», сожалея, что не поужинал в отеле, не лег спать пораньше, а вместо этого весь вечер выводил автографы на листьях.

Радио в моей машине наигрывало какую-то диксилендовскую мелодию: я сто лет ее не слышал. От этого, и еще из-за дождя, который не замедлил припустить, мне вдруг стало одиноко и более, чем грустно.

Машины на улицах почти не встречались. Я прибавил скорость.

На следующее утро я послал Мэрилингу на Мегапею курьерограмму. В ней я заверил Мэрилинга — Шимбо будет с ним до начала пятого периода, поэтому он может пребывать в покое. И еще я спрашивал, не знает ли он пейанца по имени Григ-Грин — или с подобным именем — который каким-то образом может быть связан с Именем Белиона. Я просил передать ответ Лоренс Дж. Коннору, Независимое Владение. Депешу я не подписал, планируя сегодня же покинуть Дрисколл и вернуться домой. Курьерограмма — самый быстрый и самый дорогой вид межзвездной «почты», но и тут пройдет пару недель, прежде чем я получу уже оплаченный ответ

Что и говорить, я несколько нарушал свое прикрытие на Дрисколле, посылая депешу тайного класса с обратным адресом на Независимом Владении, но... Я улетал в тот же день, и очень хотелось иметь поменьше проблем.

Я расплатился за номер в отеле и поехал к дому по улице Нуаж, сделав по дороге короткую остановку для легкого завтрака. Мне хотелось в последний раз окинуть взглядом дом Руфи.

В Мармеладном Домике меня поджидала новость. Что-то лежало в приемнике почты. Этим «что-то» оказался большой конверт без обратного адреса.

На конверте значилось: «Фрэнку Сандо, по месту жительства Руфь Лэрри» Я взял конверт и вошел в дом. Я не распечатал конверт пока не убедился что в доме не побывали гости которых я не приглашал. Только тогда я спрятал в карман маленькую трубочку, способную исторгать гарантированную, бесшумную и мгновенную смерть, имевшую вид вполне естественной, уселся в кресло и раскрыл конверт.

Так и есть!

Еще один снимок.

Старый друг Ник. Ник-карлик. Ник-покойник. Он стоял на скалистом утесе, сердито скалился сквозь бороду и явно был готов прыгнуть на фотографа.

«Прилетай на Иллирию. Здесь все твои друзья»

Все это было написано по-английски.

Я закурил первую в этот день сигарету

Здесь Лоренса Джона Коннора знали Мэлистай Бэйкер и Дюбуа.

Мэлистай был моим агентом на Дрисколле, и я платил ему достаточно, чтобы не бояться подкупа. Правда, к человеку могут применить другие давления, но Мэлистай сам узнал мое настоящее имя вчера — после того, как прозвучала кодовая фраза, ключ-пароль к специальной инструкции. Прошло не так много времени, чтобы его успели познакомить с сильнодействующими методами.

Бэйкер. Он ничего не выигрывал, продавая меня. Мы были партнерами в совместном предприятии, каплями в ведре, о котором столько говоряг. Вот и все. Если наши капиталы каким-то образом и вступали в конфликт, то это был конфликт не личного характера. Бэйкер исключался.

Андрэ Дюбуа не принадлежал к числу разговорчивых людей, особенно после моих пространных рассуждений о применении крайних мер на пути к достижению желаемого результата.

На Независимом Владении тоже никто не знал о месте моего пребывания, никто, кроме СЕКАРХа, а его память я позаботился стереть перед вылетом.

Попробуем рассмотреть другую возможность.

Если Руфь была похищена, и ее принудили написать записку, которую она мне послала — тогда тот, кто ее похитил, мог предположить следующее: если отреагирую на это письмо — хорошо, если нет — тоже ничего страшного.

Предположение показалось мне весьма вероятным.

Из него следовало, что на Дрисколле есть человек, имя которого я был бы не прочь узнать.

С помощью Доминика Мэлистай я бы мог, очевидно, отловить отправителя последнего снимка. Но стоило ли терять время?

Если за этим человеком находится другой, и если этот другой не дурак, то исполнитель его воли будет знать очень мало, если вообще не будет иметь к делу никакого отношения. И, все же, я решил пустить Мэлистай по следу, а о результатах доложить мне на Независимое Владение. Но звонить ему из Мармеладного домика сейчас же я, конечно, не стал.

Через несколько часов уже не будет иметь никакого значения, если кто-то здесь и знал, что Коннор — это Сандо. Я буду в пути и никогда больше не буду Л. Дж. Коннором.

...Все несчастья в мире, — сказал мне однажды Ник-карлик, — происходят от красоты.

— А как насчет правды или доброты? — поинтересовался я.

— Они тоже. Но главный преступник — красота. Вот где начало всех зол.

— А богатство?

— Деньги — это тоже красиво.

— Может, что-нибудь еще, еда, вино, женщины?..

— А я о чем говорю! — воскликнул он и с такой силой опустил на стол кружку с пивом, что в нашу сторону повернулось десяток голов. — Красота, черт ее побери!

— А красивые мужчины?

— Или подонки — это те, которые знают, что получили все даром, или тихони — которые знают, что другие парни их

терпеть не могут. Подонки портят жизнь всем, тихони — мучают сами себя. И все они обычно съезжают с дорожки из-за проклятой красоты!

— А что делать с красивыми вещами?

— О! Разве они не заставляют людей красть? Или завидовать, если люди не способны на кражу, черт возьми!

— Погоди, — сказал я, — разве вещь виновата, что она красива? Виновны ли люди, наделенные красотой? Просто так получилось...

— Вина... А кто говорит о вине?

— Ты говоришь о зле, а это подразумевает вину — рано или поздно.

— Красота тоже виновата, разрази ее гром!

— Красота, как абстрактное понятие?

— Да.

— Присущее отдельным вещам?

— Да.

— Чепуха! Вина, действительно, подразумевает ответственность, а...

— Отвечать должна красота!

— Лучше возьми еще одно пиво.

Пиво он взял, но от своей концепции не отказался.

— Ты посмотри вон на того смазливого парня возле бара. Ну, вон того, что старается подцепить девку в зеленом платье. Кто-то очень скоро даст ему в морду. А вот если бы он был урод — ничего подобного не случилось бы.

Чуть позже Ник доказал свою правоту, расквасив парню нос за то, что тот назвал его коротышкой. Что ж, в том, что он говорил, вероятно, была доля истины. Ростом Ник был примерно в четыре фута. У него были руки и плечи геркулеса. В драке он мог побить кого угодно. Голова у него была нормальных размеров с (также нормальных размеров) шапкой густых русых волос. В обрамлении бороды, над курносым носом голубели глаза. Нос был свернут вправо, а усмешка, как правило, обнажала с полдюжины желтоватых зубов. Но ниже пояса... Как-будто кто-то с досады скрутил человеческое тело в узлы. Ник вырос в страшно военной семье. Отец его был генералом, и все его братья и сестры, не считая одного, были офицерами в том или ином чине. Детство Ник провел в атмосфере, насыщенной всевозможными приемами военного искусства. Назовите любой вид оружия — будьте уверены, Ник умел с ним обращаться. Он умел фехтовать, стрелять, ездить верхом, закладывать мины, рубить ударом ладони доски и шеи, выживать в экстремальных условиях — и проваливаться на любой медкомиссии в Галактике. С одним и тем же диаг-

нозом — «карлик». Он ненавидел все красивое и всех, кто был выше его ростом. В свое время я нанял его, как охотника — приканчивать продукты моих не всегда удачных экспериментов.

— То, что красивым считаю я или ты, — не отступал я, — может вызвать приступ тошноты и отвращения у ригелианца, и наоборот. Следовательно, красота — понятие относительное. Ты не можешь низвести ее, как абстрактный принцип...

— Дерьмо! — возразил он, — просто люди воруют, насилуют и калечат из-за разных вещей. И все потому, что красота сидит-посиживает в них, заставляя рвать жизнь на куски

Как ты можешь обвинять иную красоту, в которой ничего не смыслишь?

— Мы с ригелианцами ведем дела, так?

— Так.

— Значит можно сделать перевод. Вот и все, и рассуждать тут нечего. Все ясно.

Потом тот смазливый парень, который пытался подцепить девицу в зеленом, прошел мимо, направляясь в известную комнату для джентльменов. И, требуя, чтобы Ник убрал с дороги свой стул, обозвал его коротышкой. Чем закончился вечер в баре, вы уже знаете.

Ник божился, что умрет только в походе, на каком-нибудь экзотическом сафари, но — вопреки клятвам — нашел свое Килиманджаро в госпитале на Земле, где его вылечили от всего. Кроме скоротечного воспаления легких, которое он подхватил в том же госпитале.

Случилось это лет двести пятьдесят назад. На похоронах я нес покрывало...

...Я раздавил сигарету и направился к скальтуру. Хватит, пора было улетать. Как бы ни прогнил наш мир, я займусь этим позднее.

Почему мы так крепко связаны с покинувшими его?..

Все две недели я поддерживал свою форму, размышляя над тем, что произошло. Когда я вошел в систему Независимого Владения, забот прибавилось: я обнаружил, что Земля Сандо обзавелась еще одним спутником.

«ПРОКЛЯТЬЕ! В ЧЕМ ДЕЛО?» — Послал я туда закодированный запрос.

«ПОСЕТИТЕЛЬ» — пришел ответ. *«ЗАПРОШЕНО РАЗРЕШЕНИЕ НА ПОСАДКУ. ОТКАЗАНО. ОБЛЕТ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ОН АГЕНТ ЗЕМНОЙ РАЗВЕДКИ».*

«РАЗРЕШИТЬ ПОСАДКУ ЧЕРЕЗ ПОЛЧАСА ПОСЛЕ МОЕГО ПРИБЫТИЯ».

Пришло подтверждение о получении моих инструкций,

и я вывел «Модуль-Т» на низкую орбиту, сужая круги и опускаясь все ниже и ниже.

После принятия парада веселящегося зверья я укрылся в доме, принял душ, избавился от грима фирмы «Л. Дж. Коннор и К°» и переоделся к обеду.

Итак, что-то все-таки заставило богатейшее из существующих правительств санкционировать путешествие какого-то малообеспеченного гражданского чиновника на одном из древнейших средств межзвездного сообщения.

Я поклялся, по крайней мере, должным образом его накормить.

ГЛАВА 3

Луис Бриггс и я изучали друг друга, разделенные широким столом и остатками обеда, свидетельствующими о не меньшей широте натуры его хозяина. Предъявленные бумаги удостоверяли, что их податель является агентом Центрального Разведывательного Департамента Земли. В бумагах, правда, не было отмечено, что внешностью он напоминает обезьяну. Передо мной сидел маленький, высохший, сморщенный человек с назойливо-любопытствующим взглядом. Весь его вид напоминал о давно положенной пенсии. Когда он представлялся, то держался весьма робко, но обед, как и предполагалось, произвел на него расслабляющее действие и заикание прекратилось.

— Обед был превосходным, мистер Сандо. Теперь, если позволите, я хотел бы обсудить дело, которое привело меня сюда.

— Тогда давайте перейдем наверх. Там мы сможем подышать свежим воздухом.

Прихватив с собой бокалы, мы встали из-за стола, и я повел его к лифту. Пять секунд спустя мы уже были в саду на крыше, и я жестом пригласил Бриггса расположиться в шезлонгах под каштанами.

— Надеюсь, здесь будет удобно?

Он кивнул и утонул в шезлонге. Сумерки дышали прохладным бризом.

— Это впечатляет — проронил он, чуть вынырнув на поверхность и оглядывая погруженный в сумерки сад. — Вы умеете удовлетворять свои прихоти.

— Прихоть, в которой мы находимся, рассчитана на полную маскировку места при разведке с воздуха.

— О, об этом я даже не подумал!

Я предложил ему сигару, от которой он отказался. Тогда я задымил сигаретой и поинтересовался:

— Итак, о чем вы были должны со мной поговорить?

— Не согласитесь ли вы вернуться вместе со мной на Землю и встретиться там с моим начальником?

— Нет. На этот вопрос я уже отвечал сто раз в таком же количестве писем. Земля вредно действует на мою нервную систему. Такое потрясение мне уже не под силу. Поэтому я и живу здесь. На Земле слишком тесно от бюрократов. Это очень нездоровое место, страдающее, к тому же, от такого обилия психозов, что сосчитать их не представляется возможным. Все, что хотел мне сказать ваш начальник, я готов услышать от вас. А мой ответ вы передадите ему.

— Обычно, — объяснил он, — такие вопросы решаются на уровне отдела.

— Мне очень жаль. Я готов, если потребуется, оплатить кодированную курьерограмму на Землю.

— Ответ обойдется Департаменту слишком дорого. Бюджет, — развел ручки в стороны Бриггс, — вы меня понимаете.

— Ради бога, я оплачу и ответ! Лишь бы прекратить беременность моего почтового ящика вашими письмами, которые до сих пор упрямо именуются «почтой наземной доставки».

— Нет! Ни в коем случае! — в его голосе зазвучали панические нотки. — Прежде подобным образом никогда не поступали. Человеко-часы, затраченные на решение вопроса об оплате вашего ответа окажутся настолько дорогостоящими, что...

О, Мать-Земля! Как скорбит твой сын о твоей судьбе! Что за дивные создания оккупировали тебя? Вот правительство — оно рождается, потом само рождает многочисленные формы специализации, слои управления, командные системы... Да-да, об этом говорил еще Макс Вебер. Он считал бюрократию неизбежным результатом эволюции любого правления, и он сказал, что это — хорошо! Если вы считаете нужным, поставьте после последнего слова запятую, добавьте восклицание «О, Господи!» — и это будет к месту. Потому что в истории любой бюрократии наступает время, когда система начинает напоминать карикатуру на саму себя. Вспомните, что сотворила завязшая колымага Австро-Венгерской империи с Кафкой, а русская — с Гоголем?! Беднягами, потерявшими разум! И вот теперь я видел перед собой цунлого гиганта, выжившего в борьбе с бесконечно сложной структурой. И что с того, что его умственные способности находятся на уровне явно ниже среднего — он эмоционально уравновешен или, что тоже вполне вероятно, мазохист с железной волей.

О, Мать-Земля! Я горько оплакиваю тебя на грандиозном параде, которым командует Время — и мимо проходят клоуны с застывшими гримасами улыбок, несущие в воздетых к небу

руках навеки разбитые сердца!

— Скажите, что вас интересует, и вы немедленно получите ответ, — все это мне начинало надоедать.

Почти торжественно он вытащил из внутреннего кармана запечатанный конверт, украшенный множеством штампов и значков службы безопасности, на которые я не взглянул даже после того, как конверт попал ко мне.

— Я вручаю его вам только потому, что вы категорически отказались вместе со мной вернуться на Землю.

— А если бы я согласился лететь? Что бы сделали вы с конвертом тогда?

— Вернул бы его начальнику.

— Чтобы он вручил его мне?

— Вероятно.

Я разорвал конверт и вытащил листок бумаги.

В сумеречном свете я поднес листок поближе к глазам. Это был список из шести имен — и во время чтения мне пришлось тщательно следить за выражением своего лица.

Знакомые имена людей, которых я любил или ненавидел — и все они были переписаны из давно покрывшегося пылью списка некрологов.

И все они — без исключения — присутствовали на первом плане шести фотоснимков, которые мне в недавнем прошлом довелось узреть.

Я выпустил кольцо дыма, свернул лист, вложил его в конверт и бросил на столик между нами.

— Что все это означает? — полюбопытствовал я после паузы.

— Все они — потенциально живы. Я буду вам очень обязан, если вы уничтожите список при первой же возможности.

— Не сомневайтесь. А почему они считаются потенциально живыми?

— Потому что были похищены их Репродуцирующие Пленки.

— Каким образом?

— Этого мы не знаем.

— И вы прибыли сюда...

— ...потому что вы — единственная зацепка, которую мы смогли обнаружить. Вы знали их всех.

Первой моей реакцией было недоверие, но я не подал виду и промолчал. Репродуцирующие Пленки — как я полагал — единственная вещь во Вселенной, которую невозможно украсть или добыть каким-либо иным, более благородным способом. Тридцать дней длится их короткая жизнь — потом не остается и следа. Однажды я пытался добраться до такой

Пленки — ничего не вышло. Охранников нельзя купить, а хранилища абсолютно недоступны.

И это тоже одна из причин, по которой теперь я не посещаю Землю. Мне претит носить воспроизводящую плату даже короткое время. Все рожденные на Земле получают такую плату сразу с появлением на свет божий — она вживляется в их тела. Лица, посещающие Землю или временно живущие там, обязаны носить плату, пока не покинут достопочтенную планету.

Эти платы содержат электромагнитную матрицу нервной системы. Они кодируют пульсирующий отпечаток человеческого бытия, каждый из которых еще более уникален, чем отпечатки пальцев. Их назначение — зафиксировать состояние человека в момент смерти.

Смерть — спусковой крючок, психика человека — пуля, сенсоры машины — цель. Это очень сложный и громоздкий механизм, и он записывает принятые сигналы на отрезок ленты, который преспокойно умещается на вашей ладони. «Быть или не быть» — теперь все это весит меньше унции. Через тридцать дней Пленку уничтожают. Так-то вот! И все. Конец.

Но бывают случаи — очень редкие и хранящиеся в секрете — когда Пленки постигла иная участь. Но все по порядку. Назначение всего сложного и дорогостоящего процесса состоит в следующем: имеются люди, которые, внезапно умирая во время пребывания на планете Земля, уносят с собой в Элизиум информацию, жизненно важную для экономики, технологии и национальных интересов Земли. Вся система воспроизведения и направлена на возвращение этих ценных данных. Но даже сверхмощная машина не в состоянии извлечь из Пленки все необходимое. Поэтому у каждого носителя платы берется и замораживается образец ткани. Эту ткань вместе с пленкой хранят тридцать дней и потом тоже уничтожают. Если необходимо совершить репродукцию — из образца ткани выращивается новое тело. Осуществляется это с помощью РУРа, Резервуара Ускоренного Роста, который полностью дублирует прежний организм, если не принимать во внимание девственную чистоту мозга. На этот чистый лист накладывается записанная матрица сознания, и теперь новый индивид обладает всеми мыслями и памятью погибшего оригинала. Вплоть до самого момента смерти. И он способен сообщить ту информацию, которую уважаемый Всемирный Конгресс счел нужным вернуть к жизни.

Вся система находится в крепости в Далласе, напоминающей квадрат, но охраняемой, как зеница ока.

Вы полагаете, это я похитил Пленки? — спросил я.

Он скрестил и снова вытянул ноги, потом отвел взгляд в сторону.

— Согласитесь, что здесь присутствует система, и она каким-то образом связана с вами.

— Готов согласиться. Но Пленок я не брал.

— Однажды вы уже были под следствием — вы обвинялись в попытке подкупить работника правительства. Вы же хотели получить Пленку вашей первой жены, Кэтрин?

— Этот факт зафиксирован, и я не стану его отрицать. Но вам также должно быть известно, что обвинение было снято.

— Верно — вы могли позволить себе нанять отличных адвокатов. Да и Пленку вы в конце концов так и не получили Но позже она все-таки была похищена. И лишь годы спустя мы обнаружили, что она не была уничтожена в назначенный расписанием день. Вы не могли быть причастны к этому. Да и связаться с вами тогда не представлялось возможным.

Я улыбнулся, заметив, как он сделал ударение на слове «связаться». Интересно, почему я не могу иметь собственную систему безопасности?

— И что же по-вашему я сделал бы с Пленкой, если бы мне удалось ею завладеть?

— Вы богатый человек, мистер Сандо. Один из немногих, кто может себе позволить создание репродуцирующей системы. И заплатить за обучение...

— Признаюсь честно, такое желание у меня возникало. Но поскольку я не получил Пленку, это желание, к сожалению, так и не осуществилось.

А как бы вы объяснили остальные происшествия? Последовательные хищения, происходящие на протяжении веков? И все они касаются тех, кто был вашими друзьями!

— Я не обязан ничего объяснять. Тем более вам. Но я скажу — я их не трогал. И до настоящего момента не имел даже понятия о том, что они похищены.

«Великий Боже! Это же та самая шестерка!..»

— Если принять ваше утверждение за правду, — продолжил он, — не могли бы вы тогда подбросить нам какой-нибудь ключ к этому ребусу? Кто, кроме вас, заинтересован в этих людях настолько, чтобы пойти на преступление?!.

— Ничем не могу вам помочь, — ответил я, уже видя в своем воображении образ Острова Мертвых. Я понимал, что расшифровывать этот ребус мне придется самому.

— Мне кажется, — гнул свое Бриггс, — я должен напомнить вам о том, что дело не будет закрыто до тех пор, пока мы не получим информацию о нахождении Пленок.

— Понимаю, — согласился я. — И много ли дел не

закрыто вашим Департаментом на сегодняшний день?

— Это не имеет значения. Дело в принципе: мы никогда не сдаемся.

— Просто я всегда считал, что подобных дел слишком мало и на всех них лежит толстый слой пыли.

— Это надо понимать, как отказ от сотрудничества?

— Я не отказываюсь. Но большего сказать не могу.

— На Землю вы со мной, как я понимаю, не полетите?

— Чтобы ваш шеф повторил все, что вы мне только что сказали? Благодарю покорно. Можете передать, что я очень сожалею. Скажите, что я рад помочь, но даже не представляю — как это сделать.

Хорошо, скажу Мне остается поблагодарить вас за превосходный обед.

Последнюю фразу Бриггс сопроводил вежливым поклоном.

— Вы вполне можете задержаться до утра. Постель будет не менее превосходной, — предложил я.

— Еще раз благодарю, но... Я должен дать отчет за каждый проведенный на задании день.

— А как учитываются дни, проведенные вами в субпространстве?

— О, это сложная система, — заверил Бриггс.

Я проводил его до самого взлетного поля. Я присутствовал при его посадке в корабль. Я наблюдал за взлетом на экранах мониторов, пока его драндулет не покинул систему Независимого Владения. И я рассчитывал, что в один прекрасный день снова увижу Бриггса, или его начальника, если мне и в самом деле повезет разгадать ребус и невредимым вернуться домой.

Какими будут новые известия? Этого не знала даже большая факс-машина, которая превращала полученные по лучу сообщения в письма и передавала их СЕКАРХу; а тот, в свою очередь, рассортировав, перебрасывал их в мою приемную корзинку. Чтобы скрасить ожидание, я стал готовиться к визиту на Иллирию.

Было предельно ясно — кто бы меня там ни ожидал, банкетов в мою честь он давать не собирается. Поэтому вся подготовка свелась, в основном, к выбору оружия. Мой арсенал содержал огромный выбор смертоносных игрушек для младшего возраста, и возня с ними не мешала мне предаваться размышлениям о репродукции.

В одном Бриггс был прав: только очень богатый человек может заполучить такое дорогостоящее воспроизводящее оборудование — такое же, как в Далласе. Необходима и исследовательская работа, потому что кое-какие тонкости и сегодня

держались в секрете. Я перебирал подходящие кандидатуры среди моих конкурентов.

Дуглас? Он меня ненавидит. Но чтобы прибегнуть к таким изощренным методам? Нет, он бы выбрал что-нибудь попроще... Криллсен? Да. Этот, конечно... Если бы смог. Но я держал его под таким наблюдением... Отпадает — ничего масштабного он не предпринимал.

Леди Кнойл с Ригеля? Страдает старческим маразмом, Империей управляют дочери — и чтоб они пошли на такие траты ради мести? Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда...

Кто же?

Я просмотрел свои записи — финансовые операции такого размаха не отмечались. Я послал курьерограмму в Центральное Отделение Регистрации местного астросектора. Но прежде, чем пришел ответ, я получил сообщение от Мэрилинга — ответ на мою депешу с Дрисколла.

«НЕМЕДЛЕННО ПРИЛЕТАЙ НА МЕГАПЕЮ» — и все. Никаких стилистических украшений, так свойственных пейанцу. Одно повелительное наклонение. Множество предположений с моей стороны, и одно повелительное наклонение с другой. Значит, следовало поспешить. Или Мэрилингу хуже, чем я предполагал, или мой запрос поднял большую волну.

Сначала в направлении Мегапеи улетела курьерограмма, а следом за ней и я.

ГЛАВА 4

Мегапея. Если вы собираетесь умереть, то вполне разумно выбрать место поудобнее. Пейанцы в этом убеждены. И, делая так, как мне кажется, поступают мудро. Место это, как рассказывают, довольно заброшенное, но они над ним — прежде, чем переселиться — хорошо поработали. И только потом принялись доживать тихие дни старости.

Диаметр Мегапеи составляет семь тысяч миль. В северном полушарии имеются два больших континента. Три поменьше — в южном. Больший из северных континентов напоминает чайник с отломанной ручкой, который наклонили над чашкой. Второй я бы сравнил с листом плюща, от которого прожорливая гусеница отгрызла приличный кусок на северо-западе. Эти континенты смотрели друг на друга с расстояния восьмисот миль, и днище меньшего на пять градусов забиралось в тропическую зону. Чайник приблизительно был равен Европе.

Три южных зелено-коричневых осколка покачивались в

морской синеве, не вызывая у меня никаких ассоциаций. Список местных достопримечательностей завершался обилием как больших, так и маленьких островов.

Полярные шапки невелики и не проявляют большого желания к увеличению. Температура? Приятная. Потому что плоскость эклиптики и экватор находятся в весьма близких отношениях. У всех континентов очаровательная линия берега, доброжелательный контур гор, а все остальное пространство состоит из прекрасных ландшафтов — на любой вкус, каким бы он ни был изысканным.

Здесь нет крупных городов, и город Мегапея планеты Мегапея располагается на берегу моря, омывающего континент Мегапея. Более точный адрес — самая средняя точка выеденного листа.

Расстояние между двумя ближайшими жилищами в черте города составляет никак не менее мили.

Я совершил лишний виток по орбите — хотелось сверху полюбоваться на искусную работу. И как всегда, не смог найти ни единой детали, которую стоило бы изменить. В древнем искусстве миротворчества они были моими учителями. Ныне, присно и во веки веков.

Меня захлестнули воспоминания о тех счастливых днях, когда я еще не был богатым и знаменитым, а также не имел врагов и завистников. Вероятно, я смог бы затеряться здесь, и провести на Мегапее остаток жизни. И, все-таки, я не стану этого делать. Пока не стану. Но назовите мне того, кто откажет себе в приятном удовольствии погрезить наяву?..

Закончив виток, я вошел в атмосферу, и немного спустя вокруг запел ветер. Небо из индигового превратилось в фиолетовое, потом в темно-лазурное. Несколько прядей облаков растрепались между реальностью и небытием. Место моего приземления практически являлось двором дома Мэрилинга. Прихватив с собой небольшую сумку, я оставил корабль и зашагал к башне, возвышавшейся в миле от моего корабля.

Я медленно шел по знакомой дороге, тихонько насвистывая. Птицы в кронах вечно-зеленых деревьев подхватили мотив, возник запах невидимого моря... Ничто не изменилось с тех пор, когда я впервые вышел на битву с богами, наивно надеясь обрести забвение и найдя нечто противоположное.

Воспоминания сменяли одно другое, словно цветные слайды, а я все шагал, с радостью встречая на своем пути сначала громадный, поросший мхом валун, потом колоссальное партэновое дерево; чуть позже — кррибла, помесь лошади с собакой бледно-лилового цвета, с длинными ресницами и короной розовых перьев на макушке, быстро убежавшего

прочь... и желтый парус — когда показалось море, причал Мэрилинга на берегу бухты и, конечно же, башня. Гладкая, как бивень, и невероятно древняя.

Еще древнее меня.

Последние сто ярдов я бежал, а добежав, застучал по решетке, закрывавшей арочный вход в маленький внутренний дворик. Минуты через две показался молодой пейанец и остановился по ту сторону, рассматривая меня.

Я обратился к нему по-пейански.

Меня зовут Фрэнк Сандо. Я пришел увидеть Дра Мэрилинга.

После этих слов пейанец открыл решетку. Но, согласно обычаю, ответил он лишь после того, как я вошел во двор.

— Привет тебе, Дра Сандо. Дра Мэрилинг примет тебя, как только колокол известит о приливе. Позволь проводить тебя к месту для отдыха. Там тебя ждут легкая еда и освежающие напитки.

Поблагодарив его, я последовал за провожатым по винтовой лестнице.

В отведенной комнате я немного перекусил и закурил сигарету. До прилива оставалось больше часа, поэтому я высунулся в широкое окно и стал наблюдать за океаном...

Вы скажете — странный образ жизни? Возможно. Раса, умеющая практически все, где человек — такой, как Мэрилинг — способен творить миры — может позволить себе некоторые странности. Мэрилинг мог бы стать богаче меня и Бэйкера, вместе взятых, и помноженных на тысячу, — но он выбрал башню на крутом берегу моря и тихий лес за ней.

И решил жить здесь до самой смерти, что потихоньку и делал.

Я не стану морализовать и говорить о стремлении к одиночеству, или нелюбви к контактам со сверхцивилизованными расами, или отвращение к любому обществу, включая соплеменников. Любое объяснение будет слишком примитивным. Он жил здесь, потому что хотел жить здесь, и не будем вдаваться в подробности.

При всем при том мы с ним были родственными душами, я и Мэрилинг, несмотря на наше различие. И я так и не смог понять, каким образом он сумел разглядеть тлеющий огонек Силы внутри несчастного инопланетника, подошедшего к воротам его башни много столетий тому назад; уставшего от скитаний, напуганного Временем, просящего совета у расы, которую считали Старейшей.

Неописуемый страх охватил меня в ту пору. Как передать мой ужас — видеть, как все умирает и все умирают?! Я совер-

шил единственно возможное — я отправился на Мегапею.

Не должен ли я рассказать вам немного о себе? Еще не пробил колокол и я успею это сделать.

Я родился на Земле в середине XX-го века. В тот интересный период истории, когда человек, успешно разделавшись с многочисленными табу и зашвырнув подальше условности и традиции, веселился напропалую, пока не обнаружил, что ничего, собственно, не изменилось. Он был таким же мертвым, когда умирал. И, как и прежде, перед ним стояла вечная проблема жизни и смерти. Мальтус оказался прав!

Я записался в армию, бросив колледж в конце второго курса на произвол судьбы. Вместе со мной пополнил ее ряды и младший брат, за плечами которого была только школа. Там и вошел в мою жизнь Токийский залив...

Возвращение в колледж, чтобы стать инженером, было тут же признано ошибкой — захотелось поступить на медицинский. На моей извилистой дороге поочередно возникали увлечения: то биологией, то экологией... Мне шел двадцать шестой год. И шел 1991 год от рождества Христова. Отец мой умер. Мать вышла замуж еще раз. Я влюбился в девушку, предложил ей руку и сердце, она их не приняла — и я стал добровольцем, возжелавшим принять участие в одной из первых попыток достичь иной звездной системы.

Разнообразная подготовка только содействовала этому. Я был заморожен. Срок хранения предусматривал столетнее путешествие. Мы достигли Бэртона и начали создавать колонию. Где-то в конце первого года я подхватил местную болезнь, у которой не было названия и от которой не было никаких средств. В той же камере я был заморожен вторично.

Двадцать два года спустя я вновь появился на свет божий. К тому времени прибыло еще четыре корабля. Двум из них предстоял полет к еще более далекой системе, чтобы присоединиться к еще более новой колонии. Колонист, который решил, что и первым этапом полета он сыт по горло, уступил мне место и честь расхлебывать заваренную кашу на одном из отлетающих кораблей.

Побудительный мотив даже тихо не звучал в моем сердце — ни лица девушки, ни ее имени я не помнил — единственным чувством, которое неудержимо гнало меня вперед, было любопытство. Столетие с четвертью, потраченное на дорогу к пункту назначения, я потерял зря: планета мне не понравилась. Поэтому я напросился в экипаж дальнего броска уже через восемь месяцев. В случае удачи Бифрост-мишень, в которую мы надеялись попасть — становился самым дальним космическим форпостом Человека. Угрюмый и неприветли-

вый, он только напугал меня. Я отправился в новый рейс...

Все! Я опоздал. Люди всюду поспевали раньше. Межзвездные полеты занимали максимум несколько месяцев. Контакты были установлены со всем разумным, что только было в Галактике. Смешно? Я так и думал. Это была колоссальная шутка. Еще более остроумным было то, что я оказался — кем бы вы думали? — старейшим из всех живущих людей! Единственным представителем XX-го века.

Я слушал рассказы о Земле. Смотрел фотографии. И уже не смеялся... Земля стала другим миром. И в этом мире я был одинок. Все, что я учил, стало средневековьем. Что бы сделали вы? Я стал учиться. Нужно было искать свое место в жизни. Я поступил в школу и — о, радость! — оказался еще способным учиться. Но я постоянно чувствовал себя не в своей тарелке. Страх не покидал меня ни на минуту. Именно тогда я услышал о том, что могло мне помочь, избавить меня от чувства, будто я — последний житель Атлантиды, фланирующий по Бродвею. Что могло мне дать превосходство над миром, в котором я оказался. Я узнал о пейанцах. Только что обнаруженной расе, для которой все чудеса земли — вместе с умением продлевать жизнь на пару веков — были каменным веком.

И я, сознавая, что тронулся умом, полетел на Мегапею, подошел к первой попавшейся башне, постучал в ворота и попросил:

— Научите меня, пожалуйста...

Судьба привела меня к башне Мэрилинга, одного из двадцати шести Носящих имя.

Еще не затих звон приливного колокола, как за мной пришел молодой пейанец. Я поднялся за ним по ступеням спиральной лестницы наверх. Он первым вошел в комнату, и я услышал голос Мэрилинга, приветствовавший его.

— Дра Сандо желает видеть вас — сообщил пейанец.

— Буду рад встрече с ним.

Молодой пейанец вышел от Мэрилинга, оставив двери открытыми.

— Вас просят зайти.

— Благодарю.

И я вошел.

Как я и предчувствовал, Мэрилинг сидел у большого окна и взгляд его был обращен к морю.

Три широких стены веерообразной комнаты были светло-зелеными, напоминая цветом кадент. Одна стена была чуть запылившейся громадной консолью, а на столике возле низкой, длинной и узкой кровати, который вполне могли не двигать с места уже несколько веков, так же стояла оранжевая

фигурка животного, напоминающего розового дельфина в момент прыжка.

— Добрый день, Дра, — промолвил я.

— Подойди, чтобы я тебя смог увидеть.

Я обошел его кресло и остановился перед ним. Он похудел, а его кожа стала темнее.

— Ты не заставил ждать, — заметил он, внимательно разглядывая меня.

Я кивнул:

Ты писал «немедленно»

Он зашипел и защелкал — у пейанцев это означает смешок.

— Что ты думал о жизни последнее время?

— Что она достойна уважения. И боязни.

— Как твоя работа?

— Одну я закончил, за следующую не брался.

— Садись.

Он указал пальцем на скамью рядом с ним, и я перешел туда.

— Расскажи мне, что произошло?

— Фотографии. Я стал получать снимки близких мне людей. Все они мертвы. И все они умерли на Земле. Совсем недавно я узнал, что их Репродуцирующие Пленки были похищены. Поэтому вполне возможно, что сейчас они опять живы. Затем я получил вот это.

Я протянул ему письмо, подписанное «Грин-Грином». Он поднес его к самым глазам и надолго замолк.

— Ты знаешь, где находится Остров Мертвых?

— Да. Это на созданной мной планете.

— И ты полетишь?

— Должен полететь.

— Грин-Грин — это Грингрин-тар из города Дипей. Он тебя ненавидит.

— Почему? Даже имя его мне не знакомо.

— Разве это имеет значение? Его оскорбляет само твое существование. И он жаждет мести... Очень печально.

— Очень. Особенно, если это ему удастся. Но каким образом то, что я существую, могло его оскорбить?

— Ты единственный из людей — Носящий Имя. Всегда считалось, что только пейанец способен овладеть Искусством, которым владеешь ты — и далеко не каждый пейанец на это способен. Грингрин-тар прошел обучение и завершил его. Он должен был стать Двадцать Седьмым. Но он не выдержал Последнего Испытания...

— Последнего Испытания? Мне казалось, что это чистая формальность...

— Возможно, ты так и думал... Но все совсем не так. Знай, после пяти десятков лет занятий с Дилгреном из Дипея он не был приобщен. И был потрясен этим. Его угнетало, что последний Носящий Имя не был пейанцем... Он покинул Мегапею. При его знаниях он быстро, очень быстро разбогател.

— Как давно это было?

— Несколько столетий назад... Кажется, шесть...

— Дра, ты думаешь, что все это время он меня ненавидел и планировал святую месть?

— Да, Сандо... Зачем спешить? Хорошая месть требует длительной подготовки. Никогда не торопи Время...

Всякий раз испытываешь странное чувство, когда пейанец говорит что-то в этом роде. Сверхцивилизованная раса, они, тем не менее, сделали вендетту образом жизни. Это одна из причин малочисленности пейанцев. Некоторые из них ведут даже книги вендетт — длинные, подробные списки лиц, с которыми следует свести счеты. И не дай бог позабыть кого-нибудь, кто, по их мнению, заслуживал наказания! В эти же книги занесены отчеты о ходе каждой операции по отмщению.

Месть ничего не стоит для пейанца, если это не сложная, тщательно подготовленная и приведенная в действие схема — подводящая к точно рассчитанному результату через много лет после того, как была нанесена обида. Все удовольствие, как я представляю, заключается именно в самом процессе: планировании и предвкушении отмщения. Собственно, смерть жертвы, безумие, изувечивание или унижение — все, что является результатом акции — считаются вторичными. Мэрилинг однажды признался мне, что вел одновременно три подготовки к мести, занявших в общей сложности чуть больше тысячелетия. Получив, естественно, тройное удовольствие. Это и в самом деле образ жизни, занятие которым дает массу положительных эмоций — даже когда все остальные дела идут отвратительно. Удовлетворение приносит само наблюдение за тем, как развивается акция, как переходит с одной ступеньки на другую, как один маленький успех следует за другим, ведя к окончательному триумфу. И в тот момент, когда скрупулезно вырезанная и отполированная дубина опускается на голову жертвы, автору надлежит испытать высочайшее эстетическое наслаждение... А если повезет — то и мистическое озарение.

Детей знакомят с этой системой чуть ли не с пеленок: они же должны успеть изучить ее как следует! Трудно? Зато как пригодится все это в преклонном возрасте! Приходится сожалеть, что я изучал ее наспех и хромал в этой дисциплине по наиболее тонким вопросам.

— Каким ты видишь будущее? — спросил я.

— Все очень просто — один из Вас должен умереть. На этом закончится ваше противостояние и исчезнут противоречия... Если погибнет он — можешь не торопиться. Если погибнешь ты — мои наследники отомстят за тебя.

— Спасибо, Дра.

— За что?..

— Какое отношение к Грин-Грину имеет Белион?

— Мне неизвестна тайна их союза.

— Дра...

— Большее мне не ведомо.

Помолчав, он добавил:

— Давай посмотрим, как поднимается вода.

— Посмотрим, Дра.

Я повернулся и смотрел, пока он не заговорил снова, примерно полчаса спустя.

— Вот и все.

— Все?

— Да...

...Небо темнело. Я слушал море, чувствовал его запахи, видел, как вдали звездными искрами лоснился его черный бок. Я знал, что скоро вскрикнет невидимая птица — и она вскрикнула. Долго сидел я недвижим, и в моем сознании я видел и перебирал многое, что было оставлено мною давно, что я почти забыл; и другое, которое я никогда полностью не понимал... Большое Дерево рухнуло. Долина Теней исчезла. А Остров Мертвых оказался лишь обломком скалы посреди Залива, да и его спешило накрыть водное покрывало. Тихо, без всплеска... Все. Я был один, совершенно один. Я знал, какие слова я услышу. И я их услышал.

— Пойдем со мною этой ночью, — нарушил он тишину.

— Дра...

Молчание.

— Именно сегодня? Дра...

Молчание.

— А Лоримель Многорукий? Где будет пребывать он?..

— В счастливом Ничто, дабы прийти вновь. Как всегда.

— А твои враги и долги?

— Их уже нет...

— Ты говорил о пятом сезоне в будущем году.

— Время меняет сроки...

— Понимаю.

— Мы проведем ночь в беседке, Землерожденный. До восхода я успею передать тебе Главное... Садись.

И я сел у его ног, как в те дни, когда я был моложе. Он начал говорить, и я закрыл глаза, вслушиваясь.

Он знал, что делает. Знал, что хочет.

Но от этого моя печаль и страх не уменьшились. Он избрал в Провожающие меня... Я буду последним живым существом, которое он увидит. Это была высочайшая честь и я ее не заслужил. Я не использовал то, что он мне дал так хорошо, как мог. Я многое испортил. И я знал, что он это знает. Но он уходил... И выбрал меня. Во всей Галактике лишь он один мог заменить мне отца, умершего множество веков назад. Он простил мне мои прегрешения.

Страх и печаль...

Почему сейчас? Почему именно сейчас избрал он свое Время?

Потому что другого могло бы не оказаться.

Было совершенно очевидно, что Мэрилинг понимал — я скорее всего не вернусь из рискованного похода. Поэтому нашей встрече суждено было стать последней.

«Человек, я пойду с тобой бок о бок, в любой нужде я буду руководить тобой» — так гласит Мудрость. То же вполне мог бы сказать и Страх. У них много общего, если на минуту задуматься над этим.

Вот почему я боялся.

О печали мы тоже не говорили. Она присутствовала здесь молча... Мы говорили о Мирах, которые мы сотворили; о планетах, нами созданных и заселенных; о всех Науках, принимающих участие в превращении кучи хлама в обиталище Жизни. И, неизбежно, мы говорили об Искусстве.

Экологическая игра безмерно сложнее любых шахмат, перед ней пасуют самые изысканные супер-компьютеры. Почему? Решение проблемы здесь имеет скорее эстетическую, а не научную природу. Игра требует титанического напряжения всех семи залов мозга, скрытых под превосходным куполом черепа. Но... Возникающее в тебе нечто — лучше всего здесь уместно слово «вдохновение» — заставляет испытать наслаждение, которое словами не объяснить. И мы говорили о Вдохновении...

Ночной морской ветер стал вдруг резким и холодным. Мне пришлось затворить окно и побеспокоиться об огне, который в богатой кислородом атмосфере ярко запылал, отдавая тепло. Разве вспомнишь все из сказанного в ту ночь? Лишь глубоко во мне хранятся безмолвные картины, которыми мы обменивались. Теперь это только память...

«Вот и все», — сказал он.

Занималась заря.

Он передал мне корни глиттайна, когда небо лишь посерело, предвещая рассвет. Мы посидели еще немного.

Потом свершили Последние Приготовления...

Примерно час спустя я призвал слуг и велел им нанять свершающих погребение, а также послать людей в горы, подготовить фамильную усыпальницу. Использовав супер-канал Мэрилинга, я разослал традиционные приглашения всем двадцати пяти Носящим Имя — и живущим поныне — и всем друзьям, и тем, кого он желал бы видеть в траурной кавалькаде.

Затем, как требовал ритуал, я подготовил тело, старое и зеленое, которое он носил в этой жизни. Уже закурив, я бродил вдоль ярко-голубого моря, где всех цветов радуги паруса опять прочертили горизонт. Я нашел маленькое приливное озерцо и уселся на берегу, предавшись размышлениям.

Я чувствовал онемение — не знаю, как иначе описать мое состояние. Я был здесь — и там, откуда только что вышел, и, как в прошлый раз, я покидал это место, так и не прочитав хранящиеся в душе письмена. Если бы я снова мог ощутить страх или скорбь — все, что угодно! Но я не чувствовал ничего, даже злости. Все это появится потом, я знал, а пока... Я слишком юн. Или слишком стар.

Отчего так ярок день и море ласково плещется у моих ног? Почему чуть подсоленный воздух так приятно сгорает внутри меня, а за моей спиной чарующей музыкой звучит симфония лесной жизни? Природа не так сострадательна, как хотелось бы поэтам. Лишь люди иногда горюют, когда вы навечно закрыли за собой двери и больше не откроете их никогда. Я останусь на Мегапее — еще немного — и услышу литанию Лоримеля Многорукого, когда тысячелетней давности флейты будут обволакивать сознание, словно покрывало — статую. Затем великий Шимбо проследует вслед за процессией в горы, и я, Фрэнк Сандо, увижу, как открывают черную, как бездна, воронку склепа. Я задержусь еще на несколько дней, чтобы привести в порядок дела моего Учителя — а потом снова дорога! И если в конце меня ждет то же самое — се ля ви. Такова жизнь.

Я поднялся и вернулся в башню. Ждать.

Шимбо являлся и в последовавшие за этим дни. Словно сквозь сон я слышал раскаты грома. Гром, флейты, огненные иероглифы молний, искусно выведенные на тучах... На этот раз природа рыдала.

Я помню серо-зеленую процессию, извилистую дорогу через лес. Мокрая земля сменилась камнем. Лес кончился. Я шел за скрипящей повозкой, мою голову украшал убор Шимбо, плечи жег траурный плащ, в руках я нес маску Лоримеля, глаза которой покрывала черная повязка. Никогда больше не будет загораться изображение Многорукого, пока кто-то дру-

гой не получит Имя. Я знал, что в момент движения процессии он в последний раз ярко светился во всех святилищах Галактики... И вот последние двери захлопнулись. Какой странный сон, не правда ли?

Как от меня и ожидали, когда все кончилось, я неделю провел в башне. Я постился, и мои мысли принадлежали мне. В один из таких дней пришел ответ из Центрального Отделения Регистрации — через Независимое Владение. Но я не дотронулся до него, пока не окончил пост, а когда прочел, то узнал следующее: Иллирия является теперь собственностью компании «Гриновские Разработки».

День еще не кончился, а я уже знал, что компания «Гриновские Разработки» — это Грингрин-тар собственной персоной. В прошлом — житель Дилпея, в прошлом — ученик Дилгрена из Дилпея, Носящего Имя Клиса, Радуги творящего. Я вызвал Дилгрена и договорился о встрече на следующий день. Наконец, мой пост завершился и я заснул. Я спал долго, очень долго. Без снов.

Мэлистай из Дрисколла ничего не разнюхал. Никаких следов. Дилгрен из Дилпея тоже ничем не помог, поскольку не видел своего бывшего ученика уже несколько столетий. Он намекнул, — планы и чувства разных существ, оказывается, могут совпадать — что готовит для Грин-Грина достойную встречу, если тот когда-нибудь рискнет объявиться на Мегапее.

Но разве это имело какое-то значение? Время моего визита подошло к концу.

Я поднял «Модуль-Т» в небеса и начал разгон. Время и пространство прекратили для меня свое существование.

В пути я проделал скромную, но результативную по итогам операцию. Предварительно обезболив, я рассек средний палец правой руки, посадил в него лазерный кристалл и несколько пьезоэлектрических контуров, закрыл разрез и уже через несколько часов даже шрам не напоминал о случившемся. Имеет ли значение клочок кожи и немного боли, если теперь только я вытяну этот палец, сожму остальные и поверну ладонью кверху — луч кристалла пробьет двухфутовую гранитную плиту. В легком рюкзаке удобно расположились концентраты, медикаменты, корни глиттайна. Компас и карты мне не понадобятся, — вы же не пользуетесь ими в своей квартире — а вот несколько огненных шпилек, рулон тонкой пленки, фонарик и иногда полезные инфраочки вполне могут пригодиться.

В общем, я уложил все, что могло бы содействовать осуществлению моих планов.

Я решил не опускаться на «Модуле-Т», а выйти на орбиту и совершить посадку на диметальном дрифтере. На Иллирии

я предполагал провести неделю. «Модуль-Т» получил программу — по истечении этого срока найти самый мощный узел-энерговвод и зависнуть над ним.

Я спал, ел, ждал и ненавидел. В один прекрасный день послышался гул, переходящий в вой, звезды взорвались фейерверком и вдруг неподвижно застыли. Самая яркая светилась впереди.

Я определил точное положение Иллирии и двинул «Модуль-Т» к месту встречи. Два дня — а может быть, две жизни спустя — я любовно разглядывал ее, мою опаловую планету Если бы не хроническое неприятие банальностей, я бы назвал ее Идиллией. Судите сами: сверкающие моря с полным ассортиментом чудесных заливов, островов и фиордов; буйная и пышная растительность на трех тропических континентах, прохладные леса и многочисленные озера на четырех континентах в умеренной зоне, без высоких гор, но с достаточным количеством холмов; девять скромных пустынь — для разнообразия, и прибавьте к этому извилистую, равную половине Миссисипи длиной, реку, а также мою гордость — систему океанических течений. Мой перечень достоинств Иллирии, как вы понимаете, далеко не полон — я закончу его пятисотмильным скальным мостом между континентами, возведенным мною лишь потому, что геологи их ненавидят в той степени, в какой антропологи — обожают.

По мере моего приближения к планете меня приветствовали — одна за другой — три симпатичных луны: Флопсис, Мопсис и Каттонталис, которые, боясь бросить тень на меня, бросали ее на планету.

Я вывел «Модуль-Т» на вытянутую эллиптическую орбиту, за пределами самой дальней из лун и, как я надеялся, за пределами действия любых обнаруживающих устройств. Потом я занялся делом — подготовкой моего первого спуска, а также последующего спуска корабля.

Проверив свои нынешние координаты, я включил таймер и... заснул. После краткосрочного визита в царство Морфея, свежий и бодрый, я осмотрел как дрифтер, так и весь багаж. Кто из вас помнит триллеры XX-го века? Я, например, помню. Внутренне улыбаясь, я натянул черные рубашку и брюки из пыле-, водо-, насекомо — и много еще чего непроницаемой ткани, название которой я никак не могу запомнить, хотя являюсь владельцем компании по ее производству. Затем я затянул ремешок мягкого кожаного пояса, две пряжки которого в случае необходимости могли послужить ручками удавки, спрятанной в центральном шве. Сунув ноги в тяжелые армейские ботинки, ныне называющиеся туристическими, я заправил в них низ штанин.

К бедру прилипла кобура ручного лазера, а поясницу украсила гирлянда маленьких гранат. На шее закачался медальон со встроенной бомбой, хронометр на запястье, кроме указания точного времени, имел способность извергать паралитический газ; и завершили снаряжение носовой платок, расческа и кроличья лапка, отпраздновавшая свой тысячелетний юбилей.

Теперь я был готов.

Оставалось ждать. Я намеревался спуститься ночью, легкой пушинкой канув в молчание континента Великолепия — но не ближе ста миль и не далее трехсот от моего места назначения. Забросив рюкзак за плечи, я закурил и направился к отсеку дрифтера. Задраив входной люк, я занял место на борту, опустил сферический защитный экран и запер соединения. Легкий ветер ерошил мне волосы и море тепла колыхалось под моими ногами.

Затем я нажал кнопку и открыл шлюз. В проеме выхода мелькнул полумесяц планеты. Запуск дрифтера происходил автоматически. Благодаря встроенным в корпус антигравам, дрифтер вместе со мной весил всего пару фунтов. Рули высоты, элероны, стабилизаторы, паруса, парашюты, как и все остальное — в том же духе — не представляло возможности его сравнения с лайнером. Скорее, это была яхта для плаванья в воздушном океане. Я ждал, наблюдая, как волна ночи смывает день с лица планеты. Показался Мопсис, а Каттонталис, наоборот, исчез. Зачесалась правая лодыжка. Пока я ее с удовольствием чесал, засветилась голубым цветом панель над головой. Едва я пристегнул ремни, сигнал поменял цвет на красный. Послышался звонок, красный свет погас, я успел расслабиться прежде, чем в мою спину лягнул мул — и вокруг меня закружился хоровод звезд, а темневшую впереди Иллирию уже не обрамляла рамка из краев шлюза.

Потом был дрейф. Не падение вниз, а плавное скольжение. Черное отверстие, в которое превратилась планета, медленно увеличивалось в размерах. В наступившей теплой тишине я слышал лишь собственное дыхание, биение сердца и шелест струй воздуха. Я закрыл глаза. Хорошо...

Я очень давно не пользовался дрифтером, разве что для развлечения. И всякий раз, как и сегодня, память подсовывает одно и тоже: предрассветное серое небо, такие же серые — только темнее — свинцовые волны; тяжелый запах пота и соли, горький привкус драмалина во рту, первые — давящие на перепонки — «Угххх» артиллерийского огня... И наша десантная баржа, и берег, такой близкий и недоступный — черт бы его побрал! Я вытираю ладони о колени и трогаю старую

кроличью лапку в левом боковом кармане. Как и сейчас. Смешно... У брата была такая же... Дрифтеры ему бы подошли — он любил самолеты, планеры, парусники. Любил кататься на водных лыжах, нырять с аквалангом, любил акробатику и аэробатику. Потому его и позвала авиация, а потом и костлявая старуха. Что еще можно ожидать от одной единственной паршивой лапки?..

Звезды светили во славу Господню, холодные и далекие, я закрыл купол фильтром, умерив тем самым солнечный свет. Мопсис — средняя из лун — продолжал отражать лучи, все еще надеясь осветить яму внизу. Флопсис же, занимающий более низкую орбиту, находился по другую сторону планеты. Благодаря трем лунам — вы не забыли про Каттонталис? — моря на Иллирии были относительно безмятежными и только раз в несколько лет эта троица могла себе позволить сообразить впечатляющую приливную волну. Схлынувшие воды выставляли тогда на всеобщее обозрение острова переливающихся кораллов на фоне неожиданно возникших оранжевых и пурпурных пустынь. Водяная громада прокатится вокруг планеты, и Нептун будет смущен обнажившимися залежами камней, костей, рыбы — всего, что лежит на дне. За сим последуют ветры и перепады температуры, инверсия, скопления вздыбившихся облаков, прольются дожди, водяные горы разобьются о берега и волшебные острова вернутся в водяную купель — и Нептун улыбнется в пенную бороду, когда Зевс станет вонзать раскаленные добела молнии в неспокойные волны, слыша только ответное шипение. Удар, шипение, удар, шипение...

Но это ли открывается сейчас вашему взору? Иллирия сегодня в тонкой кисее, сотканной из лунных лучей. Там, внизу, вот-вот пробудится ото сна нечто, похожее на кошку. Оно проснется, потянется, не раскрывая глаз; потом поднимется, устремит на миг свой взор на небо, на луну, куда-то дальше луны и, крадучись, начнет обход своих владений.

Они чувствуют. Они рождены от моих нервов, всего, что заложено во мне и воплощено в них. Они чувствуют это все до одного. Предощущение... Я иду к вам, созданные моей Силой, мощью моего мозга!..

Если бы там, внизу, меня ждал человек — все было бы просто. Я даже не стал бы с ним возиться. Но Грин-Грин не был человеком. Он даже не был пейанцем, что само по себе тоже способно внушить страх. Он был большим, чем первое и второе. Все мое оружие — просто бутафория. Я это понимал. Он носил Имя.

Носящий Имя странным образом воздействует на реальность и элементы, ее составляющие, когда на них падает тень,

отбрасываемая Именем. Мне доводилось слышать вполне наукообразные объяснения феномена Имени, которые сводились к одному: данный феномен — это симбиоз самовызванной шизофрении с комплексом божественного величия плюс экстрасенсорные способности. Вас устраивает такой диагноз? Не забудьте только о времени, ушедшем на обучение мироформиста и очень ограниченном количестве успешно закончивших его.

Мир, выбранный Грин-Грином для нашей встречи — был моим Миром, и в этом было мое превосходство. Конечно, я не знал, как долго он возился с ним и насколько сумел на него повлиять. Это вызывало беспокойство. Что удалось ему изменить в моем мире? Лучшей приманки он, безусловно, не мог бы придумать. Но все ли сумел предвидеть, расставляя силки? Какое преимущество, по его мнению, он имеет? Ведь он знает — в противоборстве с Носящим Имя невозможно учесть все. Но это же знаю и я.

Вам приходилось когда-нибудь наблюдать, как дерутся «Бетта-Сплендидс», сиамские боевые рыбки? Бой петухов, схватки собак, встреча мангусты с коброй — что ни возьми, проигрывает в сравнении. Это уникальное зрелище. В аквариум подсаживаются два самца. Расправив яркие — алые, голубые, зеленые — плавники-лепестки и раздувая мембраны жабр, они начинают быстро двигаться, отчего возникает иллюзия, будто распустились два цветка, заметно увеличиваясь в размерах. Они сближаются, идут рядом, бок о бок. Неуловимое глазом движение — и снова медленно и мирно они плывут рядом. Внезапно они сплелись в разноцветный вихрь. И снова замерли. Все это повторяется, и только немного спустя мы вдруг замечаем, что их окутывает красноватый туман. Последнее, что мы видим — они сцепились пастями. Проходит минута, две... Один из самцов открывает пасть и отплывает в сторону. Второй остается недвижим.

Не такой ли будет и наша встреча?

Впереди, пряча за собой звезды, вырастал темный диск планеты. По мере моего приближения к ней спуск начал замедляться. Это пришли в действие устройства под кабиной. И когда я, наконец, вошел в верхние слои атмосферы, я очень медленно заскользил вниз, где, словно монеты, брошенные на дно темного пруда, блестели в лунном сиянии сотни озер.

Я включил монитор — нет ли внизу искусственных огней?

Ничего похожего. Над горизонтом показался Флопсис, помогая своим собратьям. Примерно через полчаса я уже различал очертания континента подо мной. Непроизвольно сверив увиденное с атласом в моей памяти, я начал манипу-

лировать рулями.

Словно осенний лист в безветренную погоду, бесшумно скользил я по воздушным потокам, приближаясь к цели. Ахерон — озеро с расположенным на нем Островом Мертвых — находился, по моим расчетам, в шестистах милях к северо-западу.

Внизу показались облака, но и они вскоре исчезли. Продолжая скольжение, я совсем немного потерял в высоте, зато продвинулся вперед миль на сорок. Изрядная трепка, устроенная дрифтеру полосой встречных ветров, в конце концов заставила потерять еще несколько тысяч футов - комфорт требовал жертв но способствовала, что тоже немаловажно, сохранению скорости. Еще некоторое время я упорно продвигался вперед. Оставались пятьдесят тысяч футов высоты и четыреста миль до цели.

Еще за час я опустился на двадцать тысяч футов, выиграв лишние семьдесят миль. Пока что все шло прекрасно.

Наконец на востоке загорелась заря. Я попытался пройти под ней. Скорость увеличилась. Я будто спускался из одного океана в другой — из светлого в темный.

Но свет не отпускал меня. Я снова постарался убежать от зари, пробив слой облаков, и решил определить свое положение — сколько осталось до Ахерона?

Не более двухсот.

Свет настиг меня.

С помощью дополнительных антигравов я сумел выиграть еще сорок миль, опустившись до пятнадцати тысяч футов.

Когда я шел на уровне трех тысяч — заря пылала вовсю.

Я падал несколько минут и, разглядев подходящее место, опустился на землю.

Рубец горизонта прорвался восходящим солнцем. Ахерон находился в сотне миль. Я поднял купол кабины, нажал клавишу деструктора, спрыгнул на землю и отбежал подальше.

Спустя минуту дрифтер, как и положено, съел сам себя. Я сориентировался на местности и зашагал к дальнему краю поля, где росли деревья.

ГЛАВА 5

Через пять минут я растворился в моей Иллирии, словно никогда и не покидал ее. Солнечный свет мягко сочился сквозь лесной туман, и в прохладном воздухе пахло палой листвой и сыростью. Бриллианты росы усыпали цветы и листья. Крохотная желтая пичуга вспорхнула у меня над головой, описала круг и уселась ко мне на плечо. Спустя мгновение

она улетела по своим птичьим делам. Я задержался, вырезая себе дорожный посох и запах свежесрезанного дерева напомнил мне ручей в Огайо, где я делал свистульки из ивовых ветвей, опуская прутья в воду на целую ночь и потом снимая с них кору, предварительно постукивая по ним рукояткой ножа — чтобы отслоилась сердцевина.

В тех местах было изобилие земляники. Она росла и здесь — крупные, багровые ягоды. Я размял их между пальцами и слизал кислый и терпковатый сок. Помидорного цвета ящерка с острым хохолком медленно сползла с валуна и забралась на мой ботинок.

Я погладил ее корону, пересадил зверька на землю и продолжил путь. Сворачивая, я обернулся и крапчатые глазки ящерицы встретились на секунду с моими. Тридцатифутовые деревья-гиганты стряхивали на меня капли влаги, вокруг просыпались птицы и насекомые, и толстый зеленый пищик уже затягивал свою извечную песенку. Его поддержали собратья по хору. Шесть пурпурных «кобра ля капелла» — цветы, а не змеи — закачались на своих гибких стеблях, шипя и размахивая лепестками, и их аромат заполнил округу с эффективностью газовой атаки.

Я не удивился. Мне казалось, что я проспал все предыдущие годы и лишь сейчас проснулся. Я был дома.

Я продвигался вперед. Трава встречалась все реже, деревья подросли до семидесяти футов, и между ними разлеглись замшелые валуны. Прекрасное место для засады. Как и для укрытия.

Над головой устроили кутерьму пан-мартышки. С запада наползали армады туч. Низкое солнце зажгло их края, пробивая в листве световые тоннели. Лианы — спутницы лесных великанов — распустились цветами, похожими на серебряные канделябры, и в воздухе запахло ладаном и чем-то еще, чем пахнет только в соборах. Я окунулся в жемчуг ручья, и пушистые водяные змейки обвивали мои ноги, ухая по-совиному. Они были ядовиты, но дружелюбны.

Начиная с другого берега ландшафт пополз вверх, и я почувствовал, что мир начинает меняться. Ничего конкретного — но миропорядок дал трещину.

Утренняя прохлада лесной чащи днем не исчезла. Наоборот, усилилась. Воздух стал влажным и холодным, в нем повисло напряжение. Правда, облака затянули небо, а предчувствие грозы всегда вызывает ощущение тревоги.

Сидя под деревом и уже завершая свой скромный завтрак, я вспугнул пандрилла. Он со всех ног бросился наутек. Да, порядок был нарушен.

Мне захотелось вернуть пандрилла, и я послал вслед ему волевой импульс.

Он замер. Потом, с опаской глядел на меня, медленно двинулся в мою сторону. Я угостил его крекером и заглянул в глаза.

В них было все — страх, благодарность, паника...

Безусловно, что-то происходило.

Я отпустил пандрилла, но он не двинулся с места, простодушно выражая полную готовность расправиться со всем запасом крекеров. И, все-же, первую его реакцию я не забыл. Она могла означать только одно.

Я на вражеской территории!

Покинув место привала, я начал спуск в окутанную плотным туманом долину. Отбросив попытки войти в контакт с убегавшими при моем появлении животными, я шагал и шагал — все вперед и вперед. Пришлось оставить в стороне два энерговвода. Приближение к ним могло меня выдать.

Нет, нет, энерговвод — не часовой на вышке в строго охраняемой зоне. Это один из элементов системы с электромагнитными полями, если вам это о чем-то говорит.

Гравитационная матрица каждого мира имеет особые подвижные точки. Через эти точки специальные машины или наделенные своеобразным талантом люди могли подключиться к энергетическому полю планеты, выступая в роли батарей или конденсаторов. Энерговвод был именно таким энергетическим узлом. И именно им я не хотел воспользоваться, зная природу противника — все Носящие Имя, как правило, обладали таким искусством.

Это и было причиной того, что туман пропитал меня с головы до ботинок в своей промозглой прачечной, хотя сушилки и были рядом.

Я продолжал свой путь: в левой руке — посох, правая готова ко всякого рода неприятностям.

Но неприятности почему-то отсутствовали. На моей тропе не появлялось ни одно живое существо.

К вечеру я успел проделать миль двадцать. Было сыро, но дождь все не начинался. Я забрался в обнаруженную мини-пещеру на склоне холма, по которому только что карабкался, расположился на запасенном куске пленки — десять на десять футов, толщиной в три молекулы, но достаточно прочной и влагонепроницаемой. Затем поужинал всухомятку и заснул с пистолетом вместо снотворного.

Следующий день был ничуть не радостней предыдущей ночи. Туман сгустился. Я двигался крайне осторожно, потому что подозревал искусственность происходящего. Впрочем, все

это напоминало дешевую мелодраму. Если Он намерен произвести на меня впечатление тенями и туманами, а также холодом и совращением с пути истинного моих созданий — то зря старается. Раздражение мелкими неудобствами вызывает лишь желание скорее добраться до истока.

До вечера я лазил по холмам, а потом ко мне привязался попутчик.

Вначале был свет. Был — и двигался параллельным курсом. Пламя парило в пяти-семи футах над землей, меняя цвет от бледно-желтого до абрикосового. Расстояние до него все время менялось — то двадцать, то сто футов. Свет изредка исчезал, но всегда возвращался. Блуждающий огонек, заманивающий меня в трясину?

Возможно. Но я восхищался настойчивостью сопровождающего. Кроме того, вдвоем идти веселее.

— Добрый вечер, — вежливо произнес я. — Между прочим, я иду покончить с вашим хозяином.

Ответа не последовало.

— Если вы являетесь простым болотным огоньком, — добавил я, — можете не обращать внимания на мои обидные слова.

Ответа не последовало.

— В любом случае, — завершил я свою мысль, — вам не ввести меня в заблуждение. Объявляется перерыв на обед.

Я стал насвистывать старинную песенку «Долог путь до Типерери». Огонь не отставал. Остановившись под защитой дерева, я закурил сигарету, а огонек ждал меня, паря футах в пятидесяти над землей. Я попытался мысленно коснуться его, но он словно отсутствовал в ментальном плане. Я вспомнил о пистолете, потом передумал и застегнул кобуру. Перекур завершился, и мы двинулись дальше.

Я и мой огонь.

Час спустя мы разбили лагерь на небольшой поляне. Разведя маленький костер, я подкрепился консервированным супом, потом замотался в свою пленку и прислонился спиной к скале.

Блуждающий огонь не пересекал границу светового круга от костра.

— Желаете чашечку кофе?

Ответа не последовало. Ну и ладно. Все равно у меня была лишь одна чашка.

После еды я вновь закурил и наблюдал за умиранием костра. К сожалению, звезд не было видно. Ночь безмолвствовала, видя, как холод пробирает меня до костей. Стужа равнодушно жевала пальцы моих ног, и я сожалел об отсутствии фляжки бренди. Даже больше, чем о звездах.

Мой молчаливый спутник не двигался. Что это — явление природы или соглядатай? И осмелюсь ли я заснуть?!.

Я осмелился.

Согласно показаниям хронометра, я спал полтора часа.

За это время ничего не произошло. Я продолжал сон, изредка просыпаясь.

Утром огонь по-прежнему ждал меня.

Третий день был таким же — холодным и сырым. Я свернул лагерь и тронулся в путь. Оставалась приблизительно треть.

Неожиданно мой спутник изменил позицию и не спеша поплыл вперед. Потом свернул направо и замер. Подождав меня, он двинулся дальше, угадывая направление моего продвижения.

Мне это сразу не понравилось. Было очень похоже, что некто издевался надо мной. Некто, обладающий разумом и управляющий этим огнем. Он словно говорил: «Позволь, приятель, я облегчу тебе дорогу, которую знаю не хуже тебя».

Я почувствовал себя полным дураком. Но решил обождать с ответными действиями.

Мы шли до обеда. Огонь вежливо подождал меня, пока я подкреплялся; то же произошло во время ужина.

Лесные цветы уже не улыбались мне, но я не отчаивался.

Немного погодя поведение огня изменилось. Он отодвинулся влево и исчез. Я остановился и с минуту стоял неподвижно. Я успел привыкнуть к моему спутнику. Возможно, некто рассчитывал создать у меня условный рефлекс, чтобы я продолжал следовать за огнем? Плюс привычка и усталость...

Если я поступлю именно так — что последует потом?

Я решил минут двадцать идти за предполагаемым наводчиком. И огонь не заставил себя ждать. Я поправил пистолет в кобуре и заспешил за ним. Через пять минут пошел дождь. Стемнело, но я видел и без фонарика. Вздрагивая, я уныло проклинал сырость и холод.

Через полмили пути чувство одиночества усилилось, потому что огонь снова пропал из виду Я ждал, но он не возвращался.

Я осторожно обошел место, где он был в последний раз, на всякий случай достав пистолет и ощупывая взглядом местность.

Под ногой треснул сучок.

— Не надо! Ради всего святого, не надо!..

Я бросился на землю и откатился в сторону.

Пистолет уже был направлен туда, откуда послышался крик.

Крик — или галлюцинация?! Уверенности не было...

Оставалось ждать.

Затем послышались тихие всхлипывания. Очень трудно определить направление по столь слабому звучанию, и моя подозрительность и мнительность лишь усугубляла трудности. Я медленно повернул голову вправо, но там тоже никого не было.

— Кто здесь?!

Я говорил громким шепотом, потому что шепот труднее фиксировать.

Тишина. Тишина и всхлипывания. Я распространил мысленный контакт перед собой и уловил боль, боль и растерянность.

— Кто здесь?!

Тишина.

И наконец чей-то голос.

— Это ты, Фрэнк?

Теперь пришла пора молчать мне. И лишь спустя минуту я ответил.

— Да, я.

— Помоги мне, — в голосе звучала мольба.

— Кто ты? Где ты?

— Здесь...

По спине пробежали мурашки и ладонь сама сжала рукоятку пистолета — я знал ответ.

— Дэнго! Дэнго-Нож!

Я знал — и боялся включить фонарик...

Именно этот момент выбрал мой блуждающий огонь, чтобы вернуться. Сейчас он пылал ярче, чем всегда. Он остановился на высоте двадцати футов, светя, как сигнальная ракета. Под ним, не сходя с места стоял Дэнго. Ему было не трудно это сделать.

На месте его держали корни.

Худое треугольное лицо продолжала, сливаясь с потрескавшейся корой, черная и грязная борода; длинные волосы переплелись с увядшей зеленью ветвей. Глаза — провалившиеся, темные, с расширенными мукой зрачками. Ствол, который был его частью, покрывал птичий помет; то тут, то там зияли дыры, проделанные насекомыми; у подножья темнели черные пятна кострищ...

С треснувшего под моей ногой сучка капала кровь.

Я медленно поднялся с земли.

— Дэнго...

— Они грызут мои ноги! — простонал он.

— Сожалею, — проронил я, опустив пистолет.

— Он не захотел оставить меня мертвым, почему?

— Когда-то ты был моим другом, потом врагом. Ты

хорошо меня знал.

— Так значит — ты?

Ветви дерева потянулись в мою сторону. Он истово проклинал меня, а я стоял, слушал и смотрел, как кровь, смешиваясь с дождем, впитывается в землю...

В былые времена мы были компаньонами в одном деле, и он попробовал меня надуть. Не получилось. Исключение из доли послужило для него весьма веским основанием, чтобы меня прикончить. Я запрятал его в больницу, там, на Земле, а по выходе из нее он погиб в автомобильной катастрофе На все божья воля! Хотя и я несколько помог всевышнему в свершении воли его. Дэнго знал, что делать с ножом, если бы добрался до меня. Широкого выбора у него не было: или продырявить меня, или погибнуть самому. Иметь дырку в мои планы не входило.

В отсветах прицельного огня лицо выглядело мертвенно-бледным. Кожа цвета пятен на мухоморе и взгляд разъяренной кошки. Зубы были выбиты или казались выбитыми. Рана на щеке загноилась. Затылок его соединялся с деревом, плечи уходили в ствол и в двух больших ветвях могли скрываться руки. От пояса и ниже он целиком был деревом.

— Чья это работа? — спросил я.

— Зеленого подонка. Пейанца, — злобно оскалился он. Сначала была авария... а потом я внезапно оказался здесь.

— Я его найду! — ярость клокотала в моем горле. — Я уничтожу его! А потом вытащу тебя...

— Стой! Не уходи!..

— Но я должен, Дэнго...

— Ты ничего не понимаешь! Я не могу ждать... прошу тебя...

— Несколько дней, не более.

— Но и Он может выиграть. И я тогда навсегда останусь таким. Господи! До чего же болит... Фрэнк, поверь мне, я давно раскаиваюсь в том, что пытался обмануть тебя!.. Честное слово...

Я посмотрел вниз. Потом вверх. На землю и на огонь.

Поднял пистолет.

Опустил.

— Я больше не могу убивать тебя, Дэнго.

Он закусил губу. Кровь заструилась по подбородку, алыми нитями вплетаясь в бороду. Слезы заблестели в его глазах. Я старался не встречаться с ним взглядом.

Споткнувшись, я отступил и принялся бормотать по-пейански. И тогда я ощутил находящийся совсем рядом энерговвод. Я не мог не почувствовать его. В то же мгновение Фрэнк Сандо начал становиться все меньше и меньше, а Носящий Имя — все больше и больше, и от кивка головой в небе

раскатился хриплый гром. Я вскинул левую руку к раскалившемуся небу, и оно ответило молнией. Вспышка ослепила меня и волосы встали дыбом.

Пахло дымом и озоном. Я стоял один. Стоял перед обуглившимися, раздробленными останками того, что некогда было Дэнго-Ножом. Даже блуждающий огонь исчез. Дождь смывал гарь...

Ноги сами понесли меня сквозь порывы дождя и ветра.

Не знаю, сколько я прошагал прежде, чем сон свалил меня.

Убежден — как бы ни расхваливали все иные достоинства человека — именно сон помогает сохранить ему здравый рассудок. Сон — это скобки в уравнении, которое нам предлагает день. Допустим, вы совершили глупость, и ее, не боясь ошибки, можно возвести в любую подвернувшуюся степень. Прибавьте к ней такое же количество неприятностей. В результате вы всегда будете иметь раздражение и злость. Это сегодня. Но если все произошло вчера... Вы только улыбнетесь — и это так же верно, как дважды два четыре, и не о чем больше говорить. На иллюзорных волнах сна вы уже переплыли на другой остров Времени. Что произошло во время плаванья, и многое ли сохранила память? На первый взгляд — многое. В действительности — лишь малую дольку того, что хранят камеры нашего мозга. И чем дальше, тем больше вещей, сданных на хранение. Это и приходит мне на помощь, сглаживая боль воспоминаний. Вы скажете, это черствость. Нельзя жить, не испытывая чувства вины, не жалея ни о чем. Позвольте не согласиться. За многие века у меня возник условный рефлекс — всякое эмоциональное потрясение вгоняет меня в сон. В утренней дремоте меня еще беспокоят события вчерашнего дня, но на пруду памяти уже затухают разбегающиеся от центра круги боли — и прошлое провожает их взглядом... вы скажете, что это взгляд со стороны? Не согласен. Множество людей на моих глазах перебрало тысячи вариантов смерти — равнодушным я не был никогда. Но сон предоставляет памяти шанс вновь нажать на стартер, и на следующий день мотор в моей голове вновь набирает обороты. Кроме покоя есть движение, кроме смерти — жизнь, во всем ее многоцветье, со всевозможными оттенками радости, печали, любви, ненависти, умиротворения, счастья, страсти...

...горы, дальние горы, ущелья, скалы — и свернувшееся в клубок тело, на котором одно лишь полосатое трико; и белая маска лица, с посиневшими от холода губами; и сведенные морозом пальцы. Я завернул ее в куртку, еще хранящую мое тепло, и перенес в машину, бросив на произвол судьбы сумки с инструментами и образцами у скалы, служившей минуту

назад моим ложем. Уже в машине я обратил внимание на множество кровоподтеков, глубоких царапин, ссадин. В бреду она еле слышно повторяла одно имя, — не то «Нуаль», не то «Ноэль». В больнице врачи оказали ей помощь и предложили оставить на ночь. Утром я заехал туда вновь. Моя находка уже пришла в себя, но свое имя не могла назвать. Или не хотела. Уплатив по счету за лечение, я поинтересовался ее дальнейшими планами. Планов не было — и я предложил, в связи с их отсутствием, арендуемый мною коттедж. Она приняла приглашение. Первое время я вполне мог бы сказать, что в моем доме поселилось привидение. И готовя еду, и убирая в доме, она неизменно хранила молчание, лишь изредка отвечая на заданный вопрос; потом она уходила в свою комнату, где и проводила взаперти все остальное время. Однажды, — уже прошло дней десять, — она услышала, как я музицирую. В первый раз за многие годы я взял в руки мандолину — и, покинув свою комнату, моя гостья перешла в гостиную, где села напротив. Я играл еще целый час, хотя первоначально такого желания не испытывал. Чего не сделаешь, увидев первую живую реакцию за полторы недели? Когда умолк последний аккорд, она робко попросила разрешения поиграть. Я не возражал. Взяв в руки инструмент, она склонилась над ним. Не нужно быть тонким ценителем, чтобы понять, что она была далеко не виртуозом. Как и я сам, если говорить начистоту. И, все же, я был весь внимание, поблагодарил за доставленное удовольствие, принес ей кофе и пожелал спокойной ночи. И все. Но на следующий день это был совсем другой человек... Она причесала, чуть подрезав, свои волнистые темные волосы; темные круги под глазами, а также припухлости уменьшились, а настроение!.. За завтраком мы болтали о чем угодно: о погоде, последних новостях, музыке, антиквариате, моей работе с минералами, тропических джунглях и экзотических рыбках. Обо всем, только не о ней самой. Теперь мы стали появляться в театре, ресторане, на пляже, где угодно, почти везде. Почти. В горы, если быть точным, мы не ходили. Прошло четыре месяца — срок вполне достаточный, чтобы влюбиться и не иметь возможности это скрыть. При всем том я испытывал неловкость, продолжая оставаться в полном неведении: чем черт не шутит, может у нее муж и шестеро детей! Как-то она предложила пойти с ней на танцы. Мы танцевали на террасе до самого закрытия, до четырех утра, при свете звезд. Когда после полудня я проснулся, ее уже не было. На столике в кухне лежала короткая записка.

«Спасибо. Прошу, не ищите меня. Я должна вернуться. Я люблю вас.»

Подпись, конечно, отсутствовала. Так и осталась она в моей памяти — Девушкой Без Имени...

...высокая трава под деревом во дворе, пятнадцатилетний мальчишка с косой в руках. После очередного взмаха косы он замечает на земле птенца с торчащими в разные стороны под странным углом ножками. Птенец при виде мальчишки отводит голову назад и разевает клюв. Присев, мальчишка видит, что маленький скворец весь покрыт муравьями и осторожно отряхивает их. Затем он находит для птенца подходящее на его взгляд место — корзину со свежескошенной травой. Он ставит корзину на патио, под кленами. При помощи пипетки он пытается влить в клюв несколько капель молока, но безуспешно, и вновь принимается за работу. Позже, вернувшись взглянуть на птенца, он замечает рядом с ним пять-шесть больших черных жуков и с отвращением их выбрасывает. Утром следующего дня он обнаруживает в корзине новых жуков и вновь наводит порядок. Некоторое время спустя он видит, как на край корзины села взрослая птица. Она прыгнула в корзину и тут же улетела. За полчаса она прилетала еще три раза. Мальчишка заглянув в корзину и найдя там жуков, понимает, что птица хотела накормить птенца — он просто не мог есть. Ночью птенца съел кот, оставив в корзине несколько перьев и капель крови. Среди больших черных жуков. Мальчишка увидел их только утром...

...где-то в пространстве кружится вокруг красного солнца пояс астероидов. Несколько веков назад мы никак не могли установить контакт с обнаруженной там членистоногой разумной расой. Они называли себя «веллисы» и наотрез отказались от призывов к «дружбе и сотрудничеству». Более того, они умертвили наших посланников и вернули их обратно в расчлененном виде, который, видимо, наиболее соответствовал их членистоногим вкусам. Уже тогда у них были межпланетные корабли, а вскоре они приступили к межзвездным перелетам. В результате, где бы они ни появлялись — они несли смерть, тут же возвращаясь на исходные позиции. Веллисы или не представляли размеры Межгалактического сообщества, или это их совершенно не волновало. У них хватило разума сообразить, что, пока другие разумные сумеют договориться и объявить им войну — уйдет масса времени.

К тому же, межгалактическая война — явление чрезвычайное. Пейанцы — единственная раса, которая в этом что-то смыслит. Как и следовало ожидать, наступление успешно провалилось, остатки союзного флота были немедленно отозваны и мы перешли к вялому дальнобойному обстрелу. Но веллисы оказались разумнее, чем предполагалось. Они имели совер-

шенную антибаллистическую защиту, и мы вновь отступили. Блокада также не удалась, и набеги регулярно продолжались.

Только тогда были призваны трое Носящих Имя, три Миротворителя: Сан-рин из Крелдэя, Карфтинг из Мордеи, и ваш покорный слуга. Призваны, дабы употребить нашу Силу во разрушение.

В один малопрекрасный день в системе веллисов стал формироваться планетоид. Камень за камнем, скала за скалой — он рос и рос, постепенно меняя орбиту. Мы расположились на самой окраине системы, медленно выращивая новый мир и ведя его по спирали развития; и когда веллисы осознали опасность происходящего — уже было поздно. Впрочем, они все же попытались уничтожить новое образование. Тщетно. Бежать они даже не пытались и пощады не просили. И пришел День гнева. В месте пересечения орбит двух планет теперь мечется водоворот заледеневших глыб, и красное солнце равнодушно взирает на него. После этого я ушел в недельный запой...

...моя машина разбилась, и я погибал в пустыне, напрасно пытаясь дотащиться до поселения. Небо обдирало мою кожу, подобно наждачной бумаге, а ноги исчезали в галактических просторах, отказываясь идти. В конце концов я потерял сознание. Это продолжалось бесконечно — день или вечность. Затем ко мне подошло некое существо — я принял его за кошмар горячечного бреда — и склонилось надо мной. Оно было багрового цвета, с кожаным жабо вокруг толстой шеи и роговыми наростами на морде допотопного ящера. Добавьте к этому четыре фута длины и чешую, а также когти, короткий хвост и темные глазки, полуприкрытые мембранами. С собой у существа был маленький мешочек и длинная тростинка.

Я не знаю до сих пор, кем являлся мой пришелец. Несколько секунд он (или оно?) рассматривал меня, затем отскочил в сторону, воткнул тростинку в песок и припал ртом к верхнему краю. Щеки его раздулись, подобно надувному шарику. Затем он вновь подбежал ко мне и похлопал лапой по моим губам. Я прекрасно понял смысл жеста и раскрыл рот. И этот ящер перелил воду из своей пасти в мой рот, стараясь не пролить ни капли. Шесть раз процедура повторялась, а потом я снова потерял сознание.

Очнувшись, я обнаружил, что наступил вечер, а мой спаситель ожидает моего пробуждения с новой порцией жидкости. К утру я сумел сам подойти к тростинке и вытянуть немного влаги. Существо спало, медленно переходя от сновидений к яви. Я порылся в карманах и разложил перед ним свои вещи: хронометр, охотничий нож и все наличные деньги. Ящер равнодушно глядел на них. Я подтолкнул подарки по-

ближе к нему и указал на его мешочек. Но он отодвинул вещи назад и отрицательно зацокал языком. Тогда я поблагодарил его на всех известных мне языках, тронул холодную переднюю лапу существа и отправился дальше. Через день вдали показалось селение...

Девушка без имени. Скворец. Гибнущая планета. Глоток теплой воды.

И Дэнго-Нож, разбитый в щепки.

На девяти кругах нашей памяти боль бредет рядом с размышлением, чувствами и вечным «за что?!» Лишь сон способен удержать мой разум от помешательства.

Мне нечего к этому добавить. Можете считать меня черствым сухарем, но на следующее утро меня переполняла решимость завершить начатое, а прошлое скрывалось в пелене забвения.

Меня ждали пятьдесят миль пересеченной местности. И дорога становилась все хуже и хуже. Вокруг начали громоздиться валуны, а деревья вырастили себе зазубренные острые прищепки.

Иные деревья, иные животные... Карикатуры на мою гордость, на мои творения. Ночные соловьи хрипло кашляли, цветы попросту воняли, а насекомые больно кусались. Стволы завязывались узлами. Газели припадали на одну ногу, а некоторых животных покрупнее просто приходилось одергивать.

Я подымался все выше, уши закладывало, но медленно и неуклонно я продвигался в сгустившемся тумане. Миль двадцать-двадцать пять за прошедший день.

Оставалось два дня. И день на все остальное.

Этой ночью я проснулся в холодном поту. Меня разбудил взрыв, и ничего более жуткого я не слышал за всю свою немалую жизнь.

В ушах у меня звенело, но я не оставлял попыток прислушаться — пускай даже к эху. За спиной моей молчало большое корявое дерево, а в руке молчал банальный пистолет.

На северо-западе сквозь туман пробилось багровое зарево. Оно росло.

Второй взрыв. Не такой громкий, но все же. И третий. И четвертый.

Плюс другие неприятности.

Подо мной затряслась земля. Я сидел, молчал и ждал.

Если верить небу, то половина планеты уже должна была провалиться в тартарары.

Я подумал, сунул пистолет в кобуру и закурил. Что-то тут не так. Грин-Грин наверняка лезет из кожи, чтоб произвести на меня должное впечатление, хотя обязан понимать

всю тщету своих потуг. В природе не бывает таких явлений, и кроме нас с Грин-Грином здесь нет никого, способного на подобные представления. Может, он просто хочет мне сказать:

— Пойми, дорогой, я в силах превратить твою Идиллию в труху! Что ты на это скажешь?..

Или он рассчитывал запугать меня мощью Белиона?

Сначала я вознамерился отыскать энерговвод и ответить такой грозой, чтобы он сразу понял степень моего испуга. Но эта идея умерла в зародыше. Мы должны были встретиться лицом к лицу. Грин-Грин обязан был видеть меня и ответить наконец, почему он родился последним кретином, почему он ненавидит меня за принадлежность к расе Гомо Сапиенс, и к чему прилагать столько усилий... Чтобы мне стало больно?..

Он не мог не знать о моем прибытии. То, что я сделал в случае с Дэнго-Ножом, выдавало мое присутствие на Иллирии с головой.

Я прикрыл глаза и воззвал к Силе. Вот она, картина, видимая чужими глазами — он, Грин-Грин, следит за черным пеплом, усыпающим поверхность Острова Мертвых, а вокруг кипит магма и небо закопчено сернистым дымом, вот он стоит...

Вся сила моей ненависти выплеснулась в сообщении:

— Терпение, Терпение, Грин-Грин, Грингрин-тар... Жди. Мы встретимся через несколько дней. Для короткой беседы. Очень-очень короткой беседы.

Я не ожидал ответа. И его не было.

Утром идти стало труднее. Изредка земля вздрагивала спросонок, хлопья пепла сочились сквозь туман, и зверье удирало из этих мест, пересекая мой маршрут. Они и я взаимно игнорировали друг друга.

Север пылал огнем. Если бы это не была Моя планета, я бы мог предположить, что север и восток поменялись местами. Какое могло бы быть жестокое разочарование...

Боже, и это пейанец, почти Носящий Имя, один из расы, наиболее утонченной во всех видах искусств! Особенно в изысканном искусстве мести — а тут он корчит из себя шута перед тлей, презренным сыном Земли... Ну хорошо, ты ненавидишь меня лично. Ты хочешь со мной покончить. Но это же не повод для помешательства и пренебрежения прекрасными традициями своего народа! Тоже мне, сила — вулкан!.. Детская забава...

Я стыдился поведения Грин-Грина, его клоунады на планете, в которую я вложил часть себя самого. Даже я за недолгое время ученичества узнал о пейанской вендетте достаточно, чтобы осудить Грин-Грина. Глупо, парень... Теперь я понимаю, почему ты провалился на последнем экзамене.

Я перекусил шоколадом и двинулся дальше, решив не делать остановок. Сегодня надо пройти как можно больше, чтобы следующим утром хватило нескольких часов до цели. Зарево впереди разрасталось, пепел не переставал падать и земля продолжала трястись в ознобе.

В полдень на меня напал бородавчатый медведь. Я тщетно пытался взять его под контроль. Тогда я убил зверя, сыпя проклятьями в адрес того мерзавца, который довел бедное животное до сумасшествия. Туман развеялся, но из-за пепла это было практически незаметно. Я кашлял и брел сквозь искусственные сумерки. Местность оказалась еще хуже, чем я предполагал, так что к пути пришлось добавить лишний день.

К ночи я устал, но знал, что дойду к Ахерону не позднее завтрашнего полудня.

На склоне холма отыскалось достаточно сухое место. Я растянул пленку между беспорядочно наваленными валунами, развел костер и поужинал. Моя предпоследняя сигара внесла свой вклад в загрязнение и без того грязной атмосферы, и, выбросив окурок, я влез в спальный мешок.

Это произошло во сне. Видения сна сейчас уже забылись, помню только — это был очень симпатичный сон постепенно перешедший в кошмар. Я еще о чем-то грезил во сне, как вдруг осознал — это уже не сон, я не сплю. Не открывая глаз, я продолжал сонно ворочаться, пока моя ладонь не коснулась пистолета. Я лежал на земле в расслабленной позе, в то время как сенсоры моего сознания напряглись до предела.

Я чувствовал запах дыма и пепла. Я ощущал пронизывающе холодную влажность земли под собой. Я отчетливо сознавал чье-то присутствие. Я уловил тихий стук, даже не стук — шорох потревоженного камня, где-то справа от меня. И снова напряженная тишина.

Ствол моего пистолета рефлекторно повернулся в сторону звука, не разрушая покой и тишину.

Нежно-нежно, словно еле заметный морской прибой ласково пробует остудить раскаленный песок пляжа, на мое сумеречное сознание накатывают невидимые волны...

«Ты спишь... спишь... просыпаться не надо... пока я не позволю. Ты спишь и слышишь меня. Просыпаться не нужно... нет причины. Спи крепко, глубоко... как я велю... это так важно... чтобы ты...»

Я проснулся окончательно, но не мешал. Под формулу усыпления я успешно справился с дремотой.

Через несколько минут — когда я по всем законам должен был крепко спать — в том же направлении, что и раньше, я уловил шум движения.

Силуэт тени, в который я пристально всматривался, чуть приоткрыв глаза, изменил очертания. Перед сном он был иным.

Продолжая наблюдение, я уловил за одним из валунов легкое движение. Цель была определена, щелкнул предохранитель, я нажал на курок и светящаяся трасса провела четкий пунктир по земле футах в четырех от силуэта, обдав его кусками гравия и грязи.

«Только пошевелись — и я отправлю тебя к праотцам!» — послал я вдогонку выстрелу импульс.

Я встал, не опустив пистолет. Еще в луче света я увидел, что за валуном прятался пейанец, и я заговорил с ним на его родном языке.

— Такого растяпу среди пейанцев я еще не видел, — в моем голосе звучала насмешка.

— Могу лишь сожалеть о своих ошибках, — согласилась тень.

Я улыбнулся.

— Мягко сказано, Грин-Грин.

— Мягко, но обстоятельства выше нас.

— Ты ищешь оправдания?.. Лучше бы вспомнил закон Скалы: скала неподвижна и движется незаметно. Ты зря связался со мной. Бедные твои предки, — вздохнул я, — они не смогут обрести покой, глядя на фарс, в который ты превратил отмщение, а?

— Боюсь, что близится мой конец.

— А почему бы и нет! Надеюсь ты не будешь возражать, что вызвал меня сюда, чтобы приблизить мой?

— Я должен отрицать очевидное?

— Тогда, согласись, мне будет значительно приятней самому довести эту пьесу до логического финала.

— Не спеши. Логика может подвести, Фрэнк Сандо. Как ты объяснишь, почему я не перенес встречу с тобой туда, где мое положение было бы предпочтительней?

— Предполагаю, что вчера вечером ты был несколько потрясен.

— Не такой уж я впечатлительный. Дело не в нервах, я пришел достичь контроля над тобой.

— И проиграл!

— ...и проиграл.

— Стоило ли рисковать?

— Ты мне нужен.

— Зачем?

— Нам нужно как можно быстрей уносить отсюда ноги. У тебя ведь есть на чем это сделать?

— Ты не ошибся. Но я не понимаю причины твоего страха.

— За свою жизнь ты приобрел не только друзей, но и большое количество врагов, Фрэнк Сандо.

— Можешь называть меня просто Фрэнк. Мне кажется, что мы уже давно знакомы.

— Тебе ни к чему было вчера сообщать о своем присутствии. Если ты не поможешь мне улететь, тебе придется иметь дело с более искусным и грозным мстителем.

Изменивший направление ветер донес до меня запах, сладковатый, чуть отдающий плесенью. Так пахнет кровь, кровь пейанцев. Я направил луч фонарика в сторону Грин-Грина.

— Ты ранен?

— Да.

Я опустил фонарик и спрятал в карман. Стоя боком к рюкзаку, я нашарил в нем пакет и перебросил пейаенцу.

— Перевяжись, — сказал я, снова вынимая фонарик. — Запах твоих ран не из лучших.

Он разорвал пакет, размотал бинт и наложил его на рваную, глубокую рану, проходящую через плечо и предплечье. Раны помельче он оставил без внимания.

— Похоже, что ты побывал в переделке?

— Побывал.

— И как самочувствие противника?

— Я ранил его. Мне почти повезло — я чуть его не убил. Теперь это ничего не стоит, уже поздно.

Оружия у него не было. Я спрятал пистолет в кобуру и подошел поближе.

— Дилгрен из Дилпея шлет тебе горячий привет, — в моем сообщении легко угадывалась ирония, — по-моему он внес тебя в ассенизаторский реестр.

Григ-Грин поморщился.

— Дилгрен из Дилпея стоит в очереди сразу за тобой.

— Все это меня не убеждает. Или ты считаешь, что сказанное тобой может послужить поводом оставить тебя в живых?

— Я возбудил твое любопытство — и это пока сохраняет мою жизнь. Твои бинты подтверждают это.

— Но песок времени, просеивающийся сквозь сито моего терпения, может иссякнуть.

— Закон Скалы, кажется, оказался трудным не только для меня.

Я закурил сигарету.

— Иронизирую здесь я, а не ты.

Он поправил перевязку на ране.

— Предлагаю сделку.

— Какую?

— Ты забираешь меня на свой корабль и увозишь меня с собой.

— И что я имею взамен?

— Жизнь!

— И это, по-твоему сделка? Чем ты мне можешь угрожать?

— Я не угрожаю. Я предлагаю спасти тебе жизнь, если ты спасешь мою.

— Спасать от чего?..

— Тебе известно о возвращении к жизни нескольких людей?

— Да, ты стащил Репродуцирующие Пленки... интересно, как это тебе удалось?

— Телепортация. Я могу переносить предметы с места на место — это мой дар. Очень давно, когда я еще только обдумывал свою месть, я неоднократно посещал Землю — и каждый раз, как ты понимаешь, кто-нибудь из твоих врагов или друзей умирал. Потом я ждал, копил средства, искал подходящее место — в результате я купил эту планету. Для миротворителя не составило труда научиться общению с Пленками.

— Ты воспроизвел их тут?

— Да.

— И друзей, и врагов?

— Да.

— Зачем?

— Пока ты не умер — ты бы видел, как страдают твои любимые и близкие. А твои враги видели бы, как мучаешься ты. Жаль, что это не произошло.

— Дэнго был моим врагом, почему ты его заставил терпеть адские мучения?

— Он меня раздражал. Он должен был стать тебе предупреждением. Я избавился от него и доставил максимум мучений — он выполнил все три предназначения, которые я возлагал на него.

— А какое третье?

— Мое удовольствие, конечно.

— Понимаю. Но почему ты выбрал Иллирию?

— О, Господи! Может быть, это не твоя любимая планета, если не считать Неприступного Владения? Разве это не твоя любимица?

— Ты прав.

— Что же тогда еще искать?

Я каблуком затушил сигарету.

— Я ошибся, ты оказался сильнее, — услышал я после паузы. — Ты смог его однажды убить, Фрэнк, а меня он победил и отобрал то, что не имеет цены...

Я догадался... Я вдруг очутился на Независимом Владении, на крыше дома, в саду. Я покуривал сигару, а напротив сидела маленькая мартышка, Луис Бриггс, и я держал перед глазами список имен, который он мне вручил. Так что телепатия тут ни при чем. Просто память, логическое мышление, интуиция, плюс мрачные предчувствия.

— Майкл Шендон,.. — тихо промолвил я.

— Если бы я мог предвидеть, я бы не репродуцировал его никогда.

Я мог бы сообразить и раньше. Я же знал, что он воспроизвел всех, а в голове почему-то крутились Кэтти, Руфь, прочие...

— Ты безмозглый кретин, — выругался я. — Дурак и идиот! И сукин сын к тому же!

Морская пехота США и Американская Медицинская Ассоциация в моем часто вспоминаемом разлюбезном XX-ом веке пользовалась среди широких слоев населения куда меньшей популярностью и известностью, чем искусство, а может быть, ремесло шпионажа. Причина, как мне кажется, крылась в одном: в условиях сложных и нестабильных международных отношений сработал механизм романтического бегства от действительности. Как и все остальное в ту пору — он вышел из-под контроля. Вспомним длинную вереницу сначала литературных, а потом кино-и теле-героев: от анемичных принцев Эпохи Возрождения и кончая бледными, худосочными и очень трудолюбивыми юнцами, которые, как от них и ожидали, честно трудились и в результате женились на сентиментальных дочерях своих розовощеких начальников; рыцарей без страха и упрека с капсулами цианистого калия в дупле зуба, с пышногрудыми любовницами, тоже шпионками; с невероятно трудными заданиями, в которых секс и насилие не только не мешали их выполнению, а — наоборот — способствовали, вполне заменяя такие высокие и непонятные символы, как Любовь и Смерть. Эти герои пришли к вершинам славы где-то в семидесятые-восьмидесятые годы, и сейчас они вызывают ностальгию, подобную умилению от Рождества Христова в средневековой Англии. Конечно, это была красочная абстракция того, что происходило на самом деле.

Но, даже сравнивая шпионаж прошлого с тем, что происходит сейчас, тебя охватывает зеленая тоска. Они собирают какие-то крохи, которые потом с серьезным видом передают своим шефам, а те — в свою очередь — вводят их в компьютеры. Второстепенный факт таким образом превращается в нечто весомое, по этому поводу сочиняется малопонятный доклад, доклад с грифом «строго секретно» помещают в такой

же засекреченный архив, и после этого о нем забывают с сознанием честно выполненного долга. В связи с тем, что межзвездная война — как я уже говорил — явление чрезвычайное, а классический шпионаж имеет дело с военными сведениями, все усилия направлены на овладение стратегическими или тактическими сведениями. В наши дни настоящие талантливые шпионы действуют в промышленной сфере. В том же XX-ом веке мало кто знал о человеке, добывшем микрофильмы чертежей детища мозгового центра Форда и передавшего это детище заботливым нянькам из компании «Дженерал-Моторс», или о девице, у которой то ли на лобке, то ли на кромке лифчика поместился набросок новой модели Диора. Сейчас только мастера сохранили древние навыки, хотя и не окружены особым вниманием. Межзвездная торговля очень динамична и напряжена до предела. Все, что дает хоть какой-то минимальный шанс, какое-то микроскопическое преимущество — новые технологические разработки, секретное расписание поставок — все может стать в будущем равным Манхэттенскому проекту. Если вас интересует нечто, что есть у другого — вес шпиона равен по цене весу пенки для курительных трубок. И в этом нет никакого преувеличения.

Сказать, что Майкл Шендон был настоящим шпионом — это значит ничего не сказать. Это был шпион экстра-класса, лучший из когда-либо сотрудничавших со мной. Я испытываю укол зависти только при одном воспоминании о нем. Если я когда-то и кем-то хотел стать — то это именно таким, как он.

Выше меня фута на два и фунтов на двадцать тяжелее. Зрачки глаз цвета полированного красного дерева, волосы смоляной черноты, чертовски ловок, тембр голоса до приторности красив, одет всегда безупречно. Выходец с планеты фермеров Вава, он обладал изысканным вкусом и полной неспособностью к усидчивости. По этой причине школу он не посещал, а в дальнейшем занимался самообразованием, проходя перевоспитание после совершения антиобщественного поступка. В дни моей молодости сказали бы так: он проводит свободное время в тюремной библиотеке, и это время равно сроку за совершение крупной кражи. Сейчас говорят иначе, но суть остается одна. Если учитывать, что второй раз он сел не очень быстро, можно считать перевоспитание успешным. Я не утрирую — у него были блестящие способности. Даже не пойму, как его поймали вторично. Он любил утверждать, что это у него написано на роду. И это при том, что он был телепатом, имел фотографическую память, был силен, вынослив, умел пить... А если учесть, что женщины сами липли к нему, основание для зависти можно понять.

Один из моих вербовщиков выявил его и направил в «Специальную учебную группу» «Объединения Сандо», иными словами в «шпионский колледж». Через год он уже был вторым в классе, а когда дело дошло — как мы говорили — до «производственных исследований», он проявил себя в полном блеске. Его имя появлялось в секретных отчетах все чаще и чаще, и я пригласил его на обед. Так, спустя несколько лет, состоялось наше личное знакомство.

Это был истинный проходимец с безукоризненными манерами и обезоруживающей искренностью — вот все, что запомнилось мне после первой встречи.

Телепаты встречаются не часто. Для суда их информация не представляет ценности, но такой талант стоил многого. Все равно, даже ценя это, работать с ним было не просто — он всегда тратил больше, чем зарабатывал.

Попался он на «двойной игре», но о масштабах этой работы я узнал лишь через несколько лет после его смерти.

Мы почувствовали, что в корабле «Объединение Сандо» имеется опасная течь. На выяснение причины возникновения пробоин ушло пять лет. К тому времени нас уже изрядно качало. Но мы его ущучили. Правда, пришлось привлечь сразу четырех телепатов. Зато он получил возможность продолжить свое перевоспитание. Чтобы удержаться на плаву, я был вынужден заключить сразу три контракта на миротворчество, пережил немало, но «Объединение Сандо» с развернутыми флагами вошло в порт.

Радость успеха испортило известие об успешном побеге Шендона несколько лет спустя. Весть разнеслась очень быстро, полиция занесла его в список лиц, ею разыскиваемых, но учитывая размеры Вселенной...

Завершение все это получило на Земле, на побережье Кусбей, в Орегоне, где я нашел чудесный уголок для отдыха у моря, если предположить, что море имеет уголки. Трехмесячный отдых сопровождался приятным наблюдениями за слиянием определенного количества североамериканских компаний с «Объединением Сандо».

Что ни говори, жизнь у моря — целительный бальзам для утомленных нервов. Джентльменский набор психоаналитиков: запах моря, шум моря, соленый привкус моря, чередование прохлады и жары, сухости и влажности, мелкий песок — все это в окружении пенных барашков серо-сине-зеленого пространства — и ваши эмоции снова свежи, а взгляд на мир светел и чист. Если вы видели каждый день до завтрака и после ужина человека, прогуливающегося по берегу моря, знайте — это гулял, наслаждаясь всем вышеописанным, Кар-

лос Палермо. Если вас это интересует.

Синьор Палермо жил в расположенном на берегу уютной бухты белокаменном, стилизованном «под старину» доме, с обязательной красной черепичной крышей и с таким же обязательным закрытым задним двориком. Железная решетка ворот закрывала проем в стене со стороны моря. Сразу же за ней был пляж, южной границей которого был высокий глинистый откос, а северную охраняли непролазные кусты вперемежку с небольшими деревьями. Над всем витал такой целительный для моей души покой и мир.

Ту ночь я бы назвал прохладной, даже холодной. Чуть ущербная луна серебрила тропинку на поверхности моря, убегавшую в слившееся с морем и украшенное алмазной россыпью звезд небо. Там, вдали, у предполагаемого горизонта восемь плавучих буровых платформ пытались закрыть собой некоторое количество бриллиантов, но тщетно. Только металл платформы сам иногда отражал свет луны.

Его появление я не уловил. Как видно, он продрался сквозь заросли на севере, выждал, когда я подойду поближе, приблизился на сколько мог сам — и напал, когда я только почувствовал его присутствие.

Если вы телепат, то скрыть свое появление от обладателя такого же дара не так-то и сложно, как может показаться. Вы рисуете в своем воображении экран, по возможности оставаясь нейтральным эмоционально, происходит «блокировка» и к тому же появляется шанс следить за действиями вашего визави.

Конечно, если вы пылаете ненавистью и подкрадываетесь к человеку со страстным желанием отправить его к праотцам, сделать это очень трудно. И я обязан жизнью именно этому обстоятельству.

Я тысячу раз буду не прав, если стану утверждать, что действительно сразу ощутил чье-то зловещее присутствие. Просто, шагая вдоль линии прибоя и вдыхая свежий морской воздух, я почувствовал в груди какую-то тяжесть. Так бывает, когда в тихую летнюю ночь, вы вдруг просыпаетесь без всякого повода от толчка какой-то неопределенной мысли. Вы лежите без движения и думаете, какой черт не дает вам спать, потом слышите многократно усиленный тишиной странный звук в соседней комнате — все в вас напряженно сжимается, а воздух наэлектризован тревогой до предела. Все это вихрем пронеслось в моей голове; по спине, в пальцах рук и ног пробежали мурашки — старый атавистический синдром; ночь стала еще темней и появившийся из морских глубин спрут ужаса пытался дотянуться до меня своими щупальцами...

Стратосферный лайнер прочертил мигающий пунктир

над моей головой, почему-то вызвав мысль о метеоре, который может в любой момент пасть на мою голову.

В общем, когда сзади я уловил хруст песка, адреналин мощными потоками уже гнал мою кровь.

При повороте я пригнулся. Правая нога чуть подвернулась и я упал на одно колено. Это меня и выручило. Удар по голове не стал решающим, а только опрокинул меня на правый бок. Мы сцепились уже на песке, стараясь занять ключевую позицию. Борьба велась в полной тишине — крик был бы непозволительной роскошью и бесцельной тратой сил, пляж был пуст. Я бросил ему в глаза горсть песка и тут же нанес удар в пах. Продолжая серию, я прошелся по дюжине не менее чувствительных точек. Но его умение вести бой было выше всяких похвал, реакция была быстрее да и вес значительно превосходил мой.

Может показаться странным, но узнал я его только пять минут спустя — мы уже дрались на мокром песке и под ногами хлюпала вода. Прямым ударом головы он сломал мне нос и вывернул два пальца в то время, когда я пробовал сжать его горло. На его искаженное злобой лицо упал свет луны, я узнал Шендона и понял, что мне придется его убить, иначе его не остановишь. Оглушить — это не поможет. Тюрьмы и больницы лишь отодвинут новую встречу на неопределенный срок. Он умрет, чтобы я спокойно жил. Думаю, его рассуждения не многим отличались от моих.

Мгновение спустя я почувствовал, как мне в спину упирается что-то твердое и острое. Я дернулся в сторону — если он решил меня убить, не важно, каким способом я это сделаю сам. Главное, успеть опередить.

Он сжал мою голову, чтобы погрузить ее в волну прибоя, в тот момент, когда в моей руке уже лежал камень.

Первый удар пришелся в приподнятое для защиты предплечье. Телепаты, безусловно, имеют превосходство в драке, мгновенно улавливая очередной ход противника. Но страшно, очень страшно — знать и не иметь возможности что-либо сделать. Второй удар раздробил ему левую глазницу. Он ощутил дыхание смерти, и волчий вой пронесся над пляжем. Еще через секунду камень опустился на его висок... Для верности, я нанес удар еще два раза и оттолкнул его в сторону. Камень выскользнул из моих пальцев и упал в воду рядом со мной.

Я долго лежал, волны прилива окатывали меня, я смотрел на звезды, а рядом, в нескольких футах от меня лениво покачивалось тело смертельного врага...

Когда силы вернулись, я обыскал его и нашел пистолет, хорошо отлаженный, с полной обоймой патронов.

Он хотел прикончить меня голыми руками. Он рассчитывал, что у него для этого хватит сил и хотел с риском для себя разделаться со мной именно так. В этом и заключалась его ошибка — он мог спокойно пристрелить меня, стоя за кустами, но голос ненависти звучал громче голоса рассудка. Он мог бы быть самым опасным человеком с которым меня сводила судьба, но... даже с учетом феноменальной памяти он иногда забывал думать головой.

Он был достоин уважения, хотя я сделал бы совсем наоборот. Даже если причина насилия вторгается в сферу эмоций, я никогда не разрешал чувствам диктовать выбор средств.

Полиция была извещена о нападении, и Шендон остался лежать мертвым там, на Земле. В Далласе его превратили в кусочек Пленки, через тридцать дней и она должна была исчезнуть, а вместе с ней и все, что весило теперь меньше унции.

Через несколько дней я стоял на том же самом месте, у пенной кромки, а на противоположном берегу Большого Озера, на другой его стороне пенилась кромка Токийского залива, и я знал — если вы ушли в его воды, то назад вам дороги нет. Звезды мерцали и двоились, словно в набежавшей на глаза слезе, и хотя я духом не ведал — где-то там, возле одной из звезд уже посмеивался некто с отливающей зеленью кожей. Он вышел рыбачить в Залив...

ГЛАВА 6

Меня бесила необходимость начинать все заново. Но к бешенству примешивалась и известная доля страха. Один раз, поддавшись эмоциям, Шендон допустил осечку. Второй раз эту ошибку он не повторит. Если он всегда был опасным человеком, то теперь — кое-чем обзаведясь — он становился опасным вдвойне. К тому же, после моего вчерашнего послания Грин-Грину, он знал о моем прибытии на Иллирию.

— Ты усложнил проблему, — сказал я. — Ты и поможешь ее решить.

— Не понимаю.

— Ты наживил ловушку, теперь она превратилась в капкан, — пояснил я. — Но приманка осталась та же, что и была раньше. И я пойду на все, а ты пойдешь за мной.

Он рассмеялся.

— Прошу меня извинить, но мой здравый смысл указывает совершенно другое направление. Так что добровольно я не пойду, а как пленник... С меня будет мало толку. Лишний балласт только навредит тебе.

— У меня есть три варианта, — сказал я. — Я могу

прикончить тебя немедленно, могу отпустить тебя на все четыре стороны и могу заставить тебя идти со мной. Первый вариант мы не будем рассматривать, потому что мертвый ты не представляешь никакой ценности. Второй вариант: мы расходимся в разные стороны. Выполнив предначертание, я — если это мне суждено — возвращусь на Мегапею. Там, в кругу друзей, я расскажу, как с треском провалился твой проект мести одному землянину. Ты представляешь, как взволнует их яркая картина твоего бегства?! Как же! Ведь тебя испугал, доведя до полного безумия, этот назойливый землянин! Это можно понять, но невесту тебе прийдется искать на другом конце Галактики, да и то не среди пейанцев. И к тебе никогда не обратятся «Дра», как бы ни был ты богат. И Мегапея не примет твой прах, когда ты завершишь свой жизненный цикл. И звон приливного колокола никогда не раздастся в твою честь...

— Да будут безглазые твари в морских глубинах вечно помнить вкус твоей печенки! — завершил он эту часть моего второго варианта.

Я выпустил кольцо дыма и продолжил.

— Еще одна деталь из вариации на эту тему. Я отправляюсь дальше один и меня убивают. Неплохо, но нет даже слабой надежды, что тебе удастся удрать. Ты уже знаешь Майкла Шендона и его образ мышления. Или я не прав? Ты ведь упомянул, что ранил его. И после этого, ты думаешь, он простит тебя? Видишь ли, он не так утончен, как пейанцы. Он не поклонник изысканных церемоний — он просто найдет тебя и с удовольствием заколет, как свинью. Отсюда резюме: выиграю я или проиграю, финал у тебя один — бесчестие и смерть.

— Если я пойду за тобой, что ждет меня тогда?

— Третий вариант наиболее предпочтительный. Я забуду обо всем, что ты совершил, не вспомню о мести. Я смогу доказать — я не наносил тебе оскорбления, «пай-бадра» здесь не имеет места, и ты, не теряя достоинства, можешь тоже забыть о мести.

— Нет, — возразил он, — «пай-бадра» была. Землянин не может быть Носящим Имя.

— Хорошо. Раз твои чувства и намерения неизменны, глупо было бы не следовать классическим канонам. Я знаю не хуже тебя — вся завораживающая прелесть мгновения, когда враг осознал и механизм мести, и ее автора, и «пай-бадру», и понял, что вся прошедшая жизнь является только прологом к моменту величайшей иронии — вся чарующая прелесть этого мига будет утрачена. Поэтому я предлагаю утоление жажды вместо прощения. Ты сейчас помогаешь мне, а я дам тебе возможность, когда все будет позади, свести со мной

счеты. Ну, как, согласен?

— А каковы гарантии?

— Клятва Носящего Имя.

Он замолчал. Прошло время, прежде чем он произнес:

— Я готов пойти за тобой.

— Тогда вернемся в лагерь, там тебе будет удобнее рассказать мне о вещах, которых ты едва коснулся.

Я повернулся к нему спиной и зашагал к месту привала. Расстелив пленку так, чтобы хватило места на двоих, я подбросил сучьев в костер.

Едва мы расположились у огня, земля под нами дрогнула.

— Это твоя работа? — я кивнул головой в сторону северо-запада.

— В какой-то мере.

— И этим ты хотел меня испугать?

— Тебя? Нет.

— Шендон тоже не из пугливых.

— Наоборот.

— Может быть ты расскажешь все по порядку? Все, что происходит.

— Не спеши, сначала я хочу коснуться нашего соглашения. У меня тоже есть вариант, так сказать, встречное предложение. Хочу надеяться, что оно тебе подойдет.

— Я слушаю тебя.

— Ты идешь туда во имя спасения друзей, — его рука указала направление, куда я намеревался идти. — Предположим, все это можно совершить без риска. Если Майкл Шендон останется в стороне. Тебя не прельщает такая возможность? Или ты так жаждешь его крови, что хочешь это сделать немедленно?

Я смотрел на пламя костра и размышлял над сказанным.

Если я оставлю Майкла в живых, он обязательно доберется до меня, рано или поздно. В то же время, если я добуду то, что хочу, не встречаясь с Шендоном на узкой дорожке, в будущем я найду не меньше тысячи вполне безопасных способов сделать то, что один раз я уже сделал... Но я прибыл на Иллирию, чтобы встретиться с врагом, глядя ему в глаза. Что с того, что переменились действующие лица и декорации? И все же...

— Я готов выслушать твои предложения.

— Люди, которых я воссоздал, находятся здесь. Для тебя не секрет, как я это сделал — я использовал Пленки. Они целы по сей день и находятся в известном одному мне месте. Я рассказывал, как они попали ко мне, то же самое я могу проделать и сейчас. Если ты согласен, я переправлю Пленки

в мгновение ока. После этого мы уходим отсюда, а ты, когда пожелаешь, воспроизведешь этих людей. Когда мы взлетим, я укажу тебе место, куда нужно сбросить бомбу — и мы не подвергнем себя риску, рассчитываясь с Майклом Шендоном. Ну, как — разве это не проще и безопасней? А наши проблемы, если уговор остается в силе, обсудим потом.

— В твоем варианте два больших прокола. Пленки Руфь Лэрри здесь нет, это во-первых. Мне придется бросить остальных — это во-вторых. И что с того, что я смогу репродуцировать их потом, если я предам их сейчас?

— Разве аналоги, воспроизведенные тобой, будут помнить об этом?

— А разве это имеет значение? Они уже существуют, они реальны не меньше, чем ты или я. И дело совсем не в том, что их можно дублировать бесконечно... Они на Острове Смерти, верно?

— Да.

— Получается, если я его разрушу вместе с Шендоном, погибнут и остальные?

— Неминуемо.

— Твое предложение не проходит.

— Выбираешь ты.

— Будут еще варианты?

— Нет.

— Тогда вернемся к началу нашей беседы. Что произошло у вас с Шендоном?

— Теперь у него есть Имя.

— Что?!

— Ему покровительствует тень Белиона.

— Так не бывает! Он не миротворец...

— Одну минуту, Фрэнк. Я попробую кое-что объяснить. Видимо, Дра Мэрилинг не все сказал тебе. Ты же знаешь, он — ортодокс. А это многое объясняет. Тебе известно — Носящему Имя, чтобы создавать миры, важно иметь не только Имя.

— Но оно обязательно. Это неотъемлемый психологический ключ, который освобождает потенциал подсознания, необходимый на самых сложных этапах миросозидания. Творя миры, человек должен чувствовать себя равным Богу.

— Тогда почему это недоступно мне?

— Я ничего не знал о тебе, пока ты не стал моим врагом. Я не видел чего ты достиг, кроме тех надругательств, которые ты совершил над созданным мной. Если это все, что ты умеешь — мастер из тебя получился никудышный.

— Я в состоянии воздействовать на необходимые процессы и явления, что бы ты ни говорил.

— Этим может овладеть любой. Я говорю о творчестве, а его я здесь не наблюдаю.

— Вспомни о Пантеоне в Странтри. Он существовал до появления миротворцев.

— Ну и что?

— Для Дра Мэрилинга и тех, кто предшествовал ему, древняя религия являлась лишь средством для их творчества. Будучи ревизионистами, они воспринимали символы веры, как путь к психическому настрою. Твое слияние с Шимбо, Отцом Грома, тоже всего лишь средство закрепления в подсознании особого метода организации. Для фундаменталиста это кощунство!

— Ты фундаменталист?

— Да.

— Не понимаю, зачем ты учился делу, которое считаешь святотатством. Отвечай!

— Я хотел получить Имя.

— Кажется, я перестаю тебя понимать.

— Мне нужна была не профессия, а Имя. Мной руководили не экономические, а религиозные мотивы.

— Но это только психологическое средство...

— Не продолжай! Это совсем не так. Это подлинная церемония, ведущая к подлинному результату — слиянию с Божеством. Это обряд посвящения для высших жрецов Странтры.

— Почему ты сразу не принял святой сан, а взялся за изучение технологии создания планет?

— Потому что обряд свершают только Носящие Имя. А из живущих Двадцати Семи все двадцать семь — ревизионисты. По понятной причине обряд бы не был санкционирован.

— Двадцать шесть, — уточнил я.

— Двадцать шесть?

— Дра Мэрилинг покоится в недрах Мегапеи и Лоримель Многорукий пребывает в счастливом Ничто.

Он склонил голову.

— Еще один ушел. Я помню, когда их было Сорок Три.

— Печально.

— Да.

— Зачем тебе было нужно Имя?

— Чтобы стать служителем Веры, а не миротворцем. Но ревизионисты не пустили бы такого в свой круг. Они не мешали мне завершить образование, но потом отвергли меня. Чтобы еще больше оскорбить и унизить меня, следующим приобщенным стал инопланетянин.

— Понимаю. Поэтому твой гнев пал на меня?

— Да.

— Едва ли в этом есть моя вина. Всю эту историю я слышу практически впервые. Я всегда считал, что присвоение Имени — это уже чисто формальный обряд.

— Теперь ты знаешь больше. Я не питаю зла к тебе и не мщу тебе лично. Я хочу нанести удар по святотатствующим.

— Как же ты взялся за митротворчество, если это противоречит твоим взглядам?

— В миротворчестве, самом по себе, нет ничего плохого. Я протестую только против использования истинной Веры в прикладном смысле. В ортодоксальном понимании слова я Имени не ношу, но работа хорошо оплачивается — почему бы мне и не заняться ею?

— Я действительно не вижу причин для отказа, если кто-то вздумает дать тебе работу. Но я не вижу связи между тобой и Белионом, а также между Белионом и Майклом Шендоном?

— Грех и наказание — вот основа наших отношений, как я это себе представляю. Я сам свершил обряд присвоения Имени в храме, в Прилбеи. Ты знаком с ним — сначала приносится жертва, потом произносится Формула и ты начинаешь движение вдоль внешней стены храма так, чтобы она всегда оставалась слева от тебя, и почтительно приветствуешь каждое божество. У той пластины, изображение которой начнет светиться, в тебя и входит Сила. Это будет твоим Именем.

— И что же?

— Когда я проходил мимо изображения Белиона, оно засветилось.

— Значит ты сделал свой выбор?

— Скорее этот выбор сделал он, своим Именем. Я не желал его, бога Разрушения, а не Созидания. Я верил и надеялся, что меня выберет Кирвар Четырехликий, Отец Всех Цветов.

— Каждому да воздастся по делам его.

— Верно. Это было моей первой и самой главной ошибкой. Даже если я не призывал его, Белион руководил мной. Не могу утверждать, но его влияние я чувствую и в мести тебе — ведь ты носишь имя его вечного заклятого врага. Я и сейчас улавливаю перемену в своих суждениях. С той поры, как он меня оставил, все идет совсем не так, как раньше...

— Он не мог оставить тебя — союз заключается до конца твоих дней.

— Нарушение ритуала моего посвящения могло не обязывать к этому. Так или иначе, его со мной нет.

— Значит, Шендон...

— Да. Он один из тех редких землян, которые общаются без слов, как ты.

— Я не всегда владел этим даром. Он развился в процессе учебы у Мэрилинга.

— В его возвращенном к жизни сознании я обнаружил гнев и ненависть к тому, от чьей руки он погиб. Потом, когда он разобрался в ситуации, гнев стал понемногу затухать. Он очень выделялся среди всех остальных своим умом и я стал загружать его кое-какой работой. В частых беседах я многому его научил — он был очень усерден в подготовке твоей встречи.

— Давно он возник здесь?

— Примерно один спланф, а, может, и раньше — месяцев девять назад, — сообщил Грин-Грин. — Я репродуцировал их всех почти одновременно.

— А зачем ты похитил Руфь Лэрри?

— Я не был вполне убежден, что ты поверишь в воскрешение из мертвых. После того, как в твой адрес я послал несколько снимков — широкого расследования не последовало. А как приятно было продлить твои поиски, пока ты, в конце концов, не определил их местонахождение. Не увидев твоей реакции, я решил прозрачно намекнуть: похитил одного из близких тебе людей, из тех, кто для тебя что-то значат. Если бы — после моего послания — и это не подействовало, исчез бы кто-нибудь еще, а потом еще. К чему спешить? Ты начал бы искать так или иначе.

— Значит, Шендон стал твоим любимцем? И пользовался твоим доверием?

— Можно сказать, и так. А вообще он был очень усердный и способный ученик, к тому же умный, с хорошими манерами. С ним было приятно коротать свободное время.

— До последних дней.

— Да. На мою беду, оценка его старательности и готовности помочь была глубоко ошибочна. Конечно, он разделял мое желание отомстить тебе не меньше других твоих врагов, но они были намного глупее. И среди них не было телепатов. Я радовался возможности непосредственного общения хоть с кем-нибудь.

— Какая же кошка пробежала между столь милыми друзьями?

— Это произошло вчера. Сначала я подумал, что за всем этим кроется жажда мести, но это была Сила. Граница его коварства и хитрости расположена намного дальше, чем я предполагал. Он обвел меня вокруг пальца, как мальчишку.

— Что же произошло?

— Он сказал, что ему нужен не просто мертвый Сандо. Он желает сам совершить месть, своими руками. Разгорелся спор. Шендон сказал, что не будет выполнять мои приказы,

и я пригрозил жестоким наказанием.

После короткого молчания Григ-Грин вновь заговорил.

— Он ударил первым. Он начал драку без оружия, голыми руками. Защищаясь, я решил, что он умрет мучительной смертью. Во мне закипел гнев, и я воззвал к имени, которое носил, Белион услышал меня и явился. Я стоял в его тени у энерговвода и, вызвав пламя и дым из сердца сотворенного тобой мира, заставил содрогнуться землю. Шендон закатался по краю пропасти, ища опоры. Он удержался и не упал, хотя я сильно обжег его. А главное — он добился своей цели: вынудил меня призвать Белиона.

— Для чего?

— Он знал о моем неудачном посвящении. Я сам рассказал ему об этом. Так же, как и тебе. Шендон понимал, каким образом я сумел получить Имя, и у него родился план, о котором он решил умолчать. Но если бы я и знал об этом плане — я лишь рассмеялся бы... Но я был излишне самонадеян. Он сам сумел заключить договор с Белионом. Он сознательно разъярил меня и дал достаточно времени, чтобы воззвать к Имени Белиона. А когда Бог-Разрушитель покрыл меня своей тенью — он собрал в кулак всю свою волю и смог убедить Белиона. Борьба шла не за жизнь, а за власть. Шендон сказал: «Смотри на меня, Белион! Разве я — не лучшее вместилище для твоей Мощи, чем этот пейанец?! Я пройду назначенный тобой путь до конца, и никто из ныне живущих не способен лучше меня послужить разрушению. Если бы у зеленокожего был выбор — он бы предпочел тебя, могучий Белион, ничтожному Кирвару, Отцу Всех Цветов! Заключим союз и выиграем от этого оба!»

Грин-Грин замолчал.

— И что произошло дальше?

— А дальше... дальше я остался в одиночестве.

Ночь распахнула свои шлюзы и затопила мир сыростью. Хрипло кричала какая-то птица. Скоро зарозовеет горизонт на востоке. Я глядел в пламя и не видел его.

— Мне приходилось слышать о передаче шизофрении между двумя телепатами, — наконец сказал я. — Очень похожий случай...

— Нет. Между мной и Белионом стоял обряд. Но он нарушил слово и оставил меня. Ради этого...

— Только в том случае, если Белион существует реально...

— Что?!. Ты, Носящий Имя, посмел усомниться?! В реальности!..

— Не кричи. Вспомни «пай-бадры»... И то, до чего ты дошел с ними. Я не хотел бы ничего утверждать окончательно.

Сказал лишь, что сомневаюсь. Что было потом, после заключения договора между Белионом и Шендоном?

— Он спокойно отошел от разверзшейся между нами пропасти и повернулся ко мне спиной. Так, словно меня не существовало на свете. Я тронул его мозг и ощутил Белиона. Шендон воздел руки, — и остров затрясся. Вот тогда-то я побежал. Когда я плыл на лодке к берегу — лодка, к счастью, оказалась у причала — вода вокруг меня закипела. Я добрался до берега перед самым извержением и, оглянувшись назад, различил на берегу неподвижную фигуру Шендона. Затем его скрыл поднимающийся над водой конус вулкана. И я ушел на поиски тебя, Сандо. Немного погодя меня настигло твое послание.

— Мог ли Шендон до того пользоваться энерговводами?

— Вряд ли... Он даже не замечал их.

— А остальные?

— Остались на острове. Многие в наркотическом опьянении.

— Ясно.

— Я полагаю, теперь ты решишься изменить свои планы, Сандо?

— Нет.

Мы сидели у костра. Молча. На востоке медленно рождалась заря.

По небу бродили тучи, сливаясь в серую пелену. Стал сгущаться туман. Солнце слегка обожгло края туч, и налетел неожиданный порыв прохладного ветра. А я все сидел и думал о моем давно забытом шпионе, теперь беседующем с Разрушителем и забавляющемся вулканами... Удар надо было нанести немедленно, пока он тешится новообретенным могуществом. Ах, если бы он вышел с острова в любую другую, неиспорченную Грин-Грином область моей Иллирии!.. Любая травинка стала бы там моим союзником... Нет. Он не клюнет ни на какую приманку. И неплохо бы отделить Шендона от остальных, но я не знал способа сделать это.

— Сколько времени ты потратил, уродуя эту местность?

— Я начал изменять этот район лет тридцать назад.

Вздохнув, я встал и забрасывал костер комьями земли, пока огонь не исчез и сквозь наброшенный слой не пробились только серые струйки дыма.

— Пошли. Нам нужно спешить.

Древние скандинавские саги говорят о том, что на заре времен в центре всего пространства находилась пропасть Гинцунга-гап, под покровом вечных сумерек. Лед сковал Север, огнем пылал Юг. Борьба этих сил в течение многих веков привела к тому, что потекли реки, а в бездне замерцали первые

проблески жизни. Шумерские мифы рассказывают о битве Ен-ки с живущим в море драконом Таймотом, которая способствовала отделению земли от воды, при этом сам Ен-ки являлся как бы носителем огня. Ацтеки, не ведая сомнений, утверждали, что первые люди были сотворены из камня, а небесный огонь явится знаком новой эры. А о том, когда наступит Конец, мифов еще больше — Судный день, Гибель Богов, атомная катастрофа... Мне нередко приходилось наблюдать рождение и гибель миров — как умозрительно, так и вполне реально — и везде и всегда одно и тоже: огонь и вода.

Любой ученый в душе всегда алхимик. Живя в мире жидкостей, твердых веществ, газов и различных тепловых, световых и других эффектов, которые возникают при переходе из одного состояния в другое, он наблюдает, воспринимает, анализирует. Причем анализ подлинной природы явлений остается в сознании. А когда он возвращается к повседневной жизни, к приготовлению чашечки кофе, к полету в потоках ветра или времени — он всегда имеет дело с четырьмя основными элементами философии древних — землей, огнем, водой и воздухом.

Воздух, с какой стороны его не рассматривай, вызывает ощущение чего-то эфемерного и легковесного. Никто не спорит, без него не проживешь, но он невидим, и когда он ведет себя, как паинька — стоит ли на него обращать внимание?

Земля? Она так незаметно изменчива, что ее всегда ощущаешь, как нерушимый монолит.

Вот Вода и Огонь — совсем другое дело. Это не застывшая, а постоянно меняющаяся форма существования, вечное движение. Предрекая грядущие беды, пророки почти не вспоминают землетрясения или бури. За все великие прогрешения грядет наказание огнем или потопом. Наши предки были не так наивны, когда, в отличие от обезьяны, научились добывать первое и выбирать жилище рядом со вторым.

Геенна огненная и океанские чудища созданы нашей фантазией не зря. Это не случайность, если вдуматься. Огонь и вода ассоциируются с постоянным движением, а движение — это жизнь. И оба они хранят загадку, оба умеют ранить и убивать. Не потому ли и все другие носители разума во Вселенной относятся к ним так же, как и мы. И все это — алхимия, что-то загадочное, грозное, вечно меняющееся, подвижное, полное сил рождения и готовности уничтожить.

Нечто похожее было в моих отношениях с Кэтти. До нашего знакомства и женитьбы она два года работала у меня секретарем. Темноволосая, маленькая девушка с тонкими красивыми руками, из которых она очень любила кормить птиц,

и прибавьте к этому страсть к ярким платьям. Я нанял ее через агентство на Майле. В дни моей молодости люди были довольны уже тем, если взятая на работу девушка была сообразительна, умела печатать, стенографировать, вести деловую переписку. В наши дни — более сложные и напряженные — я пригласил ее по рекомендации своего агента, который оценил имеющуюся у нее степень доктора по теории и практике секретарской деятельности Майльского университета. Боже праведный! Весь первый год все успешно летело вверх тормашками. Сказать, что она перемешала весь мой личный архив и переписка опаздывала на полгода — это значит ничего не сказать. В результате ее бурной деятельности я — опять-таки за солидную цену — приобрел машинку XX-века, научил ее стенографии и Кэтти на глазах превратилась в прекрасную, прелестнейшую выпускницу колледжа со специализацией по делопроизводству. Горная река ее энергии вернулась в нормальное русло и единственными, кто мог разобрать каракули Грегга — что имело свою ценность в вопросах секретности и рождало что-то общее между нами — были мы сами. Если в первый год на ее глазах еще можно было видеть слезы, то в дальнейшем я уже не представлял, как я мог раньше работать без нее, отмечая, что она не только хорошенькая секретарша, но и просто хорошенькая. После свадьбы мы счастливо прожили шесть лет с половиной... Она погибла в огне, который столь полно выражал ее суть. Агенства всего мира трубили о катастрофе в космопорте Майами, куда она приехала меня встречать. Из двух наших сыновей один еще жив. Так или иначе, огонь преследовал меня с той поры всегда. Вода же всегда была моим другом.

При всем моем отношение к воде, мои миры рождены, как одним, так и другим. Кокитус, Нью-Индиана, Сан-Мартин, Бининград, Мерсия, Иллирия — этот список можно продолжить — появились на свет в процессе плавания, охлаждения, испарения и омовения. И вот я шагаю сквозь искаженные леса искаженного мира, и враг — купивший и испоганивший его — идет рядом со мной. С Иллирии, которой предназначалось быть планетой-парком, планетой-курортом, исчезли люди: отдыхающие, туристы, молодожены, те, кто продолжал любить гладь вод и зелень лесов, горные тропинки и пение птиц. Они постепенно покинули этот мир, и сейчас лес, через который я шел, был согнут и скрючен, стволы деревьев были сплетены в узлы, а озеро, к которому мы продвигались, было покрыто туманом. Земля стонала от ран и огня, и кровь текла из кратера, возвышавшегося впереди. Огонь и на этот раз ждал меня на свидание — с низко висящих над головой туч сыпался

пепел, как приглашение на погребальную церемонию.

Кэтти влюбилась бы в Иллирию, увидев ее в иные времена. Но теперь карнавал устраивал Шендон, и от одной мысли, что она все это видит, меня начинало мутить. Оставалось только проклинать и двигаться вперед.

Вот суть моих рассуждений об алхимии...

Не прошло и часа, как Грин-Грин стал жаловаться на усталость и боль в плече. Я выразил глубокое сочувствие, но продвижения к цели не замедлил. Проявленного сострадания было достаточно, чтобы он замолчал. Возможность передохнуть выпала пейанцу лишь через час, когда я залез на дерево, желая увидеть то, что ждет нас впереди. Путешествие приближалось к концу, очень скоро наш путь проляжет по склону холма, и вся дальнейшая дорога пойдет под уклон. Тучи позволили дню стать чуть-чуть светлее, туман почти рассеялся. Стало значительно теплее. Когда я взбирался на дерево, поднимая с веток тучи пепла и пыли — по лицу и по спине бежали струйки пота. Глаза слезились, и я непрерывно чихал.

За кронами дальних деревьев была видна гористая часть острова. Слева и немного позади дымился конус новорожденного вулкана. Я в сотый раз выругался и полез вниз.

До берега Ахерона мы добрались через два часа.

В маслянистой пленке, покрывавшей воду моего озера, мерцали отсветы пламени. Все. Больше не отражалось ничего. Падая в воду, раскаленные куски магмы устрашающе шипели и гасли...

Я смотрел на останки своего детища и не чувствовал ничего, кроме налипающей на меня грязи. Мысли текли медленно и лениво, подобно медленным ленивым волнам, выбрасывающим на берег обломки пемзы и грязную, как я, пену. Пахло тухлыми яйцами, и мертвая рыба усеяла побережье.

Я сел на камень и потянулся за сигаретой, глядя на открывшийся ландшафт.

На середине озера по-прежнему находился мой Остров Мертвых.

Никаких изменений — тень, забытая владельцем, тьма и неподвижность. Я склонился над водой и погрузил в нее кончики пальцев. Горячо... На восток от Острова виднелось свечение — похоже на конус еще одного вулкана, поменьше.

— Я выбрался на берег немного западнее, — сказал Грин-Грин.

Я кивнул, не оборачиваясь. Слишком рано... Можно позволить себе небольшую передышку. На южной стороне острова — хорошо видимой отсюда — лежала узкая полоса песчаного пляжа. Там же была небольшая бухточка, футов в две-

сти диаметром. От нее к высоким горным пикам вела извилистая тропинка.

— Как ты полагаешь, где он мог расположиться? — спросил я Грин-Грина.

— Рядом с подножием, в домике, где у меня была лаборатория. В стене за домом я расширил многие пещеры.

Выбор сузился до единственной возможности — брать остров, что называется, в лоб. Остальные берега были слишком отвесны и, кроме того, не выводили к подножью.

Единственный выход... Единственный?

Грин-Грин — и, конечно же, Шендон — не могли знать, что и на северной стене есть лазейка. Она выглядела совершенно неприступной — я создавал ее именно такой — но только выглядела, а не являлась такой на самом деле. Знаете, я всегда любил рядом с парадным подъездом примостить этакий незаметненький запасной выход... И если мы остановимся на этом варианте, то придется сначала вскарабкаться на самый верх, а уже оттуда спуститься к домику.

Хорошо. Пусть будет так. И не станем излишне беспечно трепать языком. В конце концов, Грин-Грин является телепатом, и вся его душещипательная история вполне могла оказаться кучей дерьма. Я-то прекрасно понимал это. Пейанец и Шендон отлично могли сговориться, и вообще могло не быть никакого Шендона. Вы понимаете, что я хочу сказать?..

Я не верил Грин-Грину на ломаный грош, хотя грош давно вышел из употребления, и вряд ли кому-нибудь пришло бы в голову его ломать.

— Пошли, — буркнул я, бросая окурок в сточную канаву, которой стал мой Ахерон. — Где ты оставил лодку?

Мы двинулись левее. Он заверял меня, что там должна лежать лодка. Но лодки на месте не оказалось.

— Ты уверен в том, что оставлял ее именно здесь?

— Разумеется!

— Тогда где лодка?

— Ее могло сбросить в воду при извержении, и она уплыла.

— А ты доплывешь до Острова со своим раненым плечом?

— Я — пейанец.

У него был такой героический вид, словно он собирался переплыть Ла-Манш в обе стороны, и вообще без плечей. Собственно, я и собирался поддеть его.

— Только плыть к Острову нельзя, — добавил он.

— Это еще почему?

— Горячие течения. И чем ближе к Острову — тем горячее.

— Тогда давай строить плот. Я займусь срезанием деревьев — у меня есть пистолет — а ты поищи что-нибудь, чем

можно их связывать.

— Связывать?

— Тебе лучше знать здешние места. Ты потратил кучу времени, чтобы их основательно загадить. Но лианы, по-моему, ты все же упустил из виду...

— Мне нужен нож. Эти лианы достаточно прочные.

Я заколебался.

— Хорошо. Держи!

— Но если вода захлестнет наш плот, станет горячо.

— Тогда будем охлаждать воду.

— Что?

— Просто скоро начнется ливень...

— А вулкан?..

— Маленький такой ливень... как раз в меру.

Он пожал плечами и отправился за лианами. Я принялся валить и ошкуривать деревья, подбирая одинаковые стволы, приблизительно дюймов шести в диаметре. При этом я не забывал следить за происходящим у меня за спиной. На всякий случай.

Вскоре пошел дождь.

Все последующее время с неба лилась мокрая и холодная водичка, основательно промочившая наши бренные тела. Поверхность Ахерона покрылась оспенными язвочками, прибрежная флора умылась, очистившись от пепла и сажи. Пока Грин-Грин разыскивал необходимые нам лианы, я успел соорудить парочку весел и длинные шесты для управления этим несуразным плавсредством.

Земля неожиданно вздрогнула, и жуткая расщелина перерезала конус вулкана почти до половины. Из трещины хлынул поток лавы цвета расплавленной стали. Уши мои не сразу сообразили — если можно так отзываться о собственных ушах — что ужасающий грохот в них оказался всего лишь эхом, эхом от еще более громкого взрыва. Затем озеро взвилось на дыбы горбом локального цунами и стремительно понеслось в мою сторону.

К счастью, я успел добежать до самого высокого дерева, какое нашлось поблизости, и даже успел взобраться на него.

Вода захлестнула ствол, но не более чем на фут. Я ждал. За полчаса было три таких волны, смывшие мои весла, шесты и бревна, но зато подарившие огромное количество ила.

Злость закипала во мне. Я понимал, что дождь не в силах погасить вулкан, и даже наоборот — может разгорячить его еще больше, но...

Вода смыла всю мою работу. И злоба бурлила во мне похлеще проклятого вулкана.

Я спустился на землю и в сотне ярдов от себя ощутил

пульсацию энерговвода. Как во сне, до меня донесся крик пейанца, но я не стал отвлекаться. Видимо, уже тогда я не совсем представлял из себя то, что именовалось Фрэнком Сандо.

Я взобрался на небольшой холмик, чтобы войти в самый центр энерговвода. Отсюда открылся прекрасный обзор озера, Острова и всего остального. Похоже, зрение мое резко улучшилось. Я даже различал домик-лабораторию. Тот край двора, что обрывался сразу к воде, был огорожен парапетом, и мне почудилось там некое движение. Собственно, у землян зрение хуже, чем у пейанцев. Сам Грин-Грин утверждал, что ясно видел Шендона с этого берега.

Через меня текла одна из артерий Иллирии. Я не задумывался над ее значимостью — главная артерия или мелкий капилляр — но наши пульсы стали биться в унисон, и Сила снизошла ко мне.

Я бросил Ее вперед.

Дождик превратился в мощный ливень. Я взмахнул рукой — и молния полыхнула в полнеба, а гром ударил в свой рокочущий барабан. Ветер прыгнул взбесившимся котом, и холодным порывом пронесся мимо меня, огладив вспотевшую спину.

Позади кричал Грин-Грин. Справа от меня. Кажется...

Небо прорвалось тяжкими бушующими потоками, лаборатория скрылась из виду, и остров превратился в серый призрак. Сквозь мглу едва пробивались слабые искорки вулкана. Ветер усилился, завыл, как несущийся под откос грузовой состав, и гром мощно вторил ему. Вода Ахерона вздыбилась уже знакомым мне цунами, но двинулась на сей раз в обратном направлении. Если Грин-Грин продолжал кричать — теперь я не мог его слышать.

Вода текла по моему телу, зрение перестало воспринимать окружающий мир, но мне и не были нужны глаза. Сила исходила из меня, моя Сила, и полотнища дождя разрывались с сухим резким треском, подобно лопающемуся тросу или удару бича. День превратился в ночь.

Мой хохот сотряс сошедший с ума мир, воды поднялись горами, словно выпущенные из заточения джинны, молнии рассекали небо полыхающими кликами, и это не был предел.

Это было — Начало.

«Фрэнк, остановись! Он уже знает о твоем приходе!..» — мысль Грин-Грина пробилась к той части меня, которая еще могла ее воспринять.

«Знает? Отлично! Спрячься — и жди!»

Ответ был примерно таким.

Земля подо мной встряхнулась, притопывая в такт под-

нявшемуся урагану. Искра вулкана дрогнула, разгорелась и превратилась в подобие маленького солнца. Молнии плясали вокруг острова, вычерчивая на его поверхности многие Имена, и одно из них было — Моим.

Удар. Я упал, но сумел подняться.

...Я находился в Небытии. Здесь не было тверди, свет еще не отделился от тьмы, и холод сосуществовал с жарой. Возможно, все это было моим сознанием, возможно, нет...

Мы стояли друг перед другом. Мои зеленые руки сжимали огненный перун-молнию, держа ее перед грудью.

Он был похож на серый столб, закованный в чешую. Морда ящера. И горящие огнем глаза. Шесть рук непрерывно двигались. Но в целом, мы стояли довольно спокойно.

«Привет тебе, старый враг, заклятый друг!» — сказал Он.

«Привет и тебе, Белион. Я пришел.»

«Твое время завершилось. Не унижайся, принимая смерть от моей руки. Уйди, Шимбо, и созданный тобой мир будет жить.»

«Этот мир и так будет жить, Белион.»

Тишина.

«Тогда грянет битва.»

«Или ты отступишь...»

«Нет.»

«Тогда — бой!»

Он тяжело вздохнул, изрыгая пламя.

«Да свершится предначертанное!»

И Белион исчез.

...Сила покинула меня. Я стоял на холме, и руки мои висели вдоль тела.

Ничего подобного никогда не случалось со мной. Если хотите, я грезил наяву. Мираж, призрак, рожденный гневом и возбуждением.

Дождь ослабел, но все еще шел. Ветер стал менее свирепым. Гром умолк, и молнии гасли одна за другой. Вулкан успокаивался, оранжевый свет на его макушке спадал, и рана в склоне перестала изливать лаву.

Я промок. Вода была мокрой, а земля — твердой. Битва прервалась в самом многообещающем месте. Ну и хорошо: вода озера стала прохладной, и сам Остров выглядел куда доступнее...

Солнце прорвалось в разрыв между тучами, и сверкающие капли небесной влаги развернулись в яркий мост радуги. Красочная арка легла над Ахероном, Островом, конусом вулкана, отчего все сразу стало похоже на картинку к детской книжке.

Слишком нереально.

Я спустился с холма. Нам надо было строить плот.

ГЛАВА 7

Готовый пролить слезу над полной потерей трусости, я, сам того не ожидая, обнаружил, что последняя вдруг напомнила о себе, изрядно при этом напугав.

Я прожил такую долгую жизнь, что вероятность гибели росла с каждым новым днем. Этот грустный вывод можно было бы сформулировать как-то иначе, но катастрофическое уменьшение процента моей страховки — самое яркое тому подтверждение. Компьютер страховых компаний поставил меня в один разряд со случаями неизлечимой ксенопатии, а это говорит о многом. Возможно, они и правы. Сейчас — впервые за очень длинный период — я снова влез в опасное предприятие и, естественно, чувствовал себя чуть-чуть не в форме.

Если Грин-Грин и обратил внимание на дрожание моих рук, по внешней реакции я этого не заметил. Очевидно, он сделал правильный вывод, что его жизнь находится в этих самых руках, а он и без того видел происходящее в достаточно мрачных тонах. Сейчас он мог меня убить в любой момент. Он это знал. И я знал, что он знал. И он знал, что я знал, что он знал. И...

Сдерживало его одно — он не мог выбраться с Иллирии без меня. Значит, если рассуждать логически, его корабль остался на острове. И сейчас он в распоряжении Шендона. И он может отправиться на наши поиски с воздуха. И ему начихать на то, что думают наши эфемерные покровители о перспективе нашего противоборства. Таким образом, я пришел к убеждению, что, укрывшись под кронами деревьев, я поступлю очень разумно. Из этого также следовало, что путешествие мы продолжим под покровом ночи. А раз так, все строительные работы переносились вглубь берега, и эту идею Грин-Грин нашел самой мудрой.

В облачном покрывале днем появились проплешины, хотя полностью небо и не очистилось. А к вечеру, несмотря на продолжавший идти дождь, стало даже светлее от улыбок проплывающих над нами Каттонталиса и Флопсиса. А, может быть, ухмылок?..

В тот же день, только позже, в небо над Островом поднялось серебристое большое — втрое больше «Модуля-Т» — отталкивающего вида насекомое и принялось описывать круги, расширяя их по спирали наружу, а потом суживая к центру. Надежда на все еще многочисленные ветры над головой сводилась к нулю, поэтому мы зарылись в лежащую под деревьями листву и «отдыхали» там, пока насекомое не вернулось на Остров Мертвых. Все это время я гладил ладонью свой

древний амулет. Что ж, старина-кролик опять не подвел.

Плот был построен за несколько часов до заката. Томимые ожиданием, мы сидели, прижавшись спинами к стволам деревьев.

— Даю двадцать центов за идею, — прервал я молчание.

— Что такое цент?

— Мелкая денежная единица, в древности распространенная на моей родной планете. Впрочем, предложение снимается — они теперь в большой цене у коллекционеров.

— Удивительное предложение — купить мысль. Что, у твоего народа это было обычным делом?

— Это один из этапов развития торговли: у всего должна быть своя цена.

— Необычайно интересная концепция. Я могу понять, почему люди вроде тебя могут ей следовать.

Грин-Грин замолк, размышляя. Потом спросил:

— Если бы представилась возможность, ты бы выкупил «пай-бадру»?

— Не кощунствуй. «Пай-бадра» — это побудительный мотив к действию.

— Но ты бы заплатил человеку за отказ от намерения отомстить?

— Нет.

— Почему?

— Ты бы взял деньги, надеясь усыпить мою бдительность. Чувство мнимой безопасности только облегчило бы тебе исполнение желаемого.

— Я не имею в виду себя. И дело не в том, что я богат — пейанцы не бросают своих вендетт никогда и ни за что... Нет, я подумал о Майкле Шендоне. Он, как и ты, оттуда, где на все есть своя цена. Если мне не изменяет память, он нанес тебе ущерб, потому что ему нужны были деньги и это легче было сделать за твой счет. За то, что ты посадил его в тюрьму, а потом и убил — он ненавидит тебя. Но он с тобой одной расы, а она назначает цену на все. Так не можешь ли ты заплатить за его «пай-бадру» столько, что он уйдет с нашей дороги?

Банально купить выход из создавшегося положения? Заплатить деньги? Эта мысль даже не приходила мне в голову. Я прибыл на Иллирию, чтобы схлестнуться с врагом-пейанцем. Теперь этот враг был — пусть на время — моим союзником. Его место занял землянин, и Грин-Грин в чем-то прав. Всеми нами движет корысть, и нельзя сказать, что этим мы отличаемся от других рас, хотя многие и в самом деле превосходим. Да и во все передряги Шендон влип, потворствуя своим дорогостоящим вкусам. События на Иллирии приняли

столь стремительный характер, что мне даже в голову не могло прийти такое решение: просто заплатить деньги.

Но если учесть расходы Шендона — подробный и очень длинный их список был представлен еще на первом суде — он тратил деньги со скоростью весеннего горного потока, сила которого иссякает вместе с окончанием таяния льдов. Предположим, я дам ему полмиллиона в универсальных кредитных карточках. Даже миллион. Другой поместил бы деньги понадежней и на всю оставшуюся жизнь забыл бы о заботах. Шендону этой суммы хватит максимум на пару лет. Потом у него опять возникнут проблемы. Он вновь вспомнит о гусыне, которая однажды уже снесла золотое яйцо, и его неудержимо потянет вновь присутствовать при родах. Нет, такой вариант меня определенно не устроит.

И все же, если бы удалось прийти к соглашению — я бы его купил. Сейчас. Потом я бы нашел специалистов, чья профессия — убивать.

А если они промахнутся?..

Тогда он опять сядет мне на хвост, и опять возникнет дилемма: или он, или я.

Я проиграл этот мотив, прислушиваясь к различным нюансам. Наконец, я пришел к единственному выходу, вернее, выводу.

У него был пистолет, а он хотел прикончить меня голыми руками.

— Ничего не выйдет, — произнес я уже вслух. — Он не торговец.

— Я не желал нанести тебе оскорбления. Наверное, мне не совсем понятна психология землян.

— И не только тебе.

Я наблюдал, как угасает день и тучи зашнуровывают небо на ночь. Еще немного — и придется тащить плот к воде и пускаться в путь по успокоившимся водам. Лунный свет мы сегодня в помощники брать не будем.

— Грин-Грин, — сказал я, — в тебе я узнаю себя. Наверное, я уже больше пейанец, чем землянин. Мне кажется, суть не в том, что я — «настоящий». Это всего лишь продолжение того, что уже было во мне. И убивать я буду так, как это делаешь ты, и тоже буду держаться своей «пай-бадры», хоть разверзнись земля, хоть рухни небо.

— Я знаю это, — согласился он. — И ты достоин уважения.

— Я бы хотел — когда все это кончится и если мы оба доживем до счастливого конца — найти в тебе друга. Я бы просил синклит Имен, чтобы они предоставили тебе возможность истинного посвящения. Я был бы рад видеть тебя вы-

сшим жрецом странтры с Именем Кирвара Четырехликого, Отца Всех Цветов.

— Ты хочешь определить мою цену, землянин?

— Нет. Я следую голосу рассудка. Я слушаю свою совесть, послушай и ты свою. Ведь ты не нанес мне «пай-бадры».

— Пытаясь убить тебя?

— Ложная «пай-бадра» меня не волнует.

— Но я могу прикончить тебя, когда захочу.

— Я знаю, что ты так думаешь.

— Мне казалось, я надежно защитил эту мысль.

— Для этого не нужно уметь читать мысли, Грин-Грин. Это просто результат дедукции.

— Ты во многом пейанец, — услышал я после паузы, — я обещаю не посягать на твою жизнь и отсрочить месть, пока Шендон не получит то, что заслужил.

И мы опять сидели и ждали, ждали, когда наступит ночь. И она наступила.

— Пора, — сказал я.

— Пора, — эхом отозвался он.

Мы поднялись и взялись за плот с двух сторон. Дойдя до воды, мы опустили его в теплые волны.

— Где весла?

— Здесь.

— Тогда с Богом.

Стараясь сохранить равновесие, мы забрались на плот и, упираясь в дно веслами, стали грести.

— Если он выше взяток, — спросил Грин-Грин, — почему он продал тебя и твои секреты?

— Просто не мои люди, а кто-то заплатил больше. При иных обстоятельствах он бы продал других.

— Почему же нельзя тоже самое сделать сейчас?

— Он мой соплеменник. И ненавидит меня. Эта «пай-бадра» не продается. Вот и все.

Тогда мне казалось, что я прав.

— В менталитете землян всегда присутствуют темные зоны, — заметил он. — И меня всегда разбирало любопытство — что там творится.

— Меня тоже.

Возникшее за тучами рассеянное пятно света — одно из лунной троицы — не спеша проплыло к зениту.

На плот, тихо плескаясь, набегала вода. Со стороны берега нас догнал прохладный ветерок.

— Вулкан утихомирился, — резюмировал Грин-Грин. — Ты говорил с Белионом?

— А ты заметил?

— Я попытался войти в контакт с тобой, но узнал только то, что узнал. Не больше.

— Белион и Шимбо пребывают в ожидании. Вот-вот будет проведен резкий выпад — и один из них будет удовлетворен.

Теплая, как кровь, и черная, как смола, вода. На фоне беззвездной ночи Остров нависает антрацитовой глыбой. Мы упираемся в дно, пока оно не уходит вниз и вновь без всплеска, тихо и осторожно опуская весла в воду, начинаем грести. У Грин-Грина пейанская любовь к воде. Я вижу это по его движениям, чувствую по улавливаемым клочкам эмоций.

Путь через ничего не отражающий лик вод, темный, как воды Стикса... В этом было что-то гнетущее. Может быть, была задета струна воспоминаний, когда я, не жалея, тратил на все это ум и сердце; может быть, это место для меня многое значило. Сейчас отсюда исчезло чувство мирного ухода, как в Долине Теней. Покой сменился обухом мясника в конце коридора бойни. Меня всего переполняла ненависть. И тоска. Я хорошо понимал, что у меня не будет сил все повторить снова. Такое случается раз в жизни, миг озарения не приходит по заказу. Этот путь по черной воде вел меня к столкновению с чем-то, чего я не понимал и не принимал. Я бороздил Токийский залив — и вдруг получаю ответ на все вопросы; над головой висит туча, нет, куча всякого дерьма, которая, вопреки законам, потонет и никогда не доберется до берега; мусорный контейнер для остатков прошлого, которое не вернешь; место — символ тщетности всех намерений, хороших и плохих; камень, стирающий в порошок все, что имеет ценность, вплоть до бесценности жизни вообще, и которая в один день должна быть окончена...

У меня под ногами плескалась теплая, как кровь, вода, а меня пробирал озноб. Когда я сбился с ритма, Грин-Грин коснулся моего плеча и мы снова стали грести синхронно.

— Зачем ты создал его, если испытываешь к нему такую ненависть?

— Когда хорошо платят, нет времени смотреть в будущее, — ответил я. — Возьмем чуть влево. И побыстрей. Пройдем через черный ход.

Мы изменили курс и стали забирать к западу: я греб потише, он заработал активнее.

— Черный ход? — не понял он.

— Черный, — подтвердил я, не вдаваясь в подробности.

При приближении к Острову я прервал свои размышления и превратился в автомат — я прибегаю к этому приему, когда на столе слишком много пищи для раздумий. Мы плы-

ли сквозь ночь и вскоре среди тьмы замерцала таинственными огнями надвигающаяся глыба Острова. На его вершине, бросая блики на прибрежные скалы, горел огонь вулкана. Его световая дорожка по воде пересекала наш путь.

Мы начали огибать Остров, чтобы подплыть к нему с севера. Несмотря на темноту — если так можно выразиться — я видел весь северный склон словно днем. На карту памяти были занесены все шрамы и рубцы, а кончиками пальцев я явственно ощущал шероховатость его камней.

Мы увеличили осторожность, и вскоре я тронул веслом скалу. Плот стоял у скалы, пока я смотрел вверх, потом я одними губами произнес:

— На восток.

Пару сотен ярдов спустя мы оказались у места, над которым вполне бы уместна была табличка — «Черный ход». Внутри скалы имелась расщелина футов в сорок, по которой упираясь ногами и руками, можно было бы взобраться на уступ. Оттуда по узкому, как и уступ, карнизу — длиной уже футов в шестьдесят — вы добирались до «лестницы», состоящей из скоб и ведущей наверх.

С любезностью экскурсовода я описал маршрут Грин-Грину и, пока он занимался плотом, полез первым. Он последовал за мной без жалоб, хотя, уверен, испытывал сильную боль в плече.

Когда я уже с вершины трубы глянул вниз, плот был неразличим. Когда об этом узнал Грин-Грин, мне послышался облегченный вздох. Подождав, пока он доберется до края уступа, я помог ему взобраться на него. После этого мы продолжали движение по выступу в восточном направлении.

Продолжалось это минут пятнадцать. И вновь нам предстояло карабканье наверх. Перед тем, как пойти первым, я объяснил пейанцу, что повторное удовольствие растянется на пятьсот футов, где в конце нас ожидает новый уступ. Грин-Грин вздохнул еще раз.

Руки скоро начало саднить, спина занемела. Когда мы взобрались на выступ, я свалился, как подкошенный, и закурил сигарету. Только через десять минут мы двинулись дальше. Где-то к полуночи, без несчастных случаев и происшествий, мы достигли вершины склона.

Мы шли минут десять, пока увидели его.

Он передвигался, как сонамбула. Очевидно, наркотиками он был накачан по самые уши. Или макушку. А, может, и нет. Разве здесь можно быть в чем-то уверенным до конца?

Я подошел к нему, взяв за плечи, развернул его лицом к себе и поинтересовался:

— Как поживаешь, Коткор?

В меня уперся взгляд из-под тяжелых век. Он и сам был достаточно тяжел: фунтов триста пятьдесят, не меньше. Голубые остекленевшие глаза, светлая кожа, приглушенный голос, белые одежды — модельер, надо полагать, Грин-Грин — и реденькие льняные волосы. До меня дошла шепелявая информация:

— Мне кажется, я обладаю всеми данными.

— Прекрасно. Тебе известно, что мое появление здесь объясняется желанием дать бой тому, кто со мной. — Я кивнул в сторону Грин-Грина. — Но совсем недавно мы заключили союз против Майкла Шендона...

— Одну минуточку, — перебил он, а чуть погодя добавил, — Да, ты проиграешь.

— Попытайся объяснить.

— Шендон убивает тебя через три часа и десять минут.

— Нет, ему это не удастся.

— Если не убьет, тогда ты его уничтожишь. А мистер Грингрин-тар прикончит тебя через пять часов и двадцать минут.

— Откуда такая уверенность?

— Грин — миротворец, сработавший Коррлайн?

— Да.

— Тогда он тебя непременно убьет.

— Как?

— Видимо, при помощи тупого оружия. Если ты избежишь удара, то убьешь его сам, своими руками. Твой вид обманчив, ты всегда сильнее, чем выглядишь. Но, кажется, на этот раз тебе ничего не поможет...

— Я очень благодарен тебе. И в знак благодарности прими мой совет: тебе не мешает выспаться.

— ...если только вы не владеете секретным оружием, — продолжил он. — А это вполне возможно.

— Где сейчас находится Шендон?

— В хижине-шале.

— Как туда попасть? Мне нужна его жизнь.

— Твою индивидуальность определяет динамический фактор. Эта способность не поддается оценке в полном объеме.

— Согласен.

— Не пользуйся ею.

— Ты так считаешь?

— У него та же характеристика.

— Это я знаю прекрасно.

— Если ты и нанесешь смертельный удар, то без ее помощи.

— Посмотрим.

— Ты мне не доверяешь?

— Я не доверяю никому.

— Помнишь тот вечер, когда ты взял меня на работу?

— Что-то припоминаю...

— Это был лучший ужин в моей жизни. Со свиными отбивными. В неограниченном количестве...

— Теперь вспомнил.

— Ты тогда говорил о Шимбо. Если ты позовешь его, Шендон призовет другого. Слишком много перемен и фатальный конец.

— У тебя с Шендоном Договор?

— Нет. Простая оценка вероятностей.

— Может ли Яри Всемогущий сотворить камень, который не сможет поднять? — прервал наш диалог Грин-Грин.

— Нет, — вынес свой краткий вердикт Коткор.

— Почему?

— Он не станет его сотворять.

— Это не ответ.

— Ответ. А ты бы стал?

— Я не верю ему, — покачал головой Грин-Грин. — Когда я репродуцировал его, он был нормальным. То, что мы видим — работа Шендона.

— Ты ошибаешься, — возразил Коткор. — Я хочу вам помочь.

— Тем, что пророчишь Сандо смерть?

— Но его действительно ждет гибель.

Все произошло молниеносно. В поднятой руке Грин-Грина очутился мой пистолет. Если он сумел телепортировать Пленки, добыть оружие из моей кобуры было для него сущей безделицей.

После выстрела он вернул пистолет на прежнее место.

— Зачем ты это сделал?

— Он лгал, желая разрушить твою уверенность.

— Он был мне очень близок. Это был компьютер, у которого была прекрасная душа. Думаю, он старался быть объективным.

— Когда Пленки будут в наших руках, ты сможешь его повторить.

— Пошли. Ты слышал, у меня остается два часа и пятьдесят минут.

И мы продолжили путь.

— Я поступил неправильно? — спросил он, когда подмостки разыгравшейся драмы скрылись за поворотом.

— Думаю, да.

— Мне жаль.

— Вот и хорошо. Постарайся запомнить — никого не

убивай без моей просьбы.

— Пусть будет так...

Пауза.

— Ты много раз убивал, Фрэнк?

Пауза.

— Да.

— Почему?

— Если стоит вопрос — я или они, лучше они.

— Тогда почему...

— Ты мог не убивать Боуджиза.

— Я думал...

— Хватит!

Мы миновали расщелину в скале. Вот и едва заметная тропа, бегущая вниз по склону. Что это, проказы тумана? Нет, нет, еще один размытый силуэт, фигура-тень, показался чуть в стороне от нас.

— Шагайте себе на погибель, — прошуршала тень.

Я замер, вглядываясь.

— Леди Карлай...

— Давай, иди — с усмешкой сказала она. — Спеши на свиданье. Со смертью. Разве ты можешь понять, что это значит для меня?

— Я любил тебя, — неожиданно вырвалось у меня.

Она вновь усмехнулась.

— Ты любил только себя самого. Кроме денег, конечно. И ты их взял. Во имя своей империи ты убил много людей, много больше, чем я знаю. Слава богу, появился тот, кто прикончит тебя самого. Я рада, что могу присутствовать на таком финале.

Я осветил ее лучом своего фонарика... Те же волосы, пышные, медно-рыжие. А лицо белое, напоминающее овалом сердечко... Но не пронзенное стрелой. А глаза? Глаза были такими, какими я их всегда помнил — зеленые. В какое-то мгновение меня снова с неудержимой силой потянуло к ней.

— А если погибнет он? — поинтересовался я.

— О, тогда я может быть вновь стану твоей. Ненадолго. Но этого не будет. У тебя черная душа и я хочу твоей смерти. Если ты останешься жив, я сама найду способ... Я уже не буду с тобой.

— Замолчи, — в голосе Грин-Грина звучала угроза. — Я вернул тебе жизнь, заманил сюда этого человека, хотел убить. Я подчинился воле другого, который в отношении Сандо имеет те же намерения. К счастью или нет, но сейчас мы с Фрэнком связаны одной веревкой, и ты это должна помнить. Я вернул тебе жизнь — и она в моих руках. Помоги нам — и

мы наградим тебя.

Она, смеясь, вышла из светового круга.

— Ну, нет! — она перешла на крик. — Нет, нет, благодарю!

— Я любил тебя, — повторил я.

Тишина. Потом я услышал ее шепот.

— Ты бы мог снова?

— Не знаю. Но ты и сейчас что-то значишь для меня, что-то... Не знаю.

— Топай дальше, долги списаны. Ищи, ищи свою погибель.

— Хорошо. Но я всегда помнил тебя, леди Карлай. Даже после твоего ухода. А Десятку с Алгола я не трогал, хотя, вообще-то, дело мое...

— А я и не сомневаюсь.

— Думаю, я смогу доказать обратное.

— Это ни к чему. Уходи!

— Ладно. Но я все равно буду...

— Что будешь?

— Думать о тебе. Не постоянно, как ты понимаешь.

— Уходите, прошу вас, уходите!..

Был ли у нас выбор?

Весь наш разговор шел на драмлине. Вот тебе на! Я даже не заметил, как перешел на него с английского. Да...

И мы продолжили спуск.

— Ты любил многих женщин, Фрэнк? — нарушил вязкую тишину Грин-Грин.

— Убил-любил... Да.

— Ты не лгал, сказав, что будешь думать о ней?

— Да.

В третий раз послышался вздох.

Даже значительно спустившись вниз, мы не могли заметить свет в окнах хижины. Вместо огней шале перед нашим взором замаячил еще один силуэт. Кажется, последний. Вот он уже рядом...

— Ник?!

— Верно, мастер, я! Разрази меня гром, я узнаю голос! Ну-ка, подгребай поближе!

Я осветил себя фонариком. Ну, как — теперь видно?

— Тысяча чертей! Фрэнк! Вот так номер! Слушай, тот парень внизу «с приветом». Он хочет твоей крови!

— Наши предположения совпадают.

— Он требовал, чтобы я ему помог.

— А ты?

— Я посоветовал ему заняться любовью с самим собой! Если бы ты видел, как он разозлился. Мы затеяли драку, я расквасил ему нос и удрал. Сильный малый, но преследовать

меня он не стал.

— Понимаю.

— Послушай, Фрэнк, я хочу помочь тебе его достать.

— Превосходно!

— Но мне не нравится тип рядом с тобой.

«Бродяга Ник, ты снова в форме... Отлично!»

— Что ты хочешь этим сказать?

— Всю кашу заварила эта зеленая гнида! Это он крутнул сюда меня и всех остальных. Хитрющий, доложу тебе, сукин сын! Я тебя прошу, Фрэнк, убери его и поживее.

— Теперь мы союзники. Он и я.

Ник прочувствованно сплюнул.

— Сандо вас простил, но я вас, зеленый мистер, не забуду, — он повернулся в сторону Грин-Грина. — Когда мы покончим с тем психом, следующим будете вы. Я займусь вами лично. Вы помните тот допрос в начале? Считаете, было весело? Теперь мы поменяемся местами!

— Хорошо, хорошо...

— Нехорошо! Совсем нехорошо! Вы назвали меня коротышкой и каким-то сраным пейанским словом с тем же смыслом. Ах ты, зеленая мартышка! Теперь я тебя буду жарить! Я, безусловно, рад пожить еще и обязан этой радостью вам, — вежливо поклонился Ник, — Но как я тебя отмечу, зараза! Согласен, давай немного подождем. Но мы обязательно поменяемся местами!

— Позволь усомниться, малыш, — в голосе Грин-Грина звучало спокойствие.

— Поживем — увидим, — произнес я.

Итак, наша команда увеличилась. Ник шагал рядом со мной.

— Он внизу?

— Да.

— Ладно.

— У тебя есть бомбы?

— Есть.

— Тогда лучше кинуть бомбу. Если он там, запузырим ее в окно. — Он один?

— Ну... что тебе сказать, Фрэнк... нет. Но это не будет убийством. Как только у тебя будут Пленки, ты ее восстановишь.

— Кто она?

— Ее зовут Кэтти. Больше я ничего не знаю.

— Хватит и этого. Она моя жена.

— Тогда этот вариант отпал. Придется стучаться в дверь.

— Придется. Но тогда я займусь Шендоном, а ты при-

крывай Кэтти.

— За нее ты не волнуйся.

— Почему?

— Нас разбудили не вчера, Фрэнк. Мы не знали, где мы и почему. А эта зеленая стерва сказала, что знает не больше нашего. Мы знали лишь то, что умерли, а теперь живем. А о тебе мы узнали, когда зеленый начал скулить с Майклом. Но он забыл про блокировку и Майкл влез в его мозг. В общем, вроде того. А Майкл и девушка... ну, Кэтти... между ними, значит... это самое. Вроде как любовь.

— Грин-Грин, почему ты мне не сказал об этом?

— Я не думал, что это так важно. А разве нет?

Я не ответил. Я сам не знал. Где-то внутри мозга педаль газа была выжата до предела. Мысли вихрем неслись в моей голове, а я сам стоял, не шевелясь, прислонившись спиной к скале.

Я появился здесь, чтобы найти и убить врага. Теперь он со мной рядом, а я охочусь за другим. Тот другой спит с моей женой, которую я прибыл спасать... Не знаю почему, но это меняет дело. Если она его любит, прикончить Майкла на ее глазах я не смогу. Не смогу, пока он для нее что-то значит. Даже если он ее подставил, если ему плевать... Тогда проходит первое предложение пейанца — попробовать его купить. У него есть Сила и красивая женщина. Если прибавить миллион — должно сработать. Попробуем.

Можно было бы просто повернуться и уйти. Через двадцать часов «Модуль-Т» уже держал бы курс на Независимое Владение. Кэтти нужен Шендон — оставляем его ей. Я разделываюсь с Грин-Грином и возвращаюсь в мой дом, в мою крепость.

— Нет, это важно.

— Ты меняешь план? — спросил Грин-Грин.

— Да.

— Опять женщина?

— Опять.

— По-моему, ты чудишь, Сандо. Проделать такой путь и все изменить из-за женщины, нет, древнего воспоминания...

— К сожалению, у меня отличная память.

Оставить врага моего Имени в тренированном теле ловкого и умного человека — эта идея мне как-то не нравилась. Его страстное желание укоротить мою жизнь будет мешать мне заснуть даже на Независимом Владении. С другой стороны, что толку с дохлой гусыни, если при жизни она несла золотые яйца? Как же все-таки забавно, прожив даже по пейанским меркам достаточно долго, присутствовать на гигант-

ском карнавале и видеть в непрерывном хороводе врагов, друзей, любимых, отвергнутых, обожаемых, ненавидимых... И с каждым новым оборотом они то и дело меняются масками.

— Что будем делать? — поинтересовался Ник.

— Вступлю в переговоры, если получится.

— Я чего-то не понимаю, — заявил Грин-Грин. — Это не ты говорил, что «пай-бадры» он не продаст?

— Когда говорил, я так и думал. Но тогда не было Кэтти. Я попробую его купить, попытаюсь.

— Я не могу этого понять.

— Вот и не старайся. Вам обоим я советую остаться здесь. Во время беседы он может начать огонь.

— Если ты получишь пулю в живот, что делать нам?

— Это уже твои проблемы. Бай-Бай, Ник!

— Бай-бай, Фрэнк!

Закрывшись телепатическим экраном, я стал спускаться к хижине. Вначале я не прятался, но очень скоро мне пришлось пробираться ползком, используя для прикрытия разбросанные вокруг шале камни. Наконец, до дома осталось футов сто пятьдесят. Я устроился в тени двух громадных валунов, вынул пистолет и взял черный ход на прицел.

— Майкл! — крикнул я. — Это Фрэнк Сандо!

Прошло секунд тридцать, прежде, чем он отозвался.

— Что ты хочешь?

— Хочу поговорить.

— Говори.

Свет в домике неожиданно погас.

— У вас с Кэтти... Это правда?

— Думаю, да.

— Она с тобой?

— Не исключено. А что?

— Я хочу услышать ее.

И я услышал.

— Слушай, Фрэнк, мы не понимали, где мы... я все время видела пожар... Я не знаю, как... Это правда, Фрэнк... Извини...

— Не надо извинения. Это было давно. Как-нибудь переживу.

Майкл громко рассмеялся.

— Ты в этом уверен?

— Да. Я выбрал самый хороший способ.

— Умереть?

— Сколько ты хочешь?

— Деньги? Неужели ты так испугался?

— Я пришел убить тебя еще раз. Но тебя любит Кэтти, и я этого не сделаю. Раз так получилось, я хочу, чтобы и ты

оставил меня в покое. И готов платить. Спрячь только свое наследство и мотай отсюда.

— Что за наследство?

— Какая разница, забудь. Сколько?

— Такого поворота я не предвидел, сразу не скажешь. Конечно, гарантированная пожизненная рента, причем большая. Несколько крупных приобретений на мое имя... Нет, нужно составить список... Слушай, это не твои штучки? Ты серьезно собираешься платить?

— Мы с тобой телепаты. Давай одновременно снимем экраны. К тому же, это одно из моих условий.

— Кэтти не хотела, чтобы я убил тебя, она бы мне этого не простила. Я согласен — беру твои деньги, жену и ухожу.

— Благодарю.

Послышался его смех.

— Не стоит. Ведь в результате мне повезло. Как мы все это оформим?

— Я выдам тебе всю сумму сразу, а юристы потом подтвердят передачу.

— Согласен. Пусть будет все законно. Значит так, миллион и сто тысяч ежегодно.

— Не много ли?

— Для тебя?!

— Нет, для тебя.

— Ты думаешь, это стоит меньше?

— Нет, просто комментирую. Я согласен.

Кэтти, наверное, воротит от нашей торговли. Невозможно за несколько месяцев так измениться. Впрочем, все может быть. Все.

— Еще два условия, — продолжил я. — Пейанец, Грин-грин-тар — он мой. У нас свои счеты.

— Бери. Невелика потеря. Что еще?

— Ник-карлик. Он тоже уйдет со мной.

— Маленький ублюдок, — рассмеялся Майкл. — Договорились. Я ему даже в чем-то симпатизирую. Надеюсь, все?

— Все.

Сквозь дым вулканов можно было и не заметить первые лучи солнца.

— Что будем делать теперь?

— Я хочу поговорить с остальными.

«Грин-Грин, я купил его «пай-бадру». Через пару часов мы улетаем. Предупреди Ника.»

«Понял, Фрэнк. Мы уже подходим к тебе.»

Теперь мне оставалось произвести расчеты с пейанцем. Все получалось слишком легко. Полностью исключить веро-

ятность ловушки было бы глупо. Это могла быть очень коварная драконова ловушка.

Нельзя было отбросить возможность сговора между Грин-Грином и Майклом, но я очень сомневался в ней. Что ж, окончательно все станет известно, как только мы с Майклом снимем экраны. Увидеть сделку бизнесменов после всего, что я пережил — это я вам скажу...

Вдруг на меня накатило. Что-то.

Я не знал, что. Может, пра-прачувство, корни которого таятся в первобытных пещерах или ветвях тысячелетних деревьев, или в пучине древних океанов.

И этот пепел, дым, туман... Ветер притих, казалось все погрузилось в покой. А на меня напал безотчетный, загадочный, сжимающий внутренности страх. Я подавил его. Гигантская ладонь была готова расплющить меня, но не заставила меня дрогнуть.

Остров Мертвых мой. Я завоевал его. И Токийский залив бушевал во мне.

А я уже смотрел в Долину Теней...

С моим воображением зловещее предзнаменование можно увидеть в чем угодно. Я подавил дрожь. Шендон не должен видеть страх в моих глазах.

Все, дальше ждать нельзя.

— Шендон, я снимаю экран. Ты готов?

— Готов.

...И наши мысли встретились, сплелись и расплелись.

— Ты не лгал.

— Ты тоже.

— Тогда по рукам?

— По рукам.

Откуда-то из подземных глубин пришло, отразилось от купола небосвода и — словно мощные басы вселенского органа — загремело в наших головах, проникая в каждую клеточку мозга и потрясая его, повелительное «НЕТ!» Закипевшая кровь разнесла по всему телу волны красного жара. Медленно, очень медленно я встал на ноги. Они были тверды, как скалы, созданные мной. Сквозь радугу полос — зеленых, красных, оранжевых — мои глаза видели все так ясно, как днем. В дверях шале показался Майкл Шендон и медленно, тоже медленно поднял голову к небу. Когда наши глаза встретились я осознал все, что было до этого и что будет сейчас. Пусть исполнится предначертанное, и никто не знает, что предопределено судьбой. Или тем, кто сам по себе Судьба

«Пусть свершится противоборство.»

«Да будет так.»

Кромешная тьма. Вот что определяло всю последовательность событий от старта с Независимого Владения и до этой минуты. Все было предопределено и явилось только увертюрой, начатой по взмаху палочки всесильного дирижера.

Что стоили какие-то соглашения каких-то людей? Наш конфликт был мелок и жалок, и его исход никак не влиял на противоборство тех, чью волю мы сейчас исполняем.

Да, это так.

Я всегда воспринимал Шимбо, как некий довесок к моей измененной пейанцами личности, как инструмент, помогающий мне в конструировании миров. Наши воли никогда не входили в противоречие. Он являлся по моему зову и уходил, когда я его отпускал. Он никогда не пытался на меня воздействовать, повелевать мной. Где-то в глубине сознания я, возможно, и хотел, чтобы это был Бог. Я даже думаю, что желание могло явиться движущей силой, а паранормальный дар — основой всего происходящего. Не знаю. Однажды он появился в ореоле такого нестерпимо яркого сияния, что я зарыдал... Проклятье! Это не ответ. Я не знаю ответа.

Мы стояли и смотрели друг на друга, два непримиримых врага. И повелевали нами неизмеримо большие и древние недруги. Я представил образ Майкла, пытаясь проконтролировать его, но дар телепатии был полностью подавлен. Видимо, он тоже вспоминает первую схватку.

Я видел, как над головой сгущаются тучи. И знал, почему. Земля под ногами дрожала. Я тоже знал причину.

Один из нас погибнет, хотя жить хотят оба.

— Шимбо, Отец Грома, — мысленно возвал я, — Властелин Башни Темного Дерева, неужели это неизбежно?

И тут я понял, что не услышу ответа. Его не будет.

Так пусть свершится то, что должно свершиться!

Над нами гремел гром, глухой и протяжный, как рокот исполинских литавр.

Огонь за озером запылал еще ярче.

Мы стояли на адском поле брани. И Флопсис глядел на нас, окрасив тучи багрянцем.

Предел напряжения сил требует паузы перед тем, как все придет в движение. Я ощущал, как в меня волнами вливается Сила из энерговвода, что был рядом. Я стоял неподвижно под таким же неподвижным взглядом врага. Сквозь многоцветное марево я видел за ним очертания того, кто носил имя Белион.

Я, пульсируя, сжимался и разжимался в одно и то же время и понимал, каким маленьким и покорным становится Фрэнк Сандо. И одновременно я чувствовал, как накапливаются в моих руках молнии, как они замерли высоко в небесах,

ожидая своего часа, чтобы ударить в землю... и это был я, Шимбо из Башни Темного дерева, Отец Грома.

Темный конус вулкана был рассечен пополам и густая оранжевая кровь, шипя и клубясь паром, потекла в Ахерон. Я расколол небо и землю залил потоп света. Невидимые мортиры произвели залп и привели в движение небесные ветры, а те, выкручивая тучи, низринули дождь.

Он был тенью. Он был ничто. Когда свет погас, он стоял на том же месте. Мой Враг. Домик за его спиной пылал, кто-то кричал «Кэтти!..»

— Назад, Фрэнк! — закричал пейанец, а карлик потянул меня за руку. Я смахнул его в сторону и сделал шаг. Первый шаг в сторону врага.

Он тоже сделал шаг. И земля задрожала, сползая и низвергаясь сама в себя.

На втором шаге ударили ветры, и он упал. По земле в том месте пошли трещины.

Когда второй шаг сделал я, земля ушла из-под ног...

Мы лежали. И Остров стонал, дрожал, дергая плечом, на котором мы лежали. Из трещин в земле валил дым.

Мы встали и продолжали сходиться. Четвертый шаг — я обрушил скалу за его спиной, он — лавину камней сверху. Пятый — ветер, шестой — дождь, седьмой — огонь...

Вулканы сражались с молниями, озаряя поднебесье. Ветер гнал волны, и с каждым новым его порывом они все больше и больше заливали Остров. Я слышал, как огромные волны бьются о скалы, слышал вой ветра, раскаты грома. За спиной врага неутихающий дождь не мог погасить огонь, охвативший рухнувшее шале.

Мой двенадцатый шаг вызвал ураган, его — покачнул Остров. Едкий дым повалил еще больше.

Что-то едва осязаемое прикоснулось ко мне. В этом было что-то не то, я должен был знать причину и оглянулся.

На скале стоял Грин-Грин. В его руках был мой пистолет. Мгновение назад пистолет висел на моем поясе — в нашей схватке ему было нечего делать. Сначала пейанец направил его на меня, но еще до моего удара — сопротивляясь кому-то или чему-то — отвел пистолет вправо.

Огненный пунктир — и мой враг упал.

Спасли его толчки, сотрясающие Остров. После очередного толчка пейанец упал, выронив пистолет.

Мой враг снова поднялся. На земле остались лежать кисть и ладонь правой руки. Зажав рану левой, он сделал еще шаг в мою сторону.

Рядом с нами образовалась огромная трещина, даже про-

вал, и в этот момент я заметил Кэтти.

Она сумела выбраться из шале и бросилась бежать к тропинке, по которой я спускался. Увидев наше противоборство, она замерла. И вот — трещина, а я кричу без крика, и знаю, что не дотянусь, не спасу...

Потом в голове, внутри, что-то взорвалось; я задрожал и бросился к ней. Я уже не был Шимбо. Шимбо исчез.

— Кэтти! — закричал я, когда она, покачавшись из стороны в сторону, стала падать в провал...

Откуда-то выпрыгнул Ник, замер на краю трещины и успел схватить Кэтти за кисть руки. Блеснула надежда, что он спасет ее.

Но дело было не в силе. Сила у него была. Дело в приложении силы: весе, моменте, балансе... Они упали в трещину и я слышал, как чертыхнулся Ник.

Я повернулся к Шендону. Ярость и смертельная ненависть, обжигая, клокотали во мне... Рука потянулась к пистолету, забыв, что его нет.

И тут меня накрыли катящиеся сверху камни. Падая, я почувствовал, как хрустнула кость в правой ноге. На мгновение я отключился, но боль привела меня в себя. Он приблизился еще на шаг и был уже рядом. Мир вместе со мной заскользил в ад: я видел кровавый обрубок руки, бешеные глаза маньяка и судорожно раскрытый рот — для последнего слова или хохота...

Все было сделано, как нужно. Я поднял правую руку, поддерживая ее левой, и направил в сторону врага. Палец обожгло, я вскрикнул, а его голова навсегда покинула туловище, последовав за моей женой и лучшим другом в раскрытую пасть трещины. Все, что осталось, с глухим стуком рухнуло на землю; и я долго смотрел на тело, пока темнота не утащила меня на свое дно.

ГЛАВА 8

Я очнулся. Светало. По-прежнему лил дождь. В правой ноге под коленом толчками пульсировала боль. Плохо. Земля не дрожала, прекратив вызванный нами бунт. Но когда я смог приподняться — я забыл про боль.

Больше половины Острова не существовало, ее поглотил Ахерон. А то, что творилось вокруг — трудно описать. Я сидел на широкой скальной площадке футах в двадцати над водой. Шале исчезло. Рядом лежал обезглавленный труп врага. Слава богу, он еще не стал разлагаться. Я снова лег на спину и попытался оценить положение.

Под еще дымящимися факелами вчерашнего кровавого пира я, не спеша, начал сбрасывать с себя камни. Один чертов камень, второй, третий...

Боль и монотонные повторяющиеся движения притупили восприятие, оберегая мозг от напряжения, а мысли от блужданий.

Настоящие это боги или нет, какое это имеет значение? Мне-то они к чему? Я снова был там, где и тысячу лет назад: в шкуре человека, рожденного в боли и грязи. Если боги и реальны, они играют нами в те игры, правила которых мы не знаем. Ну их всех в задницу. «И тебя тоже, — обратился я к Шимбо. — Больше ко мне не подходи, понял? Какого черта я должен искать порядок, если его нет?!» Я опустил руки в лужу. Это оказалось бальзамом для больного пальца правой руки.

Не будем мелочными, хорошо? И отбросим подробности. Что остается? Конкретные вещи, которые можно потрогать и купить. И если я не утону в Заливе, то все оставшиеся Имена не помешают мне забрать все в свои руки. Я буду хозяином всего Большого Дерева, всего Древа Познания Добра и Зла. Последний камень скатился с меня — я был на свободе.

Осталось найти энерговвод и отдыхать до вечернего свидания с «Модулем-Т». Я открыл каналы сознания и почувствовал, что рядом кто-то живой. Полежав еще немного и собравшись с силами, я сел и обеими руками осторожно выпрямил ногу. Когда боль стихла, я разорвал штанину и засвидетельствовал открытый перелом. Проявив к нему максимум внимания, я несколько раз обмотал его покрепче и так же осторожно перевернулся на живот. Ползком я направился в сторону энерговвода, навсегда распрощавшись с оставленными позади останками, над которыми уже никто не напишет «Майкл Шендон».

Ровный участок я преодолел сравнительно легко. Но когда пришлось карабкаться на склон, я так вымотался, что даже не смог его пристойно обругать: он был не только крутой, он был еще и скользкий.

Я глянул вниз, на Шендона. Мелькнуло что-то вроде сожаления. Он всегда нарушал правила, которые хорошо изучил, и вся его жизнь была тому подтверждением. Да, он почти выиграл. Почти — в последней игре он не знал правил, как и мой брат.

Я продолжил свое путешествие к энерговводу. Оставалось ярдов двести-триста. Силы были на исходе, поэтому я предпочел путь длиннее, но легче. Во время одной из многочисленных остановок мне почудился звук, напоминающий всхлипывание. Правда, полной уверенности не было.

Я прислушался. Стон повторился уже более явственно, где-то за моей спиной.

Подождав пока он опять повторится, я пополз на звук.

Минут десять я валялся, отдыхая, у огромного валуна. Он, в свою очередь, валялся у высокой каменной стены. Стоны раздавались именно оттуда. Похоже, валун закрывал вход в пещеру. На проведение научных изысканий сил не оставалось, оставалось истошно заорать.

— Эй, эй, в чем дело?!

Полная тишина.

— Эгегей!

— Это ты, Фрэнк?

Голос принадлежал леди Карлай.

— Вот это да! Привет, красотка. Мне помнится, прошлой ночью ты предрекала траурный финал моего похода. А как насчет собственного?

— Меня завалило в пещере, Фрэнк. Я пыталась отодвинуть камень, но не смогла.

— Камень, моя милая, слишком мягко сказано. Это целый каменище. Можешь мне верить, я нахожусь по ту сторону.

— Ты можешь меня вытащить, Фрэнк?

— А зачем ты туда залезла?

— Я пряталась от бури. Я пробовала рыть ход, но обломала ногти, а другого способа обойти камень я не нашла.

— Да, Карлай, да, милашка, думаю, его нельзя обойти.

— Что произошло, Фрэнк?

— Все погибли. Остались только мы с тобой, если не считать кусочка Острова. Вчера тут было светопреставление... А сегодня идет дождь.

— Ты сможешь меня вытащить?

— Не уверен. Я буду рад, если сам выберусь отсюда. Я себя тоже неважно чувствую.

— Ты в пещере рядом?

— Нет, я снаружи.

— Тогда что значит «отсюда»?

— С этой проклятой скалы на Независимое Владение — кажется, это вот что значит...

— Придет помощь, да?

— Для меня. К вечеру появится «Модуль-Т». Такая у старичка программа.

— На борту есть машины... Ты бы смог взорвать скалу? Или прорыть ход?

— Леди Карлай, что ты хочешь услышать? У меня сломана нога, парализована рука, растяжения, напряжения, порезы, ушибы, ссадины я не считал. Мне очень повезет, если

я, не потеряв сознания, влезу в корабль. Если мне это удастся, я неделю буду спать... Надеюсь, ты помнишь, еще прошедшей ночью я внес предложение вновь стать друзьями. И помнишь, что ты ответила?

— Да...

— Ну вот, теперь твоя очередь.

Я развернулся на локтях, чтобы ползти дальше.

— Фрэнк!

Я хранил молчание.

— Фрэнк! Прошу тебя, подожди! Не уходи! Пожалуйста...

— Не вижу причин для задержки, — отозвался я.

— Фрэнк! Помнишь, что ты сказал мне ночью?

— Да. Но я помню и ответ. И еще: прошлой ночью я был другим человеком... тогда у вас был шанс, но... вы его упустили. Скажу только одно: если бы у меня были силы, я бы обязательно выбил на этом камне ваше имя и дату. Очень приятно было с вами поболтать.

— Фрэнк!

Я не обернулся.

«Меня продолжают поражать перемены в твоем характере».

«О, ты тоже выбрался, Грин-Грин? Есть подозрения, что ты поселился в пещере рядом и хочешь, чтобы тебе тоже подали скальтур к подъезду.»

«Нет, нас разделяет пара сотен ярдов. Я буду ждать в направлении твоего движения. Энерговвод рядом, но мне он уже не нужен. Когда ты будешь рядом, я дам знать.

— Что произошло?

— Грядет мое время. Я уйду в край вечного покоя. Прошлой ночью меня сильно ранило.

— У меня самого немало забот. Что тебя волнует?

— Последний обряд. Ты совершил его для Мэрилинга, ты знаком с ним. И еще ты говорил, что у тебя есть глиттайн...

— Я больше не верю в это. И не верил. Для Мэрилинга я это сделал, потому...

— Ты высший жрец. Ты носишь Имя Шимбо из Башни Темного Дерева, Отца Грома. И ты не имеешь права отказать мне в последней просьбе.

— Могу. Я отказался от Имени и отказываю тебе.

— Ты обещал, если я помогу тебе, замолвить за меня слово на Мегапее. Я тебе помог.

— Верно. Но поздно говорить об этом, ты умираешь.

— Вот и выполни мою последнюю просьбу.

— Я помогу тебе во всем, кроме последнего обряда. После того, что было вчера, я покончил со всем этим навсегда.

— Ладно. Я просто буду ждать тебя.

И я дополз до него.

Жаль, к этому времени дождь прекратился. И прекратил, к сожалению, делать доброе дело — вымывать из пейанца жизненную влагу. Грин-Грин лежал, облокотившись на камень, и белизна костей местами просвечивала сквозь зеленую плоть.

— Жизненная сила пейанцев — удивительнейшее явление, — восхищенно заявил я. — И все это ты приобрел прошлой ночью?

— Мне больно разговаривать. Я знал, что ты остался жив, и не позволил себе умереть. Я верил — ты меня отыщешь.

Я снял со спины то, что осталось от рюкзака и раскрыл его.

— Возьми, это уймет боль. Помогает представителям пяти рас. Твоя в их числе.

Он отвел мою руку в сторону.

— Я не буду отключать сознание в последние минуты.

— Грин-Грин, я больше ничего предпринимать не буду. Обряда не будет. Я дам тебе корень глиттайна и ты сможешь принять его сам.

— А если в обмен ты получишь то, чего жаждешь?

— Интересно, что бы это я мог так страстно желать?

— Ты, по-моему, был бы не против вернуть к жизни тех, кого любишь. Память их не будет хранить то, что случилось здесь.

— Пленки?!

— Да.

— Они здесь?

— Услуга за услугу, Дра Сандо.

— Обряд?

— Новая Кэтти, никогда не слышавшая о Майкле Шендоне. Или Ник, коллекционер разбитых носов.

— Это жестокое условие, пейанец.

— Ты лишил меня выбора. И, будь добр, поспеши.

— Договорились. Я иду с тобой этой ночью. А где Пленки?

— Когда обряд станет необратим, я сообщу тебе.

Я улыбнулся.

— Ты мне не веришь, но я тебя не виню.

— У тебя был экран... Мало ли что ты задумал.

— Ты прав. От меня все можно ожидать. Я ведь постоянно меняюсь, верно?

Я развернул глиттайн и разломал корень на равные куски.

— Итак, мы вместе выходим в путь, — подытожил я. — Но вернется сюда только один.

Мы прошли холодную серость, потом черную теплоту и дальше двигались в сумеречном свете. Не было ни звезд, ни

ветра. Одна ярко-зеленая трава под ногами, высокие холмы да студеная северная заря вдали. Казалось, звезды были сброшены с неба в огромную ступку, после чего их истолкли и разбросали по вершинам холмов.

Идти, на удивление, было легко. Хотя впереди у нас маячила цель, мы двигались словно на прогулке. Были это звездные холмы снов, навеянные глиттайном? Или это была явь? Тела наши выглядели вновь невредимыми. Грин-Грин шагал рядом. Все было очень реальным; тела, оставшиеся лежать на голой и мокрой скале, были лишь давним сновидением. Мы словно никогда не уходили отсюда — Грин-Грин и я — окутанные миром и дружелюбием. Все было так же, как и в прошлое мое посещение.

Может быть, я не уходил отсюда?

Мы долго пели старинную пейанскую песню. Потом замолчали.

— Я отдаю тебе «пай-бадру», Дра. Больше я к тебе ничего не имею.

— Я благодарю тебя, Дра Грингрин-тар.

— Я обещал и должен выполнить свое обещание... О Пленках. Они лежат под покинутым мной телом, которое я, как умел, носил при жизни.

— Еще раз спасибо.

— Жаль, они не пригодятся. Я силой сознания перенес их из тайника, но они были повреждены. Как видишь, я сдержал слово не лучшим образом. Но выбора не было — я не мог идти сюда один.

Я должен был расстроиться, но этого не произошло. Не такое место...

— Ты сделал то, что сделал. Не волнуйся. Может быть, это даже к лучшему. Со времени их смерти произошло столько перемен. Они бы были одинокими в изменившемся мире, как и я когда-то. И они не смогли бы сделать то, что сделал я — вступить с этим миром в борьбу. Так что пусть будет, как будет. И кончим на этом.

— Нет, я хочу тебе еще рассказать о Руфь Лэрри. Она находится на Дрисколле, в пансионе для умалишенных. В Фаллонэ Кобаччо. Она записана под именем Риты Лоуренс. Его лицо претерпело изменения, подобно сознанию. Когда ты освободишь ее — ей потребуются доктора.

— А почему она попала туда?

— Переправить ее на Иллирию оказалось бы значительно сложнее.

— Та боль, что ты успел причинить — она ничего не значит для тебя?

— Увы. Слишком долго я соприкасался с веществом жизни.

— Да, долго. Только напрасно. Я полагаю, что внутри тебя был Белион.

— Я тоже подозреваю это, но не хочу оправдывать себя таким образом. Он был частицей моей личности, но когда ты встал с ним лицом к лицу — я восстал против Белиона. А когда Он покинул меня, то многие сотворенные мною вещи стали вызывать отвращение. Шимбо пришел, чтобы Белион наконец убрался в Небытие. Нельзя было, чтобы Разрушитель громоздил все новые уродства. Шимбо, мечущий бисер миров в вечной темноте, обязан был вступить в борьбу. Он сделал так — и вышел победителем.

— Нет! — воскликнул я. — Мы не сможем обойтись один без другого! Я оставляю за собой Имя!..

— Я понимаю тебя. Такое признание, как твое, не скоро забывается. Но спустя некоторое время...

Я промолчал. Я думал.

Мы прошли по пути смерти. Это было приятно, но являлось лишь результатом действия глиттайна. Если у простых смертных он вызывает галлюцинации и блаженное состояние, то на телепатов он действует специфически.

У человека, принявшего глиттайн, увеличиваются силы.

Все, сделавшие то же самое, увидят общий приятный сон. Сон повторится и совпадет в особенности для последователей «странтры», потому что после особой психической тренировки у них это происходит на уровне рефлексов. Традиция, что тут говорить...

...И сон у них общий, а проснется только один.

Поэтому глиттайн и играет такую роль в обряде смерти: умирающий уходит в некое место — от которого я тысячу лет старался держаться на почтительном расстоянии — не в полном одиночестве.

Кстати, эффект глиттайна очень подходит для дуэлей: если это не оговорено заранее и не сопровождается ритуалом — назад возвращается сильнейший. Такова природа глиттайна — она приводит дремлющие участки мозга в конфликт с другим сознанием, и делает это незаметно для тех, кто этим сознанием обладает.

Грин-Грин был так слаб, что и не думал о ловушке. Конечно, все может быть... Но даже если это дуэль, мне ничего не угрожало. Состояние пейанца было тяжелейшим. И потом, он обещал...

А когда мы шагали рядом, я вдруг осознал, что под видом во всех отношениях приятного, чуть ли не мистического обряда я уже несколько часов укорачиваю ему жизнь.

Элементарная телепатическая эвтаназия.

Убийство мыслью.

Я был рад, повинуясь его желанию, пройти этот скорбный путь. Но это же навело меня на размышления о своей последней дороге. В чем-чем, а в том, что она не будет приятной, я был уверен твердо.

Я слыхал, что каким бы жизнелюбом вы ни были, какую бы ежеминутную радость ни испытывали, в какой-то момент у вас возникнет желание расстаться с жизнью, вы будете ждать прихода смерти, молить о ней. Когда так говорят, то предполагают мучения и, естественно, приветствуют возможность избавиться от них, уйдя таким приятным путем.

Я не собирался проделать свой последний путь «под кайфом» в теплую летнюю ночь. Нет, нет, я буду сражаться за каждый дюйм света. Болезнь, забросившая меня к черту на кулички Времени, заставила пережить столько страданий, мучений, даже агонию — пока меня не положили в анабиоз — что тихо я уходить не собираюсь. Есть книга. «Плоды Земли». Ее и написал землянин — Андрэ Жид. Он не был вечным, он лежал на смертном одре и понимал, что осталось совсем немного, и писал свою книгу кровью, которая еще оставалась в нем. Он завершил ее в течение трех дней и умер. В ней перечислены все прекрасные метаморфозы воды, воздуха, огня, земли, вещей, которые окружали его — всего, что он так страстно любил и чему говорил «Прощай», всеми фибрами своей могучей души, не желая уходить. Подобным образом рассуждал и я. Поэтому, при всем моем сочувствии Грин-Грину, я не смог одобрить его выбор. Нет, я был готов лежать на камнях с переломанными костями, чувствовать влагу дождя, порывы ветра, удары крови в висках; удивляться всему и сожалеть, надеяться и желать. Наверное, этот неутоляемый голод и привел меня к тому, что я стал миротворцем.

Мы только взошли на вершину холма, а я уже знал, что увижу внизу.

Она начиналась между двумя огромными выступами из серого камня. Яркая зеленая трава, такая же, как у нас под ногами, дальше приобретая темную окраску. Это была Большая Темная Долина. Я вдруг увидел перед собой кромешную тьму — если тьму вообще можно увидеть — и не было в ней ничего, абсолютно ничего.

— Я хочу пройти еще сотню шагов, — произнес я.

— Спасибо, Дра.

Мы начали спускаться с холма.

— Что скажут о моем уходе на Мегапее?

— Не знаю.

— Скажи, что я был глупцом, который пожалел об этом раньше, чем ушел сюда.

— Скажу.

— И...

— И это скажу. И попрошу перенести твои останки в горы, где ты родился.

Грин-Грин склонился в благодарном поклоне.

— Тогда все. Ты останешься здесь, пока я уйду?

— Да.

— Как печально. Но, я слышал, в конце виден свет.

— Так говорят.

— Я хочу увидеть его.

— Счастливого пути, Грингрин-тар.

— Ты победил и уйдешь. Сотворишь ли ты миры, которые мне не суждено создать и увидеть?

— Возможно, — еле слышно сказал я в темноту — без звезд, комет, метеоров...

Неожиданно все изменилось.

В бездонном провале передо мной плыла Нью-Индиана. До нее были миллионы миль, но все детали можно было хорошо рассмотреть, все переливалось и светилось. Она медленно проплыла вправо, пока не скрылась за скалой. После нее я увидел Кокитус, а за ним и все остальные: Сан-Мартин, Бининград, Жуть, М-2, Хенкитонк, Мерсия, Иллирия, Вершина, Танги, Безумие, Родена, Независимое Владение, Кастор, Полидевк, Центральная, Дэнди и еще, и еще...

По какой-то совершенно дурацкой причине на глаза набежали слезы. А мимо проплывали миры, рожденные моей мыслью и Силой. Я и не думал, что это так красиво...

Все, переполнявшее меня во времена их творения, все вернулось... Там, где была пустота, теперь вращались миры. Вот я и нашел ответ! Когда наступит час уйти в Долину, они останутся после меня. Я кое-что сделал в этой жизни, и знал, как поступить дальше.

— Там и в самом деле свет! — донесся до меня откуда-то издалека крик Грин-Грина, и я не сразу сообразил, что он держит меня за руку, наблюдая парад планет.

Я обнял его за плечи.

— Да будешь встречен ты Кирваром Четырехликим, Отцом Всех Цветов!

Оглушенный всем виденным, я не расслышал, что он ответил. Проскользнув между камнями, он ушел в Долину. Ушел, чтобы уже не вернуться.

Я повернулся лицом к предполагаемому востоку, если таковой здесь вообще имел место, и пустился в обратный путь.

Обратный путь...

Красная медь колокола раскалывает голову...

Блики-осколки всевозможных цветов колют глаза...

Обратный путь...

Я лежу на шершавом потолке... Нет, это ничто... Я держу мир на плечах... Мир тяжелый, очень... В спину давят камни планет... Подо мной Залив... Кондомы... канаты... водоросли... пустые бутылки... Шум прибоя... я ощущаю на лице долетающие до меня брызги и вдыхаю запахи Залива... Гортанные крики чаек... Холод, запахи, звуки — жизнь... Подобно Орфею, я возвращаюсь из Долины Теней... Если судьба, я вновь убегу от холодных волн Залива... Я упал, мир вокруг раскололся на тысячи осколков и снова соединился...

Мир был таким, каким я его недавно оставил.

Небо, словно заштрихованное цанговым грифелем.

Камни нестерпимо давят в спину.

Моросит.

Тело пробирает озноб.

Я сел и затряс головой, с трудом приходя в себя.

Под куполом черепа закончила свое вращение карусель.

Тяжелые веки начали осторожно поднимать занавес, открывая зрачки...

Рядом лежало тело пейанца.

Голос мой дрожал, когда я произносил Последние Слова.

Вытащив Пленки и биоцилиндры, я уложил тело Грин-Грина поудобнее — нужно ли это было ему? — и накрыл прозрачным полотном, так хорошо служившим мне последние дни. Грин-Грин оказался прав: ни о какой репродукции не могло идти и речи. Я уложил поврежденные Пленки в рюкзак — почему бы и не осчастливить, раз все так получилось, Бюро Безопасности, которому я в недалеком будущем надеялся нанести визит. Проделав все это, я дополз до энерговвода, установил над ним экран, чтобы «Модуль-Т» мог произвести коррекцию, и стал ждать. Я лежал и смотрел в небо...

...Я видел ее стройные ноги, обутые в легкие сандалии, которые щелкали по плитам патио; затянутые в белое красивые бедра, чуть покачивающиеся при ходьбе; прямую, гордую спину и волну волос, спадающую на нее; я не видел лица — потому, что она уходила. Я хотел пойти за ней, остановить, объяснить, как все произошло и мою роль в будущем. Я знал, что это мне не удастся, и гордость удерживала меня на месте. Сказка окончена, звездная пыль грез оседает на землю. Не хватает только последней строчки. Но, если она не будет дописана, зачем увеличивать число бесплодных попыток? Ведь

было все: гиганты и пигмеи, драконы и колдовские грибы, полные сокровищ пещеры и не один, а сразу десять волшебников...

Я чувствовал приближение «Модуля-Т» — и видел все.

Десять финансовых магов, десять торговых баронов Алгола.

И все они — ее дяди.

Наш союз должен был скрепить ее поцелуй. Я не вел двойную игру. Но когда игра пошла крапленными картами, надо было что-то делать. И все-таки я не приложил руку к алгольской бойне. Маховик уже был запущен и я был бессилен его остановить. Даже если бы очень этого хотел.

Я услышал, как идет на посадку мой бодрячок «Т». Я хотел потереть ногу в месте перелома, но из-за резкой боли отдернул руку.

Сделка, сказка, вендетта... В финале я выиграл — так почему бы мне не чувствовать себя превосходно?

«Модуль-Т» быстро снижался и в конце концов завис надо мной, ожидая дальнейших распоряжений.

В своей жизни я носил разные костюмы: труса, бога, сукина сына — разве все перечислишь? Чего не бывает, когда живешь так долго? Всякие приходится примерять... Сейчас я сильно устал, был вымотан до предела и ничего не хотел. Нет, одно желание у меня было...

«Модуль-Т» сел на ровную площадку, я послал команду «открыть люк» и полез к кораблю.

Мне уже было безразлично то, о чем я думал. Когда все поглотил пожар, разве это не абсурдно? С какой стороны ни глянь — все ничего не значит.

Я добрался до корабля и пролез в люк.

Уже сидя за пультом, я довел чувствительность приборов управления до высшей отметки.

Заныла больная нога.

Мы взлетели.

Вскоре я вновь посадил корабль. Прихватив необходимое, я вылез наружу.

— Извини, что я ушел, малыш.

Я аккуратно прицелился и расколол валун.

— Это ты, Фрэнк?

— Нет, семеро козлят.

Вся в земле, леди Карлай выбежала из пещеры. На меня смотрели огромные, безумные, счастливые глаза.

— Ты пришел за мной, Фрэнк?

— А разве я уходил?

— Ты ранен.

— Я тебя никогда не обманывал.

— Но ты сказал, что уйдешь и бросишь меня здесь.

— Очень печально, что ваше чувство юмора, леди Карлай, не позволяет вам понять, когда я шучу, а когда...

Я не успел закончить свою тираду — она прервалась ее поцелуем. Потом она помогла мне подняться, забросив мою руку себе на плечо.

— Теперь можно поиграть в «классики».

— Что это такое?

— Это очень древняя и, учитывая ситуацию, сложная игра. Когда я смогу самостоятельно передвигаться, я, может быть, тебя научу.

— Куда мы теперь?

— Домой, на Независимое Владение. Ты можешь остаться там или уйти. Ты ведь тоже независима.

— Я бы могла и догадаться, что ты меня не оставишь, но когда ты... Боже, какой ужасный день! Что здесь происходит?

— Идет дождь. Остров погружается в Ахерон. Но карета подана к подъезду.

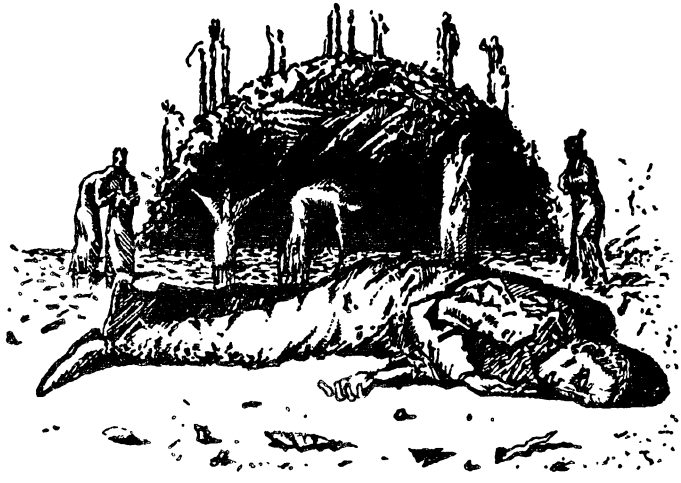
На ее нежных руках запеклась кровь, волосы были спутаны, лицо покрывала грязь, блестели только глаза.

— Боже, — повторила она, — какой ужасный день!

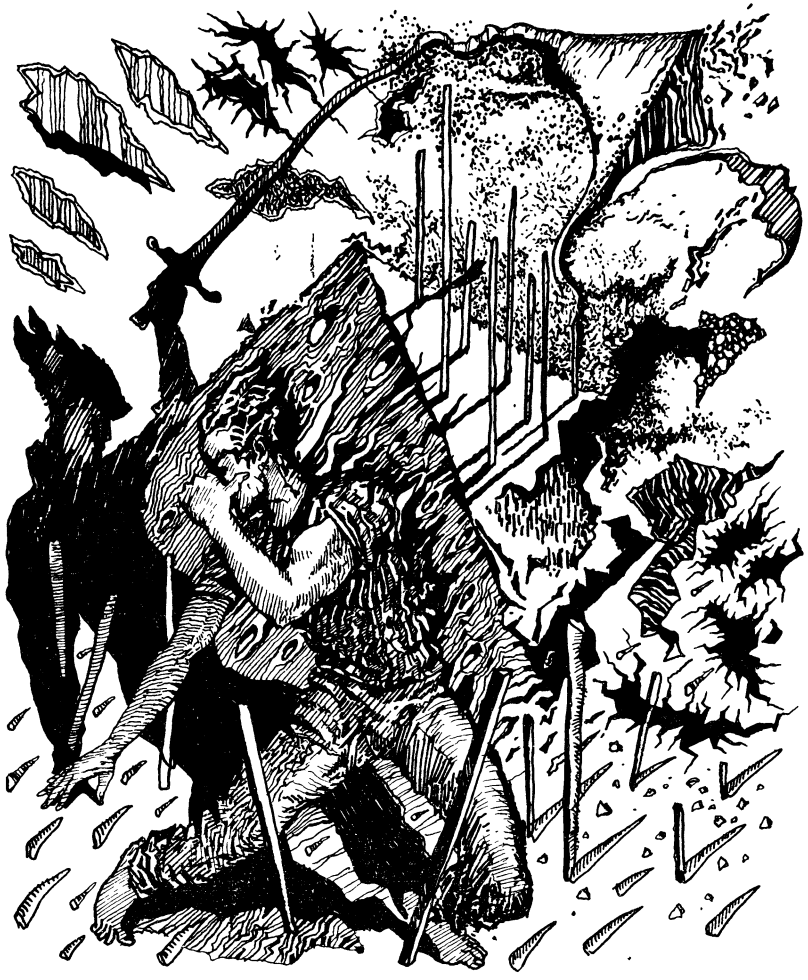
— Видишь, наверху сияет солнышко. Думаю, мы туда доберемся, если ты мне, конечно, поможешь.

— Обопрись на меня.

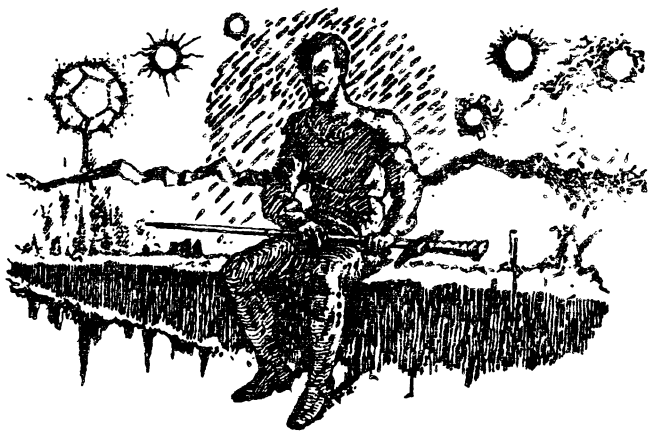
Я положил свою тысячелетнюю руку на ее молодое плечо...

Джек - ув - Тени

© *By Roger Zelazny*
«Jack of Shadows» N.Y. 1972

I

Это произошло, когда Джек, чье имя опасаются произносить в тени, отправился в Айглез, Страну Сумерек, чтобы поприсутствовать на Адских Играх. Там, пока он примеривался, желая подобраться к Адскому Пламени, его и заметили.

Адским Пламенем именовался узкий сосуд из затейливо переплетенных языков огня, вцепившихся в алый рубин величиной с кулак. Холодный блеск драгоценного камня и мертвая хватка пламени.

Адский Пламень был выставлен для всеобщего обозрения. И то, что Джек все время вертелся рядом, стало основанием для серьезного беспокойства. Его обнаружили в толпе зевак, которая непрерывно текла через открытый павильон, восхищенно обсуждая Адский Пламень.

Пришельца узнали Смадж и Квейзер и немедленно покинули свои места, где собирались вступить в спор за драгоценный приз.

Они тут же отправились к Распорядителю Игр.

Смадж все время дергал себя за усы и переминался с ноги на ногу. В конце концов его квадратные глаза наполнились слезами, и он часто-часто заморгал. Это помешало ему таращиться на живописнейший костюм Бенони, Распорядителя Адских Игр, и Смадж уставился на своего приятеля, гиганта Квейзера, у которого глаза, волосы и кожа были одинакового серого цвета.

— Зачем вы искали меня? — поинтересовался Распорядитель.

Смадж молчал, топтался и моргал. Вместо него ответил Квейзер — словно кто-то запищал на детской свистульке.

— У нас есть важное сообщение.

— Я слушаю, — ответил Бенони.

— Мы кое-кого опознали. Его появление сулит всяческие неприятности.

— О ком вы говорите?

— Сейчас скажу. Только давайте сперва выйдем на свет.

Распорядитель Игр недоверчиво покрутил головой, что было нелегко при его бычьей шее, и смерил посетителей взглядом. Его желтые глазки недобро вспыхнули.

— Если это розыгрыш... — начал было Бенони.

— Нет-нет, что вы! — успокоил его Квейзер.

— Хорошо. Следуйте за мной.

Бенони тяжело вздохнул и зашагал к ярко освещенному шатру. Широкий плащ бился за его плечами — оранжевый с зеленым.

Когда они вошли в шатер, Бенони спросил:

— Ну как, здесь достаточно света?

Квейзер осмотрелся по сторонам.

— Вполне, — сказал он. — Тут ему не услыхать нас.

— Кого вы имеете в виду?!

У Бенони стало иссякать терпение.

— Известен ли вам некий Джек, чье имя опасно произносить в тени, потому что он непременно услышит его?

— Джек-из-тени? Грабитель? Да, мне приходилось слышать о нем.

— Вот поэтому мы и собрались беседовать с вами при ярком свете. Он здесь, на играх. Мы со Смаджем видели его, когда Джек любовался Адским Пламенем.

Бенони выпучил глаза и его челюсть отвисла.

— Всемогущие боги! Он похитит святыню!..

Смадж прекратил терзать свои усы, несколько раз кивнул и вновь принялся за прежнее занятие.

— А мы только-только собрались выиграть приз, — бурчал Смадж. — Если Джек утащит Пламень, то нам никак не светит заполучить его обратно!..

— Мы остановим вора, — заявил Бенони. — Ваши предложения?

— Понятия не имею, — пожал плечами Квейзер.

— Может, посадить его в тюрьму? И пусть сидит до окончания Игр!

Квейзер скептически поджал губы.

— Убедитесь сначала, что в его камере не найдется ни малейшей тени. Ходят слухи, что он уходил отовсюду, где находилась самая ничтожная тень.

— Так здесь повсюду тени!..

— А я вам о чем говорю!

— Значит, выход один — полный свет или полная темнота!

— Только светильники должны быть вне пределов его досягаемости. Иначе он воспользуется ими и создаст нужные тени. Или сам зажжет какой-нибудь огонек...

— О боги, ну что за силу могут дать эти проклятые тени?!

— На ваш вопрос нет ответа. Вернее, его никто не знает.

— Так значит, Джек — исчадье тьмы? Не простой смертный?

— Говорят, что он — дитя сумерек. Тех, что идут перед тьмой. Сумерки изобилуют тенями.

— Остается лишь один выход. Сточные Канавы Глайва.

— Жестоко, — хихикнул Смадж.

— Идемте. Покажите мне его, — бросил Распорядитель Игр.

Они покинули шатер. Мышиный цвет неба на востоке отливал серебром, а на западе переходил в агатовую черноту. Над вздыбленной грядой гор сгустилась тьма, усеянная искорками звезд.

Дорожка, освещенная факелами, провела их через весь лагерь к открытому павильону, где находился Адский Пламень. За куполом павильона, на западе, дрожали робкие огоньки — светильники той невидимой черты, у которой располагались забытые храмы беспомощных богов.

Квейзер незаметно тронул Бенони за рукав и слегка кивнул головой. Распорядитель Игр понял смысл жеста и повернулся. У опорного столба навеса стоял худощавый высокий мужчина. Смуглый, темноволосый, и с хищными ястребиными чертами лица. Он покуривал какое-то зелье, из тех травок, что растут в царстве ночи. Дым казался голубым в свете факелов.

С минуту Бенони разглядывал незнакомца со странным чувством. Так смотрит человек на нечто сверхъестественное.

— Вы можете идти... — бросил он Смаджу и Квейзеру.

— Мы собирались... — начал было Квейзер.

— Я сказал — вы можете идти!

Бенони проводил доносчиков взглядом и тихо пробормотал:

— Даю руку на отсечение, они так же легко продали бы друг друга!

Джек сдался стражникам без сопротивления и протестов. Заключенный в центр светового круга, он шел, опустив голову, и молча подчинялся приказаниям вооруженного конвоя.

Его проводили в шатер Распорядителя Адских Игр и толкнули в спину. Джек покачнулся и сделал шаг к столу, за которым сидел Бенони. Стражники немедленно засуетились вокруг арестованного, окружая его фонарями и зеркалами.

— Твое имя, — сказал Распорядитель Игр.

Молчание.

— Хорошо. Тогда скажу я. Тебя зовут Джек.

— Ничего не имею против.

— Или иначе — Джек-из-тени.

Молчание.

— Отвечай!

— Каких только прозвищ не дают людям, — ответил Джек.

— Приведите свидетелей, — скомандовал Бенони одному из стражников.

Тот удалился и скоро вернулся. Рядом с ним шли Смадж и Квейзер. Джек быстро глянул на них, но на его спокойном лице по-прежнему ничего не отразилось.

— Знаком ли вам этот человек? — спросил Бенони.

— Да! — дружно ответили Смадж и Квейзер.

— Назовите его имя.

— Джек-из-тени!

Распорядитель Адских Игр осклабился.

— Действительно, мало ли какие прозвища бывают на свете, — ухмыльнулся он. — Я повторяю, на свете... Но прозвища прозвищами, а мы вернемся к именам. Я, например, Бенони, Распорядитель Игр, а ты — Джек-из-тени. Вор! И готов поспорить, ты явился в надежде похитить Адский Пламень!

Молчание.

— Соглашайся или оправдывайся!

— Я пришел участвовать в Играх, — решился Джек.

— Ну разумеется! — расхохотался Бенони, утирая выступившие слезы. — Только здесь не соревнуются в воровстве, так что тебе нечего тут делать.

— Вы предвзято ко мне относитесь, — возразил Джек. — Кем бы я ни был — пока что я не совершил ничего такого, что давало бы вам право арестовать меня.

— Пока не совершил, — согласился Бенони. — А Адский Пламень и впрямь стоит много... Как ты считаешь?

Глаза Джека на мгновенье загорелись, а губы тронула мимолетная усмешка.

— С этим никто не спорит, Распорядитель.

— И, безусловно, ты явился на Игры, чтобы выиграть его... Только по-своему! Ты — житель царства тьмы, и известен всем, как закоренелый вор!

— И из-за дурацких сплетен я уже не могу просто присутствовать на общедоступном празднике?!

— Не можешь, если речь идет об Адском Пламени. Этот камень бесценен. Те, кто живет при дневном свете, и те, кто предпочитает ночную тьму — все они мечтают о нем. И как

Распорядитель я не могу допустить твоего присутствия рядом со святыней.

— Как плохо однажды испортить себе репутацию! — посетовал Джек. — Потом тебе начинают приписывать все злодеяния в мире!..

— Хватит болтать! Ты намеревался похитить камень? Да или нет?!

— Надо быть полным кретином, чтобы сказать «да»!

— Слушай, мошенник, я смогу когда-нибудь добиться от тебя честного ответа?!

— Если честность — это умение говорить то, что приказываете вы, то я не настолько честен!

— Свяжите преступнику руки!

У Бенони лопнуло терпение, и без того бывшее на пределе.

— А теперь отвечай, исчадье тьмы — сколько у тебя жизней?

Молчание.

— Ну что же ты? Ведь всякому известно, что у вас, в темном царстве, у каждого в запасе пара-тройка жизней! Сколько осталось у тебя?

— Мне не нравится ваше любопытство, — сказал Джек.

— Хорошо, спросим по-другому: ты ведь собираешься умереть не насовсем?

— Увы, дорога из Сточных Канав Глайва далека... Ведь это Западный полюс планеты! А остаться там я не хотел бы. Так что ничего определенного я вам сказать не могу.

— Ну и знаток?! Ты что, уже успел побывать там?!

— Успел, — Джек незаметно проверил крепость веревок. — И не хотел бы очутиться там снова.

— Ага, значит, ты сознался, что умирал уже по крайней мере один раз! Прекрасно! В таком случае меня не будет мучить совесть, если я прикажу немедленно казнить тебя!

— Постойте! — возмутился Джек. — Что это за сделки с совестью! Тем более, что я пока чист, как ягненок. Знаете что — оставьте меня в покое! Хотел я украсть ваш Пламень или так просто прогуливался — сейчас это уже не имеет значения! Отпустите меня, и я уберусь восвояси на все время Игр. И никогда больше не появлюсь в Стране Сумерек.

— Чем ты можешь поручиться?

— Я дам слово.

Похоже, сегодня Бенони насмеялся на год вперед.

— Да, дорого стоит слово человека тьмы!.. И тем более — слово легендарного вора! Нет уж, дорогой Джек, пока ты жив, я буду беспокоиться за судьбу моего приза. Моя власть позволяет казнить тебя, и будь уверен, я это сделаю. Пиши, писец:

в скорбный час судил я его и вынес приговор!

Кучерявый бородач-горбун с пергаментной кожей лица, выдававшей тайные пороки, очистил перо и принялся писать.

Джек гордо выпрямился, и его взгляд уперся в Распорядителя Игр.

— Вы, смертные, боитесь меня. И потому даже не пытаетесь понять. Слишком вам дорог дневной свет и ваша единственная жизнь. А за ее пределами вам нечего искать. По вашим понятиям, такие, как я, лишены души, которой вы гордитесь... Зато у нас есть нечто иное — наши жизни! И вы завидуете нам. Поэтому ты и хочешь убить меня. Причем прекрасно сознавая, что умирать мне ничуть не легче, чем тебе!

Бенони не выдержал первым. Он опустил глаза.

— Ты забываешься, вор...

— Согласитесь на мое предложение, — перебил его Джек. — Я покину Айглез. Но если вы все-таки решите казнить меня — берегитесь. Ты не веришь моему слову, но я заставлю тебя поверить! Поверить слову Джека-из-тени!

Горбун перестал скрипеть пером и вопросительно покосился на Бенони.

— Джек, — заявил Распорядитель, слегка побледнев, — в последний раз спрашиваю: ты собирался похитить Адский Пламень?

— Собирался.

— Зачем он тебе? Его и продать-то нельзя: слишком приметный!

— Я хотел подарить камень. Одному моему приятелю. Я перед ним в долгу, а ему зачем-то понадобилась ваша безделушка. Если вы отпустите меня, я скажу ему, что не смог достать камень.

— Нет, Джек... Вряд ли ты простишь мне сегодняшний позор. И мне не хотелось бы стать мишенью твоего гнева.

— Если ты отправишь меня в Сточные Канавы Глайва — я попаду вскоре в самый центр этой мишени!

— Но человек в моем положении не может верить на слово существу, известному как Джек-Лгун!

— Так значит, я впустую сотрясаю воздух? Так?!

— Выходит, что так.

Писцу Бенони сказал:

— А ты продолжай записывать.

— И мои угрозы тоже уже потеряли вес? — угрюмо спросил Джек.

— Ну почему же... Только с одной стороны — твои угрозы и месть через неопределенный срок, а с другой — кара за

утраченный приз, которую я понесу немедленно. Пойми меня правильно, Джек, ты не оставил мне выбора.

— Понимаю. — согласился Джек. И обернулся к Смаджу и Квейзеру.

— Запомни, ослиный помет, и ты, двуполый евнух — вас я найду! Из-под земли достану! Дайте срок!..

Смадж покосился на Квейзера. Гигант натянуто улыбнулся.

— Ты лучше скажи это нашему господину, Владыке Нетопырей, — процедил он. При имени своего заклятого врага Джек переменился в лице.

В Стране Сумерек слишком много науки, а колдовство в загоне, так что успела пройти целая минута, прежде чем в шатер влетел нетопырь и заметался под сводами.

Квейзер глянул на него и продолжил:

— Такие, как мы, выходят на поединок под стягом Нетопыря!

Джек вздрогнул, скрипнул зубами и опустил голову. Взгляд его окаменел и в зрачках отражалась влетевшая тварь.

Тишина нарушалась слабым царапаньем пера.

И Джек сказал:

— Да будет так!

Вскоре его вывели в самый центр импровизированного эшафота, где уже ждал человек по имени Блейт, держа в руках тяжелый топор. Джек отвел глаза в сторону и облизал пересохшие губы. В мозгу билось отражение блестящей кромки топора.

Он еще не успел опуститься перед плахой на колени, а в воздухе уже захлопали кожистые крылья. Джек знал, отчего началась эта пляска летучих мышей. Запад рождал все новые и новые стаи. Старый противник прислал своих прихлебателей поиздеваться над Джеком в день его поражения. Джек зло выругался. Слишком мало тени давали нетопыри, слишком мало...

Во всех кражах ему сопутствовала удача. И вот... Жаль терять одну из жизней из-за такой ерунды. Но, в конце концов, он и в самом деле тот, за кого его принимают, и не будем об этом...

Джек преклонил колени и нагнул голову.

В ожидании удара он думал: действительно ли голова, отделенная от туловища, живет еще несколько судорожных мгновений?

Джек гнал эту мысль, но она упрямо возвращалась.

«Или все происходящее не случайно? — спросил он сам себя. — Может быть, это западня, подстроенная Владыкой Нетопырей?..»

II

Тьму прорезали тонкие нити света — снег, серебро, бирюза, янтарь, багрец... Чаще прямые, иногда волнистые — они пронизывали темень насквозь, и одни были ярче других.

Тише, тише, тише...

Нити уже походили на волокна паутины, они постепенно превращались в узкие прутья... в огненные линии...

И наконец стали мерцающими звездами.

***

Поначалу он лежал, бессмысленно уставившись на звезды. Потом его мозг родил слово — «звезды» — и в глазах затрепетали колючие искры.

Это вернулось зрение.

Через некоторое время он ощутил, что летит. Летит, падает, рушится с огромной высоты, катастрофически обретая плоть. Затем пришло понимание, что он лежит лицом вверх, и тяжесть бытия властно прижимает его к земле.

— Я — Джек-из-тени...

Это была мысль. Шевельнуть губами пока недоставало сил.

Он не знал места, где лежал. Он не знал пути, приведшего его в эту звездную ночь. Но состояние было странно знакомым, словно он уже переживал возвращение раньше. Когда? Давно...

Сердце ровно гнало теплый поток к рукам и ногам, и Джек вслушивался в покалывание, оживлявшее прежние чувства. Следом за ними ожила память.

— Проклятье!...

Это было его первым словом. Память ожила полностью.

Джек валялся в Сточных Канавах Глайва. Это место находилось на Западном полюсе планеты, во владениях коварного барона Драйкхэма, через которые обязан пройти любой, желающий воскреснуть.

Джек понял, что находится на огромном острове отбросов среди целого озера грязи. И в сотый раз он напомнил себе, что для обычных смертных это альфа и омега, начало и конец всего, в то время как подобные ему имеют некоторую свободу выбора.

Лицо Джека исказила злорадная улыбка.

Правая рука уже подчинялась приказам мозга, и он немедленно принялся растирать горло. Боль ушла, но в сознании отчетливо стоял весь кошмар недавнего происшествия. Сколько же времени прошло со дня казни? Скорее всего, не более двух лет... Обычный срок.

Джек вздрогнул и отогнал мысль о том дне, когда он израсходует последнюю оставшуюся у него жизнь. Его бил

озноб, и он потратил уйму времени и сил, чтобы его унять. Затем он в очередной раз выругался, обнаружив исчезновение одежды. Она или ушла в небытие вместе с его прежним телом, или же была украдена и теперь служила кому-нибудь еще. Второй вариант казался более вероятным.

Джек медленно встал на ноги. В воздухе царил смрад. Дышать таким воздухом не хотелось. Джек посмотрел на камень яйцевидной формы, который почему-то сжимал в руке, и отшвырнул его в сторону. Пора убираться отсюда. Теперь, когда он снова стал самим собой, не следует надолго задерживаться на одном месте.

Со всех сторон был сплошной восток. Скрипя зубами, Джек двинулся наугад, надеясь, что выбранный путь окажется не самым тяжелым.

Он не знал, как долго пришлось ему добираться до берега. Глаза, привычные к темноте, быстро приспособились к слабому свету звезд, но нигде не было тени, которой он мог бы воспользоваться.

Что есть Время?.. Полный оборот планеты вокруг солнца — это год. Его довольно сложно раздробить на более мелкие части: для этого нужно уметь ориентироваться по звездам, которые всегда видны, и уметь с помощью магии определять настроения духов, которые не видны. Джек знал, что у смертных есть всякие механические безделушки, для измерения времени — он сам когда-то крал эти приборы у людей. Правда, в царстве тьмы они ни на что не годились... Нет, почему же, годились! — Джек продавал их девочкам из таверны, под видом прекрасных быстродействующих амулетов, и брал совсем неплохую цену...

Грязный, исцарапанный, Джек стоял на тихом и темном берегу. Он перевел дух и отправился на восток. Здесь везде был восток, но надо было беречь силы, не тратить их на ненужные проклятия.

Дорога шла в гору. Кругом пенились лужи, и грязь сливалась в озеро — собственно, все дерьмо мира неизбежно попадает в Глайв. Изредка грязь вздымалась кипящими гейзерами, и от вонючих брызг нельзя было укрыться. Из расселин поднимался аромат сернистого газа. Джек быстро зажал нос и воззвал к своим богам-покровителям. Он понимал, как мало шансов за то, что богам придет в голову вслушаться в призывы, исходящие из Сточных Канав Глайва.

Он двигался вперед, отказывая себе в передышке. Дорога становилась все круче, и вскоре превратилась в ленту щебенки. Джек тащился по ней, дрожа, как в лихорадке. Он давненько не сталкивался со всевозможными прелестями здешних краев,

и успел позабыть их. Каменная крошка изрезала ему ступни, и за ним тянулся кровавый след. Какие-то многоногие твари вынырнули из-за валунов и теперь шумели сзади, слизывая кровь. Джек не оглядывался. В его положении не принято оглядываться — дурная примета...

Он загрустил. Он всегда расстраивался, когда какое-нибудь тело теряло лишнюю кровь. Тем более его собственное тело. Джек двигался вперед, щебенка под ногами уплотнилась, и вскоре он зашагал по твердому камню.

Топот за спиной стих, и Джек обрадовался этому обстоятельству.

Вонь стала меньше — видимо, из-за подъема в гору. Это приятно удивило Джека. Сперва он подумал, что у него просто-напросто притупилось обоняние. Но как бы там ни было, это дало силы его телу и духу отвлечься для решения более насущных проблем. Он хотел пить, есть, отдыхать... И умыться.

Джек ломился в собственную память, как в запертую дверь, и та поддалась. Тогда он влетел в прошлое и стал в нем рыться. Все прошлые возвращения из Глайва ясно стояли перед ним, но он не мог узнать окрестности, мимо которых проходил.

О небо, какая-то рощица стальных деревьев!..

Он подумал, что никогда раньше не ходил этой дорогой.

Здесь и на сотню миль пути не найдется чистой воды. Разве что судьба смилостивится и подбросит яму с дождевой водой... Впрочем, дождь тут редкость... Все-таки Глайв — мир грязи, а не пансионат. Прибегнуть к магии — совсем крохотной, тихой магии — Джек опасался, хотя ему ужасно хотелось вызвать дождь. Если его кто-нибудь заметит, или почует магические эманации — все, крышка!.. Тогда либо гнусная смерть, либо гнусная жизнь и в конце опять Сточные Канавы. Нет уж, лучше потерпим, пока смерть не махнет приветственно костлявой рукой...

И лишь тогда закажем дождь.

Впереди замаячил предмет, явно созданный не силами природы. Джек осторожно приблизился. Перед ним стоял камень в два человеческих роста и в два обхвата. На ближней грани была высечена надпись на языке царства тьмы.

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, РАБ!»

И Большая Печать Драйкхэма внизу.

Джек с облегчением перевел дух. Тем немногим, кто сумел не попасть в число слуг барона, было известно, что подобные вехи устанавливаются в наиболее заброшенных местах. Расчет делался на испуг и бегство жертвы. А бегущего в панике человека всегда легче поймать...

Джек обошел камень кругом и собрался плюнуть на него,

но во рту пересохло. Тогда он пошел дальше, чувствуя, как силы постепенно покидают его. Оступаясь, он каждый раз все с большим трудом восстанавливал равновесие. Требовался отдых, но для привала не находилось достаточно безопасного места.

Сон брел рядом и дышал Джеку в лицо. В какой-то момент Джек споткнулся, упал... и когда он вновь пришел в себя, то был уверен, что успел пройти большое расстояние на грани между сном и явью. Во всяком случае, падал он в одном месте, а поднимался совсем в другом.

Робкая надежда вспыхнула в нем, и он потащился дальше.

Вскоре обнаружилось место, годное для ночевки. У подножия высокого плато торчала одинокая скала, а вокруг нее кто-то набросал кучу камней в живописном беспорядке. Теряя силы и передвигаясь ползком, Джек все же исследовал окрестности и не обнаружил никаких признаков жизни. Тогда он вполз в каменный лабиринт и уснул.

Он не знал, сколько времени ему удалось поспать. Нечто возникло в глубинах его дремлющего сознания, нечто, давно знакомое...

Он рванулся из глубин сна к поверхности реальности.

Длинные волосы опутали его тело подобно плащу — чужие волосы! — а чуть повыше ключицы Джек почувствовал судорожный поцелуй.

Лишь мгновение он собирал остатки сил. Затем правая рука его двинулась вдоль тела незваной гостьи, а левая вцепилась в ее роскошные волосы. Он знал, что надо делать, знал древним знанием, и оторвал упругое тело от себя.

И голова Джека метнулась к Ней лишь с десятой долей своей прежней скорости.

Когда все закончилось, он вытер рот и взглянул на бездыханное тело.

— Бедный вампир... — прошептал он. — Как мало крови оказалось в тебе... Теперь я понимаю, почему тебе так понадобилась моя... Извини. Я тоже был голоден, и все мы поступаем так, как диктуют нам обстоятельства...

***

Переодевшись во все черное, Джек натянул высокие сапоги с узкими голенищами, накинул плащ и продолжал путь. Теперь он двигался по высокому плато, и изредка ему попадались поля, заросшие темной травой. Трава все время цеплялась за его щиколотки и пыталась задержать. Знакомый с такого рода растениями, Джек разрывал цепкие объятия и отбрасывал обрывки в сторону прежде, чем проклятый газон успевал усилить хватку.

Джек вовсе не хотел служить удобрением для местной флоры.

Наконец он увидел водоем с дождевой водой и несколько часов наблюдал за ним, не приближаясь. Слишком уж это было хорошо. И похоже на ловушку для наивных простаков. Но, так и не обнаружив охраны, Джек приблизился, оглядываясь, потом упал на край и пил долго и жадно. Он пил, отдыхал, снова пил и снова отдыхал, жалея лишь об одном: с собой не было ничего, напоминавшего сосуд, чтобы унести хоть капельку драгоценной влаги.

Расстроенный, он разделся и смыл грязь с измученного тела.

А дальше он шел мимо цветов, похожих на разъяренных кобр, или разъяренных кобр, похожих на цветы — во всяком случае, они злобно шипели и старались дотянуться до него...

Поспать удалось еще дважды, а вот водоем встретился в дальнейшем всего один. Только на сей раз вокруг торчала охрана, и Джеку пришлось использовать все свое воровское умение, чтобы заполучить немного воды. Заодно он утащил и меч спящего стражника, справедливо решив, что стражник обойдется, а он, Джек — нет. Кроме того, теперь он имел поклажу: сыр, каравай хлеба, вино и сменную одежду.

Впрочем, еды хватило ненадолго. Местность вокруг прекрасно просматривалась, и Джек пришел к выводу, что где-то неподалеку должен быть еще один пост, да и к предыдущему в любой момент могла подойти смена.

Джек выпил вино и налил во флягу воды, досадуя на малый объем посуды.

Затем он снова подкрался к стражнику и долго думал потом, куда спрятать труп, потому что рядом не было ни одного укрытия.

Бросив тело на прежнем месте, Джек быстро двинулся прочь.

Он продолжал жевать на ходу, съев половину всех припасов — если оставшееся можно было так назвать. Потом желудок запротестовал, и Джек с сожалением бросил это занятие. По дороге ему встречались какие-то шустрые зверьки и он набрал кучу камней, пригодных для метания, но так и не сумел подбить хоть одного. То ли зверюшки оказались слишком шустрыми, то ли сам Джек был излишне медлительным, но из всей добычи у него остался лишь один кремень приличных размеров.

Через некоторое время он услышал топот копыт и спрятался. Правда, мимо так никто и не проехал. Джек понимал, что зашел очень далеко во владенья Драйкхэма и никак не мог сообразить, к какой границе он движется. Когда он поду-

мал, что это может быть граница с безымянным царством Владыки Нетопырей — его тело содрогнулось при одной мысли об этом.

Сидя на темной земле, он послал беззвучную мольбу к равнодушно-ярким звездам.

***

Он петлял, спотыкался, бежал, а ненависть его росла быстрее, чем чувство голода.

Смадж. Квейзер. Бенони. Палач Блейт. Владыка Нетопырей.

Он найдет их. Всех. По очереди. Найдет и отомстит, постепенно набирая силы для мести последнему. Только сейчас сил почти не осталось, а этот последний был так близко, что Джек вряд ли сможет спокойно заснуть.

Но он все же заснул, и ему снились прежние Сточные Канавы. Только он был закован в цепи — как Утренняя Звезда у Врат Рассвета — и должен был пребывать там вечно.

Джек проснулся в холодном поту. Казалось, все зловоние Глайва обрушилось на него.

Он не сразу сумел поесть.

Вместо еды он питался ненавистью. Он пил ненависть, утоляя жажду или забывая о ней. Он опирался о ненависть и шел дальше, хотя измученное тело молило об отдыхе. Ненависть...

Он грезил о мучительном конце своих врагов. Дыба. Огонь. Клещи. Снова и снова... Он уже слышал их крики и мольбы о пощаде. Он видел разорванную плоть, кровь и слезы, и много, много разного, что сотворит он с ними, прежде чем позволит умереть.

Больше всех трудностей пути, вместе взятых, его мучило уязвленное самолюбие. Попасть в сети так легко, так незаметно, лечь под небрежный удар топора — словно прихлопнули надоедливого комара!.. С ним, с Джеком-из-тени, обладателем силы, человеком тьмы, обошлись так презрительно, как с каким-то никчемным воришкой!..

Его не удовлетворил бы простой удар мечом. Ему требовались пытки. Пытки для оскорбивших его. Если бы они хотя бы оказали ему должное уважение! Он понимал, что все произошедшее — дело рук Владыки Нетопырей. Это его вероломство и страстное желание отомстить стало причиной позора!.

Ничего. Они сквитаются.

Каждый шаг подогревал ненависть. Но это не спасало от усиливающегося холода. Вряд ли он двигался к северу, но воздух становился все прохладнее.

Джек лег на спину и стал разглядывать темную сферу загородившую звезды в самом центре неба. Это была сфера

Средоточия Сил Щита, и ее надо было тщательно охранять от дневного света и прочих неприятностей. Где сейчас та Семерка Сил, внесенных в Уставную Скрижаль, кому выпала очередь службы у Щита? При любой междоусобице ни одна из Сил не отказалась бы соблюсти перемирие Щита, потому что от него зависят судьбы мира. Джек сам не раз стоял на страже, и иногда вместе с Владыкой Нетопырей.

На какой странице раскрыта сейчас Скрижаль? Что за имена записаны там?! Одно из них вполне может оказаться его собственным именем...

Но с первой минуты осознавания себя как личности, в Сточных Канавах Глайва Джек ни разу не ощущал, что его кто-то зовет. Видимо, все-таки не я, решил Джек.

Он распахнул свое сознание и ощутил пронизывающий холод. Стужа сочилась из внешней оболочки тьмы, стужа обнимала Сферу Щита, и чем дальше, тем труднее становилось удержать оледенение. Рисковать в этом деле было слишком опасно. Щит спасал царство тьмы от вечного мороза Зимнего Мира, а силовые экраны жителей солнечной стороны планеты выполняли ту же функцию, но по отношению к жесткому излучению солнца.

Джек захлопнул дверь внутри себя, и с трудом сдержал озноб.

Вверх по скале карабкалось маленькое животное, покрытое темным мехом, и Джеку удалось прикончить его. Джек освежевал добычу, вынул внутренности и съел зверька сырым, за неимением огня. Затем раздробил кости и высосал мозг. Ему не нравилась такая полудикая жизнь, хотя многие из его знакомых сочли бы его теперешнее существование чуть ли не райским.

Он не хотел, чтобы кто-нибудь видел, как он пожирает добычу.

На третьем шаге после привала его настиг звон в ушах.

«*ДЖЕК-ИЗ-ТЕНИ*, но не...»

Все. Конец.

Кто бы ни произнес эти слова — ему на губы упала тень. Только совсем маленькая тень, и на крайне малое время. Жаль...

Джек огляделся, пытаясь определить направление. Источник звука должен был быть где-то справа и ужасно далеко... Если бы его нынешнее местоположение — Джека, а не источника! — было бы более конкретным, он смог бы лучше сориентироваться. Тогда бы он услыхал все подробности — от пьяного трепа завсегдатаев трактира до тайных планов того, кто уже знал о возвращении Джека.

Джек долго думал об услышанном.

Он раздумал отдыхать и ускорил шаг. Почему-то ему

казалось, что быстрое движение приближает его к успеху. Внезапно он наткнулся на большую яму с дождевой водой. Яма не охранялась, и ему удалось напиться.

Отражение в темной воде было более чем смутным, и ему пришлось долго напрягать зрение, пока лицо не обрело четкие очертания.

Темные, заострившиеся черты, слабые звездочки глаз, и звезды над головой, качающиеся в луже.

— Да, приятель, ты и впрямь стал походить на тень, — пробормотал он. — Растворился в здешних дебрях... И зачем ты пообещал Бессмертному Полковнику эту проклятую безделушку?!. Впрочем, ты ведь не рассчитывал на подобный исход дела?..

Впервые со дня воскрешения Джек рассмеялся.

— И ты смеешься, о, отражение тени? — спросил он, глядя в воду. — Хорошо, смейся, но не переходи границ приличий. В конце концов, ты всего лишь мое отражение, и тебе должно быть известно, что я вновь отправлюсь за Адским Пламенем, где бы он ни находился... Он стоит усилий.

Ненависть отступила на второй план, и Джек улыбнулся. Между языками огня, плясавшими в его мозгу, возникла девушка.

Белое лицо, и зеленые глаза, подобные ободку старинного зеркала. Влажные полуоткрытые губы. Он мог обнять ее подбородок большим и указательными пальцами; и медные локоны падали на высокий лоб... Ее звали Эвин из твердыни Холдинг, ростом она была Джеку по плечо, и шея девушки напоминала ствол молодого деревца, очищенный от коры, а пальцы легко летали по струнам паальмиринга.

Такова была Эвин из твердыни Холдинг.

Дитя редкостного сочетания тьмы и света. Отцом ее был Бессмертный Полковник, а матерью — смертная по имени Лоретта. Джек решил, что именно в этом и крылось очарование Эвин. И если в ней есть частица света, то должна быть и душа? Наверное... Он не мог вызвать ее образ своей Силой здесь, на пути из Сточных Канав Глайва. Нет, ни за что!..

Он отогнал саму мысль об этом.

Ее отец назначил цену за брак — Адский Пламень. Джек молча поклялся добыть его во что бы то ни стало. Только сначала он отомстит... Эвин должна понять. Она знала всю глубину его гордости. Знала — и должна была подождать. Она обещала ждать его вечно — в тот день, когда он уходил в Айглез, на Адские Игры. Все-таки она была дочерью своего отца, и время для нее мало что значило. Смертные женщины будут умирать, а она сохранит всю свою красоту и изящество.

Эвин будет ждать.

— Ну что ж, отражение тени... Она будет ждать. Игра стоит свеч...

Джек спешил сквозь темень, жалея о несовершенстве своих ног. Снова послышался топот, и снова он спрятался. И опять проскакали невидимые всадники — на этот раз совсем рядом.

Имени Джека никто не произносил, но между услышанным и таинственными всадниками явно была какая-то связь.

Не становилось ни теплее, ни холоднее. Джека по-прежнему знобило, и когда он внутренне раскрывался, то чувствовал некий поток, струящийся к нему от Щита. Возможно, это потому, что Сточные Канавы Глайва находятся прямо под Щитом... А дальше, к востоку, все исчезнет само собой.

Он продолжил путь, затем остановился и поспал, но никаких попыток установить с ним связь не наблюдалось. Он устал, отдыхать приходилось все чаще, и несколько раз Джек уходил в сторону в поисках воды или дичи. Вода пару раз встретилась, а с дичью были проблемы.

Когда он безуспешно высматривал добычу, то обнаружил робкий красный свет, исходивший из трещины в скале справа по курсу. Свет был слаб, и в иное время Джек непременно прошел бы мимо, ничего не заметив. Но сейчас он шел совсем рядом, лавируя меж камней.

Он остановился, глядя на свечение, и задумался. Огонь? Если огонь, то должны быть и тени. А если там есть тени...

Джек обнажил украденный меч и подошел к светящемуся камню. Сначала он просунул в расселину клинок, затем протиснулся сам.

Джек пробирался по узкому проходу, держа меч перед собой и отдыхая на каждом шагу. Глянув наверх, он решил, что скала выше его по крайней мере раза в четыре. Звездная река почему-то обтекала этот черный камень...

Проход неожиданно свернул влево и резко оборвался. Джек остановился и стал рассматривать широкий уступ, расположенный футах в трех над ложбиной.

Каменные стены, окружавшие его, были естественного происхождения. Растительность однообразная — кустарник, травы и сорняки, все черного цвета. Но в дальнем конце ложбины находился круг восьми футов в диаметре, и вокруг него растительности не было.

Идеальный, геометрический круг, и никаких признаков живых существ. В центре слабо светился огромный валун.

Озноб усилился, хотя Джек не видел для этого особых причин. Он поглядел на камни. На валун. На звезды.

Действительно ли камень подмигнул ему, когда он отворачивался?!.

Нет, почудилось...

Он слез с уступа и двинулся вперед.

Валун полностью оброс мхом. Сам камень отливал розовым, и, похоже, это он и светился. Стоя у камня, Джек почувствовал, что стало чуть теплее. Возможно, стены укрывали его от холода...

Джек крепче сжал меч и смело вошел в круг. Что бы ни крылось за всем эти, — он, Джек-из-тени, попытается извлечь из этого свою выгоду.

Через полдюжины шагов в его мозгу возникла чужая мысль.

— Рад с тобой познакомиться, новый приятель!..

Джек замер.

— Кто это? Где ты находишься?!

— Да уж рядом с тобой, дружище!.. Ну давай, иди ко мне!..

— Я ничего не вижу, кроме замшелого камня...

— Всему свое время... Иди, иди ко мне!..

— Да уж как-нибудь обойдусь, — Джека охватило нехорошее предчувствие. Уж больно разговорчивым оказался встреченный бестелесный разум...

— А я и не спрашиваю твоего желания. Я приказываю. Иди!!!

Джек вздрогнул. Чужая сила обволокла его, приказывая двигаться вперед. Он напрягся, сопротивляясь, и крикнул:

— Да что же ты такое?!

— То, что ты видишь, старина!.. Иди, иди, иди, иди...

— Камень? Мох? Что?!.

Джек изо всех сил старался остаться на месте. Контроль над телом ослабевал с каждой секундой. Стоит сделать один шаг, как второй не заставит себя долго ждать. Если подлая глыба овладеет его волей, то все будет кончено.

Правая нога Джека уже собиралась согнуться в колене. Джек с ужасом посмотрел на непослушную ногу, и решил пойти на соглашение.

Он выгнулся, подчиняясь напору, но шаг получился не вперед, а в сторону. Тогда левая нога возмущенно двинулась к проклятому камню. О боги!.. Джек сопротивлялся, уступал, подчинялся — и в результате сделал еще шаг вперед и вбок.

— Отлично, мой мальчик! Ты не хочешь идти ко мне по прямой? Хорошо, иди по кругу — но только иди!..

Джек боролся с каждым шагом, на лбу выступили бисеринки пота. Но спираль движения неуклонно вела его к зовущей глыбе. Время исчезло, исчезла ненависть, любовь, голод, жажда мести и жажда воды... Вся вселенная сузилась до двоих: Он, Джек-из-тени и розовый валун. Напряжение их схватки

трепетало в воздухе, подобно надоедливой, монотонной мелодии, не воспринимаемой мозгом. Это могло длиться вечно.

Что-то незаметно добавилось в крохотный мир страшного поединка. Джек не помнил, сколько шагов он уступил камню, но ему уже была видна дальняя часть валуна. И он увидел нечто, что всколыхнуло его мозг эмоциональным шквалом, и камень чуть не стал хозяином ситуации.

Перед валуном валялась куча высохших костей.

— Это я, я положил их здесь, о человек, чтоб подобные тебе боялись и шли быстрее!.. Иди — и твои кости лягут рядом...

Джек собрал последние силы и продолжил борьбу. Очень уж не хотелось пополнить собой этот костяной мавзолей... Он обошел валун по кругу, миновал кости, но все же приблизился к камню, как ни старался не делать этого. Затем спираль привела его к тыльной стороне камня.

— Ты сильнее прочих, пришелец... Ты первый, кто не хочет подчиниться мне, и делает это так долго... Иди!..

Джек промолчал, экономя силы. Снова перед ним лежали жуткие останки. Там блестели нетронутые мечи, пряжки, части упряжи, а также сгнившая одежда и какое-то тряпье. В слабом свете он не мог разобрать, что еще лежит на земле, но создавалось впечатление, что всякого добра валялось немало...

И наконец он увидел то, что придало ему каплю надежды. Если действительно среди костей и прочего лежит...

— Ну, хороший мой, еще шажок, еще кружок... Иди, малыш, прикоснись к папочке...

Джек все приближался к склизкой поверхности розового валуна. Тот рос с каждым шагом, и свет излучался всем телом беззвучно говорящего камня.

Еще шаг. Еще. Еще. Пожалуй, он мог бы плюнуть на валун...

Джек перебросил меч в левую руку и нанес удар. Мох разорвался, и из царапины потекла какая-то жидкость.

— О, да ты кусаешься?.. Что ты можешь мне сделать, человек?.. Ничего и никогда... Ну, иди...

Вновь кости. Круг завершен. Джек глядел на камень, похожий на свежевырезанную опухоль. Голодную опухоль. И чьи-то кости хрустели под сапогами, но Джек успел увидеть то, что хотел увидеть, и резко двинулся на сближение. До зовущего камня оставались считанные дюймы.

Джек кинулся к чужим сумкам. Он вцепился в них рукой, мечом, он тащил их к себе, волоча заодно гнилые плащи и одежду... Тут его качнуло — и плечо коснулось мохнатой поверхности валуна.

Ничего. Сперва ничего. Потом смертельный холод вгрыз-

ся в то место, которое соприкоснулось с валуном. Боли не было. И плечо стало чужим.

Каменным.

— Ну как, дружище? Совсем не так страшно, как ты предполагал! Давай, давай...

Головокружение обрушилось на Джека, подобно водопаду. Словно он несколько лет провалялся в постели и вдруг встал, и мир заплясал вокруг... Потом в плечо вонзили невидимый нож, и из раны стали вытекать оставшиеся силы. Каждый удар сердца уносил остатки жизни. Спина и рука онемели. И Джек еле сумел поднять правую руку, сунуть ее в подобранную сумку... Казалось, он шарил в ней целую вечность.

Борясь с паскудным желанием послать все в тартарары и сдаться, Джек наклонился над грудой тряпья и стал бить мечом по кремню. Через мгновение появился легкий, дурно пахнущий дымок, и первые язычки огня выглянули наружу.

Тогда Джек вынул из сумки найденную свечу и зажег ее.

Свеча горела. Свеча рождала тени. Тени...

Джек поставил свечу на землю, выпрямился, и тень его, тень Джека-из-тени, упала на валун.

— Ты что, с ума сошел, человек?! Что ты делаешь, пища! Прекрати...

Джек расслабился. Он был дома, в своем логове, и тело его оживало в искусственных сумерках, созданных им самим...

— Я — КАМЕНЬ-КРОВОПИЙЦА! КТО ТЫ И ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ ПЕРЕДО МНОЙ?!

Свеча горела, и Джек нежился в теплых и ласковых тенях. Затем он тронул правой рукой пострадавшее плечо. Тепло охватило его, и онемение исчезло.

— Не кричи, — ответил Джек камню. — Ты был достаточно гостеприимен, и теперь моя очередь расплачиваться.

Он отошел на шаг и повернулся к валуну. Тот попытался было возобновить свой напор, но Джек лишь слабо качнул рукой, и тени заплясали по камню. Тени — его мир, его власть, его сила...

— Где ты, пища?!.

— Здесь. Везде. Нигде.

Джек протер лезвие меча. Свеча грозила догореть, и нельзя было терять ни минуты. Ладони Джека легли на замшелую поверхность камня.

— Вот я, — сказал он.

У прочих сеньоров царства тьмы имелись владения с четкими географическими границами. Владения Джека лежали там, где можно было создать самую крохотную тень.

И, стоя в тени, Джек вцепился своей волей в слабеющий валун.

Сопротивление. Да, конечно, ведь теперь они поменялись ролями... Ничего, ничего, пора привыкать, властелин, ставший жертвой...

Голод терзал Джека, голод увеличивался, и наконец насыщающая струйка скользнула внутрь его существа. Еще. Еще...

Джек ел.

— Прекрати! Ты не имеешь права! Это ты — пища...

Джек смеялся и ел. И сопротивление камня становилось все слабее и слабее.

Вскоре стихли последние протесты.

Когда свеча наконец догорела, мох приобрел темно-коричневый оттенок. Кем бы ни был хозяин здешних мест — теперь он мертв. Совсем.

Прежде чем уйти, Джек долго вытирал руки плащом.

III

Силы, позаимствованной у камня, хватило надолго. Джек даже подумал, что сумеет вскоре выбраться из окружающего вонючего царства. Температура воздуха не менялась, а когда он собрался поспать, пошел мелкий дождик. Джек завернулся в плащ и свернулся в клубок около небольшой скалы. Вода вскоре добралась до его тела, плащ почти не согревал, но Джек лишь улыбался.

С того момента, как он покинул Сточные Канавы, это был первый дождь.

Оставшихся луж вполне хватило для умывания, питья и наполнения фляги — про запас. Джек решил продолжить путь, чтобы одежда просохла во время ходьбы.

Когда он поравнялся с развалившейся башней — мимо лица стремительно пронесся, быстро вращаясь, какой-то обрывок тьмы.

Обнажить меч Джек не успел. А спешащее нечто проскочило мимо и решило пока не возвращаться. Джек кинул ему вслед двумя камнями, и второй чуть не угодил в цель. Потом он разглядел гостя и с полчаса ругался последними словами.

Это была летучая мышь. Нетопырь.

Джек бежал. Бежал и мечтал хоть о клочке тени...

Башни, разрушенные башни покрывали равнину. Чуть поодаль начиналась дорога, ведущая между холмов к горам. Джек вообще не любил строений — как целых, так и развалин — потому что там могли скрываться враги. Так что он решил близко не подходить.

Миновав башни, он услышал, как кто-то выкрикивает его имя.

— Джекки! Джекки-Тень! Неужели это ты!..

Джек положил руку на эфес меча и повернулся.

— Ну что ты, Джекки! Зачем тебе меч при встрече со старой Роз?..

Он чуть было не прошел мимо совершенно неподвижной старухи. Она была одета в отрепья и опиралась на суковатый посох.

— Тебе известно мое имя, старуха? — спросил Джек.

— Ну конечно же, миленький мой!.. А ты что, успел забыть меня? Ну скажи, скажи, что ты помнишь свою дорогую Роз!..

Сгорбленный силуэт. Колтун седых волос. Она похожа...

Она похожа на износившуюся метелку. И все же...

Джек снял руку с меча и сделал шаг навстречу, разглядывая женщину.

— Роз?

Шаг. Еще один. И вот ее глаза совсем рядом.

— Джек, ты ведь не мог забыть меня...

Да. Он не мог забыть.

— Я помню, Розалинда. Я помню побережье и дорогу. Я помню таверну «Под Горящим Пестиком»... Но все это было в Стране Сумерек, и бесконечно давно...

— Давно, — сказала она. — Давно и далеко. Но я по-прежнему помнила о тебе, Джекки-Тень. Девчонки из портовых таверн не запоминают мужчин... а вот я запомнила. Одного. Тебя. У тебя неприятности, Джек?

— Увы, Розалинда! Мне совсем недавно отрубили голову — причем совершенно несправедливо! — и теперь мне приходится тащиться пешком из Глайва... А как твои дела? Что делаешь ты, смертная, во владениях Драйкхэма?!

— А я теперь Восточная Ведунья. В молодости я была круглой дурой, и поэтому поверила твоим лживым клятвам, но с возрастом я постепенно поумнела. Я ухаживала за одной состарившейся шлюхой, потерявшей форму, и та обучила меня своему Искусству. Нет, не искусству шлюхи, а кое-какому другому Искусству... А потом барону понадобилась Ведунья для охраны здешних краев, и я пошла на эту работенку, дав Драйкхэму клятву верности. Ходят слухи о его злобе и коварстве, но он был вполне мил со старой Роз... Во всяком случае, добрее многих... И все-таки неплохо, что ты не до конца забыл меня.

Она достала из своих лохмотьев сверток и принялась разворачивать его.

— Позавтракаем, Джекки, — сказала Розалинда. — Или пообедаем. Как в старые добрые времена.

Джек ослабил перевязь и опустился прямо на землю.

— Я думаю, что после того, как ты слопал камень-крово-

пийцу, ты успел изрядно проголодаться, — усмехнулась старуха. — Бери, бери...

И протянула ему кусок хлеба и вяленое мясо.

— Тебе уже известно о моей встрече с камнем?

— Ты что, Джекки?! Я же сказала тебе, что я — Восточная Ведунья, и все, что с этим связано. И я не знала, что это твоих рук дело. Я только поняла, что с камнем все кончено. Я — слуга Драйкхэма, и знаю обо всем, происходящем вокруг. И сообщаю ему об этом.

— Ясно, — протянул Джек с набитым ртом.

— Теперь-то я вижу, что ты не врал, когда распускал павлиний хвост и хвастался, говоря о своей Силе... Видимо, ты действительно из сильных мира сего. Иначе тебе не удалось бы перекусить камнем. Так что ты не зря бахвалился тогда перед доверчивой девушкой... Но многое ты все-таки сочинил...

— Что именно?

— Ну, хотя бы то, что в один прекрасный день ты вернешься и увезешь несчастную простушку в замок, который не видел ни один из смертных — Шадоу-Гирд. И вы будете жить там долго и счастливо... Она много лет ждала этого дня, а там пришло время заболеть старой шлюхе. Девушка подумала-подумала, вспомнила о своем почтенном возрасте, и решилась на сделку и смену профессии.

Джек молчал, не смея поднять головы. Хлеб комом стоял у него в горле. Наконец он проглотил его и заговорил снова:

— Я приходил за тобой. Я приходил, но успела стереться сама память о моей Розалинде. Другие люди, другие слова и обычаи. Я приходил — и ушел.

— О Джекки! — хихикнула она. — Не надо утешать меня ложью во спасение!.. То, что было главным для молоденькой девчонки, не имеет никакого значения для старой Ведуньи.

— Если ты действительно Ведунья, то почему ты различаешь ложь и правду, основываясь лишь на шатких догадках?

— Мне не хотелось бы противопоставлять Искусство Силе...

— А ты попробуй, — сказал Джек и глянул ей в лицо.

Она не отвела взгляда и сильно сощурилась. Джеку снова показалось, что он куда-то падает, летит, рушится... Но она отвернулась — и все возвратилось на свое место.

Роз покачала головой.

— Ты действительно возвращался, — протянула она.

— Я не лгал тебе.

Джек сделал вид, что поглощен едой, чтобы не смутить Ведунью, по щекам которой текли слезы.

— Я успела забыть, — наконец заговорила она. — Я успела забыть, что время ничего не значит для таких, как ты. Годы

скользят, не касаясь вас... Ты уехал, а потом вдруг собрался повидать свою подружку Розалинду, даже не подумав о том, что она может состариться или умереть. Ты слишком привык к неизменному, Джекки-Тень. Сила всегда есть Сила. Сегодня ты убиваешь врага на поединке, а через десять лет выпиваешь с ним за одним столом, тщетно пытаясь припомнить причину давней дуэли. Неплохо вы живете, нечего сказать!..

— Но у меня нет души. А у тебя — есть.

— Что? — она рассмеялась. — Душа? А что это такое? Мне никогда не доводилось видеть ее. Есть она или нет, но проку от нее немного. Я бы с удовольствием сменяла душу на право быть такой, как ты. Впрочем, мое Искусство здесь не имеет никакого значения.

— Извини меня.

Это все, что мог сказать Джек.

Потом они ели и молчали.

— Можно спросить тебя о чем-то? — заговорила Роз.

— О чем?

— О Шадоу-Гирд. Он на самом деле существует? Замок, невидимый для врагов, распахнутый для друзей, полный скользящих теней... Хотя и для друзей он не столь гостеприимен, как мне казалось раньше... Это туда ты хотел увезти бедную доверчивую девушку?

— Да, — кивнул он, наблюдая за Роз. Она мелко-мелко двигала высохшими губами, во рту недоставало многих зубов, но сквозь паутину морщин Джеку примерещилось лицо той, почти забытой девчонки из таверны... Длинные блестящие волосы, задорная улыбка, и голубые, как чистое небо, глаза, в которые он так любил подолгу смотреть.

Он был счастлив, думая, что лишь он — властелин Роз. Самообман, и все-таки...

«Она скоро умрет», — подумал он. Видение исчезло, и он глядел на дряблую кожу старческого лица и шеи.

— Да, — снова сказал он. — И я наконец нашел тебя. Хочешь, я заберу тебя сейчас? Из этого проклятого края, в мой мир — мир уютных теней?! Я всегда буду добр к тебе, если ты согласишься провести вместе со мной остаток дней.

Она в упор глядела на него.

— Ты хочешь сдержать данное слово? Но ты давал его юной девочке, а не уродливой старухе!

— Если ты согласна, мы вернемся в Страну Сумерек вместе.

— Зачем тебе это?

— Ты должна понять.

— Дай мне свою руку! Только быстро!

Он протянул ей обе руки, и Роз стала внимательно изучать его ладони.

— Напрасный труд, — сказала Ведунья. — Твои руки не годятся для того, чтобы по ним читали судьбу. Это руки вора — все линии стерты. Хотя на них написано множество перенесенных страданий...

— Ты что-то не договариваешь, Роз? Что?

— Не будем торопиться. Забирай хлеб и уходи. Мне не по возрасту бегать от погони. Хотя я рада, что ты наконец собрался позвать меня с собой. Девочка из таверны мечтала о Шадоу-Гирде, но я умру здесь, у Драйкхэма. Так что торопись. И попробуй простить меня.

— Простить? За что?

Она наклонилась вперед и поцеловала ему руку.

— Я еще раньше поняла, кто идет сюда. Тот, ненависть к кому согревала меня все эти долгие годы. Сперва я послала сообщение и собиралась задержать тебя здесь до прихода воинов барона. Но теперь я передумала. Беги по той дороге, да побыстрее... А я вызову ураган и, может быть, они потеряют след.

Он помог ей подняться.

— Спасибо, Роз. И все-таки — что высмотрела ты на моей ладони?

— Ничего, Джекки.

— Ответь мне, Розалинда.

— Поймают они тебя или нет, Джекки, для тебя это не имеет особого значения. Ты вскоре столкнешься с Силой посильнее барона, да и с ним самим тоже. И от этого будет зависеть очень многое. Только пусть твоя ненависть не уведет тебя от людей к машинам, даже если они соображают в сто раз быстрее, чем люди. Нельзя давать ненависти играть такой мощью...

— Лишь на дневной стороне планеты я мог бы отыскать подобные машины...

— Ну и не ищи. Спеши, Джекки! Прощай...

Он поцеловал ее в морщинистый лоб.

— До встречи, Роз, — и он кинулся по дороге, не оборачиваясь.

Розалинда глядела ему вслед, и неожиданный порыв холодного ветра спутал ее волосы.

А Джек все бежал, и пологие холмы вокруг него постепенно превращались в башни, в отвесные каменные стены; дорога сужалась, расширялась, вновь сужалась... наконец паника отступила и он сумел совладать с собой. Тогда он пошел нарочито медленным шагом. К чему лишняя усталость? Ему предстоит нелегкий и длинный путь...

Черная блестящая змея скользнула по скале и скрылась

в трещине. Больше она не показывалась. В свете одинокой звезды слюдяные блестки сверкали, подобно алмазам.

Он вспомнил лицо Роз. Оказывается, это довольно любопытно: иметь родителей, зависеть от кого-то, знать, что ты состаришься и умрешь, а потом никогда не вернешься... Но любопытство вскоре утомило его. Он хотел спать, закутавшись в свой привычный плащ, и не думать ни о чем таком.

Джек начал считать шаги, стараясь избавиться от сонливости. Тысяча. Вторая тысяча. Он пел песни, вспоминал своих женщин, мечтал о бифштексе, представлял пытки, которым он подвергнет недругов, и мысли его наконец свернули к Эвин.

Холмы снова превратились в пологие возвышения, какими они и были в начале дороги. Погоня задерживалась. Джек не смел надеяться, но подумал, что неплохо бы добраться до открытой местности. А там он уж постарается подыскать себе убежище.

Тучи закрыли небо, и рокот грома привел его в чувство. Джек немедленно вспомнил Роз и ее обещание по поводу бури. Сверкнула молния, и он усмехнулся первым каплям дождя.

Вскоре Джек успел промокнуть до нитки, а буря и не думала прекращаться. Видимость была отвратительная, но сквозь пелену дождя просматривалась такая же равнина с такими же скалами, как и покинутая им до того.

Джек свернул левее на целую милю — это был наилучший путь для желающего убраться из владений барона Драйкхэма. Потом появилось скопление валунов, и Джек устроил себе привал под одним из них.

Проснулся он от стука копыт. Звук шел со стороны дороги.

Джек обнажил меч и продолжал вслушиваться в дождливый сумрак.

Стало тихо. Он приложил ухо к земле и понял, что опасность миновала. Пока миновала.

Уговаривая протестующее тело, Джек встал и двинулся дальше. Он превозмогал боль в мышцах, чтобы пройти как можно больше, пока дождь будет смывать его следы.

Грязь тяжким грузом висла на его сапогах, а одежда прилипала к телу. Он чихал и трясся от холода. Когда правая рука онемела, Джек посмотрел на нее и сообразил, что забыл спрятать меч. Тогда он протер оружие полой плаща и опустил меч в ножны. Тучи на миг разошлись и мелькнули знакомые созвездия.

Джек сверил по ним курс и пошел вперед.

Дождь стихал. Грязный и утомленный, Джек передвигал одну ногу за другой, и озноб стал неожиданно отпускать его.

Снова цокот копыт. И снова тишина. Столько усилий из-за одного человека? Его удивило такое рвение. В прошлый

раз все было совсем иначе. Правда, он и шел тогда иной дорогой...

— Я стал очень уважаемым человеком после этой смерти, — пробурчал Джек. — или стражники барона заключают пари — кто больше поймает возвращающихся...

Ни тот, ни другой вариант его не устраивал. Только вот последние слова Розалинды смущали Джека. Что она хотела сказать? Или чего она не договаривала?..

Время, Джекки, время... Он ускорил шаг и оказался перед странной каменной изгородью. Разглядев поподробнее цвет и форму камней, Джек решил, что это не природное явление, а результат труда какого-то сумасшедшего. Причем весьма любившего пентаграммы.

Во всяком случае, здесь было сухо, и можно было спать.

Снились ему дождь и гром. Никакого разнообразия... Вселенная тряслась и была ужасно мокрой. Это раздражало, но между сном и явью чего-то недоставало. Чего?

— Вот в чем дело! — наконец понял он. — Я совершенно сухой!

Это почему-то раздражало.

Еще один раскат грома, и Джек окончательно пришел в себя. Мгновенье он лежал неподвижно, а потом понял, что его след найден.

Всадниками барона. Вот они. Семеро...

Джек откинул плащ за спину и выхватил меч. Ладонью он протер воспаленные слезящиеся глаза и стал ждать.

Над ним, в черном небе, горела одинокая звезда.

Нелепо убегать пешему от конных, да еще на открытой равнине. Они тогда будут гнать его, как дичь, пока он не свалится без сил, а тогда он не сумеет достаточно дорого продать свою нынешнюю жизнь.

Он ждал, и досадовал на светлеющее небо. Могло бы и подождать. Он ведь ждет... Кони чертовых всадников неслись во весь опор, и из-под их копыт летели искры. Чуть повыше искр горела россыпь дымящихся углей — конские глаза... И дыхание их рождало дым и пронзительный свист. Рядом, словно вынюхивая потерянный след, неслась тварь, похожая на тощего волка. Он точно шла по пути, уже пройденному Джеком.

— Первой будешь ты, — сказал Джек и поднял меч.

Тварь услышала его голос, взвыла и понеслась к нему, опережая конных. Джек сделал шаг назад и прислонился к камню, стараясь защитить спину. Меч взлетел вверх и замер, готовясь опуститься.

Тварь оскалилась в почти человеческой ухмылке, и длинный язык протиснулся между зубов наружу. Потом она прыгнула.

Меч опустился. Джек задохнулся и разбил локти о камень

позади себя, но вложил в удар все, что у него еще оставалось.

Это был не лай, не вой и даже не рычание. Это был истерический визг. Джек чуть было не потерял сознание, но едкая вонь раненой твари привела его в чувство. Еще один удар...

Тварь дважды содрогнулась, агония сотрясла ее тело, и она издохла. Джек уперся в труп ногой и с большим усилием вытащил меч. Затем поднял его — меч казался значительно более тяжелым — и повернулся к подъезжавшим всадникам.

Те замедлили движение, натянув поводья, и остановились, не доезжая дюжины шагов.

Низенький и толстый предводитель спешился и сделал еще шаг.

— Зря ты убил Шэндира, — хрипло произнес толстяк. — Он бы только отобрал у тебя меч, и все.

Джек обидно расхохотался.

Коротышка смотрел на него, прищурив янтарные глазки, и от уверенной позы вожака исходило ощущение силы.

— Не дразни меня, вор!

Джек еще раз улыбнулся.

— Ты хочешь взять меня живьем, — сказал он собеседнику. — И тогда мне предстоит пренеприятнейшая беседа с бароном. То есть с тобой. Ведь ты и есть пресветлый барон Драйкхэм, властитель Сточных Канав? Я ненавижу тебя, я смеюсь над тобою, и не вижу повода прекращать это занятие. Или у тебя нет другого дела, кроме как гоняться за возвращающимися из Глайва?!

Барон махнул рукой и всадники спешились. Затем Драйкхэм ухмыльнулся и вытащил свой меч.

— Ты нарушил мои границы, приятель...

— Из Глайва нет другого пути, — возразил Джек. — У меня не было выбора.

— Отлично, — заявил барон. — И всякий, идущий этой дорогой, платит мне пошлину. В виде службы. Всего три-четыре года службы...

Всадники окружили Джека с трех сторон. Сзади был камень.

— Бросай меч, человек из тени, — добавил Драйкхэм. — Если нам придется отнимать у тебя оружие силой, ты получишь ранения, а я не хочу иметь слугу-калеку.

Джек презрительно плюнул. Двое ближайших слуг барона глянули на него, затем подняли головы и посмотрели в небо — и больше их взгляд не возвращался на грешную землю. Джек решил, что здесь кроется ловушка, и не стал глядеть вверх.

Вскоре на небо уставились все, включая самого барона. Все, кроме Джека.

Боковым зрением Джек обнаружил приближавшееся

сверху какое-то странное свечение. Тогда он тоже поднял голову и обнаружил летящую к ним огромную сферу. Огромную и очень ярко блестевшую.

Джек глянул на противников. Возможно, это его единственный шанс.

Стоящий справа так внимательно глядел на летящий шар, что и не заметил, как остался без головы. Его напарник неторопливо повернулся — и его голова покатилась рядом с первой. Но оставшиеся четверо и сам Драйкхэм кинулись на Джека.

Джек отступал — атакуя, ему пришлось отойти от камня — и успевал лишь парировать сыплющиеся градом удары. Он попробовал было двинуться вокруг камня, чтобы разъединить нападавших, но те поняли его замысел, и через мгновение Джек был окружен. Шел ближний бой, и ладонь Джека, сжимавшая меч, испытывала мучительную боль от сокрушительных ударов по клинку. Меч скоро стал совсем неподъемным.

Оборона Джека слабела, тело усеяли порезы и царапины. Перед глазами замаячила перспектива нового возвращения в Сточные Канавы. Ярость нападавших диктовалась желанием отомстить за погибших. Они уже не хотели взять его в плен. Это был бой не на жизнь, а на смерть.

Джек понял, что скоро будет изрублен в капусту. Тогда он решил захватить с собой в Глайв напарника. Барона Драйкхэма. И это надо было делать немедленно, потому что силы убывали с пугающей быстротой.

Проклятый барон словно почувствовал это и не хотел подходить слишком близко, в основном понукая своих слуг. Джек задыхался, перед глазами плясали круги, и его время было на исходе.

Внезапно пляска мечей прекратилась. Пламя заметалось по клинкам, они раскалились, и дерущиеся с воплем бросили оружие. Над ними ударила ослепительно белая молния, искры летели с металла, и запах горелой плоти наполнил мир.

И тогда раздался сладчайший и нежнейший голос.

— Драйкхэм, — сказал голос, — зачем ты нарушил границы моих земель и хочешь прикончить моего пленника? Или у тебя есть что сказать в свое оправдание?..

Джек узнал этот голос. И сердце сжала холодная ладонь страха.

IV

Джек судорожно искал хоть какую-то тень, а вместо нее в глазах плясали огненные пятна.

Свечение исчезло так же внезапно, как и появилось. Ему

на смену пришла кромешная тьма. Джек решил не упускать момента и осторожно двинулся в обход своего камня.

— Почему это твоего пленника?! — завопил барон. — С каких это пор?! Он мой!

— Мы с тобой давно не ссорились, Драйкхэм. Со времен последнего урока географии...

На вершине скалы возник еле различимый силуэт.

— И я чувствую, что урок придется повторить. Между нашими майоратами проходит граница, и эта скала символизирует ее. Так что в данную минуту и пленник, и ты со своими людьми находитесь на моей стороне. Только пленник — это пленник, — а ты — мой дорогой гость.

— Мы всегда спорили по поводу этой границы, лорд, — процедил Драйкхэм. — И я полагаю, что ты знаешь достаточно, чтобы понять: пленник бежал от погони по моей земле. С твоей стороны нечестно влезать в наше выяснение отношений.

Фигура на скале рассмеялась.

— Послушай, сосед, ты хочешь прочесть мне лекцию о честности? Или ты хочешь сказать, что этот пленник — человек? При чем тут честность или договоренность, если при переходе своей границы мы теряем Силу. Силу, барон... Моя Сила дотягивается сюда из Хай-Дэджна — значит, здешний хозяин — я. В твоих владениях командовать будешь ты. Или ты настаиваешь на состязании и пересмотре границ? А пленник, так или иначе, тоже носит в себе Силу, мощную неустойчивую Силу. У нее нет определенного источника, она рождается на стыке света и тьмы. Изловивший его может получить большую выгоду, так что он мой и не будем об этом. Ну как, господин дерьма?! Или вступим в спор?!.

— Я вижу, ты силен, лорд...

— Разумеется. Вокруг мои владения. Возвращайся домой, Драйкхэм.

Джек обошел кругом камня и двинулся дальше в темноту. Если начнется драка, ему от этого не станет легче. В любом случае он останется пленником... Так что лучше удрать, и побыстрее.

Джек оглянулся и увидел, что спор у него за спиной продолжается. Барон что-то неразборчиво выкрикивал и размахивал руками. Понимая, что каждая секунда на счету, Джек решил не увлекаться созерцанием разъяренного Драйкхэма, и побежал дальше.

Он спускался по восточному склону холма и досадовал на потерю меча.

Усталость навалилась на плечи тяжкой ношей, но Джек остановился только один раз — чтобы подобрать парочку

удобных камней.

Потом он замер, потому что перед ним протянулась его собственная тень. За спиной, над холмом вновь поднялось облако света и в его лучах плясали стаи нетопырей, словно листья, гонимые осенним ветром. Джек попытался использовать тень, но не успел — свет погас и спустилась темнота. Джек мельком глянул на звезды и кинулся дальше, понимая всю неизбежность погони.

Было бы совсем неплохо, думал Джек, если бы они поругались и перебили друг друга. Неплохо — но вряд ли. Жаль, конечно...

Он молил небо, чтобы соперники спорили подольше... Иначе у него не будет ни единого шанса. А лучше пусть нанесут друг другу тяжелые телесные повреждения, раз уж не хотят помирать...

Мимо пронеслась черная тень, визгливо смеясь над тщетными мольбами. Джек швырнул в нее камень, затем второй — и оба раза промахнулся.

Решив идти зигзагами, он свернул налево, и двинулся дальше. От медленной ходьбы — Джек экономил силы — одежда высохла и по коже побежал знакомый озноб. Слишком знакомый...

Тень мелькала сбоку на приличном расстоянии. Любая попытка всмотреться повнимательнее приводила к тому, что спутник исчезал. Но его движение прекрасно улавливалось, если делать вид, что смотришь вперед, а самому поглядывать краешком глаза.

Вскоре Джек почувствовал приближение невидимой твари. Он напрягся и приготовился к драке.

— Извини пожалуйста, я только хотел осведомиться по поводу твоего самочувствия... — прозвучал сладкий, как мед, голос.

Джек усилием воли подавил озноб.

— Я хочу есть, пить и спать.

— Бедняга!.. Я позабочусь о скорейшем исполнении всех твоих желаний!..

— С чего бы это?

— Я гостеприимен до невозможности.

— Впервые слышу о том, что я — чей-то гость.

— Любой, зашедший в мои владения — мой гость. Тем более ты, Джек, даже если ты хочешь пренебречь предложенным гостеприимством.

— Рад слышать. Так значит, ты поможешь мне легко и спокойно добраться до твоей восточной границы?

— Мы вернемся к этому вопросу после обеда.

— Прекрасно!

— Тогда следуй за мной.

Они свернули вправо. Джек понимал, что сопротивляться бессмысленно. Рядом с ним в робком свете звезд проступало красивое темное лицо, полускрытое высоким воротом плаща. Влажные внимательные глаза напоминали лужицы расплавленного воска, стекающие с горящих свечей. Вокруг непрерывно мелькали нетопыри, растворявшиеся в складках плаща.

Они молчали, пока спутник Джека не указал на возвышение, появившееся перед ними.

— Сюда, пожалуйста...

Джек пристально вгляделся в холм, напоминавший усеченный конус. Видимо, малое средоточие Силы, первичное окружение хозяина...

Они медленно карабкались вверх. Джек оступился, но сильная рука поддержала его под локоть. Гравий под ногами Джека хрустел, но идущий рядом ступал совершенно бесшумно.

— А как там Драйкхэм? — наконец осведомился Джек.

— О, барон всегда был понятливым соседом! Он поехал домой...

На мгновенье сверкнула и погасла ослепительная белозубая усмешка.

Они стояли на вершине холма, около центра. Спутник Джека обнажил меч и начертал им перед собой странные знаки, часть из которых была Джеку знакома. Затем он отстранил Джека и надрезал себе большой палец, стараясь, чтобы капли крови упали в середину возникшего узора. Вскоре прозвучали несколько слов. Затем Джека пригласили встать рядом, и вокруг них была нарисована окружность.

Орнамент из знаков загорелся у них под ногами. Джек попытался было отвернуться от притягивающих огненных спиралей, но это ему не удалось. Его сознание полностью подчинилось магическому круговороту рисунка, тело оцепенело, и возникло ощущение, что орнамент растворяет его, Джека, в себе...

Кто-то или что-то толкнуло Джека, и он упал.

Он стоял на коленях. Вокруг царили сияние и блеск. И множество людей издевались над ним, обезьянничая каждое его движение.

Нет, не люди... Отражения.

Вернулась ясность мысли, и Джек понял, что окружен зеркалами.

Он встал и огляделся. Окружающая его комната была многогранной, и каждая грань, каждая плита потолка — зеркало, зеркало, зеркало... Пол сиял ослепительным светом. У правой стены стоял накрытый стол. Направившись к нему,

Джек почувствовал, что поднимается, хотя видимых причин не было. Тогда он не остановился у стола, а пошел дальше.

Он шел и шел, а стол сначала оказался позади него, затем — под ним, затем сместился в сторону. Пройдя несколько сотен шагов Джек снова приблизился к столу. Все бесполезно...

Комната не имела дверей или окон. Стол, кровать и стулья. Все. Ах, да: три-четыре маленьких столика... Создавалось впечатление, что Джек заточен в сердцевину ослепительного бриллианта. Отражения, отражения отражений, их общие отражения, и всепоглощающий свет.

Теней здесь попросту не могло быть.

Плохо быть пленником того, кто уже успел однажды убить тебя, подумал Джек. Да еще в центре притяжения его Силы и в специально созданной для тебя клетке. Нет ничего хуже подобного гостеприимства. Зеркала пришли в движение. Бесконечность подмигнула Джеку, и вновь все остановилось. Джек огляделся, пытаясь понять причину перемен.

На столе стояли хлеб, мясо, вода и вино.

Легкая рука легла на его плечо. Джек чуть было не отпрыгнул в сторону, и Владыка Нетопырей поклонился со слабой улыбкой.

— Кушать подано, Джек.

Он указал на сервированный стол.

Джек кивнул, и они направились к столу. Там Джек немедленно наполнил себе тарелку всем, что видел перед собой.

— Как тебе нравятся твои новые апартаменты?

— Неплохо. Даже забавно. Ни окон, ни дверей, и один я на всю бесконечность.

— Совершенно верно.

Джек набросился на еду, как огонь набрасывается на сухой хворост.

— Я вижу, путешествие не пошло тебе на пользу.

— Сам вижу...

— После обеда ты получишь смену одежды и ванну.

— Благодарю.

— О, это такие пустяки... Так как ты пробудешь здесь значительный срок времени, то тебе понадобится необходимый комфорт.

— Ты не мог бы сказать, какой именно срок? — поперхнулся Джек.

— Сейчас — нет. Годы, наверное...

Джек жевал и думал. Стоит ли пытаться убить его столовым ножом или все-таки не стоит? Пожалуй, не стоит... Здесь он слишком силен для меня... И даже если мне удастся убить его, как я потом найду выход?

— А где мы находимся? — невинно спросил Джек.

Новая улыбка Владыки Нетопырей.

Он завел руки назад и расстегнул тяжелую цепь из серебра, висевшую у него на шее. На ней был укреплен блестящий самоцвет.

— Взгляни-ка, дорогой Джек...

Джек тронул камень кончиками пальцев, взвесил на ладони, задумчиво склонив голову к плечу.

— Ну как, стоит красть такую вещицу или нет?

— Разумеется, стоит. Красть всегда стоит. Что это за камень?

— А это не камень. Это наша комната.

Джек внимательно огляделся и снова взглянул на камень.

— По форме вроде похож...

— Еще бы! Я же говорю тебе, что это одно и то же...

— Объяснись.

— Хорошо. Бери и загляни внутрь.

Джек поднес самоцвет поближе к глазам и прищурился.

— Действительно, — сказал он. — Точная копия нашей комнаты.

— Смотри, смотри еще!..

— Вижу! Вижу! Вот стол, а за ним — мы!.. И я... я всматриваюсь в камень!..

— Прекрасно! — зааплодировал Владыка Нетопырей.

Джек нехотя вернул самоцвет, и хозяин водворил цепь на место.

— Теперь смотри, что будет дальше! — сказал Владыка.

Он стиснул камень в кулаке — и на них обрушилась тьма. Обрушилась и исчезла, едва разжались пальцы, сомкнутые на драгоценности.

Тогда хозяин достал свечу из складок плаща вставил ее в подсвечник, стоявший на столе, и зажег фитилек. Затем опустил камень в огонь свечи.

Вокруг сгустилось тепло. Жара. Адская жара. Пот выступил на лбу Джека.

— Достаточно! — крикнул Джек. — Я не мясо, чтоб меня поджаривать!

Владыка Нетопырей дунул на свечу и окунул самоцвет в сосуд с водой. Стало прохладно.

— Где мы? — повторил Джек свой вопрос.

— У меня на шее, — ответил Владыка Нетопырей, встряхивая цепь.

— Отличное представление. В таком случае, где ты?

— Здесь.

— В твоем камне?

— Да.

— И камень висит у тебя же на шее?!

— Сам видишь. И если ты думаешь, что мне было легко сотворить такое чудо — ты ошибаешься. Правда, я один из самых сильных магов, но некоторое время тому назад мои ценнейшие труды по Искусству были коварно похищены.

— Приношу свои соболезнования. Я думаю, надо получше охранять такие ценности...

— Их и без твоих советов неплохо охраняли. Но произошел пожар, и во время паники вор украл их и исчез в тени.

— Так... — Джек доел остававшееся на столе мясо и теперь спокойно наслаждался вином. — Ну и как, вор пойман?

— Пойман. И казнен. Но мне этого мало.

— Отлично? И что ты собираешься предпринять?

— Я собираюсь довести его до помешательства, — Владыка Нетопырей окунал камень в вино и любовался игрой граней.

— Напрасно. Вор и так сумасшедший. У него клептомания.

Собеседник не согласился.

— В данном случае — вряд ли. Здесь скорее вопрос в ненасытной гордости... этот вор обожает дразнить могучих мира сего и овладевать чужой собственностью. Это способствует его уверенности в самом себе. Если считать это психической болезнью, то большинство живущих — психопаты. Впрочем, он — везучий вор, поскольку является носителем некоторой Силы, и пользуется ею без особых сантиментов и предубеждений. Так что я с удовольствием понаблюдаю, как он постепенно сойдет с ума.

— Тем самым укрепив собственную уверенность и польстив собственной гордости?

— В какой-то мере, дорогой мой... А заодно для того, чтобы вор проникся почтением к богине справедливости. Ну и для всего общества в целом.

Джек засмеялся. Владыка Нетопырей улыбнулся.

— И как ты намерен добиться желаемого результата? — поинтересовался Джек.

— Вор посидит в тюрьме, не имеющей выхода. Вскоре он начнет мучиться от вынужденного безделья. Полного, всеобъемлющего безделья. А затем в его темнице — весьма светлой темнице — станут появляться разные предметы, появляться и исчезать... Он будет рваться к этим предметам или явлениям, рваться со всей силой своей гордой сущности, и никогда не достигнет желаемого результата. Тогда ярость будет сменяться опустошением, и так будет долго, очень долго!.. Я выкорчую его непомерную гордыню и сожгу самоуверенность!

— Хватит, хватит, — замахал руками Джек. — Я вижу, ты давно раздумываешь над своим планом мести.

— Очень давно.

Джек с сожалением отодвинул опустевшую тарелку, развалился на стуле, забросив ногу на ногу, и принялся считать отражения вокруг себя.

— Я так понимаю, — заявил Джек, — что ты сильно заблуждаешься... Такую безделушку, как твоя цепочка, легко потерять во время морского путешествия, закопать в неизвестном месте или попросту скормить свинье.

— Не так легко, как тебе это кажется...

Владыка Нетопырей встал и сделал непонятный жест рукой.

— Тебя ждет ванна, — сказал он. — Потом, будь любезен, переоденься... Я пока удаляюсь.

Джек кивнул и тоже встал.

Что-то застучало под столом, и затем возник глухой лязг и вопль. Нечто вцепилось Джеку в щиколотку, и он оказался на полу.

— Прекрати! — закричал Владыка Нетопырей, обегая стол. — Я сказал — прекрати! Сейчас же!..

Орды нетопырей вырвались из-под его плаща и метнулись под стол. Оттуда донесся резкий визг, и Джеку показалось, что тиски превращают его кости в труху.

Он попытался вскочить и согнулся пополам. Тогда ему удалось увидеть *ЭТО*, и боль была лучше увиденного.

Белое, лоснящееся существо, сплошь покрытое кровоподтеками, и кожа его отливала в свете зеркал нездоровым цветом. Владыка Нетопырей ударил его сапогом, и оно отпустило Джекову ногу, заслоняясь руками. Перед Джеком на миг мелькнуло искаженное страхом лицо.

Тварь явно задумывалась, как человек, только создателю не хватило времени довести дело до конца. Его словно наспех слепили из дрожжевого теста, смяли, перекрутили через мясорубку, и кое-как снабдили необходимыми отверстиями. Кости просматривались сквозь оплывшую полупрозрачную плоть; коротенькие стволообразные ноги с круглыми слоновьими ступнями, и руки, на добрый фут длиннее тела...

Моллюск, вытащенный из раковины, разморозившееся осклизлое мясо, нечто...

— Его зовут Боуршинн, — Владыка Нетопырей протянул руку к существу. Оно без перерыва визжало и никак не могло решить, кого же оно боится больше — летучих мышей или их повелителя. Так что созданию приходилось убегать от всех сразу, заодно ударяясь головой о ножки стола.

Раздраженный Владыка заорал невнятное проклятие и

запустил в Боуршинна сорванным с груди камнем. Монстр описался со страху и куда-то исчез. Мыши скрылись в складках одежды своего господина, и успокоившийся Владыка Нетопырей снова улыбнулся Джеку.

— Что еще за Боуршинн? — поинтересовался Джек.

Какое-то время Владыка Нетопырей молчал, погрузившись в созерцание собственных ногтей.

— На дневной стороне планеты, — сказал он ровным голосом, — ученые давно бились над созданием искусственной жизни. Пока что безрезультатно. Я хотел попробовать опередить науку с помощью магии... Бесконечные размышления, проверки, и наконец — опыт. Ты только что лицезрел его результат. Пришлось выкинуть покойного голема в Сточные Канавы. А он возьми да и вернись обратно... Причем это не я решил оживить его. Просто в этих местах так много всяких Сил, что их хватило и на эту тварь... Собственно, Боуршинн не принадлежит к миру живых. В некоторой степени...

— И это существо входит в число предполагаемых пыток для твоего... ну, скажем, врага?

— Да. Он обучен всего двум вещам. Он боится меня и ненавидит моего врага. Но я не властен приводить его сюда. У Боуршинна свои пути, и он появляется и исчезает по собственному желанию. Правда, я полагал, что он все же послабее, чем оказалось... Придется поразмыслить над этим.

— А пока ты будешь размышлять, эта тварь будет являться сюда, когда ей это взбредет в пустую голову?!

— Похоже, что ты прав.

— Тогда, может быть, я могу получить оружие?

— Не можешь. У меня нет лишнего оружия.

— Жаль...

— Всего хорошего, Джек. И настоятельно советую — прими ванну.

— И последнее... — протянул Джек вслед уходящему Владыке.

Тот рассеянно поглаживал самоцвет.

— Что еще?

— Я чрезвычайно злопамятен. И у меня тоже найдется враг, которому я намереваюсь отомстить. Не стану задерживать тебя, но моя месть будет значительно разнообразнее твоей. Я думаю, тебе будет приятно об этом услышать.

— Может, все же посвятишь меня в подробности, Джек?

— Как-нибудь в другой раз.

Общая улыбка.

— До встречи, Джек.

— До встречи.

И Владыка Нетопырей исчез.

Джек принял ванну и долго сидел в теплой воде. Усталость обтекала его, подобно жидкости в ванной, и лишь с огромным усилием он сумел встать, вытереться и добраться до постели.

Сил не оставалось даже на мысли о побеге или мести.

Он спал. И ему снились сны.

В сновидениях он держал в руке Ключ Величия Кольвейн, ключ от порядка и хаоса; он отпирал им скрытые силы земли и неба, моря и суши, отпирал и повелевал им стереть с лица этого мира Хай-Дэджн вместе с его Владыкой... Пламя бушевало в его снах, и Владыка Нетопырей был заточен в своем собственном сердце; живой, страдающий и лишенный сна; ничтожная букашка в капле янтаря...

А потом в сон его вторглось глухое бормотанье Большой Машины, и от этого знаменья Джек вздрогнул, застонал, и мириады отраженных Джеков заметались вокруг на смятых постелях.

V

Джек, в расшитом бриллиантами бело-красно-черном костюме арлекина, сидел на стуле у своей постели, сцепив пальцы под подбородком. На нем были туфли темно-вишневого цвета с загнутыми вверх носками и длинными шнурками, от которых Джек уже успел оторвать бубенчики. Шутовской колпак он давно выбросил в мусорное ведро.

«Теперь — в любой момент, — подумал Джек. — Вот только бы Боуршинн за ним не увязался!»

По столу были разбросаны остатки завтрака — уже тридцать первый раз ему приходилось принимать пищу в этих стенах. Было заметно холоднее, чем ему хотелось бы. За время заточения Джека Боуршинн появлялся трижды. Появление этой мрази всегда было неожиданным; каждый раз эта тварь, пуская слюни, пыталась схватить Джека, и каждый раз Джек с криками дубасил ее стулом. Через несколько минут неизменно появлялся Владыка Нетопырей и с извинениями забирал Боуршинна. Но после первого же такого визита Джек уже не мог спокойно спать, так как знал теперь, что проклятая тварь может объявиться в любой момент.

Еда доставлялась регулярно. Была она весьма однообразной, хотя и вполне съедобной, и Джек машинально проглатывал ее, думая о своем. Потом он никак не мог вспомнить, что же ел — но особо от этого не страдал.

«Теперь уже скоро», — думал он.

Чтобы окончательно не потерять форму, он начал делать гимнастику. Понемногу он набирал потерянный вес; а, борясь

со скукой, изобретал всевозможные планы побега и мести. Но однажды в его голове всплыли слова Розалинды. С этого момента он знал, что делать.

...Воздух наполнился вкрадчивым мерцанием, и в тюрьме Джека возник легкий хрустальный звон. И из этого мерцания возник Владыка Нетопырей; больше он не улыбался.

— Ты мне не нравишься, Джек, — были первые его слова. — Что это ты пытался тут натворить?

— Извини — не получилось.

— Ты только что произнес какое-то мелкое заклинание. Ты что, решил, что здесь, в Хай-Дэджн, от меня укроется твоя попытка прибегнуть к Искусству?!

— Если бы она оказалась успешной — то да, — усмехнулся Джек.

— Но, поскольку ты еще здесь, тебя явно постигла неудача.

— К сожалению.

— Ни разрушить эти стены, ни пройти сквозь них тебе не удастся.

— Спасибо. Я как-то и сам до этого додумался.

— По-моему, тебе здесь неплохо живется. Я гляжу, ты поправился?

— Отчасти.

— В таком случае, видимо, пришла пора ввести в твое окружение элемент новизны.

— У тебя что, есть целый выводок Боуршиннов?

Владыка Нетопырей сухо усмехнулся, и прямо из воздуха вынырнула летучая мышь. Она сделала несколько кругов вокруг своего повелителя и ловко уцепилась за цепочку, висевшую у него на шее.

— Нет, не угадал. — Владыка Нетопырей уже снова улыбался. Просто мне интересно, насколько у тебя развито чувство юмора?

Джек лениво пожал плечами, не глядя на своего собеседника, всецело поглощенный оттиранием пятнышка сажи с указательного пальца своей правой руки.

— Надеюсь, ты поставишь меня в известность, когда выяснишь этот вопрос?

— Даю слово, что ты будешь одним из первых, кто об этом узнает.

Джек только кивнул в ответ.

— Только я бы тебе посоветовал оставить свои попытки воспользоваться магией. Условия здесь совсем неподходящие и последствия могут оказаться неожиданными, даже плачевными, — заметил Владыка Нетопырей.

— Спасибо за совет. Я буду очень осторожен, — уверил

его Джек.

— Правильно. Ну, извини, что помешал твоим делам. Теперь ты можешь спокойно вернуться к ним. Всего хорошего.

Отвечать Джек не стал — потому что он был уже один в своей тюрьме.

«Элемент новизны» в его окружении не заставил себя долго ждать.

В какой-то момент Джек осознал, что он не один, и быстро обернулся. И чуть не поверил на миг в невозможное — при виде ее огненных волос и легкой грустной улыбки.

Потом он поднялся и обошел вокруг нее, осматривая ее со всех сторон. И наконец произнес:

— Отличная работа. Передай мои поздравления своему изготовителю — извини — Создателю! Ты — практически точная копия моей леди Эвин из твердыни Холдинг.

— Я не копия. Я — леди Эвин — но не твоя, — она сделала реверанс. Голос ее был спокоен.

— Все равно, мне приятно тебя видеть. Могу я предложить даме сесть?

Она села, и он опустился на стул слева от нее и откинулся на спинку, продолжая внимательно ее рассматривать.

— А теперь, может быть, ты объяснишь свои слова? — Поинтересовался он наконец. — Если ты — не моя леди Эвин и не ее двойник, подброшенный мне моим врагом, чтобы поиздеваться надо мной — то кто же ты — или что ты такое?

— Я? Я — Эвин из твердыни Холдинг, дочь Лоретты и Бессмертного Полковника, — она все еще улыбалась, и Джек только теперь заметил на ее серебряной цепочке необычный драгоценный камень, странно напоминавший по форме его тюрьму...

— Но я — *НЕ ТВОЯ*, — она сделала ударение на этих словах.

— Отличная работа, — заметил Джек, — даже голос не отличишь!

— Я могу только посочувствовать высокородному бродяге из придуманного им Шадоу-Гирд, — ответила она. — Джек-обманщик. Ты настолько сжился со всевозможной ложью, что теперь сам не можешь отличить правду ото лжи.

— Шадоу-Гирд существует, — упрямо сказал Джек.

— Тогда почему ты так волнуешься, когда речь заходит о нем?

— Конечно, это он научил тебя. Ты смеешься над моим домом — а, значит, и надо мной!

— Значит, ты заметил, что я смеюсь над тобой? Да, это так. Но я — отнюдь не порождение того, кого называют Владыкой Нетопырей. Я его жена. Мне известно его тайное имя. Он показал мне мир внутри сферы. Из Хай-Дэджн я видела

все. И я знаю, что Шадоу-Гирд — это всего лишь плод твоего воображения.

— Просто никто, кроме меня самого, ни разу не видел его, — ответил Джек, — потому что он скрыт тенями от посторонних взглядов. Это огромный и прекрасный замок, с высокими залами, освещенными светом факелов, с лабиринтами, подземными ходами и бесчисленными башнями и башенками. Он построен так, что любой предмет в нем отбрасывает множество теней, и нет там ни яркого света, ни абсолютной тьмы — только тени. Всюду. Там полно всяких безделушек, которые являются свидетелями самых крупных в истории краж и дерзких похищений; среди них есть и просто красивые побрякушки, и вещи поистине бесценные. И среди пляшущих теней эти драгоценности сияют ярче солнца над другой половиной этого мира. А ты еще смеешь смеяться над Шадоу-Гирд, по сравнению с которым замок твоего хозяина — грязный свинарник! Да, иногда мне там бывает одиноко, но смех настоящей Эвин оживит мой замок, а ее изящество наполнит теплотой переплетения теней — и через многие годы Шадоу-Гирд будет все так же великолепен, а твой хозяин к тому времени навечно канет в небытие — ибо я отомщу ему!

Она тихо аплодировала.

— Да, я помню, как однажды твои страстные речи пробудили во мне любовь к тебе. Но теперь я понимаю, что твой Шадоу-Гирд слишком хорош для того, чтобы существовать на самом деле. Я долго ждала тебя; потом узнала, что тебе отрубили голову в Айглезе. Я все равно хотела дождаться твоего возвращения — но мой отец решил по-другому. Сначала я думала, что он просто жаждет обладать Адским Пламенем — но им двигало отнюдь не это. Просто он сразу увидел, что ты — бродяга и обманщик. Когда от отдал меня в обмен на Адский Пламень, я не находила себе места — но потом я полюбила своего повелителя. Он добр, в то время как ты просто ни о чем не задумываешься; он мудр, в то время как ты — жесток. И замок его реально существует, это одна из самых неприступных твердынь в стране. В нем есть все, чего недостает тебе. И я люблю его!

Джек долго смотрел на ее ставшее теперь серьезным лицо, потом спросил:

— Как к нему попал Адский Пламень?

— Его человек завоевал этот камень для него на Играх в Айглезе.

— Как зовут этого человека?

— Квейзер, — ответила она. — Он стал чемпионом Игр Ада.

— Для двойника это достаточно бесполезная информа-

ция, — заметил Джек, — если только это не ложь. Да, мой противник и об этом не забыл. Мне очень жаль, но я все равно не верю, что ты — настоящая.

— И это является еще одним доказательством твоего эгоизма, из-за которого ты отказываешься признать очевидное.

— Нет. Я твердо знаю, что ты — не настоящая Эвин, а существо, сотворенное им с единственной целью — поиздеваться надо мной. Та, настоящая Эвин — моя Эвин — никогда не поверила бы никаким сплетням обо мне. Она дождалась бы меня и сама спросила бы у меня обо всем — что бы ни говорили другие.

Она не выдержала и отвела взгляд.

— Умно сказано, — с трудом проговорила она после долгой паузы, — но это ничего не меняет.

— А теперь — иди, — резко сказал он, — и передай своему хозяину, что у него ничего не получилось.

— Он для меня не хозяин! Он мой муж и любимый!

— А можешь и не уходить. Как хочешь. Мне все равно.

Он шагнул к постели, рухнул на нее и закрыл глаза.

Когда через некоторое время он снова открыл их, она уже исчезла.

Но то, что она хотела скрыть, не ускользнуло от него.

...Они ничего от меня не добьются, — подумал он. — Пусть они предоставляют любые доказательства — я сочту их магией или обманом. А знание свое я спрячу так же глубоко, как и чувства.

Вскоре он уснул. Ему снилось прекрасное будущее — такое, каким оно должно быть, *ЕГО* будущее.

Потом он долго оставался в одиночестве, и это его вполне устраивало.

Он чувствовал, что припер Владыку Нетопырей к стенке и удачно отбил первую атаку на свой рассудок. Иногда, вышагивая по полу, потолку и стенам своей тюрьмы, он улыбался. Он обдумывал и взвешивал рискованные стороны своего плана и прикидывал, сколько лет потребуется на его осуществление. Еще он ел. И спал.

Но через некоторое время до Джека дошло, что, если Владыка Нетопырей может наблюдать за ним, когда захочет, то, возможно, он находится под постоянным наблюдением. Он представил себе, как слуги его врага по очереди несут дежурство, передавая магический камень друг другу. Ему никак не удавалось избавиться от этой мысли. У него появилось неотвязное чувство, что за ним постоянно наблюдают; постепенно у него появилась привычка подолгу сидеть неподвижно и сверлить взглядом предполагаемых соглядатаев по ту сто-

рону зеркала. Потом он резко оборачивался и делал непристойные жесты в том направлении, откуда, как он предполагал, велось наблюдение.

Черт побери! А ведь противник, кажется, добился своего! — поразился Джек, проснувшись однажды утром и привычно осмотрев комнату. — Ему-таки удалось добраться до меня! Мне постоянно кажется, что за мной следят, и это раздражает, выводит из равновесия. Нет, так не годится! Мне необходимо скрывать от него свои чувства — только так у меня может что-нибудь получиться. Я должен быть внешне совершенно спокоен — тогда *ОН* начнет нервничать, и у меня появится шанс...

Он лежал, совершенно расслабившись, и ощущал отрезвляющий холод собственных мыслей.

С этого момента он прекратил бормотать себе под нос; движения его стали медленнее и увереннее. Подавить более мелкие проявления раздражения оказалось труднее, но он справился и с этим. Иногда для этого приходилось долго сидеть совершенно неподвижно, стиснув руки, и считать до нескольких тысяч. У Джека выросла довольно большая борода; костюм арлекина истрепался и стал грязным. Нередко Джек просыпался в холодном поту, не в силах даже вспомнить, какой кошмар ему снился. Несмотря на то, что рассудок его действительно был на грани помрачения, Джек старался не показывать, как ему плохо.

Что это — результат заклинаний или просто длительного заточения? — иногда думал Джек. Скорее, последнее. Заклинание я бы наверняка почувствовал, хотя в Искусстве он и превосходит меня. Ничего, уже немного осталось... Скоро он появится. Он сам поймет, что что-то не так, и забеспокоится. Обратный эффект. Скоро. Теперь уже скоро.

И этот момент наступил. Проснувшись, Джек обнаружил, что в его комнате появилась ванна и чистый костюм — во второй раз за ту тысячу лет, что он здесь находился. Он с удовольствием вымылся, отдраив себя чуть ли не до зеркального блеска, затем облачился в новую светло-зеленую одежду. На этот раз он не стал обрывать бубенчики на носках туфель и вызывающе нахлобучил шутовский колпак.

Затем он уселся на стул, закинул ногу за ногу, хлопнул в ладоши и нагло ухмыльнулся. Сейчас ни в коем случае нельзя было показывать, как он нервничает.

Когда воздух замерцал, и послышался знакомый хрустальный звук, Джек лишь слегка кивнул появляющемуся Владыке Нетопырей.

— Привет, — бросил он.

— Привет, — ответил его тюремщик, — как дела?

— Кажется, я, наконец, пришел в норму и хотел бы в ближайшее время тебя покинуть.

— Когда речь идет о здоровье, лишняя спешка может только повредить. Мне кажется, что тебе еще необходим длительный отдых. Но у нас будет время обсудить этот вопрос. Извини, что только сейчас смог уделить тебе пару минут — у меня были дела, которые требовали моего постоянного внимания.

— Не беспокойся, — успокоил его Джек, — скоро все твои усилия будут сведены к нулю.

Владыка Нетопырей долго и внимательно изучал лицо Джека, видимо, пытаясь отыскать на нем признаки безумия. Потом он уселся напротив своего заключенного и осведомился:

— Что ты имеешь в виду?

Джек не спеша поднял левую руку ладонью вверх и нараспев произнес:

— Все имеет свой конец, а, значит, и твои усилия в конце концов сведутся к нулю.

— И почему же должно прийти к концу настоящее положение вещей?

— Благородный лорд, обращали ли Вы в последнее время внимание на температуру окружающей среды?

— Нет, — озадаченно ответил Владыка Нетопырей. — Телесно я уже давно не покидал стен моего замка.

— А следовало бы... Или еще лучше — открой себя эманациям Щита.

— Согласен... Но только когда я уединюсь! Ты сам знаешь, что определенная утечка существует постоянно. Если же она усилилась, то те семеро, которые несут дежурство, вовремя заметят это и примут меры. Причин для беспокойства нет.

— Есть. Как ты думаешь, что произойдет, если один из этих семи будет не в состоянии откликнуться?

Владыка Нетопырей вытаращился на Джека.

— Я не верю тебе! — с трудом выдавил он.

Джек только пожал плечами.

— Когда я вынужден был воспользоваться твоим... гостеприимством, я как раз искал укромное место, откуда я мог бы высадиться. Кстати, проверить это совсем нетрудно.

— Почему же ты молчал до сих пор?

— Почему? — с усмешкой переспросил Джек. — Но если мне предстояло сойти с ума, то какое мне было дело до остального мира — будет он по-прежнему существовать или погибнуть?

— Позиция эгоиста, — проворчал Владыка Нетопырей.

— Это *МОЯ* позиция, — уточнил Джек и позвенел бубенчиками.

— Я должен это проверить, — его собеседник тяжело

поднялся.

— Пожалуй, я подожду тебя здесь. Ты не возражаешь?

...Они прошли через железную дверь в зал с высоким потолком, и там Владыка Нетопырей освободил его от пут. Джек заметил начертанные на мозаичном полу знакомые знаки; по углам лежали кучи тряпья; стены прикрывали темные занавеси. В середине зала был установлен небольшой алтарь, рядом с ним стоял столик с инструментами. В воздухе висел запах ладана.

Джек сделал шаг вперед.

— Твое имя непонятным образом попало в Уставную Скрижаль, — проговорил Владыка Нетопырей. — Вместо чьего-то другого, которое было вычеркнуто.

— Видимо, ангелы-хранители благосклонны ко мне.

— Насколько я знаю, до сих пор такого не случалось. Но раз ты — один из семи избранных — необходимо выполнять Великий Договор. Но прежде, чем ты отправишься на дежурство у Щита, послушай, что я тебе скажу.

Он хлопнул в ладоши, и одна из занавесей колыхнулась. В зал вошла Эвин. Она шагнула к своему повелителю и застыла рядом с ним.

— Тебе понадобится твоя сила, — произнес Владыка Нетопырей, — и я не стану мешать тебе. Сейчас мы зажжем огни, чтобы могли появиться тени. Возможно, я недооцениваю тебя, но знай, что у Эвин было достаточно времени, чтобы овладеть Искусством, и она оказалась очень способной. Так что, в случае чего, мы объединим свои усилия. И знай: она — не двойник, независимо от того, что думаешь ты по этому поводу.

— Я знаю, — спокойно сказал Джек, — двойники не умеют плакать.

— Когда ты мог видеть ее плачущей?!

— Когда-нибудь спросишь у нее самой.

Он медленно пошел к алтарю, и Эвин опустила глаза.

— Пора начинать. Прошу вас, займите свои места в малом круге, — тихо сказал Джек.

Он по очереди раздул пламя в десяти чашах, установленных в три ряда — три, четыре и снова три. Он бросил в огонь ароматический порошок, и тот вспыхнул, испуская цветной дым. Потом Джек подошел к алтарю и лезвием железного ножа начертал на полу Знак. Он начал говорить: следя, как тень его распадается на несколько теней — и снова собирается в одну; потом тень слегка заколебалась и вдруг застыла, сгустилась — и словно бесконечная дорога пролегла через весь зал на восток.

Пламя углей мигало, но тень уже больше не колебалась и сгустилась настолько, что, казалось, стала объемной.

Джек слышал, как Владыка Нетопырей шепнул Эвин:

— Не нравится мне все это!

Джек стоял у алтаря, в колеблющемся свете и клубах дыма, и фигура его, казалось, становилась все темнее, а движения — все увереннее. Наконец он взял со столика у алтаря маленький колокольчик и позвонил в него. «Прекрати!» — крикнул ему Владыка Нетопырей — но не посмел нарушить малый круг — потому что в этот момент у него возникло ощущение, что в зале есть кто-то еще — настороженный, присматривающийся к нему, Владыке Нетопырей.

— В одном ты прав, — заметил Джек, — я не собираюсь состязаться с тобой в Искусстве. Здесь хозяин — ты. Просто я хочу на некоторое время занять тебя одним делом и обеспечить собственную безопасность. Даже если вы объедините усилия, вам потребуется несколько минут, чтобы совладать с Силой, которую я уже успел накопить. Но у вас найдутся и другие занятия. Например... — он ухватил ближайшую чашу с горящими углями и метнул ее через весь зал. Пылающие угли угодили точно в кучу тряпья в углу, она тут же загорелась, и пламя не замедлило перекинуться на свисавшие до самого пола занавеси. А Джек продолжил:

— Я не был призван для дежурства у Щита. В тот момент, когда обломки стола догорали в пламени свечи, во время нашего обеда, я ухитрился изменить запись в Уставной Скрижали. Та запись, которую обнаружил ты, составлена мной!

— Ты решился нарушить Великий Договор?! Поставить на карту судьбу нашего мира?!

— Да, — кивнул Джек. — Если бы ты свел меня с ума, этот мир все равно перестал бы существовать для меня. Ведь ты это намеревался сделать? А на Договор я плевать хотел!

— В таком случае, отныне и навсегда, ты становишься вне закона. У тебя больше не будет друзей среди людей тьмы.

— А их у меня никогда и не было.

— Договор и его олицетворение, Скрижаль — это было единственное, к чему мы все относились с уважением. До сих пор. Все остальное — не в счет. А теперь ты сам сделал первый шаг к собственной гибели, Джек.

— Это ты чуть не погубил меня. А нарушив Договор, я теперь могу ускользнуть от тебя.

— Я развею тот ореол, который ты создал вокруг своего имени, я погашу огонь, который ты зажег! И половина мира ополчится на тебя. Ты больше нигде не будешь чувствовать себя в безопасности, и будет бесславным твой конец!

— Однажды ты уже убил меня. Ты забрал и совратил мою женщину, ты заточил меня в этот кристалл, который носил на шее, травил своим Боуршинном. Но когда мы встретимся снова, все будет наоборот. У меня есть большой черный список — и ты стоишь в нем первым!

— Мы действительно еще встретимся — и, возможно, куда быстрее, чем ты думаешь. И тогда тебе будет не до твоего списка — потому что тогда ты на самом деле станешь тенью!

— Да, кстати, о списках. Тебя не интересует, чье имя я вычеркнул, когда заносил в Скрижаль свое?

— И чье же?

— Как ни странно — твое! Я же говорил, что тебе надо почаще высовывать нос из своего замка. Если бы ты это делал, то почувствовал бы холод, вспомнил о Щите и прочел свое имя в Скрижали. Тогда ты спокойно отправился бы нести дежурство у Щита, а я не попал бы в твой дурацкий кристалл, и всех дальнейших, весьма неприятных событий просто не было бы. Вывод: свежий воздух всегда полезен для здоровья. Особенно для твоего. Вот так.

— Но в таком случае ты оказался бы пленником барона или опять попал бы в Глайв.

— Это еще как сказать, — пожал плечами Джек, быстро взглянув через плечо. — Ну, вот, теперь занавеси разгорелись как следует, и я могу отправляться. Сезона через три — а, возможно, и раньше, кто знает? — когда твоя служба у Щита закончится — ты разыщешь меня. Если сразу не получится — не отчаивайся, поищи как следует. Но встретимся мы, когда Я сочту нужным. И тогда я получу обратно свою Эвин. А заодно отберу у тебя твой Хай-Дэджн и перебью всех твоих нетопырей. И тогда я буду наблюдать за твоими регулярными путешествиями от жизни к смерти и обратно, пока однажды ты не вернешься.

— Ну, а теперь — до встречи!

Он повернулся и прилип взглядом к собственной тени.

— Джек, я никогда не буду твоей, — услышал он голос Эвин. — Все, что я тебе говорила — правда. Я скорее покончу с собой, чем стану твоей!

Он глубоко вдохнул аромат благовоний и произнес:

— Сто раз поживем — сто раз увидим!..

И шагнул в собственную тень.

VI

Он быстро шел на восток с походной сумкой за плечами, и небо над его головой постепенно светлело. Воздух был наполнен предутренней прохладой, и струйки голубоватого ту-

мана вились меж серых в предрассветной мгле трав. Утопающие меж гор долины и темные провалы ущелий также были наполнены туманом. Сквозь редкую пелену облаков просвечивались звезды. Влажный ветерок с ближайшего озера мягко гладил каменистую землю.

На мгновение Джек задержался, чтобы перебросить свою ношу на другое плечо. Потом он обернулся, словно прощаясь с миром мрака и вечных сумерек, который остался у него за спиной. Джек не терял времени и успел проделать немалый путь; но необходимо было уйти еще дальше. Каждый шаг приближал его к миру света, и у его врагов оставалось все меньше шансов достать его. Скоро он будет вообще недосягаем для них. Но они не прекратят поиски, не забудут о нем — так что он весьма своевременно успел унести ноги. Конечно, ему будет не хватать этого жестокого и волшебного мира мрака, с его колдовством и чудесными триумфами. Это был его мир: и его любовь, и его ненависть принадлежали ему, этому миру. Но когда он вернется — а он вернется! — то удовлетворит оба этих чувства!

Стряхнув с себя минутное оцепенение, Джек зашагал дальше.

С помощью теней он перенесся к своему тайнику у границы Страны Сумерек, где хранились собранные им за многие годы трактаты и рукописи по магии. Джек аккуратно уложил их в сумку и снова двинулся на восток. В Стране Сумерек он уже мог чувствовать себя в относительной безопасности; когда же он минует ее — опасность исчезнет вовсе.

Сейчас он карабкался по склонам Рейнссальского хребта. Там, где горы подходили почти к самой границе Страны Сумерек, в небо возносился самый высокий из пиков этой цепи — Паник.

Поднявшись, наконец, выше тумана, Джек различил вдали темный силуэт Утренней Звезды на фоне Эвердона — Вечной Зари. Утренняя Звезда, как всегда, неподвижно лежал на своем утесе, глядя на восток. Любой непосвященный счел бы его странным творением природы, скульптурой, созданной ветрами на вершине Паника. Впрочем, Утренняя Звезда действительно более чем наполовину был камнем, он врос в скалу, и его кошачий торс и сложенные за спиной крылья составляли с ней одно целое. Хотя Джек приближался к нему сзади, он знал, что руки Утренней Звезды все так же скрещены на груди, левая поверх правой, и что ветру так и не удалось растрепать его жесткие, как проволока, волосы и бороду, а лишенные век, никогда не закрывающиеся, глаза по-прежнему всматривают-

ся в розовеющий горизонт на востоке...

Знакомая тропинка куда-то исчезла, и последние несколько сот футов Джеку пришлось карабкаться по почти отвесному каменистому склону. Однако, здесь всюду лежали густые тени, и Джек шагал по ним, словно по гладкой равнине. Уже у самой вершины на него с воем и свистом обрушился ветер, на даже он был не в силах заглушить голос Утренней Звезды, раздавшийся словно из недр Паника:

— Доброе утро, Джек.

Джек, наконец, выбрался на вершину и стоял слева от сфинкса, глядя, как черную, словно покинутый им мир, голову Утренней Звезды закрывает небольшое облачко.

— Утро? — переспросил Джек.

— Почти утро. Как всегда.

— Всегда — где?

— Тут. И везде.

— ...А я тебе выпить принес, — заметил Джек после небольшой паузы.

— Ты же знаешь, что я пью дождевую влагу прямо из облаков.

— Но я принес тебе вино! Виноградное...

Огромная, изрезанная шрамами от многочисленных ударов молний фигура неожиданно проворно повернулась, и рогатая голова склонилась к Джеку. Джек никогда не мог выдержать взгляда этих немигающих глаз, цвет которых постоянно ускользал от него. В этих глазах, которые никак не могли увидеть единственное, на что они должны были смотреть, сквозило что-то жуткое, и Джек поспешно отвел взгляд.

Утренняя Звезда опустил левую руку и положил перед Джеком свою открытую ладонь, шершавую и испещренную рубцами. Джек с улыбкой поставил на нее бурдюк с вином. Утренняя Звезда в несколько глотков осушил его, и пустой бурдюк мягко упал к ногам Джека. Потом сфинкс удовлетворенно утер губы тыльной стороной ладони, шумно выдохнул и снова устремил свой взгляд на восток.

— Тебе что-то нужно от меня, Джек-из-тени?

— Мне? От тебя? Да вроде ничего...

— Тогда почему ты каждый раз, когда идешь мимо, заворачиваешь ко мне и приносишь вино?

— Я сильно подозреваю, что ты его любишь.

— За столько лет это действительно можно было заметить.

— Наверное, ты — мой единственный друг, — задумчиво произнес Джек. — Потому что у тебя нет ничего, что бы я хотел украсть, а у меня нет и не может быть того, в чем ты нуждаешься... Разве что вино.

— А, может, ты жалеешь меня? Ведь я не могу покинуть свое место...

— Что такое жалость? — осведомился Джек.

— То, что удерживает меня здесь в вечном ожидании рассвета.

— Ну, этого во мне точно нет, — уверенно заявил Джек, — наоборот, сейчас мне никак нельзя сидеть на одном месте.

— Знаю. Половине мира уже известно, что ты нарушил Договор.

— А им известно, почему я это сделал?!

— Нет.

— А тебе?

— Мне — известно.

— Откуда?!

— По очертаниям одного из облаков я узнал, что в одном далеком городе через три сезона некто поссорится со своей женой и убьет ее, и его повесят быстрее, чем я рассказываю эту историю. По падению камня я могу определить, сколько девушек в этом году были обесчещены, или узнать, как движутся плавучие айсберги на другом конце света... Подует ветер — и я уже знаю, куда придется очередной удар молнии. Я так долго лежу здесь и смотрю на мир, я настолько слился с этим миром, что для меня уже ничто не является тайной...

— И ты знаешь, куда я направляюсь?

— Конечно.

— И что я намерен делать?

— И это тоже.

— Тогда, если тебе все известно, скажи — смогу ли я осуществить то, что задумал?

— Сможешь. Но может случиться, что к тому времени ты будешь хотеть уже совсем другого.

— Я не понимаю твоих слов, Утренняя Звезда.

— Знаю. Всем оракулам приходится говорить иносказаниями. Когда предсказание сбывается, тот, кто задавал вопрос, успевает измениться, это уже не тот человек, который спрашивал. Но, задавая вопрос, он еще не может понять, что сам изменится, и тот, для кого пророчество сбудется — это уже будет не он, а его будущее «я».

— Весьма интересно, — заметил Джек, — но все это относится к смертным. А я принадлежу миру мрака.

— Ты и твои сородичи тоже смертны, и неважно, где вы родились.

— Но ведь я не меняюсь — у меня нет души.

— Меняешься, — уверил его Утренняя Звезда. — Все живое изменяется — или погибает. Вы считаете себя бесстра-

стными, но и в вашем мире есть и своя теплота, и своеобразное обаяние, очарование; он полон чудес. Вам трудно понять тех, кто живет на светлой стороне планеты — но их наука так же бесстрастна, как и ваши души, которых у вас нет — как ты считаешь. И люди со светлой стороны с удовольствием окунулись бы в ваш мир — если бы так его не страшились — а их чувства стали бы приятным открытием для вас — если бы и вы, в свою очередь, не боялись. На самом деле вы почти не отличаетесь друг от друга — и только страх мешает взаимопониманию. Ведь вы — зеркальные отражения друг друга — как и ваши миры, на самом деле являющиеся двумя частями единого целого. Так что насчет души ты бы лучше помолчал — ты ведь не знаешь, что это такое.

— Пожалуй, верно. Все равно я ни черта не понимаю.

Джек уселся прямо на камни и некоторое время молча смотрел на восток вместе с Утренней Звездой.

Потом он произнес:

— Так ты говоришь, что ждешь восхода, чтобы увидеть, как из-за горизонта встает солнце?

— Да.

— А тебе не кажется, что твое ожидание будет вечным?

— Может быть.

— Как, ты этого не знаешь?! Я думал, тебе все известно.

— Многое. Но не все. Чувствуешь разницу?

— Тогда скажи мне вот что. Я знаю, что смертные считают, будто в центре земли находится огненный демон; поэтому, чем глубже, чем ближе к центру планеты — тем сильнее жар. Когда же земная кора лопается, то наружу вырываются языки пламени, выплескивается расплавленная лава — в общем, начинается извержение вулкана. Но я-то знаю, что вулканы — это работа духов огня, которые, если их потревожить, со злости начинают плавить и жечь все вокруг себя, и в результате расплавленные породы выплескиваются на поверхность. А живут они в маленьких пещерках, и не так уж глубоко. Если идти мимо них достаточно осторожно, то можно спуститься очень глубоко, и никакого жара не будет. И сердце земли вовсе не расплавленное. Там стоит Большая Машина, с огромными пружинами, вроде часовых, рычагами, колесами, шестернями и прочими хитрыми деталями. Я это знаю точно, потому что в свое время спускался довольно глубоко и доходил почти до самой Машины. Но смертные вполне успешно доказывают, что правы они. Один из них даже меня почти убедил в этом, хотя я-то знаю, как обстоит дело в действительности! Как такое может быть?!

— Вы оба были правы, — усмехнулся Утренняя Звезда, —

и, к тому же, говорили об одном и том же, и в то же время вы оба были одинаково далеки от истины. И вы, и они оцениваете реальность в соответствии со своим видением. А если она ускользает от вас, то вы начинаете ее бояться. Очень часто вы невообразимо приукрашиваете ее. Так что для тебя это — Машина, а для него — демон...

— Но я, например, знаю, что на звездах обитают боги и духи. Изредка — дружественные или враждебные, но чаще — безразличные. Они, звезды, совсем недалеко. И если правильно воззвать к тем, кто на них живет, то они ответят и даже могут помочь. А люди со светлой стороны утверждают, что звезды находятся очень далеко, и никто на них не живет. Вот опять...

— Вот именно — опять то же самое. Вы по-разному воспринимаете действительность. Но оба восприятия — верные.

— Но если есть два способа восприятия, то их может быть и три, и четыре, и вообще сколько угодно — столько, сколько людей на свете?!

— Совершенно верно, — согласился Утренняя Звезда.

— И какой же из них верный?

— Все.

— Но можно ли тогда увидеть реальность такой, какая она есть?

На этот раз Джек не дождался ответа.

— А ты, — спросил Джек через некоторое время, — ты видишь все так, как оно есть?

— Я вижу облака. Вижу падающие камни. Чувствую порывы ветра.

— Но по ним ты как-то узнаешь все остальное?

— Я... Когда-нибудь... Я просто жду, когда взойдет солнце.

— Тебе известно, куда я направляюсь, и что намерен делать, — вновь заговорил Джек после долгой паузы. — Ты знаешь, что должно случиться, знаешь, каким я стану в будущем. Ты можешь увидеть все это отсюда, со своей вершины. Возможно, тебе даже известно, когда я наконец умру в последний раз, и как это произойдет. Из-за этого жизнь начинает казаться мне бессмысленной; выясняется, что, хотя у меня и есть разум, он не способен как-то влиять на события и мою собственную судьбу.

— Ты ошибаешься, — спокойно ответил Утренняя Звезда.

— Наверное, ты говоришь так только для того, чтобы подбодрить меня.

— Нет. Я говорю так потому, что часть твоей судьбы скрыта тенью, через которую я не могу пробиться.

— Почему?

— Возможно, наши судьбы каким-то образом взаимосвязаны. А то, что может повлиять на мою судьбу, всегда остается

для меня тайной.

— Ну, это уже кое-что, — весело сказал Джек.

— А, возможно, это потому, что когда ты наконец добьешься своего, то твои дальнейшие действия станут непредсказуемыми.

Джек рассмеялся.

— А вот это уже совсем приятно!

— Не радуйся раньше времени. Приятного в этом может оказаться мало.

Джек только пожал плечами.

— Сто раз поживем — сто раз увидим. Если даже ты не знаешь моего будущего, то уж я — и подавно!

Левее того места, где они стояли, слишком далеко, чтобы сюда долетал его мерный гул, переходивший в рев, со скал низвергался водопад; еще ниже, на равнине, бурный поток превращался в полноводную реку, которая пересекала вечно сумрачный лес и текла дальше, мимо небольшой деревни, сизые дымки которой, несмотря на расстояние, были видны отсюда. На мгновение Джека охватило непонятное желание спуститься туда и пройтись вдоль домов, заглядывая в окна, увидеть простую, мирную жизнь...

— Почему Упавшая Звезда, давший нам Искусство, не дал его и смертным? — спросил он.

— Среди смертных тоже есть философы, и, возможно, некоторые из них тоже задаются вопросом, почему он не подарил Науку людям мрака? А я слышал, и думаю, что это правда — будто Упавшая Звезда не дарил людям ни того, ни другого, что и Искусство, и Науку открыли сами люди, а дар Упавшей Звезды — это сам человеческий разум, сознание, с помощью которого люди уже сами дошли и до того, и до другого.

Помолчали. Потом на их уступ с пыхтением и свистом, судорожно пульсируя всеми своими жилами, по которым толчками двигалась темно-зеленая кровь, опустился дракон. Скорее даже не опустился, а грузно шлепнулся. Теперь он лежал, и тяжело дышал, выдыхая короткие язычки пламени. Только из-за завывания ветра они не услышали его приближения.

Наконец, дракон немного отдохнул. Его похожие на спелые помидоры глаза открылись и взглянули вверх, на Утреннюю Звезду.

— Привет, Утренняя Звезда, — пропел он тонким голосом, — надеюсь, ты не будешь против, если я здесь немного отдохну? Ф-ф-ф-у! — из его пасти вылетел длинный язык пламени, осветивший весь уступ.

— Конечно, отдыхай, — согласился Утренняя Звезда.

Но тут дракон заметил Джека и впился в него взглядом.

— Я уже слишком стар, чтобы перелетать через такие

высокие горы, — неспешно заговорил он. — Но ближайшее стадо овец есть только вон в той деревне, по другую сторону хребта.

Джек шагнул в тень, которую отбрасывал Утренняя Звезда, и спросил:

— Почему же ты не переберешься жить на другую сторону? Не пришлось бы каждый раз летать туда и обратно.

— Меня раздражает дневной свет, — ответил дракон. — Я могу отдыхать только в темноте.

И осведомился у Утренней Звезды:

— Он — твой?

— Что — мой?

— Ну, твой человек?

— Нет. Он сам по себе.

— Очень хорошо. В таком случае, я сэкономлю силы и заодно очищу твой уступ. Он заметно больше овцы, хотя, конечно, не такой вкусный.

Дракон выпустил в Джека целый фонтан огня, но за мгновение до этого Джек успел полностью скользнуть в тень. Он сделал глубокий вдох и спокойно всосал в себя все пламя. А потом выпустил его обратно в дракона.

Тот отшатнулся и изумленно фыркнул, прикрывая крыльями слезящиеся глаза. При этом тень упала ему на морду, и вторая попытка поджарить Джека на завтрак была пресечена в самом зародыше.

— Ну вот, — обиделся дракон, искоса поглядывая на зловещую фигуру Джека, укутанную тенями, — я-то думал, что ты — один из обитателей Страны Сумерек, приперся сюда надоедать несчастному Утренней Звезде, и хотел избавить... Погоди, я ведь узнаю тебя! Ты — тот самый злодей, который обчистил мою тайную сокровищницу! Признавайся, куда ты дел мою диадему из белого золота с бирюзой, и мои четырнадцать серебряных браслетов изумительной работы, и мешочек с двадцатью семью отборными драгоценными камнями?!

— Теперь они хранятся в *МОЕЙ* тайной сокровищнице, — ухмыльнулся Джек. — А тебе я бы рекомендовал поскорее продолжить путь, потому что, хотя ты тоже больше куска баранины, и, несомненно, не такой вкусный, но я тоже вполне могу тобой закусить!

Джек снова выдохнул струю пламени, и дракон испуганно попятился.

— Погоди! — взмолился он. — Дай мне еще немного передохнуть, и я уберусь отсюда.

— Немедленно! — Твердо произнес Джек.

— Злой ты, человек-тень, — вздохнул дракон. — Ладно, удаляюсь.

С трудом поднявшись, он, балансируя длинным хвостом и кряхтя, заковылял к краю уступа. У самого обрыва он остановился и, обернувшись, прошептал:

— Ненависть переполняет тебя... — дракон перевалился через край и камнем рухнул вниз.

Джек подошел к обрыву и наблюдал, как он падает. В какой-то момент ему показалось, что дракон вот-вот разобьется насмерть об очередной уступ, но в последний момент он расправил крылья, воздушный поток подхватил его, дракон набрал высоту и начал медленно планировать по направлению к деревушке на берегу реки, за лесом.

— И зачем ему нужен разум? — Недоуменно пожал плечами Джек, провожая дракона взглядом. — Если натура его все равно остается звериной.

— Когда-то и он был человеком, — ответил Утренняя Звезда. — Но непомерная алчность превратила его в дракона.

— Бывает, — сочувственно кивнул Джек. — Честно говоря, мне и самому однажды довелось побыть крысой.

— Но ты все же одолел свою страсть и снова стал человеком. Возможно, и ему это когда-нибудь удастся... Ты же настолько развил свой разум, что твои действия стали трудно предсказуемыми. Но разум обычно меняет и своего хозяина. Так что ты все-таки меняешься. Скажи, почему ты не убил этого дракона?

— А зачем? — Рассмеялся Джек. — Если бы его труп остался здесь, вони было бы на весь Паник!

— Возможно, ты решил, что незачем убивать того, кого ты действительно не собираешься есть, или кто не представляет для тебя реальной опасности?

— Нет, — улыбнулся Джек. — Кстати, теперь я несу ответственность за гибель той овцы, которую непременно сожрет этот летающий мешок с дерьмом, и за то, что кто-то из людей в деревне останется без еды, — он хитро прищурился.

Послышался какой-то звеняще-клацающий отдаленный звук, и, чтобы распознать его, Джеку потребовалось несколько секунд. Утренняя Звезда стиснул зубы. Ударил порыв холодного ветра, и свет на востоке немного поблек.

— Возможно, ты был прав. Насчет разума, — тихо проговорил Утренняя Звезда, внезапно помрачнев.

Его большая темная голова склонилась набок.

Джек почувствовал странную неловкость и поспешил отвернуться. Взгляд его случайно наткнулся на странную немигающую ярко-белую звезду, которая быстро пересекала небо на востоке. Эта звезда ему давно не нравилась.

— Повелитель той звезды не желает отвечать мне. И

движется она быстрее других звезд. И не мерцает. Почему?

— Это — не звезда. Это спутник, который построили люди со светлой стороны и вывели на орбиту Твилайта.

— Зачем?

— Для наблюдения за границей.

— Для чего им наблюдать за границей?

— Ты что, боишься его?

— Но мы же не запускаем такие штуки на их сторону!

— Знаю. Но ведь и ты, и другие — наблюдаете за границей своими методами.

— Конечно.

— И зачем?

— Мы хотим знать, кто и зачем пересекает границу.

— И они — тоже.

— Только и всего?! — фыркнул Джек. — Если эта штука летает над Твилайтом, и в том числе над миром вечной тьмы, то колдовству она должна подчиняться точно так же, как и законам их науки! Достаточно сильное заклинание должно подействовать на нее. Рано или поздно я ее собью!

— Зачем? — поинтересовался Утренняя Звезда.

— Чтобы доказать, что мое Искусство сильнее, чем их Наука!.. Вернее, станет сильнее в один прекрасный день.

— Стремление к превосходству не пойдет на пользу ни одной из сторон.

— Пойдет-пойдет, еще как пойдет — особенно той стороне, у которой это самое превосходство окажется!

— Но, чтобы осуществить свой замысел, тебе придется воспользоваться их методами.

— Я буду использовать все, что сможет мне понадобиться для достижения желаемого результата.

— Интересно, каким будет этот результат...

Джек не ответил. Он подошел к восточному склону, перекинул ногу через край и нащупал выступ. Потом обернулся к Утренней Звезде.

Извини, но ждать вместе с тобой рассвета я не могу Я должен идти дальше. И к тому же тащить на себе все это, — он встряхнул свой мешок. — Счастливо, Утренняя Звезда!

— Счастливого пути, Джек.

С мешком на плече, как и положено путнику, Джек двинулся навстречу солнцу. Он пересек разрушенный город Дэдфут, не удостоив даже взглядом основную его достопримечательность — покрытые плесенью и паутиной статуи забытых богов; с их алтарей нечего было украсть. Заткнув уши и обмотав голову шарфом, он быстро миновал Бульвар Поющих

Статуй, каждая из которых, будучи стопроцентной индивидуалисткой, едва заслышав шаги путника, тут же начинала петь свою собственную песню. Он перешел с бега на шаг уже только у самого выхода из города (а бежать до него пришлось порядочно). Он запыхался, почти оглох, а голова словно раскалывалась на части.

Оборвав посередине длиннющее проклятие, Джек вяло махнул рукой. Эти чертовы руины проклинали столько раз, что даже он не мог придумать для них такую кару, которая не повторяла бы предыдущие пожелания.

«Когда править буду я, все будет не так», — подумал он. — «Города будут строиться по строгому плану, чтобы потом они не превращались вот в такое...»

Стоп. Править?

Это была совершенно невольная мысль.

«Хотя почему бы и нет? — подумал Джек. — Если я получу то могущество, которого добиваюсь, то почему бы мне не использовать его на всю катушку? Даже если я отомщу всем своим врагам, мне все равно придется столкнуться с остальными, кого они успели настроить против меня. И тогда мне вполне подойдет роль завоевателя. Я — единственный в мире мрака, чья мощь не привязана к определенному месту. А если я действительно добуду Утерянный Ключ Кольвейн — то справлюсь с любым противником даже на его территории... Пожалуй, я всегда стремился к этому. И надо будет обязательно наградить Розалинду — за то, что она надоумила меня, как надо действовать... А в моем черном списке, по-видимому, появится еще несколько имен. Я отомщу для начала Владыке Нетопырей, Бенони, Смаджу, Квейзеру и Блейту, а потом доберусь до барона, и заодно прослежу за тем, чтобы у Бессмертного Полковника появился повод сменить имя.»

Кроме всего прочего, Джека весьма забавлял тот факт, что в его мешке вместе с остальными трактатами лежал и манускрипт, пропажа которого так разгневала в свое время Владыку Нетопырей. Одно время он даже прикидывал, не предложить ли его своему тюремщику в обмен на освобождение, однако, так и не сделал этого, потому что прекрасно понимал, что Владыка Нетопырей либо обманет его и, получив свой манускрипт, засадит обратно в кристалл, либо — что было значительно хуже и куда вероятнее — начнет торговаться. Для Джека же не было большего позора, чем вернуть украденное — поэтому он в конце концов отверг этот вариант и избрал другой путь, по которому сейчас и двигался. Теперь он должен получить необходимое ему могущество. Разумеется, без манускрипта сделать это было бы значительно труднее...

Голова кружилась и болела: Джек подумал, что он правильно сделал, переговорив с Утренней Звездой. Боль и головокружение, скорее всего, являлись результатом определенного диссонанса, возникшего в его мозгу, как тогда, когда вокруг одновременно пели две сотни статуй Дэдфута.

Далеко в небе, на этот раз по правую руку от него, снова проплыл спутник, запущенный жителями светлой стороны. Джек продолжал идти вперед, и вокруг постепенно становилось все светлее. Над далекими полями стелился утренний туман. Облака на востоке светились уже заметно ярче. Начали попадаться первые зеленые ростки. Впервые за долгие годы он снова услышал пение птицы и отыскал на ветке маленького певца, выставившего напоказ свои разноцветные перышки.

«Это хорошее предзнаменование, когда тебя встречают песней», — решил Джек.

Через некоторое время он затоптал костер вместе с косточками и перьями, оставшимися от незадачливого певца, и двинулся навстречу солнцу.

VII

К середине очередного семестра Джек почувствовал, как что-то медленно, но неотвратимо приближается к нему. Почему у него возникло такое чувство, он не знал; до сих пор ему казалось, что здесь его восприятие притуплено, как и у всех окружающих. Но кто-то явно шел по его следу — ощупью, неуверенно, время от времени теряя след, но неизменно снова находя его и неуклонно приближаясь. То, что кто-то идет к нему, было несомненно, но кто это был, Джек не имел ни малейшего понятия. Но временами он ощущал, что это существо все ближе.

Джек миновал те восемь кварталов, которые отделяли университетский городок от Дагота; окна в высоких домах, мимо которых он шел, напоминали дырочки в перфокарте; несмотря на прошедшие годы, он так и не смог привыкнуть к запаху выхлопных газов, которым были пропитаны все улицы города. Джек долго петлял по этим улицам. Под ноги то и дело попадались банки из-под пива, из проемов между домами на мостовую вываливался мусор. Из окон, дверных проемов, с лестниц за ним наблюдали равнодушные лица людей. Высоко в небе прогудел пассажирский лайнер. Безжалостное солнце пыталось пригвоздить Джека к раскаленной мостовой, отказывая ему в тени. Несколько детей, возившихся у открытого пожарного крана, бросили свою игру и смотрели, как он проходит мимо. Наконец, в воздухе пронеслось нечто,

отдаленно напоминавшее дуновение ветерка: под одним из карнизов послышался хриплый птичий крик. «Кругом один свет, ни малейшей тени, — подумал Джек. — Но, как ни странно, никто ничего не замечает. Интересно, когда и где это произошло?..» Он щелчком отправил окурок в сточную канаву и некоторое время стоял, глядя, как его уносит потоком...

Свет немного потускнел, и мир изменился. То ли что-то явилось в этот мир, то ли ушло из него. Словно бы что-то разладилось вокруг — этого чувства не возникало, пока день сиял во всей своей красе. И это ощущение сопровождали другие чувства и образы. Словно тени, которых здесь не было, пытались напомнить ему о своем существовании. Чувства его были обострены, поэтому, входя в слабо освещенный бар, Джек ощутил, что призрак, который ищет его, приближается.

Здесь, в баре на окраине Дагота, жара ощалась куда меньше. Еще издалека он заметил ее темные волосы, на которых играли розоватые и оранжевые блики от стоявшей на столе свечи. Пробираясь между столиками к ней, Джек, наконец, ощутил, как напряжение спало — впервые с того момента, как он покинул аудиторию.

Он скользнул в кабинку и с улыбкой уселся напротив нее.

— Привет, Клер!

Она вздрогнула и изумленно воззрилась на него своими широко распахнутыми темными глазами.

— Джон! Ты, как всегда, в своем репертуаре, — выдохнула она. — Никогда не успеваешь заметить, как ты появляешься!

Джек с улыбкой разглядывал ее чуть крупноватые черты лица, со следами от очков и небольшими припухлостями под глазами; несколько прядей волос упали на ее высокий лоб.

— Я появляюсь, как коммивояжер, — уточнил он. — Кстати, а вот и официант.

— Пиво!

— Пиво!

Они взглянули друг на друга, рассмеялись и одновременно откинулись на спинки своих кресел.

— Ну и год! — со смехом заявила она после некоторой паузы. — Как я рада, что семестр закончился!

Он согласно кивнул.

— Это самый большой выпуск за последние годы.

— И куча несданных книг, которых университет больше не увидит.

— А ты сообщи об этом в канцелярии и дай им список...

— Да выпускники плевать хотели на ваши штрафы!

— Рано или поздно им потребуются копии их дипломов. И когда они явятся за ними, то с интересом выяснят, что

ничего не получат, пока не вернут книги.

— Неплохая идея!

— Конечно. А поскольку копии им будут нужны для устройства на работу, они эти книги хоть из-под земли достанут.

— Когда ты пошел на кафедру антропологии, человечество в твоем лице потеряло великого администратора.

— Я работал там, где мне хотелось.

— А почему — в прошедшем времени? — поинтересовалась она.

— Разве? Я и не заметил.

— Что-то случилось?

— Да нет, что ты.

Но ощущение вновь вернулось. Теперь *ЭТО* было уже совсем близко.

— Что, у тебя какие-то осложнения с продлением контракта?

— Никаких осложнений.

Официант наконец принес пиво. Он тут же сделал большой глоток из своей кружки и, вытянув под столом ногу, коснулся ею ноги Клер. Она не отодвинулась — впрочем, она всегда ведет себя так, причем с любым мужчиной, — подумал Джек. Хорошая девочка, но уж слишком хочет замуж. А я морочу ей голову уже целый семестр, и теперь она на грани срыва...

Джек отогнал эти мысли. Если бы он встретил ее раньше, то мог бы спокойно жениться на ней, зная, что пробудет здесь еще достаточно долго. Но сейчас его работа близилась к завершению, и скоро ему предстояло отправиться в обратный путь.

— Как насчет часов по субботам, о которых ты говорил? — осведомилась она. — Уже решил что-нибудь?

— Еще нет. Все зависит от того, насколько я продвинусь в одном своем исследовании.

— И как оно движется?

— Еще сам не знаю. Выясню, когда получу машинное время.

— И скоро это будет?

Он бросил взгляд на часы и кивнул.

— Так скоро? — Удивилась она. — Ну, и если все будет в порядке — что дальше?

Джек достал сигареты.

— Тогда я, возможно, закончу его в следующем семестре.

— Но ты говорил, что твой контракт...

— ...в полном порядке, — закончил он. — Только я его не подписал. Пока.

— Ты когда-то говорил мне, что Квиллиан тебя недолюбливает?

— Недолюбливает. Он слишком ортодоксален — считает, что я слишком много времени провожу за компьютером, и

слишком мало — в библиотеке.

Она улыбнулась.

— Наверное, я тоже ортодокс, потому что я тоже так считаю.

— Только я чихать на него хотел — в отличие от тебя. Я весьма популярный лектор, и он был просто вынужден предложить мне продлить контракт.

— Но почему ты его не подписал? Хочешь потребовать прибавки к жалованью?

— Нет — ответил он, — но будет весьма оригинально сначала выбить из него эти часы по субботам, а после этого посоветовать выбросить новый контракт в корзинку для бумаг. Нет я не отказался окончательно от продления контракта — если это будет нужно для моего исследования, я его подпишу — но если я успею закончить свою работу, то с удовольствием объясню этому Квиллиану, куда ему следует засунуть свое предложение.

Она с удовольствием потягивала пиво.

— Значит, должно произойти что-то важное для тебя?

Он только пожал плечами.

— Как твой семинар?

Она весело рассмеялась.

— Ты и твой курс «Философия и обычаи царства мрака» — просто кость в горле у профессора Визертона. Всю свою последнюю лекцию он только тем и занимался, что опровергал твои утверждения.

— Да, мы с ним придерживаемся различных точек зрения по многим вопросам, но он-то там ни разу не бывал!

— Он прозрачно намекал, что и ты — тоже. Он согласен с тем, что в мире мрака существует феодальное общество, и с тем, что многие из местных лордов считают, что в пределах своих владений они имеют неограниченную власть над силами природы и людьми. Но мысль, будто все они объединены каким-то Договором, по которому они обязаны общими магическими усилиями поддерживать некий Щит, без которого небеса рухнут на землю — эту мысль профессор Визертон отрицает категорически.

— Что же тогда, по его мнению, поддерживает жизнь в царстве мрака?

— Кто-то как раз и задал ему такой вопрос. Но он ответил, что ответ на него должны дать физики, а не социологи-теоретики. Хотя лично он предполагает, что это как-то связано с постоянной утечкой энергии из наших стратосферных силовых экранов.

Джек только фыркнул.

— Следовало бы взять его разок с собой в экспедицию. И его приятеля Квиллиана — тоже.

— Да, я знаю, ты не раз бывал в царстве мрака, — кивнула она. — И мне кажется, что ты связан с ним куда теснее, чем стараешься показать.

— С чего это ты так решила?

— Если бы ты мог взглянуть на себя со стороны, особенно сейчас — то и сам бы догадался. Я сама долго не могла понять, что меня смущает в твоем облике, но теперь мне это ясно. Твои глаза. Уж слишком они чувствительны к свету! А когда ты попадаешь со света в полумрак, как сейчас, твои зрачки тут же становятся огромными, вокруг них остается лишь тонкий ободок радужки, едва заметный. А твои темные очки, которые ты почти не снимаешь, куда темнее обычных, как я недавно заметила.

— У меня больные глаза. Я плоховато вижу, а яркий свет мне вообще противопоказан.

— О чем я и говорю.

В ответ Джек только улыбнулся.

Он раздавил в пепельнице окурок и, словно это послужило сигналом, из колонки над их головами полилась тихая, умиротворяющая музыка. Джек отхлебнул еще пива.

— Насколько я знаю, у Визертона имеются фотографии эксгумированных трупов?

— Да.

«...А что, если меня убьют здесь? — подумал он. — Вернусь ли я снова в Глайв, не лишусь ли возможности вернуться?»

— Ты чем-то озабочен? — спросила она.

— Тебе так кажется?

— У тебя ноздри раздуваются. И брови нахмурены.

— А, это из-за этой дурацкой музыки. И вообще, ты слишком много на меня смотришь.

— А мне нравится на тебя смотреть. Давай допьем пиво и пойдем ко мне. Я сыграю что-нибудь, что тебе больше придется по вкусу. И, кроме того, я хочу тебе кое-что показать. И услышать твой ответ по этому поводу.

— Что именно?

— Вот придем — и сам увидишь.

— Ладно, пошли.

Они допили пиво, и Джек оставил на столике деньги.

Когда они снова оказались на свету, его опасения, как ни странно, уменьшились.

Вскоре они уже входили в ее квартиру на третьем этаже. Но, едва переступив порог, Клер резко остановилась и как-то странно закашлялась.

Джек тут же проскользнул мимо нее и встал рядом.

— Что-то случилось? — спросил он, быстро обведя комнату цепким взглядом.

— Здесь кое-что изменилось со времени моего ухода. Бумаги на полу. И этот стул стоял не так. А ящик и дверцы шкафа были закрыты.

Джек молча вышел на лестничную клетку и поискал царапины на дверном замке, но не нашел их. Тогда он быстро пересек комнату и скрылся в спальне. Через секунду до Клер донесся звук, какой производит складной нож, когда его открывают.

Через минуту он вышел из спальни и нырнул в соседнюю комнату, оттуда прошел в ванную. Наконец он снова появился на пороге и осведомился:

— Это окно, когда ты уходила, было открыто?

— Кажется, — неуверенно протянула она. — По-моему, да.

Он вздохнул и мельком бросил взгляд на подоконник.

— Бумаги могло просто сдуть ветром. Ну а ящик и шкаф ты, как пить дать, сама забыла закрыть. А стул, скорее всего, там же и стоял.

— Я человек очень педантичный, и тебе это известно, — возразила она, запирая входную дверь. Потом постояла немного, повернулась к Джеку и добавила:

— А, впрочем, ты, наверное, прав.

— Тогда почему ты нервничаешь?

Она быстро перемещалась по комнате, подхватывая с пола бумаги.

— Зачем тебе нож? — ответила она вопросом на вопрос.

— Какой нож?

Она закрыла дверцы шкафа, повернулась и в упор посмотрела на него.

— Тот, который ты держал в руке минуту назад.

Он с улыбкой поднял руки ладонями к ней.

— Нет у меня никакого ножа. И не было. Я вообще не держу оружия — зачем оно мне? Если хочешь — можешь проверить.

Клер задвинула верхний ящик комода и одновременно извлекла из нижнего какой-то сверток, завернутый в газету.

— Это не единственная причина, по которой я нервничаю, — серьезно сказала она. — Есть еще и вот это! — она положила сверток на стол и начала развязывать бечевку.

Джек стоял за ее спиной и через ее плечо смотрел, как она одну за другой разворачивает шуршащие газеты. Наконец его глазам предстало то, что находилось внутри — три очень старых книги.

— А я-то думал, что ты давно положила их на место!

— Я собиралась...

— Но мы же с тобой договаривались!

— Мне хотелось узнать, откуда они у тебя.

Он покачал головой.

— Мы как раз и договаривались, что ты не будешь задавать подобных вопросов.

Она аккуратно разложила книги на столе, и указала на странные бурые пятна на корешке одной из них и на обложке другой.

— Да, но когда я видела их раньше, этого не было! Ведь это кровь!

— Возможно. Откуда я знаю?

— Я попыталась стереть мокрой тряпкой несколько пятен поменьше, и они очень смахивали на засохшую кровь.

Джек только пожал плечами.

— Когда я сказала тебе, что эти книги были похищены из Хранилища Раритетов, ты предложил положить их на место, и я, конечно, согласилась. И согласилась организовать анонимный возврат. И никаких вопросов. Но я даже предположить не могла, что все это дело каким-то связано с кровопролитием! И если бы только эти пятна... Когда я их обнаружила, я стала повнимательнее к тебе присматриваться и вскоре поняла, что фактически ничего не знаю о тебе. Вот тогда-то я и обратила внимание на твои глаза, на твою манеру бесшумно появляться и исчезать. Потом до меня дошли слухи, что ты общаешься с преступниками — но тогда ты как раз вел курс криминалистики и написал несколько статей на эту тему. Так что внешне в этом не было ничего особенного. А теперь ты рыщешь по моей квартире с ножом в руке, и, похоже, всерьез готов убить того, кто сюда забрался! Но ведь никакая книга не стоит человеческой жизни! Все, с этого момента наш договор утратил силу! Расскажи мне все.

— Нет, — спокойно ответил Джек.

— Но мне необходимо это знать!

— Ты специально разыграла передо мной весь этот спектакль, чтобы посмотреть на мою реакцию?

Она покраснела.

«Ну вот, теперь она, наверное, попытается шантажировать меня, чтобы заставить жениться на ней, — с улыбкой подумал Джек, — если, конечно, она всерьез думает, что из этого у нее что-нибудь получится».

— Ладно, расскажу, — он сунул руки в карманы, прошелся к окну и выглянул на улицу. — Я выяснил, кто украл эти книги, нашел его и попробовал потолковать с ним по душам. Но, к сожалению, мы не поняли друг друга, и мне пришлось расквасить ему нос. Книги, как вещественное доказательство, как раз лежали рядом, и им, как видишь, тоже досталось.

Кровь из носа этого типа и хлестала, и все, что попало на книги, отмыть мне не удалось.

— Вот и все, — закончил он, оборачиваясь.

— Только и всего?! — радостно воскликнула она.

Джек шагнул вперед и поцеловал ее, а через секунду она уже расслабилась в его объятиях. Его сильные руки гладили ее по плечам, по спине, потом стали сползать ниже, ниже...

«Полный набор развлечений», — решил он, добравшись, наконец, до ее бедер и снова поднимаясь к пуговицам на блузке.

— Прости меня, — прошептала она.

— Ничего страшного, — ответил он, расстегивая пуговицы. — Все в порядке.

Позже, глядя сквозь сетку ее волос на подушке и анализируя свою реакцию на недавние события, он снова почувствовал, что *ОНО* приближается. Оно было уже совсем близко, настолько близко, что Джеку на мгновение показалось, что *ОНО* уже наблюдает за ним. Он быстро обвел взглядом комнату, но не заметил ничего подозрительного.

С улицы доносился шум машин. Пора было заняться делами... вот только сигарету выкурить — и...

Сверху послышался хлопок, словно кто-то резко распахнул окно...

Постепенно наползающие облака понемногу скрывали солнце. Джек знал, что приехал раньше времени. Он припарковал машину во дворе и извлек из багажника тяжелый кейс. Три больших дорожных сумки остались в машине.

Он прошел в дальний конец двора. Джек испытывал необходимость постоянно двигаться, в любой момент быть готовым бежать. Он вспомнил об Утренней Звезде, который наблюдает за птицами, камнями и облаками, ощущает молнии, ветер, дождь — и удивился: действительно ли ему известен каждый его шаг? Джек чувствовал, что так оно и есть, но сейчас ему очень не хватало его единственного друга, который мог бы помочь ему советом. Узнал ли он наконец, — а, может быть, он знал это уже давно, — чем закончится теперешняя, самая дерзкая авантюра Джека?

Трава и листья были наэлектризованы, как это бывает только перед грозой. Было душно, но слабый ветерок, вот уже некоторое время дувший с севера, нес с собой хоть немного свежести. Университетский городок был практически безлюден. Только у фонтана расположилась группа студентов, живо обменивавшихся впечатлениями о только что сданном экзамене. Пара лиц показалось Джеку знакомыми — кажется, они посещали его курс «Введение в культуру антропологии», кото-

рый он читал несколько семестров назад — но студенты не обратили на него внимания.

Когда он проходил мимо Дрэйк-Холла, его окликнули:

— Джон! Доктор Шэйд!

Он обернулся и увидел направляющегося к нему Пойндекстера — молодого преподавателя, чью приземистую квадратную фигуру нельзя было спутать с ничьей другой. Его тоже звали Джоном, но, поскольку у них на кафедре он был новичком, к нему обычно обращались по фамилии, чтобы не путаться в разговоре.

— Привет, Пойндекстер. Я думал, вы уже в отпуске, отдыхаете от трудов праведных.

— К сожалению, я должен еще проверить несколько лабораторных работ, черт бы их побрал! — Проговорил Пойндекстер, переводя дух. — Хотел сходить выпить кофе, шел — и случайно захлопнул дверь. А ключи остались на столе. А в здании больше никого нет, и вахтер куда-то подевался. Надеюсь, у него есть второй ключ. Вы его случайно не видели? Я имею в виду — вахтера?

Джек отрицательно покачал головой.

— Нет. Я только приехал. Но, насколько мне известно, у вахтеров не бывает дубликатов ключей... Ваш кабинет, мне помнится, в дальнем крыле?

— Да.

— А через окно в него нельзя забраться? Правда, я не помню, какой у вас этаж.

— Там довольно высоко. И лестницы нет. Кроме того, все равно оба окна заперты.

— Ладно, пошли. Может, что-нибудь придумаем.

Пойндекстер вытер потный лоб и благодарно кивнул.

Они прошли в дальнее крыло и остановились перед запертой дверью. Джек извлек из кармана целую связку ключей и, почти не глядя, вставил один из них в замочную скважину. Ключ легко провернулся, замок щелкнул, и дверь открылась.

— Повезло, — констатировал Джек.

— Как это вам удалось?!

— Это всего-навсего ключ от моего собственного кабинета. Я же говорю — повезло.

Лицо Пойндекстера расплылось в улыбке.

— Спасибо! Огромное спасибо! Вы не торопитесь?

— Нет, я приехал раньше, чем рассчитывал.

— Тогда давайте я принесу вам кофе, и мы немного посидим здесь. Я бы все же хотел передохнуть, а вы бы составили мне компанию.

— Ничего не имею против.

Джек зашел в кабинет, поставил свой кейс в угол и некоторое время слушал, как затихают в коридоре шаги Пойндекстера.

Потом он подошел к окну и стал смотреть, как собирается гроза. Где-то долго и упорно звонил телефон, но трубку никто не брал.

Вскоре вернулся Пойндекстер и вручил Джеку его чашку с дымящимся кофе, а сам уселся напротив со своей чашкой.

— Как здоровье вашей мамы?

— Уже лучше. Обещали скоро выписать.

— Передайте ей от меня привет.

— Обязательно передам. Спасибо, что вы ее навестили.

Так они и сидели, не спеша потягивая свой кофе. Потом Пойндекстер улыбнулся.

— Очень удачно получилось, что я вас встретил. Я и не думал, что в этом здании попадаются одинаковые замки. Я уже согласен был просить помощи у кого угодно, хоть у привидения — лишь бы дверь открыло.

— Привидение?

— Ну, эта последняя притча во языцех.

— Странно. А я ничего о нем не слышал.

— Неужели?! Говорят, что объявилось какое-то белое существо. Кто-то заметил его, когда оно скакало по деревьям, а позже по крыше домов. Естественно, его тут же обозвали привидением.

— И когда же оно объявилось?

— Да вот совсем недавно. В конце прошлого семестра в геологическом корпусе завелись камни-мутанты, до этого, насколько я помню, какие-то шутники подсыпали в водопровод препарат, усиливающий половое влечение. В общем, как обычно — к концу семестра начинается очередное светопреставление. Сплошные слухи и дурные знамения.

— Понятно... Сигарету хотите?

— Да, спасибо.

Донесся отдаленный раскат грома, словно кто-то катал по булыжникам жестяную бочку. Неотвязные запахи химической лаборатории навевали неприятные ассоциации. Джек наконец понял, почему он всегда терпеть не мог этот корпус. Из-за запахов.

— В следующем семестре вы останетесь на кафедре? — поинтересовался Пойндекстер.

— Скорее всего, нет.

— Ах, да, вы получили добро на уход. Поздравляю.

— Ну, дело обстоит не совсем так.

В глазах Пойндекстера за толстыми стеклами очков промелькнула тень беспокойства.

— Но, надеюсь, вы уходите не насовсем?

— Не знаю. Это зависит от многих обстоятельств.

— Рискну показаться самоуверенным, но мне кажется, что в конце концов вы все же останетесь.

— Спасибо. Вполне возможно.

— Но даже если вы нас покинете, я надеюсь, мы останемся друзьями?

— Ну конечно!

«Оружие, — подумал Джек. — Надо достать что-нибудь получше, чем то, что у меня есть. Но не его же просить об этом?.. Хотя, в принципе, это неплохо, что я сюда зашел.»

Джек сделал глубокую затяжку и глянул в окно. Небо становилось все более мрачным, по мостовой ударили первые капли. Он допил свой кофе и бросил пластиковую чашечку в корзинку для бумаг. Потом затушил сигарету и поднялся.

— Пожалуй, я пойду, а то мне надо успеть в Вокер, пока дождь не пошел в полную силу.

Пойндекстер встал и пожал ему руку.

— Что ж, всего хорошего. Возможно, некоторое время мы и не увидимся, — сказал он.

— Счастливо оставаться. Вот только ключи...

— Что?

— Я бы посоветовал вам забрать их со стола и положить в карман, причем прямо сейчас.

Пойндекстер покраснел, смущенно хихикнул и поспешил последовать совету.

— Да, мне не очень хотелось бы попасть впросак вторично!

— Надеюсь, что этого больше не случиться.

Джек шагнул к своему кейсу, а Пойндекстер уже зажигал настольную лампу. За окном полыхнула молния, и раздалось низкое ворчание грома, уже значительно ближе.

— Пока.

— Всего хорошего.

Джек действительно торопился в Вокер Билдинг, но задержался для того, чтобы забежать в химическую лабораторию и стащить там запечатанную бутылку концентрированной серной кислоты.

VIII

...Джек нетерпеливо оторвал первые листы распечатки и разложил их на столике, предусмотрительно установленном у пульта. Машина продолжала щелкать и позвякивать, заглушая шум дождя за окном.

Джек снова вернулся к ней и оторвал очередной лист,

положил его рядом с остальными и только начал читать, когда за окном послышался приглушенный звук, похожий на царапанье. Джек резко обернулся, раздувая ноздри, но за окном ничего не было.

Он закурил, бросив спичку на пол. Прошелся по комнате, взглянул на часы. В подсвечнике, мигая, горела единственная свеча, и расплавленный воск плавно стекал вниз. Некоторое время Джек стоял у окна, прислушиваясь к шуму ветра.

Щелкнул дверной замок, и Джек снова резко обернулся. В комнату протиснулся грузный пожилой мужчина, лишь мельком взглянувший на Джека. Он снял блестящую от воды непромокаемую шапочку и бросил ее на стул; потом аккуратно разгладил седые волосы.

— Доктор Шэйд, — кивнул он, расстегивая плащ.

— Доктор Квиллиан, — с достоинством кивнул в ответ Джек.

Квиллиан аккуратно повесил плащ на вешалку за дверью, снял запотевшие очки и стал тщательно протирать их носовым платком.

— Как дела?

— Спасибо, все в порядке. А у вас?

— Прекрасно.

Доктор Квиллиан, наконец, закрыл за собой дверь, а Джек тем временем вернулся к машине, чтобы оторвать очередные несколько листов распечатки.

— Чем вы тут занимаетесь?

— Считаю кое-что для своей работы. Кажется, я говорил вам о ней недели две назад.

— Понятно. А я только что узнал, что вы сегодня здесь работаете, — он кивнул на машину. — Едва кто-нибудь откажется от своего времени — вы уже тут как тут.

— Я стараюсь со всеми поддерживать хорошие отношения, и люди ставят меня в известность, когда появляется свободное машинное время.

— Что-то в последнее время слишком много людей стало отказываться.

— Наверное, грипп.

— Возможно.

Джек затянулся и выпустил густое облако дыма. Когда машина, наконец, закончила печатать, он бросил окурок на пол и затоптал его. Потом оторвал последние распечатки и аккуратно сложил их в одну стопку вместе с предыдущими.

Доктор Квиллиан внимательно наблюдал за его действиями.

— Могу я посмотреть, что тут у вас? — осведомился он.

— Конечно! — улыбнулся Джек, передавая ему бумаги.

Через минуту Квиллиан со вздохом вернул ему распечатки.

— Ничего не понимаю, — честно признался он.

— Было бы удивительно, если б вы ответили по-другому. Это узко специальные и глубоко теоретические выкладки, и для статьи мне придется переводить все это на нормальный язык и значительно упрощать.

— Джон, — серьезно сказал Квиллиан, — в последнее время у меня сложилось весьма странное отношение к вам.

Джек только пожал плечами, складывая распечатки в свой кейс, и достал очередную сигарету.

— Если вам самому надо поработать на компьютере, то я уже закончил, — дружелюбно сказал он.

— В последнее время я немало думал о вас. Сколько вы у нас работаете?

— Пять лет.

Снаружи снова послышался странный звук. Оба, как по команде, повернули головы к окну.

— Что это было?

— Откуда я знаю?

Квиллиан, наконец, протер очки, водрузил их на нос и продолжил:

— А ведь вы фактически занимаетесь у нас только тем, что интересует лично вас...

— Согласен. Не отрицаю. Я всегда только этим и занимаюсь.

— Мы приняли вас, поскольку у вас имелись отличные рекомендации, и вы действительно оказались превосходным специалистом по культуре и обычаям царства мрака.

— Спасибо.

— Это не комплимент.

— Неужели? — По мере изучения последней страницы распечатки лицо Джека постепенно расплывалось в улыбке. — Значит, я действительно такой хороший специалист?

— Да, но мне кажется, что вы не тот, за кого себя выдаете, Джон.

— Что вы имеете в виду?

— Когда вы устраивались к нам на работу, то заявили, что родились в Новом Лайдене. Но в этом городе факт вашего рождения не зарегистрирован.

— Действительно? И кто же это обнаружил?

— Это выяснил профессор Визертон, совсем недавно.

— Понятно. Ну и что?

— Это еще не все. Уже не говоря о том, что, по нашим данным, вы поддерживаете связи с преступным миром, возникли также определенные сомнения по поводу вашей ученой степени.

— Опять Визертон постарался?

— Источник информации не имеет значения. Важен ре-

зультат проведенного расследования: ваша степень является фиктивной. Вывод: вы явно не тот, за кого себя выдаете.

— Интересно, а почему вы решили высказать мне все это именно здесь и именно сейчас?

— Семестр закончился. Мне известно, что вы собрались уезжать. Сегодня вы в последний раз заказали машинное время... Ведь так? Вы исчерпали все часы, запрошенные в этом семестре? И теперь я хочу знать, что и куда вы увозите с собой.

— Чарльз, — сказал Джек, что с того, если я признаюсь, что действительно несколько ввел вас в заблуждение? Вы же сами только что сказали, что я — выдающийся специалист в своей области. Нам обоим также известно, что я — весьма популярный лектор. Мало ли что там выкопал Визертон? Разве это имеет принципиальное значение?

— У вас что, неприятности, Джон? Я могу чем-нибудь помочь?

— Нет, спасибо, мои дела в полном порядке.

Квиллиан прошелся вдоль комнаты и уселся на невысокую табуретку.

— Впервые мне доводится наблюдать одного из вас так близко, — тихо сказал он.

— Что вы имеете в виду?

— То, что вы — не человек, а существо из царства мрака. Ведь вы родились там?

— С чего это вы так решили?

— Надеюсь, вам известно, что при определенных обстоятельствах таких, как вы, необходимо арестовывать?

— Уж не хотите ли вы сказать, что сейчас как раз и возникли эти «определенные обстоятельства»?

— Может быть, — туманно ответил Квиллиан.

— Ага, значит, их может и не оказаться. Что же вам нужно?

— Пока что я всего лишь хочу узнать, кто вы на самом деле.

— Вы меня и так знаете, — улыбнулся Джек, складывая бумаги и защелкивая кейс.

Квиллиан покачал головой.

— Есть один момент, который особенно меня беспокоит, — заговорил он. Допустим все же на минуту, что вы — человек из царства мрака, зачем-то пробравшийся на нашу сторону. Есть определенные данные, указывающие, что такое предположение может оказаться верным. В таком случае, возникает необходимость выяснить, кто же вы такой конкретно. Есть одна любопытная фигура, которая, как я полагал раньше, является лишь персонажем легенд о царстве мрака. И я задал себе вопрос — а способен ли легендарный вор явиться из тьмы

на солнечный свет? Если да, то зачем? Возможно ли, что Джонатан Шэйд является смертным аналогом Джека-из-тени?

— И если это возможно, то что дальше? — Поинтересовался Джек, стараясь отвести взгляд от окна, за которым теперь виднелось нечто, почти полностью заслонившее и без того тусклый свет. — Насколько я понимаю, вы собираетесь арестовать меня? — Добавил он, незаметно перемещаясь левее, так чтобы Квиллиану пришлось повернуть голову, чтобы не выпускать его из поля зрения.

— Да. Вы весьма догадливы.

Джек мельком бросил взгляд в окно, и, увидев, *ЧТО* прижимается к стеклу, снова испытал почти забытое отвращение.

— Я полагаю, по этому поводу вы вооружились?

— Да, — снова подтвердил Квиллиан, вынимая из кармана небольшой пистолет.

«Можно швырнуть в него кейс и рискнуть провести один раунд» — подумал Джек. — «Пистолет у него плохонький... Впрочем, если мне удастся потянуть время и подобраться ближе к свету, это может вообще не понадобиться.»

— Странно, что вы явились сюда один, если задумали провести такую операцию, — заметил Джек. — Даже если вам даны полномочия провести в целях безопасности этот арест...

— А я не говорил, что пришел один.

— Впрочем, по зрелом размышлении, я не вижу тут ничего странного, — Джек не спеша шагнул к свету. — Это Я говорю, что вы пришли один. Потому что вам хочется все сделать самому. Возможно, вы просто решили убрать меня без свидетелей, но, скорее, вам очень хочется, чтобы мое задержание оказалось полностью вашей заслугой. Ведь вы меня терпеть не можете. Не могу, правда, понять, почему.

— Мне кажется, вы переоцениваете ту антипатию, которую вызываете у людей, а заодно и мою агрессивность. Разумеется, я уже поставил в известность полицию, и она уже направляется сюда, чтобы вас арестовать. Я же намерен лишь обеспечить ваше пребывание в этой комнате до их появления.

— Похоже, вы выжидали до самого последнего момента.

В ответ Квиллиан указал свободной рукой на кейс Джека.

— Подозреваю, что если расшифровать эти распечатки, то окажется, что они не имеют ничего общего с социологией.

— Экий вы недоверчивый! А вам известно о существовании законов, которые весьма немилостивы к тем, кто арестовывает людей без всяких доказательств.

— Разумеется, известно. Вот потому-то я и выжидал до последнего момента, как вы изволили выразиться. Я уверен, что доказательства находятся вот в этом вашем кейсе, и, кроме

того, найдутся и другие. А когда речь идет о безопасности, законы зачастую оказываются не такими уж и строгими.

— Вот тут я с вами соглашусь, — удовлетворенно кивнул Джек, делая еще шаг вперед. Наконец-то свет упал на его лицо.

— Что ж, можешь радоваться. Я — Джек-из-тени! — Внезапно выкрикнул он. — Хозяин Шадоу-Гирд! Я — Джек-ки-Тень, великий вор, прячущийся в тенях и крадущихся бесшумно! Да, мне отрубили голову в Айглезе — но я вернулся из Сточных Канав Глайва! Я высосал кровь вампира! Я съел камень-убийцу! И я нарушил Договор, подделав свое имя в Уставной Скрижали! Я был узником кристалла, но в конце концов я обвел вокруг пальца хозяина Хай-Дэджн, и теперь вернусь, чтобы отомстить ему. Я уничтожу всех своих врагов! Ну, а теперь — попробуй поймать меня, скотина, если ты продался Владыке Нетопырей, и если ты еще не понял, с кем связался! Да, я назвал свое имя — Джек-из-тени!

От этого неожиданного взрыва эмоций Квиллиан только в изумлении открыл рот. Он попытался, было, что-то сказать, но ему так и не удалось вставить ни слова в яростную речь Джека.

А потом стекло со звоном разлетелось, свеча мигнула и погасла, и в комнату спрыгнул Боуршинн.

Квиллиан обернулся и увидел эту жуткую, мокрую от дождя и к тому же израненную осколками стекла тварь. Он издал сдавленный возглас и застыл на месте. Джек же, наоборот, действовал стремительно. Раскрыв свой кейс, он выхватил оттуда бутылку с кислотой, одним движением распечатал ее и выплеснул содержимое на бросившегося на него Боуршинна. Не задерживаясь, чтобы посмотреть на результат, он подхватил свой кейс и проскочил мимо Квиллиана. Раньше, чем жуткая тварь испустила первый крик боли, Джек был уже у двери. В следующее мгновение он уже выскочил в коридор и поспешно запер за собой дверь, задержавшись перед этим ровно настолько, чтобы только стащить висевший у двери плащ Квиллиана.

Первый выстрел раздался, когда Джек был уже на середине лестницы. За ним последовали еще несколько, но Джек их уже не слышал, так как в это время он уже под аккомпанемент грома пересекал двор, хлюпая по лужам, чертыхаясь и силясь запахнуть украденный плащ.

Джек очень спешил, так как справедливо опасался, что скоро к раскатам грома добавится вой сирен.

Мысли его в этот момент были сумбурными.

Погода отчасти помогала ему, отчасти же, наоборот, мешала.

Машины по улицам ползли еле-еле, когда же Джек добрался, наконец, до автострады, то ее покрытие оказалось на-

столько скользким от дождя, что он не смог ехать намного быстрее. Машин здесь почти не было — все водители поспешили укрыться по домам, как, впрочем, и пешеходы. Все сидели сейчас дома, в тепле и безопасности, при свете множества свечей, в то время как снаружи в грозных сумерках землю хлестал проливной дождь, гремели раскаты грома, сверкали молнии.

Благодаря всему этому, Джеку быстро удалось сменить свою машину на другую.

Выбраться из города оказалось совсем несложно, а вот обогнать грозу — значительно труднее. Казалось, и гроза, и автомобиль Джека движутся по шоссе в одном и том же направлении, с одной и той же скоростью, и конца этому не предвидится.

Но это была та самая дорога — уединенная, мало используемая, и, самое главное — это был кратчайший путь назад, к царству мрака.

В любое другое время Джек бы только приветствовал грозу, избавившую его от этого постоянного невыносимого сияния, от этого проклятого солнца, которое, казалось, готово было зажарить его живьем. Но сейчас гроза не давала ему развить достаточную скорость, а медлить было нельзя. Потоки дождя заливали машину, ветер бил в стекла, а вспышки молний время от времени выхватывали линию горизонта, которую Джек видел в зеркальце заднего обзора. Где-то там остался город, и он все удалялся...

Впереди замелькали полицейские мигалки, и Джек поспешно снизил скорость в поисках места, где бы можно было съехать с шоссе. Потом он облегченно вздохнул и ухмыльнулся, проезжая мимо трех столкнувшихся автомобилей. Из одного из них на носилках выносили двоих — кажется, мужчину и женщину; рядом с двумя полицейскими машинами уже стоял автомобиль «скорой помощи».

Отъехав подальше, он принялся крутить ручку настройки радио, но из динамика слышался только треск электрических разрядов. Тогда он закурил и приоткрыл окно. Время от времени внутрь залетали брызги и попадали ему на лицо. Только сейчас страшное напряжение, в котором он пребывал все последние часы, начало понемногу спадать; Джек глубоко вздохнул и попытался расслабиться.

Прошло немного времени, прежде чем гроза начала понемногу стихать, ливень превратился в мелкий безвредный дождь, а серая пелена в небе постепенно просветлела. К тому времени Джек уже ехал по сельской местности, город скрылся за горизонтом. Сейчас Джек испытывал смешанное чувство

облегчения и одновременного предчувствия, что еще далеко не все кончилось. Последнее возникло у него в момент отъезда. «Добился ли я того, чего хотел?» — Задал он себе вопрос, думая о годах, проведенных на дневной стороне.

Чтобы освоиться в новой обстановке, добыть необходимые документы, окунуться в преподавательскую рутину потребовалось немало времени. Потом немало труда ушло на то, чтобы устроиться на работу в университет, где имелись необходимые ему вычислительные машины. В свободное время ему пришлось научиться работать на компьютере, чтобы пользоваться им без посторонней помощи, никого не посвящая в свои дела. И тогда ему пришлось пересмотреть все собранные предварительные данные в соответствии с новыми средствами, имевшимися теперь в его распоряжении. Только приведя все в необходимую форму, он смог поставить задачу машине. Все это заняло не один год, и за это время он не один раз ошибался, и приходилось начинать все сначала.

Но в этот раз... в этот раз ответ был так близко, что он уже видел его, мог пощупать, обнюхать со всех сторон, попробовать на вкус...

Теперь Джек уносил ноги, и, по всей видимости, ответ содержался в распечатках, лежавших в его кейсе. У него не было времени их просмотреть, поэтому не исключено, что он снова где-то допустил ошибку, и теперь возвращался в логово врага безоружным. Если дело обстояло именно так, то он лишь отсрочил свой приговор. Вернуться он теперь уже не мог, поскольку приобрел теперь врагов и на светлой стороне. Некоторое время он пытался вспомнить, не было ли какого-нибудь знака, скрытого предостережения, предчувствия, которым он в свое время пренебрег, но так ничего и не вспомнил.

Эх, если бы у него было еще хоть немного времени! Тогда он смог бы проверить результат, найти возможные ошибки и при необходимости переформулировать задачу и заново составить программу. Но теперь было поздно. Если в руках его оказался тупой меч, то вернуться и заточить его было уже невозможно. К сожалению, потому что были и другие, личные дела, которые он хотел бы решить лучшим образом. И, в первую очередь, Клер...

Наконец, дождь прекратился, хотя тучи все еще застилали небо сплошной пеленой. Джек решил рискнуть и прибавил скорость и снова попробовал включить приемник. В динамике все еще трещали разряды, но через них уже начала пробиваться музыка, и Джек оставил радио включенным.

Когда он съезжал с очередного холма, по радио, наконец, начали передавать выпуск новостей. Джеку показалось, что он

услышал свое имя, но тут снова начался треск, и ему так ничего и не удалось разобрать.

Он был один на дороге. Время от времени он поглядывал в зеркальце заднего обзора, а также внимательно смотрел по сторонам, чтобы вовремя заметить возможную опасность. У смертных все еще был немалый шанс захватить его раньше, чем он обретет силу, и это приводило его в ярость. С вершины очередного холма он увидел далеко слева удаляющуюся пелену дождя, пронизываемую слабыми вспышками молний, но так далеко, что грома он так и не услышал. Джек мог пока спокойно смотреть на небо, поскольку движения по дороге все еще не было. Джек вознес за это хвалу Властелину Вихрей, закурил очередную сигарету, настроился на станцию, которую было получше слышно и стал ждать следующего выпуска новостей. Наконец он его дождался, но о Джеке в нем не было сказано ни слова...

Джек вспомнил тот далекий день, когда он стоял у лужи с дождевой водой и советовался со своим отражением, что им теперь делать. Он пытался представить себе тогдашнее свое «я», теперь уже мертвое — уставшее, изможденное, продрогшее, голодное, с исцарапанными в кровь ногами и вымазанное вонючей жижей. Теперь в нем не осталось ничего этого, разве что легкое чувство голода — но его даже сравнивать нельзя было с его тогдашним состоянием, более всего близким к голодной смерти. Но исчезло ли полностью это его я? Изменилась ли его сущность? Тогда он выбирался с Западного Полюса Мира, спасая свою жизнь, убегая от преследователей и стремясь добраться до Страны Сумерек. Сейчас он снова бежал в страну Сумерек, но на этот раз с сияющего Восточного Полюса. И его снова согревала жажда мести, питаемая ненавистью и отчасти — любовью. Чувства его остались прежними. Он познал Науку солнечной стороны планеты, но это никак не изменило намерений того Джека, который стоял тогда перед лужей и глядел на свое отражение. Он по-прежнему стоял там, внутри теперешнего Джека, и те же жгучие мысли сверлили его мозг.

Джек пошире открыл окно и запрокинул лицо к серому небу.

— Утренняя Звезда! — произнес он. — Ты слышишь меня? Впрочем, ты все слышишь, значит, услышишь и это. Так вот: со времени нашей последней встречи я не изменился!

И он рассмеялся.

Потом он вдруг стал серьезным, потому что к нему в голову пришла новая мысль: «А хорошо это или плохо?» Джек закрыл окошко и задумался. Вообще-то он не был склонен к самоанализу, однако был весьма любознателен.

Работая в университете, он постоянно наблюдал, как меняются люди. Более всего эти изменения были заметны в студентах, за сравнительно краткий промежуток между поступлением в университет и его окончанием. Но он замечал признаки перемен и в своих коллегах — постепенно менялись их высказывания, оценки событий... лишь он сам оставался неизменным. Не в этом ли и состоит одно из основных отличий между смертными и людьми мрака? — подумал Джек. Они — меняются, а мы — нет? Существенно ли это? Наверное, да, хотя я пока и не понимаю, почему. По-видимому, у нас нет необходимости изменяться, а у них, выходит, есть. Почему? Может быть, это зависит от длительности жизни и, соответственно, различного отношения к ней? Возможно... И все же, несколько важны эти изменения?..

Прослушав еще один выпуск новостей, Джек свернул на боковую дорогу, которая выглядела давно заброшенной. На этот раз в новостях передали, что его разыскивают, чтобы взять с него показания по поводу только что совершенного убийства.

Он развел небольшой костер и сжег все свои документы. Пока они догорали, он переложил из сумки в бумажник другие, которые предусмотрительно заготовил еще несколько семестров назад.

Потом он тщательно переворошил золу, проверяя, не уцелело ли что-нибудь, и развеял ее по ветру; после этого он перешел через поле, по дороге разорвал плащ Квиллиана на несколько частей, в каждую завернул по увесистому камню и по отдельности утопил в канаве с грязной водой. Машину тоже следовало поскорее сменить.

Позже, уже снова мчась по шоссе, он обдумал сложившуюся на данный момент ситуацию. Боуршинн явно убил Квиллиана и удрал тем же путем, что и появился — через окно. Полиции было известно, зачем Квиллиан явился в вычислительный центр, а Пойндекстер подтвердит, что он, Джек, направился именно туда. И Клер, и многие другие смогут засвидетельствовать, что он и Квиллиан недолюбливали друг друга. Вывод, к которому прийдет полиция, был очевиден. Конечно, в случае необходимости Джек мог бы и в самом деле убить Квиллиана, но его возмущала сама мысль, что он может пострадать за то, чего не совершал. Все это весьма напоминало происшедшее в Айглезе, и Джек машинально потрогал свою шею. Подобная несправедливость была для него просто невыносимой.

Затем он задумался: считал ли неистовствующий от боли Боуршинн, что расправляется с Джеком, или когда он сбежал, просто сорвал ярость на Квиллиане? Достигли ли цели выстрелы Квиллиана? Если да, то насколько серьезно Боуршинн

ранен? И надолго ли задержат его эти раны? Джек не имел никакого представления о способности этой твари к регенерации. Возможно, она уже снова шла по его следу...

Интересно, послал ли его Владыка Нетопырей, или Боуршинном руководила собственная ненависть к нему, Джеку? При этой мысли он невольно вздрогнул и еще прибавил скорость.

«Впрочем, когда я вернусь, это уже не будет иметь значения»,— подумал он.

На окраине незнакомого города, через который он проезжал, Джек угнал другую машину и на ней продолжил свой путь в Страну Сумерек. Отсюда было уже недалеко до места, где пять лет назад его встретила своим пением разноцветная птица...

...Джек долго сидел, скрестив ноги, на вершине одинокого холма, весь уйдя в чтение. Его покрытая пылью одежда изрядно истрепалась, под мышками проступили пятна пота, под ногтями чернела грязь. Глаза закрывались сами собой, но Джек упрямо открывал их и снова читал, время от времени делая пометки на полях. На западе над горами в фиолетовом небе слабо проступали звезды.

Свою последнюю машину он бросил за много миль к востоку отсюда. Сначала мотор ее начал работать с перебоями, и Джек понял, что он уже добрался до места, где две противоборствующие Силы уравновешивают друг друга. Вскоре мотор заглох окончательно, и дальше Джек шел пешком, налегке, прихватив с собой только кейс с бумагами. Он постепенно углублялся в темноту и наконец решил, что ушел достаточно далеко. Тогда он забрался повыше и открыл кейс. Он всегда любил быть поближе к звездам. За все это время он спал всего один раз, и сон его был таким крепким и беспробудным, что он не решился рисковать вторично, пока не окажется вне зоны досягаемости смертных и их законов. Теперь оставалось сделать еще одно, последнее дело, и тогда он сможет позволить себе отдохнуть.

Хмуря брови, Джек переворачивал страницу за страницей, время от времени делая пометки и изредка возвращаясь обратно, чтобы сверить результаты. Наконец он вернулся к отмеченной ранее странице.

Кажется, все было в порядке. На этот раз он не ошибся.

Налетел прохладный ветерок, который принес с собой запахи цветов и трав, почти позабытые Джеком. Все! Нет больше постоянной городской толчеи и сутолоки, людского гама и монотонного шума машин, отвратительной вони выхлопных газов, скучных заседаний и рядов одинаковых бездумных лиц в сонной аудитории. Не было больше кричащих,

ярких до непристойности красок под безжалостным сиянием Эвердона — все это таяло, подобно сну. Были только шуршащие листы распечаток — его единственное достояние; и обратный перевод, только что сделанный им, все четче и быстрее звучал в мозгу, как внезапно понятые стихи.

Да! Он совершил это!

Взгляд Джека скользнул по небу и остановился на яркой немигающей звезде, скользившей по небосклону.

Позабыв об усталости, он легко вскочил на ноги. Указательный палец его уперся в спутник, а губы зашевелились, выговаривая еще непривычные, только что обретенные слова.

Некоторое время все оставалось по-прежнему.

А потом спутник застыл в небе.

Джек продолжал указывать на него, но уже молча. Спутник засиял ярче, начал расти...

А потом ослепительная вспышка озарила небосвод, и спутник перестал существовать.

— Это новое знамение, — подумал Джек и улыбнулся.

IX

...Несчастная тварь вернулась, наконец, в Хай-Дэджн и теперь металась по комнатам в поисках своего хозяина. В конце концов Боуршинн отыскал его. Владыка Нетопырей как раз отмерял серу, чтобы всыпать ее в бассейн, наполненный ртутью, расположенный в центре восьмиугольной комнаты. Заметив Боуршинна, его повелитель протянул ему палец, и тварь повисла на нем, по-своему сообщая хозяину новости.

Владыка Нетопырей выслушал его молча. Затем он отпустил Боуршинна и проделал некие странные манипуляции со свечой, куском сыра и птичьим перышком.

Затем он покинул восьмиугольную комнату, поднялся на высокую башню замка и долго смотрел с нее на восток. Потом он быстро перевел взгляд на северо-восточные подступы к своим владениям, которые считал наиболее неприступными.

Это казалось невозможным, но и там творилось то же самое!

Если, конечно, это не было иллюзией...

По винтовой лестнице он поднялся на самый верх башни и, открыв люк, выбрался на крышу. Задрав голову к небу, он долго разглядывал огромный черный шар, окруженный яркими звездами. Ветер трепал его волосы. Потом он опустил взгляд вниз и осмотрел свой замок Хай-Дэджн, который создал при помощи своей Силы сразу же после того, как сам был создан ею на вершине этой горы. Он тогда уже знал, в чем разница между «родиться» и «быть созданным»; он быстро

обнаружил, что его Сила сосредоточена именно здесь, и высосал ее через корни горы, и обрушил на землю, подобно урагану, и вспыхнула земля, и тогда он сам занялся созиданием. Раз его Сила находится здесь, значит он и сам будет жить здесь; это место должно стать его домом и его крепостью. И стало так. С тех пор недруги, рискнувшие посягнуть на его владения, либо умирали, либо, обращенные в нетопырей, носились в Вечном Мраке на своих кожистых крыльях до тех пор, пока не заслуживали его прощения. С последними он обращался довольно неплохо, так что, снова получив человеческий облик, многие оставались у него на службе. У других лордов, разумеется, имелись свои Силы, пожалуй, не уступавшие той, которой обладал он, но с тех пор, как были установлены достаточно стабильные границы, это мало его тревожило.

И чтобы кто-то отважился теперь напасть на Хай-Дэджн?! Нет, это было невозможно! На такое мог решиться только круглый дурак или сумасшедший!

И все же там, где еще недавно простиралась равнина, теперь стояли горы. Или иллюзии гор. Он снова бросил взгляд на их силуэты, возвышавшиеся вдали. Его сильно беспокоило то, что сам он не ощущал в себе подъема сил, достаточного, чтобы создать хотя бы иллюзию гор в своих владениях.

На лестнице послышались шаги, и он обернулся. Из люка выбралась Эвин и подошла к нему. На ней было легкое короткое черное платье, перехваченное серебряным пояском и сколотое серебряной брошью на левом плече. Он обнял ее одной рукой и привлек к себе, и она вздрогнула, ощутив поднимающиеся в нем токи Силы. Некоторое время оба хранили молчание.

Потом он молча указал на новоявленные горы, и еще на одну, возникшую на востоке.

— Я знаю, — кивнула она. — Посланец уже сообщил мне. Вот потому-то я и здесь. Я принесла тебе твой волшебный жезл.

И она протянула ему черный бархатный футляр, отцепив его от пояса.

Он улыбнулся и слегка покачал головой. Потом медленно снял со своей шеи цепь с драгоценным камнем и поднял ее перед собой.

Кроваво-красный камень качался перед ее глазами, и она сильнее ощутила поднимающийся водоворот Силы. На мгновение Эвин показалось, что она падает внутрь кристалла. Он рос и рос, заполняя собой все поле зрения.

А потом она осознала, что смотрит уже не на камень, а на высокую, величественную гору, непонятно как возникшую на северо-западе. Некоторое время Эвин не могла оторвать от

нее взгляда.

— Как настоящая, — прошептала она наконец. — Она кажется совершенно материальной.

Еще некоторое время они стояли молча. Но вот звезды, одна за другой, начали исчезать за растущими горными вершинами и склонами и Эвин не выдержала:

— Она растет! — воскликнула она, и, тут же осознав происходящее, уже тише добавила: — Вернее, она приближается к нам!..

Гора исчезла. Перед Эвин снова был кроваво-красный камень. Владыка Нетопырей молча повернулся, и она повернулась вместе с ним, глядя теперь на восток.

И снова перед ней возник камень, и снова он рос, заслоняя все вокруг, и она падала, падала...

Теперь перед ними была одна из восточных гор, напоминавшая нос огромного зловещего корабля. Она также продвигалась вперед, рассекая небо, в ореоле холодного пламени. Сначала его языки вспыхивали где-то позади горы, потом возникли и перед ней.

— Это что-то... — начала Эвин, но закончить не успела. Рубин с треском разлетелся вдребезги, а цепочка, мгновенно раскалившись докрасна, выпала из руки владыки Нетопырей. Теперь она, дымясь, остывала у ног Эвин. Владыка Нетопырей словно очнулся и слегка оттолкнул Эвин от себя.

— Что случилось?

Вместо ответа он протянул руку.

— Что?

Он указал на волшебный жезл.

Приняв жезл, Владыка Нетопырей поднял его над головой, молча призывая своих слуг. Ему пришлось ждать довольно долго, пока появился первый из них. В следующее мгновение нетопыри уже роились вокруг него.

Он коснулся одного из них концом своего жезла, и к ногам его упал обнаженный человек.

— Приказывай, повелитель, — воскликнул человек, становясь перед ним на колени.

Владыка Нетопырей молча указал на Эвин. Сейчас ему не следовало нарушать молчание.

— Найдите лейтенанта Квейзера, — сказала Эвин. — Вы поступаете под его командование. Он выдаст вам оружие и скажет, что делать.

Она взглянула на хозяина замка, и он одобрительно кивнул в ответ.

Затем он стал касаться жезлом всех нетопырей подряд, возвращая им их естественный облик. Над замком завис ог-

ромный зонт, состоявший из множества летучих мышей; одна за другой они пикировали к башне и, уже в человеческом облике, бесконечной вариацией проходили мимо Эвин, спускаясь во внутренний двор замка.

Наконец, этот нескончаемый поток иссяк, и Эвин снова обратила взгляд на восток.

— Прошло не так уж много времени, а она заметно приблизилась, — с тревогой сказала она, указывая на гору.

На плечо ее легла рука Владыки Нетопырей. Эвин обернулась, и он несколько раз поцеловал ее — в губы, в глаза, в щеки — а потом оттолкнул от себя.

Она подняла на него вопросительный взгляд, и в ответ он указал на люк.

— Нет, — твердо ответила она. — Я не уйду. Тебе может понадобиться моя помощь.

Его рука продолжала указывать на выход.

— Ты знаешь, что происходит?!

— Иди, — прошептал он (или ей только показалось, что он произнес это?).

Она все еще думала об этом, сидя в своих покоях в северо-западном крыле замка, все еще не уверенная, действительно ли ее господин нарушил молчание — хотя отзвук этого слова все еще звучал внутри нее. Она подошла к окну, но отсюда были видны только звезды.

И вдруг она поняла. Поняла, что происходит.

И она заплакала по тому миру, который она теряла навсегда.

Это были настоящие горы — теперь и он, и она знали это. Приближаясь, они крошились, и весь Хай-Дэджн дрожал от их грозной поступи. Звезды уже давно предсказывали, что не за горами тяжелые времена, которые продлятся долго — но до сих пор Владыка Нетопырей не просил у звезд совета, что ему делать. Он продолжал лишь копить и концентрировать Силу, с помощью которой в свое время воздвиг Хай-Дэджн, и которая теперь должна была помочь ему защитить свой дом. И постепенно он начал чувствовать в себе такой же подъем, как и в те далекие времена.

Вот только тяжелые времена оказались как раз за горами. Буквально.

На вершине горы, надвигавшейся с востока возникло нечто, напоминавшее змею. Оно все сплошь состояло из огня, и Владыка Нетопырей никак не мог понять, каких же размеров это чудовище. Он слышал, что в те далекие времена, когда еще его самого не было на свете, существовали подобные Силы. Но их повелители в конце концов ушли на Звезды, и Ключ к этим древним Силам был утерян. Его искали практически все,

кто был знаком с Искусством, в том числе и он сам. Похоже, кому-то в этом деле повезло больше, чем ему... Или древние Силы почему-то сами пробудились ото сна...

Он наблюдал, как змея полностью выползла из-за горы, поднялась в воздух и полетела к нему.

«Хорошая работа. Очень хорошая», — оценил он.

Ну, все. Начинается битва. И он поднял волшебный жезл.

Прежде, чем змея задымилась и, вывалив потроха, рухнула на землю, ему пришлось изрядно попотеть. Он вытер рукавом лоб. Сильна была змея, ничего не скажешь. А гора тем временем продолжала надвигаться; за время поединка она ничуть не сбавила скорости.

«Все. Теперь я должен стать таким, как в самом начале», — решил он...

...Смадж расхаживал взад-вперед по центральному холлу Хай-Дэджи — это был его пост. Ходить он старался как можно меньше, чтобы не выдать пятидесяти воинам, отданным под его начало, своего волнения. Вслед за ним по полу вились облачка пыли. Каждый раз, когда где-то внутри замка что-то рушилось, среди сидевших по углам воинов начинался шепот и шевеление. Смадж выглянул в окно и тут же поспешил отвернуться. Снаружи все загораживала гора, которая была уже совсем близко. Она с грохотом продолжала надвигаться, во тьме то и дело раздавались какие-то странные звуки. Жуткие призраки проносились перед Смаджем: обезглавленные рыцари, кошмарные многокрылые создания, отдаленно напоминавшие птиц, звери с человеческими головами, — и много других, которых он не смог запомнить. Но ни один из призраков не задержался, чтобы напасть на него. Скоро. Теперь уже скоро. Он это чувствовал. Скоро гора вплотную подойдет к башне, на которой находится его повелитель. И тогда...

Замок качнулся, с грохотом и треском, Смадж не удержался на ногах и упал, с ужасом думая, что сейчас весь замок обрушится на него. По стенам побежали трещины, и весь замок, казалось, отшатнулся на шаг назад. С грохотом падали камни, слышался треск ломающихся балок. Потом, спустя несколько ударов сердца, он услышал крик где-то высоко вверху. Что-то упало во дворе, и наступила пропитанная пылью тишина.

Смадж с трудом поднялся и подал сигнал сбора своим воинам. Потом, протерев глаза от пыли, осмотрелся.

Все воины лежали на своих местах, и ни один из них не шевелился.

— Встать! — заорал Смадж, потирая ушибленное плечо.

С минуту он ждал, что они все же поднимутся, затем подошел к ближайшему воину, осмотрел его и не обнаружил

никаких серьезных повреждений. Смадж слегка толкнул его, но это не возымело никакого действия. Он подбежал к другому, к третьему... То же самое. Они едва дышали.

Тогда Смадж обнажил меч и, закашлявшись от поднятой пыли, выбрался во двор.

Половину небесной тверди заслоняла гора, которая теперь стояла неподвижно. Двор был завален обломками башни. Передняя часть горы также откололась. Наступившая сейчас тишина и неподвижность производили впечатление еще более жуткое, чем недавний грохот и всеобщий хаос. Призраки исчезли бесследно. Ничто не шевелилось.

Смадж двинулся вперед. Местами земля была выжжена и оплавлена, словно от ударов молнии.

На каменных плитах лежал человек. Все убыстряя шаги, Смадж сначала пошел, затем побежал к нему. Склонившись над лежащим, он перевернул его на спину. И, выронив меч, упал на колени, все еще держась за ушибленное плечо. Один-единственный стон вырвался из его груди. Внезапно за спиной его затрещали языки пламени. В спину Смаджу пахнуло жаром, но он не двинулся с места. Позади послышался смешок.

Тогда он резко обернулся — и никого не увидел.

Снова послышался смех — на этот раз справа от него.

Здесь! Среди пляшущих на покосившейся стене теней!

— Привет, Смадж! Ты еще помнишь меня?

Смадж всмотрелся в пляшущие тени до рези в глазах.

— Я не вижу тебя!

— Зато я отлично вижу, как ты орошаешь влагой этот безжизненный кусок мяса.

Смадж не спеша положил руку на рукоять валявшегося рядом меча и поднялся.

— Кто ты?!

— Ты можешь сам это выяснить.

— Это все ты натворил? — Свободной рукой он обвел полуразрушенный двор.

— Конечно! А кто же еще?

— Тогда я подойду и выясню, кто ты!

Ему показалось, что среди теней возник неясный силуэт, и, рванувшись вперед, он взмахнул мечом. Но меч только рассек воздух, и Смадж едва не упал, потеряв равновесие. Второй его удар также не достиг цели.

После седьмой попытки он заплакал.

— Я понял, кто ты. Выходи из тени, и тогда посмотрим, на что ты способен!

— Пожалуйста.

В следующее мгновение Джек появился перед ним. В

первый момент он показался Смаджу огромным и величественным, как скала. Смадж взмахнул мечом и с криком боли выронил оружие — рукоять мгновенно раскалилась докрасна. Его противник стоял перед ним и улыбался.

Смадж поднял руки, чтобы вцепиться ему в глотку — но руки вдруг отнялись, и он стоял, глядя на это ненавистное лицо сквозь собственные скрюченные пальцы, как сквозь кривые сучья.

— Я выполнил твое желание, — услышал он издевательский голос. — Похоже, мои дела на этот раз совсем неплохи. Во всяком случае, куда лучше, чем твои. Но все равно, приятно было вновь встретиться.

Смадж попытался плюнуть ему в лицо, но слюна высохла, кроме того, ему мешали собственные руки.

— Убийца! Палач! — прохрипел он.

— А также вор, чародей и завоеватель, — закончил Джек.

— Если бы я только мог сдвинуться с места...

— Сможешь. Возьми свой меч и подстриги своему дохлому хозяину ногти на ногах.

— Я никогда...

— Тогда отруби ему голову! Одним ударом — быстро и аккуратно. Ты видел, как работает топором палач?..

— Ни за что! Я всегда любил своего господина, и он тоже был добр ко мне и моим товарищам. И чтобы теперь я надругался над его телом?!

— И этого садиста ты еще называешь добрым господином?!

— Да, он был жесток со своими врагами — но они того заслуживали!

— А сейчас перед тобой твой новый господин и хозяин Хай-Дэджн. И у тебя есть только один способ доказать ему свою преданность — принести голову своего прежнего хозяина. К тому же уже мертвого.

— Я не сделаю этого.

— Это для тебя единственный способ сохранить жизнь.

— Нет.

— Ну что ж, в таком случае ты умрешь, но сначала все равно выполнишь мой приказ.

В следующий момент в тело Смаджа словно вселилась чужая воля; он обнаружил, что рука его тянется к мечу. Меч обжег ему руки, но он все равно поднял его и повернулся.

Проклиная своего мучителя и всхлипывая на ходу, он двинулся к телу своего господина. Остановился, подойдя, и резко опустил запевшее лезвие вниз. Голова отлетела на несколько футов в сторону, и кровь залила каменные плиты двора.

— А теперь принеси ее мне.

Его рука ухватила голову за волосы, и Смадж двинулся обратно, неся голову Владыки Нетопырей впереди себя. Джек взял у него его страшный груз и небрежно отбросил в сторону.

— Благодарю. — Он на мгновение бросил взгляд на мертвую голову. — У тебя неплохо получилось. Нет, правда... Кстати, а интересно, что стало с *МОЕЙ* прежней головой?.. Впрочем, неважно. Уж для этой я найду применение.

— А теперь убей меня, — попросил Смадж.

— Извини, но это грязное дело прийдется временно отложить. Пока ты составишь компанию останкам своего хозяина, присоединившись к остальным спящим. Но кое-кто еще бодрствует...

Джек взмахнул рукой, и Смадж с хрипом повалился наземь. Пока он падал, трещавшее вокруг пламя исчезло...

...Дверь отворилась, но Эвин не обернулась. Довольно долго в воздухе висело молчание, и когда наконец раздался голос Джека, она вздрогнула.

— Ты знала, что, рано или поздно, но я приду за тобой, — произнес он.

Она по-прежнему молчала.

— Ты же знаешь, что я всегда выполняю свои обещания.

Тогда она обернулась, и Джек увидел, что она плачет.

— Ты пришел, чтобы украсть меня? — Спросила она сквозь слезы.

— Нет. Я пришел, чтобы сделать тебя хозяйкой Шадоу-Гирд, моя леди.

— Ты пришел, чтобы украсть меня, — повторила она. — Ведь только так ты можешь завладеть мной, кроме того, это твой любимый способ добывать желаемое. Вот только любовь украсть невозможно.

— Без любви я могу и обойтись, — ухмыльнулся он.

— И что теперь? Ты перенесешь меня в Шадоу-Гирд?

— Зачем? Шадоу-Гирд находится здесь! Этот замок и есть Шадоу-Гирд, и нам незачем покидать его.

— Так я и знала, — чуть слышно прошептала она. — ...И ты намерен править здесь, в замке моего мужа. Что ты сделал с ним?

— То, что и обещал. То же, что он сделал со мной.

— А... с остальными?

— Ничего страшного. Они просто спят. Кроме тех, кто может немного развлечь тебя. Выгляни в окно.

Она неуверенно шагнула к окну. Джек отдернул штору и указал вниз. Она проследила взглядом за его рукой. Внизу, по равнине, которой, настолько она помнила, раньше здесь не было, шел Квейзер. Двуполый серый гигант выделывал жуткие фигуры Адской Пляски. Время от времени он оступался и

падал, но тут же поднимался снова и шел дальше...

— Что он делает? — спросила Эвин.

— Повторяет тот подвиг, за который получил в свое время Адский Пламень. И он будет повторять этот свой триумф до тех пор, пока у него не разорвется сердце или что-нибудь еще, и он не упадет замертво.

— Но это же ужасно! Прекрати это!

— И не подумаю. Это ничуть не ужаснее того, что по его милости сделали со мной. Ты по-прежнему утверждаешь, что я обманщик? А, по-моему, я всегда выполняю свои обещания. Я обещал отомстить ему — теперь ты можешь убедиться, что я выполнил свое обещание!

— Какой же Силой ты обладаешь? — Изумилась она. — Насколько я помню, твое могущество было куда скромнее, когда... когда мы еще были хорошими знакомыми.

— Я отыскал Утерянный Ключ Кольвейн!

— Как это тебе удалось?!

— Неважно. Важно то, что теперь я могу двигать горы, перекраивать землю, извергать молнии и призывать на помощь могущественных духов. Я могу уничтожить любого чародея в его логове, там, откуда он черпает свою Силу. Теперь я — самое могущественное существо в мире Мрака!

— Ты прав. Именно — существо, а не человек. Ты сам назвал себя так.

И она отвернулась.

— Если ты пощадишь всех, кто здесь остался, я выполню любую твою волю, — произнесла она наконец после долгой паузы.

Джек с улыбкой протянул к ней руку, но вдруг передумал. «Нет, нельзя быть слишком великодушным», — решил он.

— Теперь я знаю, что жалость — это такая штука, в которой человеку всегда отказывают как раз в тот момент, когда он больше всего в ней нуждается, — сказал он. — А когда тот, кто умолял о жалости, сам вдруг оказывается победителем, те, кто раньше был жесток к нему, на коленях умоляют пожалеть их.

— Я уверена, — ответила она, — что здесь никто не просил у тебя пощады.

Она внимательно всмотрелась в его лицо.

— Нет, — проговорила она. — В тебе нет милосердия. Ни капли. Когда-то в тебе было хоть немного великодушия, я помню это время. Но его больше нет. Ни капли.

— А ты знаешь, что я собираюсь делать с Великим Ключом Кольвейн, когда разделаюсь со всеми своими врагами?

— Откуда мне знать?

— Я собираюсь объединить царство мрака в единое государство.

— И, конечно, править им?

— Разумеется. Поскольку другого претендента на эту роль я просто не вижу. Но мое правление ознаменует эру мира и порядка в царстве тьмы. Я положу конец всем раздорам.

— Это будет *ТВОЙ* мир и *ТВОЙ* порядок.

— Это трудно объяснить сразу. Я долго обдумывал этот план. Да, поначалу я искал Ключ, чтобы отомстить, но когда он наконец попал ко мне в руки, я передумал. Я использую Кольвейн, чтобы раз и навсегда положить конец вечным раздорам между лордами и обеспечить мир и процветание государства, которое я построю.

— Тогда начни прямо здесь и сейчас. Прояви милосердие, восстанови Хай-Дэджн, или Шадоу-Гирд, если тебе угодно...

— Отчасти ты права. В основном, я уже отомстил почти всем своим обидчикам, — задумчиво проговорил Джек, — и все же...

— Начни с милосердия, и тогда вскоре твое имя будет в почете. Иначе, что бы ты ни сделал, тебя проклянут.

— Не исключено, — медленно протянул он, отступая на шаг.

Эвин быстро окинула его взглядом с головы до ног.

— Что у тебя под плащом? Ты, наверное, хотел что-то показать мне?

— Нет, ничего. Извини, сейчас мне надо идти. Но я скоро вернусь...

В следующий момент Эвин рванулась вперед и распахнула плащ Джека.

Секундой позже она издала вопль, и Джек выронил голову Владыки Нетопырей, чтобы успеть схватить ее за руку, в которой она сжимала кинжал.

— Подонок! — Выкрикнула она, пытаясь укусить его за руку.

Сосредоточившись, он пробормотал одно-единственное слово, и кинжал в ее руке превратился в темный цветок. Джек поспешил поднести его к лицу Эвин. Она отплевывалась, кричала, пыталась отвернуться, вырывалась, но он держал ее крепко, и вскоре она стала слабеть, глаза ее закрылись. Она уже почти спала, когда Джек подхватил ее на руки и отнес на постель. В полусне она продолжала слабо сопротивляться.

— Я слышала, что эта Сила может съесть все хорошее, что есть в человеке, — прошептала она. — Но тебе опасаться нечего — в тебе и так нет ничего, кроме зла.

— Может быть, — пожал он плечами. — Но я, тем не менее, сдержу все свои обещания. И у тебя будет возможность убедиться в этом. Со мной вместе.

— Нет! Раньше я покончу с собой!

— Ты не сделаешь этого. Я подчиню себе твою душу, и ты полюбишь меня.

— Тебе никогда не удастся заполучить ни мое тело, ни, тем более, мою душу!

— Удастся, удастся, не беспокойся. Сейчас ты уснешь, а когда проснешься, то уже будешь моей женой. Да, поначалу ты будешь сопротивляться, но это продлится недолго. Сперва ты отдашься мне телом, а потом и душой. Ты будешь ждать, когда я приду к тебе. Потом я приду еще раз, и еще. А затем ты сама придешь ко мне. Спи, а я пока принесу Смаджа в жертву на алтаре его бывшего хозяина и очищу это место от всего, что мне здесь не нравится. Спи спокойно. Когда ты проснешься, для тебя начнется новая жизнь.

И она заснула.

Ее ждала новая жизнь.

X

Отправив барона Драйкхэма в Сточные Канавы Глайва и оставив его владения себе, Джек тем самым решил все пограничные вопросы. После этого его внимание привлекла твердыня Холдинг — родовой дом Полковника, страдающего бессмертием — неприступная девственность которой просуществовала ровно до тех пор, пока Джек не вошел в нее.

В результате всех этих действий, Джек с Полковником сидели в библиотеке, попивая легкое вино и предаваясь воспоминаниям.

Оценив все достоинства вина, Джек коснулся деликатного вопроса о союзе Эвин с тем, кто сумел стать обладателем Адского пламени.

Полковник — чьи впалые щеки украшали лунные серпы шрамов, а подстриженные ежиком рыжие волосы, берущие начало у низкого лба и заканчивающиеся где-то у седьмого позвонка, напоминали конскую гриву — склонил голову над кубком. Туда же были опущены и блеклые глаза.

— Ты меня не так понял.

— Нет, я понял так, — сказал Джек. — Я понял это, как задачу, которую вы поставили передо мной, а не перед любым, желающим насладиться прелестями вашей дочери.

— Признайся, ты потерпел неудачу. Когда появился тот, кто смог заплатить обусловленную цену, я...

— Вам нужно было только подождать — и я принес бы этот камень сам.

— Это, как ты понимаешь, заняло бы много времени, а мне бы было больно видеть свою дочь старой девой.

Джек молча покачал головой.

— А теперь я только рад, что дело так обернулось, —

продолжал развивать свою мысль Бессмертный вояка. — Теперь ты — Могущественный лорд, моя дочь принадлежит тебе, и, я надеюсь, она счастлива. К тому же я владею Адским Пламенем, что тоже делает меня счастливым. Как видишь, все обстоит как нельзя лучше — мы достигли исполнения желаний.

— Ну нет, — возразил Джек. — Думаю, вы никогда не желали видеть меня в роли зятя. Бывший хозяин Хай-Дэджна устраивал вас больше.

— Я...

— Я сказал только, что я «думаю», — остановил его жестом руки Джек. — А не «считаю». Между «на тебе» и «вот тебе» — большая разница. Мне совершенно не хочется знать, что вы там решили... по поводу Эвин и Адского пламени. Я только знаю, что произошло. Учитывая это и то, что вы мой родственник, я разрешаю вам самому покончить с жизнью, не передавая это дело совершенно посторонним людям.

Полковник, подняв на Джека глаза, вздохнул и улыбнулся.

— Благодарю, — сказал он, — весьма тронут. Это очень мило с твоей стороны. Я боялся, что ты будешь возражать.

Кубки вновь наполнились вином.

— Придется на время сменить первую часть моего имени, — сказал Бессмертный Полковник.

— С этим можно не спешить, — любезно промолвил Джек. — В крайнем случае к слову «бессмертный» прибавите приставку «экс».

— Верно. Ты не можешь предложить способ расставания с этим миром поприличней?

— Нет, хотя я и раздумывал над этой проблемой.

— А я над этим как-то не задумывался. Может быть, все-таки, есть что-нибудь не очень банальное?

— Яд. Его можно было бы смело рекомендовать, но механизм воздействия на каждого индивидуума настолько непредсказуем, что боли, им вызванные, могут внести определенный дискомфорт. На мой взгляд, вы добьетесь наилучшего результата, если ляжете в горячую ванну и под водой вскроете вены. Это вполне безболезненно, вы как-бы засыпаете.

— Пожалуй, остановимся на этом.

— Раз так, выслушайте несколько добрых советов.

Он подался вперед, взял Полковника за запястье и повернул тыльную сторону ладони вниз. Правой рукой он вытащил кинжал.

— Ну, дорогой тесть, — начал он давно забытым лекторским тоном, — приступим. Не повторяйте ошибок, которые делают дилетанты: не режьте поперек.

Он воспользовался лезвием, как указкой.

— Вот так. Быстрое свертывание крови может оказаться достаточным для пробуждения. Естественно, придется повторить. И не один раз. Это настолько портит настроение, что даже о минимальном удовольствии не приходится и говорить. Резать надо вдоль, по линиям, вот так, — продемонстрировал Джек. — Если сосуды плохо расходятся, приподнимите их кончиком инструмента и быстро поверните лезвие. Но не тяните вверх: это болезненно. Попытайтесь запомнить. Поворот — очень важный момент, если вам не удастся добиться своего при продольном разрезе. Вопросы есть?

— Н-н-нет.

— Прошу повторить.

— Позвольте кинжал...

— Прошу.

Джек внимательно слушал, одобрительно кивал и лишь иногда делал незначительные замечания.

— Превосходно. Вы оказались хорошим учеником.

— Еще вина?

— Не откажусь... У вас отличные погреба.

— Приятно услышать похвалу.

Где-то высоко над миром тьмы, под темным сводом, восседая на спине обленившегося дракона, которому он скормил Бенони и Блейта, на свежем ветерке Джек счастливо смеялся, и сильфиды вторили ему — теперь их господином был он.

Шло время. Все пограничные споры Джек разрешал в свою пользу. Правда, споров становилось все меньше и меньше. В начале с ленцой, а потом все больше распаляясь, он взялся за написание огромного фолианта «Опыт культуры Царства Тьмы. Сравнительная оценка», применяя знания, полученные на дневной стороне. Теперь, когда его власть распространялась почти на все царство ночи, он стал собирать ко двору тех, кто своим знанием или своеобразным искусством смогли бы оказаться полезными в историческом, техническом и художественном плане. Он уже серьезно подумывал о том, чтобы его труд был опубликован на дневной стороне. Это было выполнимо — он контролировал контрабандные пути, а его агенты имелись во всех главных городах.

Он восседал в Шадоу-Гирд, в прошлом Хай-Дэджн, в огромном замке с высокими залами, к сводам которых едва добирался свет от множества горящих факелов; с подземными коридорами и большим количеством разнообразнейших башен, высоких и не очень, круглых и квадратных; с разбросанными повсюду красивыми, не имеющими цены, вещами. В подземных лабиринтах, как и в коридорах наверху, постоянно плясали тени, а грани несметных сокровищ множили огни

факелов, сверкая ярче, чем солнце над дневной стороной мира. Он сидел в библиотеке Шадоу-Гирд и трудился над своим исследованием. На его столе стояла пепельница из черепа бывшего хозяина замка, искусно инкрустированная золотом.

Джек закурил. Вредная привычка, приобретенная на дневной стороне и способствующая установлению тайной торговли с дневными соседями. Вредная, но довольно приятная. Он наблюдал, как табачный дым поднимается к потолку, смешиваясь с дымом свечи. Его наблюдения прервал Стэбб — летучая мышь, которой вернули человеческий облик; теперь его личный слуга, который вошел и остановился на соответствующем этикету расстоянии.

— Господин, — обратился он.

— Да?

— Тут одна старуха у ворот требует встречи с вами.

— Скажи ей, чтобы она убиралась.

— Она утверждает, что вы ее приглашали.

Джек разглядывал маленького черного человечка. Несоответственно длинные руки и ноги, и пучки белых волос над вытянутым лицом делали его похожим на насекомое. И все-таки, Джек его уважал — когда-то Стэбб был очень приличным вором, пытавшимся даже ограбить бывшего владельца замка.

— Приглашал? Не помню. Что ты о ней думаешь?

— Похоже, она с запада, господин.

— Странно... Не помню.

— Она говорит, что вы должны ее знать. Ее имя Роз.

— Розалинда?! — вскричал Джек, выпрямляясь. — Веди ее сюда, Стэбб.

Джек стряхнул пепел в череп.

— Интересно, твой дух уже бродит здесь? — негромко сказал он. — Мои чувства говорят, что это возможно.

Он вспомнил — нужно написать записку, по которой несколько человек с жесточайшими головными болями будут приговорены к смерти и отправлены патрулировать Сточные Канавы.

Джек заканчивал писать, когда Стэбб ввел Розалинду в комнату. Поднимаясь, он глянул на слугу, и тот исчез.

— Роз! — Джек сделал шаг навстречу. — Вот здорово!..

Она не проявила большой радости, но когда он предложил ей сесть, удобно расположилась в кресле.

«О, боги! Как она похожа на использованную метлу, — не нашел ничего лучшего для сравнения Джек. — И все же... Эту метлу звали Розалинда.»

— Ты, как ни крути, пришла в Шадоу-Гирд, — сказал он. — За кусок хлеба, который ты тогда дала мне, ты будешь иметь хорошую еду. За добрый совет тебе всегда будет оказана честь.

Слуги будут угождать тебе, купать и одевать. Если ты желаешь овладеть Искусством, я познакомлю тебя с высшей магией. Стоит только попросить — и все желаемое исполнится. Мы проведем в твою честь торжества... когда подготовимся! Роз, добро пожаловать в Шадоу-Гирд!

— Я пришла ненадолго, Джек. Мне захотелось еще разок взглянуть на тебя, на твои новые наряды, на превосходный черный плащ. А сапоги? На них нет даже маленького пятнышка. Я никогда не видела таких блестящих...

— Я уже не хожу так много... Как когда-то.

— И не крадешься тенью. В этом нет нужды, — добавила она. — Ты заимел собственное королевство, Джек... Такого большого я еще не встречала. Теперь ты счастлив?

— Я не скажу «нет».

— Теперь я знаю — ты ходил к машине, думающей быстрей, чем человек. А ведь я тебя предупреждала, помнишь?

— Да.

— И она помогла тебе отыскать Ключ Величия Кольвейн.

Джек подошел к столу, схватил сигарету, закурил, глубоко вдохнул дым и, поглядев в сторону Розалинды, кивнул.

— Это не подлежит обсуждению.

— Конечно, конечно, — согласилась Розалинда. — Ведь вместе с Ключом ты получил и Силу, соответствующую твоему высокомерию, а ведь ты даже не подозревал, что оно у тебя есть.

— Готов согласиться с тобой.

— Расскажи мне о женщине.

— Какой?

— Я видела в холле красивую женщину с зелеными глазами и одеждой под цвет глаз. Я поздоровалась и она улыбнулась, хотя дух печали следовал за ней, проливая слезы. Что ты с ней сделал, Джек?

— Я сделал то, что мне предписывала необходимость.

— Ты что-то похитил... мне неизвестно, что... Как ты обворовывал всех, кого знал. У тебя есть хотя бы один друг? Которому ты бы дал, а не взял...

— Есть, — прозвучало в ответ. — Он сидит на вершине Паника, наполовину камень, наполовину... Не знаю что. Я много раз ходил к нему и всеми Силами пытался освободить, но... даже Ключу пришлось отступить.

— Утренняя Звезда... — покачала она головой. — Твой единственный друг проклят богами.

— Роз, за что караешь меня? Я готов вознаградить тебя за все муки и страдания, которые выпали на твою долю не только по моей вине.

— Женщина, которая мне улыбнулась... Ты бы смог вер-

нуть ей то, что когда-то отнял? Если бы я тебя об этом попросила?

— Наверное, — ответил Джек. — Но вряд ли об этом попросишь. Даже если я верну похищенное, ей грозит безумие.

— Почему?

— Ей пришлось многое увидеть и познать.

— И виновен в этом ты?

— Я лишь исполнил предначертанное.

— Ни одна человеческая душа не заслуживает страдания, которое я видела в ее глазах.

— Душа! И ты туда же! У всех она есть, кроме меня! Ты уверена, что мне незнакомы страдания? А Эвин... она отчасти человек.

— И у тебя есть душа, Джек. Я принесла ее с собой.

— Мне не понятны сказанные тобой слова.

— Я принесла ее с собой, Джек, — повторила она. — Я нашла ее в Сточных Канавах Глайва — ты оставил ее там, как и все люди тьмы. Я вытащила ее на всякий случай — авось в один прекрасный день она тебе пригодится.

— У тебя странные шутки.

— Это не шутки.

— А как ты узнала, что эта душа принадлежит мне?

— Я тебе говорила — я Ведунья.

— И на нее можно посмотреть?

— Смотри.

Он потушил сигарету. Роз тем временем развернула маленький узелок. В нем лежало что-то совсем небольшое, завернутое в чистую холщовую тряпицу. Она развернула и ее, положив на ладонь.

— И это — душа?! — громко захохотал Джек.

Маленький серый шарик на свету словно ожил, начал переливаться; его поверхность заблестела, стала зеркальной и, наконец, абсолютно прозрачной. Внутри шарика заиграла радуга.

— Красиво, но это просто камень, — сказал Джек.

— Когда ты пришел в себя там, в Сточных Канавах Глайва, он был с тобой, верно?

— Даже если он был у меня в руке, что с того?

— Почему ты выбросил его?

— Не видел причины не делать этого.

— А ведь он оказывался у тебя каждый раз после очередного пробуждения!

— Ну и что?

— В нем заключена твоя душа. Когда-нибудь тебе захочется соединиться с ней.

— С этим камнем? Что я с ним буду делать? Носить в кармане?

— Во всяком случае это лучше, чем бросить ее в навозную кучу.

— Дай сюда!

Он выхватил камень из ее рук и начал разглядывать.

— Тоже мне душа, — усмехнулся он, — неприглядный камень, скорее даже яйцо большого навозного жука. И воняет он, как воняет все в Сточных Канавах Глайва.

Он взмахнул рукой, чтобы швырнуть камень.

— Не смей! — крикнула Розалинда. — Это... Это твоя душа... — закончила фразу она уже еле слышно.

Камень ударился о стену и рассыпался на тысячу осколков.

— Я должна была это предвидеть. Никому из вас нет никакого дела до души! А тебе она нужна меньше всех. Ты ведь прекрасно понимаешь, что это не камень и не яйцо. Если бы это было так, ты бы не пришел в такое бешенство. Ты почуял опасность, опасность лично для себя!.. Разве я ошибаюсь?

Но Джек молчал. Повернув голову в сторону камня, он не сводил с него глаз. Роз посмотрела туда же.

Над разбитым камнем поднялось туманное облачко. Оно быстро разрасталось, паря над осколками. Потом замерло, начав приобретать контуры человеческой фигуры.

Черты фантома напоминали Джеку его самого. У него перехватило дыхание, но он продолжал таращить глаза. Облако постепенно становилось все плотнее, и это длилось до тех пор, пока Джеку не почудилось, что перед ним — близнец.

— Кто ты? — спросил Джек одними губами.

— Джек, — с трудом разобрал он ответ.

— Джек — это я, — возразил он. — А кто ты?

— Джек, — услышал он вновь.

Джек повернулся к Розалинде.

— Это ты его притащила?! Ты и гони его вон!

— Я не могу, — ответила она, уронив руки на колени. — Он твой.

— Почему ты не оставила эту чертову штуковину там, где она лежала?

— Там ей не место. Это твоя душа.

— Эй, ты! Ты — душа?

Призрак задумался.

— Минутку, дай сообразить... Ты знаешь, я подумала и считаю, что это так. Я — твоя душа.

— Чья?!

— Твоя.

— Прекрасно! — Джек посмотрел на Розалинду. — Ты и

вправду отплатила мне, а, Роз? Что я теперь буду с ней делать? На черта она мне нужна? Если я умру и эта штука будет гулять на свободе, — я пропал, возврата не будет. А как ты сдыхалась от своей?

— Что я могу сказать... — ответила она. — Мне казалось, так будет правильно — принести и отдать тебе.

— Для чего?

— Помнишь, когда-то я сказала тебе, что барон был всегда добр ко мне. И ты хорошо помнишь, как, захватив его земли, ты вспорол ему живот и подвесил за ноги. Из моих глаз, видевших это, текли слезы. Ручьем, Джек... Он был единственным, кто относился ко мне по-доброму. А о твоих делах я слышала много, но ничего хорошего. Сила, которой ты владеешь, может причинить лишь зло, и ты этим хорошо пользуешься. Я надеялась, если я найду твою душу, может, она смягчит твою злобу и алчность.

— Роз, Роз, — посочувствовал он. — Ты — дура. Даже если у тебя благие намерения, все равно ты — дура.

— Может быть, ты прав, — подтвердила она, сплетя пальцы рук и оглядываясь на душу, которая внимательно их разглядывала.

— Итак, душа, — обратился к призраку Джек, поворачиваясь, — ты слышала все. Какие будут предложения?

— Желание у меня одно.

— Хотел бы знать — какое?

— Быть с тобой. Слиться и пойти по жизни, заботясь о тебе, предостерегая тебя и...

— Достаточно, — прервал Джек, подняв руку. — Что тебе для этого нужно?

— Твое согласие.

— А если ты его не получишь?...

— Мне придется стать бродяжкой. Я буду ходить за тобой на расстоянии, не имея возможности ни поддержать, ни предостеречь...

— Ты меня растрогала, — сказал Джек. — Пошла вон! Вот тебе мое согласие!

Джек сделал непристойный жест.

— Так с душой не поступают. Я хочу помочь тебе, одернуть, если появится нужда, а ты даешь мне пинок под зад. «Вот идет душа Джека, — станут говорить люди,— она достойна сожаления. Она общается с духами, астралами...»

— Давай, давай отсюда, — кивнул в сторону дверей Джек, — проживу без тебя. Я вас, ублюдков, знаю. Вы меняете людей, но мне плевать на эти перемены. Не желаю, и все. Я и так счастлив. Ты — ошибка. Возвращайся в Сточные Канавы

Глайва, твое место там. Или иди на все четыре стороны. В общем, поступай, как знаешь, но оставь меня в покое.

— Ты это серьезно?

— Серьезней быть не может. Больше того, я подарю тебе новенький кристалл, красивее прежнего, и сиди в нем, если тебе это нравится.

— Твое предложение запоздало.

— Но это лучшее, что я могу тебе предложить.

— Даже если ты не хочешь слиться со мной — позволь остаться. Может, я когда-нибудь пригожусь, дам совет или поддержу тебя. И ты поймешь, что сделал правильный выбор. Прошу тебя, не вышвыривай меня, как какую-то попрошайку.

— Катись, катись!...

И Джек назвал адрес, по которому — по мнению Джека — должна была катиться его душа.

— А если я все-таки не уйду, а останусь с тобой?

— О, тогда я призову и направлю на тебя самые разрушительные силы Ключа Величия Кольвейн! И те, которые я раньше не призывал.

— Ты готов уничтожить собственную душу?!

— Ты угадала, черт побери! Проваливай!

Душа повернулась к стене. И исчезла.

— Так, с этим делом покончено. Теперь надо подобрать тебе покои и слуг, — обратился Джек к Розалинде. — И начнем подготовку к торжествам.

— Не нужно, Джек, — послышалось в ответ. — Я пришла повидаться с тобой... Вот и свиделись. Я хотела кое-что принести тебе — и принесла. Больше мне ничего не надо. Все.

Она поднялась, собираясь уходить.

— Погоди, куда ты пойдешь?

— Скоро кончается мое время Ведуньи Западных границ. Я вернусь на дорогу, ведущую к морю... В таверну «Под Горящим Пестиком». Если повезет, я найду какую-нибудь потаскушку из таверны. Когда я начну слабеть, она будет следить за мной. А я взамен обучу ее своему Искусству.

— Побудь хоть немного, — предложил Джек. — Отдохнешь, поешь...

— Не хочу. Мне здесь не хочется находиться. Не нравится.

— Что ж, раз твое решение твердо, разреши облегчить твою дорогу. Ты не будешь идти пешком.

— Благодарю, не надо.

— Тебе нужны деньги?

— Меня могут ограбить.

— Я дам охрану.

— Я предпочитаю путешествовать в одиночестве.

— Доброго тебе пути, Розалинда.

Он смотрел, как она уходит. Потом подошел к камину, развел огонь и долго глядел на разгоревшееся пламя.

***

Джек работал. И чем больше разрастались «Опыты», тем больше места отводилось в них Джеку. Он представал в них фигурой выдающейся, что, впрочем, соответствовало действительности. Он был полновластным правителем царства Ночи. Куда ни повернись, можно было увидеть его бесчисленные изваяния в бронзе, граните, мраморе... Менестрели и поэты слагали баллады и оды о его мудрости и силе. Песен и стихов о его былых проделках и мошенничествах давно не было слышно. Четырежды, развлекаясь, он позволял Владыке Нетопырей, Смаджу, Квейзеру, барону Драйкхэму и Блейту пройти половину пути из Сточных Канав Глайва, и с удовольствием наблюдал, когда их возвращали назад — каждый раз другим способом. Это было не только развлечением — таким образом он хотел избавиться от них навсегда, исчерпав до конца отведенные им жизни. На празднествах, устроенных Джеком по случаю возвращения Полковника, Эвин танцевала и смеялась. Запястья тестя были еще перевязаны, но он произносил громкие тосты, наслаждаясь вином из погребов, некогда принадлежавших ему.

— За владельцев Шадоу-Гирд, — провозглашал он. — За хозяина и хозяйку! Пусть власть и счастье царствуют в этом доме, пока над нами царствует Ночь.

Потом Полковник, Ни Разу Не принявший Смерть От Чужой Руки залпом осушал кубок и наблюдал, как его наполняют вновь.

Все веселились.

С вершины горы Паник Утренняя Звезда — живое продолжение горы — смотрел на восток.

Душа, на каждом шагу посылая проклятия, блуждала в ночи.

В Стране Сумерек скользкому страшилищу снилась кровь.

И вот наступил час, когда Договор был нарушен.

Наступили холодные времена, и Джек сверился со Скрижалью. Он нашел в ней имена тех, кому пришел срок нести службу. Он выжидал, но ничего не произошло.

Наконец он протрубил сбор и явились Лорды Тьмы.

— Господа, — сказал он, — пришел ваш черед стоять у Щита, но вы до сих пор не приступили к несению службы.

— Сир, — прервал молчание остальных лорд Олдридж, — мы решили отказаться от этой чести.

— Причины?

— Вы нарушили Договор. Нарушены многие статьи Договора, — поправился он, — и жизнь переменила свое течение. Пусть остается все, как есть. Но это путь к разрушению. Вы можете нас казнить, но мы и шага не сделаем в сторону Щита. Если вы так могущественны, вы сможете обуздать Силу Щита. А мы? Мы можем только умереть.

— Ты слышал, Стэбб, что он сказал? — обратился Джек к слуге. — Проследи, чтобы им помогли расстаться с жизнью.

— Но, господин...

— Ты плохо слышишь?

— Слушаюсь, господин.

— Я сам разберусь со Щитом.

К утру лорды расставались с тем, с чем расставаться было проще всего. С жизнью.

А Джек двинулся в путь-дорогу.

На вершине горы, которая встретилась ему первой, он сделал привал и принялся за решение задачи. Он предельно обнажил свою суть, открыв ее всем ветрам, и обнаружил в Щите трещину.

Концом меча Джек начал царапать на большом камне что-то, похожее на чертежи. Сперва штрихи тлели, но когда он закончил свою работу, они стали светиться. Джек произнес заклинания Ключа Величия Кольвейн.

— Приветствую тебя...

Джек резко обернулся, выставив меч вперед.

— Это я...

Меч медленно опустился. Порывы ледяного ветра пронизывали Джека насквозь.

— Зачем ты явилась?

— Я иногда следую за тобой. Мне интересно, что ты сейчас делаешь.

— Не могу сказать, что я рад встрече...

Джек снова повернулся к чертежу.

— Объясни, что ты делаешь?

— Хорошо, только прекрати свое нытье.

— Я — пропащая душа. А пропащие души всегда ноют.

— Скули, если ты без этого не можешь. Меня это не трогает.

— Но то, что ты делаешь...

— Я хочу восстановить Щит. И, думаю, вывел формулу заклинаний.

— Позволь усомниться.

— Что ты этим сказать?

— Это не по силам свершить одному.

— Попробую доказать обратное.

— Я могу тебе помочь?

— Я не нуждаюсь в помощи!

Джек склонился над чертежом, работая мечом и бормоча заклинания. Ветры раздували огоньки, и те начинали струиться.

— Все, я должен уходить, — сказал Джек. — Держись от меня подальше, пропащая душа.

— Неужели мы никогда не соединимся с тобой?

— Когда-нибудь, возможно. Когда мне станет скучно. Но не теперь.

— Значить, надежда все-таки есть?

— Все может случиться. Но как бы там ни было — только не сейчас.

Джек выпрямился и начал разглядывать дело рук своих.

— Не получается?

— Перестань каркать.

— Значит, не вышло...

— Заткнись!

— Может быть, вместе...

— Я сказал — нет!

— Мы могли бы попробовать.

— Пробуй в аду!

— Я лишь хотела тебе...

— Ты можешь оставить меня в покое?!

— А что будешь делать ты?

— Прочь!

Джек воздел руки к небу и швырнул в него Силу.

Ничего не произошло.

— Как же так? — еле вымолвил Джек.

— Я знала, что так будет. Ну, что теперь?

— Надо сообразить...

— Я подскажу тебе, как поступать.

— Как?

— Единственный твой друг — Утренняя Звезда. Иди к нему, он знает многое. Думаю, он сумеет дать совет.

Джек, ежась от ветра, глянул на чертеж. Потом вздохнул.

— Кажется, ты права, — сказал он.

— Скоро, очень скоро ты в этом убедишься.

Джек плотнее завернулся в плащ.

— Пойду, поброжу в тени.

И он пошел среди теней, и достиг горы, и стал подниматься наверх.

На самой вершине он увидел смотрящего на восток Утреннюю Звезду.

— Я пришел.

— Вижу.

— И знаешь, чего я хочу?

— Да.
— Мое желание выполнимо?
— Все может свершиться...
— Я готов на все.
— Тебе будет тяжело.
— Я знаю это. Говори.
Утренняя Звезда чуть повел своими громадными плечами. И начал говорить...
— ...Смогу ли я свершить это?
— Кто-то должен.
— Нужно ли мне еще с кем-нибудь встречаться?
— Нет.
— Что ждет меня — успех или крах?
— Не знаю. Я как-то говорил тебе про тени.
— Я помню.
Воцарилась тишина.
— До свидания, Утренняя Звезда.
— Прощай, Джек.
И Джек ушел в тень.

Огромный лаз, куда попал Джек, вел к центру планеты. Пятна света иногда возникали на его стенах, и Джек, нырнув в тень, за мгновения преодолевал огромные расстояния. Там, где была кромешная тьма, он двигался, как и любой другой.

Джек шел, не останавливаясь. Изредка он видел боковые галереи, темные провалы дверей... Но он не тратил время, чтобы внимательно их рассматривать. Доносились до него и топот копыт, и царапанье когтистых лап по камню. Однажды он прошел мимо открытой топки, с горящими в ней костями. Пару раз он слышал дикие крики женщин, причиной которых могла быть только невероятная боль. Он нигде не задерживался, но меч держал наготове.

Джек миновал галерею, вход в которую закрывали нити паутины толщиной с добрую веревку. Плел эти сети громадный паук. Джек пустился от него со всех ног.

Паук не бросился его догонять. Вдогонку Джеку раздался только ехидный смешок.

Когда он уже не мог бежать и остановился, чтобы перевести дух, он заметил стены, покрытые плесенью. По ним бегали многочисленные ящерки.

Сыростью был пропитан даже воздух. Где-то вдалеке можно было различить шум, напоминающий речной.

Джек продолжал свой путь, натыкаясь на вдруг возникающие поперек его дороги расщелины и провалы, из которых иногда вырывались языки пламени в сопровождении зловонных испарений.

Прошло достаточно много времени, прежде чем он добрался до очень узкого — в ладонь шириной — металлического моста. Переброшен мост был через бездну, заглянув в которую, Джек, кроме мрачной черноты, ничего больше разглядеть не смог. Выбора не было, и после короткой заминки он, не торопясь и балансируя, двинулся вперед. Только когда его нога ступила на противоположный берег, Джек облегченно вздохнул и пошел вперед, не оглядываясь.

Стены тоннеля расступились, а потом и вообще исчезли, достигнув такой высоты, что свод стал едва различим.

Сзади, сбоку, внизу что-то двигалось, перемещалось; невидимые темные массы — ощущалась только часто менявшаяся плотность — затрудняли продвижение Джека, но создавать даже небольшой огонь он не стал, — мешал страх. Яркий и сильный огонь здесь тоже был не желателен, даже возникший на короткое время; он бы сразу исчез, как только Джек вошел в тень. А тогда бы снова наступила темнота.

В какой-то момент Джек подумал, что сбился с дороги. Он забрел в невероятных размеров пещеру.

Но вдруг он заметил светящуюся впереди узкую полоску. Пусть к ней оказался намного длиннее, чем он мог предположить. Когда он, наконец, добрался до цели, оказалось, что это большой темный водоем, поверхность которого отливала рыбьей чешуей. Он отражал свет, исходящий от слабо мерцающей, покрывшей все стены и потолок, плесени.

Джек двинулся вправо от бассейна, пытаясь в обход достичь другого берега. В сгустившейся тьме он услышал всплеск, и его рука еще крепче сжала эфес меча.

Решив, что он обнаружен, Джек произнес заклинание и над бассейном вспыхнул яркий свет. Рябь рассекаемой воды указывала, что по направлению к месту, где он стоял, что-то быстро движется под водой. Немного погодя в сторону Джека потянулись черные когтистые щупальца, с которых стекала вода.

Щурясь от им же сотворенного света, Джек двумя руками занес над собой меч.

Призвав на помощь Силу, дарующую точность и неотразимость удара, он перерубил ближайшее щупальце. Оно упало к его ногам и, извиваясь, сбило его на землю.

Уже лежа на спине, Джек подумал, что ему повезло — там, где мгновение назад находилась его голова, второе щупальце со страшной силой рассекло воздух.

Следом за этим над водой появилась круглая, как шар, голова, покрытая шевелюрой извивающихся отростков, каждый из которых был толщиной в палец Джека. В нижней части шара зияло большое отверстие. Пустые глазницы не помеша-

ли симпатичному созданию начать движение в сторону Джека.

Повторив предельно быстро формулу Ключа, Джек, как и немного раньше, держа меч двумя руками, направил его в сторону чудовища.

Лезвие меча засияло, раздался звук, напоминающий разряд молнии, и с кончика меча побежал огненный ручеек.

Джек еще не описал мечом круг, в центре которого он находился, а его ноздри уловили запах паленой плоти. И все же диковинная тварь приближалась. Джек уже видел огромную зловонную пасть и множество клыков, ее украшающие. Поврежденное щупальце, как и обрубок второго, рассекало воздух в опасной близости. Страшилище истекало слюной и противно шипело. Джек послал луч меча на извивающуюся гриву зверя.

Раздался звук, похожий на утробный вой, и порождение ада кинулось назад, в воду.

Когда огромная туша рухнула в купель, Джека окатило волной.

Но содрогнулся он не от волны, а от вида безобразно мерзкой, отвратительной до головокружения той части тела, что должна была называться спиной — чего-то извивающегося, склизкого, сплетающегося и расплетающегося одновременно.

Джек опустил меч в воду и еще раз повторил заклинание, тем самым тысячекратно усиливая мощь своего оружия. Меч в руках завибрировал, и Джек употребил всю свою силу, чтобы удержать его. Он сумел это сделать и стоял в сиянии света, рядом с неподвижными щупальцем.

Джек сам был испуган овладевшей им и одновременно подчиненной ему Силой. По всему телу побежали ручейки пота, его всего покрыла испарина — словно еще одной теплой одеждой.

С шипением или, скорее, с визгом, всколыхнув в центре водоема поверхность, выскочил почти наполовину тот же диковинный зверь и тут же рухнул в образовавшуюся воронку. Джек не шевелился. Он продолжал держать меч в воде, пока та не закипела.

Больше чудовище не появлялось.

Джек без пищи и сна шагал берегом водоема, постепенно огибая его. Уснуть он боялся. Наконец, он отыскал ход в дальний тоннель. Теперь Джек продолжал движение уже по прямой.

Когда он проходил место с горящими огнями, на него набросились два косматых звероподобных человека. Джек нырнул в тень и довел их до исступления, не дав им возможность пообедать собой. На убийство и мучения он не хотел зря тратить время, и поэтому велел теням перенести его как можно дальше.

Освещенное место осталось далеко позади и Джек понял, что придется миновать еще один опасный участок на пути к цели.

Правда, ему долго пришлось шагать, прежде чем он почувствовал запах, напомнивший ему Сточные Канавы Глайва, а, может быть, что-то еще более противное, если это только возможно. Он понял, что вновь сможет видеть, хотя света и не будет. А, главное, не будет милых его сердцу теней, в которых он бы смог растворяться. Джек снова обдумал свой план, стараясь уточнить или угадать детали.

Запах становился все более нестерпимым, и под конец Джек выдержал нелегкий бой со своим желудком, чтобы оставить в нем то, что поддерживало его силы.

Потом Джек почувствовал, что стал видеть. Это чувство было не похоже на то, что мы подразумеваем, когда говорим «видеть», но он видел.

Джек видел печальный скалистый ландшафт. Казалось, по нему размыта вселенская скорбь. Было очень тихо, между скал сонно клубился туман, над стоячими лужами висело марево испарений. Чуть над головой оно сливалось с туманом, чтобы время от времени снова пролиться на унылую поверхность гнусным дождем. Вот и все, что можно было разглядеть. Да еще озноб пробирал до костей...

Джек быстро шел, почти бежал, стараясь побыстрей миновать все это.

Еще не успев одолеть и небольшой части пути, он уловил едва заметное движение. Он увидел, как из одной — до того неподвижной — лужи, выпрыгнуло крошечное, покрытое темной мохнатой шерстью существо и уставилось на Джека.

Кончиком обнаженного клинка Джек несильно толкнул лохматое создание и быстро, на всякий случай, отступил на шаг, ожидая результата. Тот не заставил себя ждать — началось моментальное преображение, воздух словно взорвался. И существо уже возвышалось над Джеком на кривых черных ногах. Лицо у него отсутствовало. Точнее, было что-то плоское и черное, как ночное беззвездное небо. Дергая хвостом, оно заговорило.

— Идущий по дороге, назови имя твое.

— Ладно, — согласился Джек и представился.

Существо пало перед ним ниц.

— Господин! — воскликнуло оно, не поднимая головы.

— Меня зовут именно так. И с этой поры ты должен мне повиноваться.

— Не смею возражать.

— Именем, которое я произнес, повелеваю: доставь меня к самой дальней границе твоих владений. Продолжай движение до того места, дальше которой нет хода ни тебе, ни тебе подобным.

— Я сделаю все, как ты велишь.

— Да будет так!

— Позволь еще раз услышать имя твое...

Джек повторил.

— Теперь пригнись ниже, чтобы я мог оседлать тебя, — сказал Джек. — Ты будешь отличным скакуном.

Джек вскочил на мохнатую спину и, подавшись вперед, ухватил за рога средство своего передвижения.

— Давай, — скомандовал он.

Джек слушал цокот копыт, звуки, подобные перезвону колоколов, ощущал мягкую, очень теплую и шелковистую шерсть...

Движение ускорилось настолько, что он мог видеть лишь размытый пейзаж, не успевая хоть на чем-нибудь задержать свой взгляд.

...Потом наступила тишина.

Джек чувствовал, как в темноте, окружавшей его, что-то происходит. Его лицо, в такт с сильно бьющимся сердцем, обдавали порывы ветра. Он чувствовал свой полет на огромных черных крыльях, оставляя позади землю скорби и печали. Казалось, этому полету не будет конца. От существа, несущего Джека, шел одуряющий запах едкого пота, который с успехом соперничал со зловониями, сопровождающими Джека с тех пор, как он увидел этот удручающей ландшафт. Даже летя со скоростью вихря, Джек успевал заметить знакомые темные очертания или силуэты, — там, далеко-далеко, над самой землей.

Скорость, с которой они передвигались, вызывала встречное сопротивление воздуха. Руки Джека, крепко ухватившиеся за густую шерсть, занемели. Ладони болели больше, чем в тот раз, когда он кипятил мечом черный водоем с черным чудовищем.

Он боялся, что его сморит сон и он ослабит хватку.

Борясь с навалившейся дремотой, Джек начал размышлять о странностях бытия. «Удивительно, — думал он, — злейший враг оказал неоценимую услугу... Не укажи Владыка Нетопырей путь — я бы не овладел Силой. Великой Силой, позволяющей мстить врагам, получить Эвин...

Эвин... То, как я удерживаю тебя, не приносит мне радость, но кто подскажет другой путь к тебе? И есть ли он, этот другой?.. Нет, ты заслужила то, что имеешь. Разве любовь — не заклятие? Один любит, другой лишь позволяет себя любить. И тот, кто любит — обречен подчиняться. Так было всегда. И все. И хватит об этом...»

...Потом возникли, сменяя одна другую, мысли об ее отце, Полковнике, о Квейзере, о Смадже, Блейте, бароне Драйкхэме... Со всеми он рассчитался сполна, никому не остался дол-

жен... Розалинда, старушка Роз... Интересно, жива ли она? Может, он еще отыщет ее в таверне «Под Горящим Пестиком», на дороге, что тянется вдоль побережья... Боуршинн... Вот бы узнать, выжило ли изуродованное им существо, идет ли по его следу, обуреваемое только одной страстью: жаждой мщения... Боуршинн был последним оплотом Владыки Нетопырей, последней надеждой на отмщение. Эта мысль взорвалась в его голове, как Стручок гоблинкай. И он вдруг вспомнил давно позабытое: Дагот, исследования, компьютеры, девушку... Как ее звали?... Клер, да, да...

Джек улыбнулся — он помнил имя, а образ расплывался, таял, не давая уловить суть... А потом этот Квиллиан... Его лицо он, конечно, запомнит надолго. Джек и сейчас испытывал к нему жгучую ненависть. Он доставил себе удовольствие еще раз представить Квиллиана в лапах обезумевшего от боли Боуршинна... Ха-ха, тот, конечно, принял его за Джека... А немыслимое бегство от Света домой, в Царство Тьмы... И сомнения, дрожь нетерпения — прав ли он? Верны или нет распечатки компьютера, секрет Ключа Величия Кольвейн? Ах, как замерло сердце, как перехватило дыхание, когда он узнал результат... С тех пор он не был на дневной стороне, но странную тоску или — как там говорят — ностальгию по дням, проведенным в университете, он испытал.

Может быть, это результат размышлений постороннего наблюдателя, а тогда я сам был частью происходящего...

...Но о чем бы он ни думал, мысли постоянно возвращались к Утренней Звезде, к горе Паник, живым продолжением которой и был его друг. Единственный друг.

...Джек перебрал в голове все события от начала Игр Ада и до момента стремительного полета...

...И опять мысли вернулись к Утренней звезде. Что роднило их? Ничего вразумительного по этому поводу Джек сказать бы не смог. Но он испытывал к этому загадочному созданию непреодолимое влечение. Никто больше не вызывал у Джека таких чувств. И еще он чувствовал, что по необъяснимой причине Утренняя Звезда питает к нему то же самое.

...Утренняя Звезда. Это он посоветовал довести до конца предначертанное.

Потом Джек начал думать о той огромной ноше, которую он взвалил на себя, об ответственности за положение вещей, существующее в царстве Тьмы. Так получилось, что́ ему одному из всех приходится идти по этому пути. Одному. Но это было не сознание долга, не понимание того, что он один в ответе за все. Скорее его гнало чувство самосохранения. Если льды Вечной Зимы закуют в свои кандалы его царство, он

погибнет вместе с ним без надежды на новое воскрешение.

...И опять мысли вернулись на гору Паник, к ее вершине с живым продолжением — Утренней Звездой...

«Не торопись, Джек, не торопись!» — сказал себе Джек. Конечно, эта тварь по сравнению с Утренней Звездой, как пигмей и великан... У этой мохнатой вонючки вместо лица темное пятно, а черты Утренней Звезды полны сдержанного благородства. От этой скотины идет такая вонь, что боишься обморока, а Утренняя Звезда пропах пьянящими запахами горных ветров и ароматом горных дождей. А разве можно сравнить доброту и мудрость Утренней Звезды со звериной тупостью и злостью?! Ну, имеет и тот и другой рога и крылья... Но это ни о чем не говорит! Ведь эта тварь готова служить тому, кто произнес заклятие, или имя, подобное заклятию, а существует ли некто, кто сумел бы подчинить своей воле Утреннюю Звезду?

И все-таки... Он ведь тоже заколдован, пусть не так, как я заколдовал эту тварь, пусть как-то по другому, но ясно одно — это было под силу только богам.

Нет, эта идея не подходила.

Да и какое это имеет значение! Утренняя Звезда — мой друг. Я могу узнать у этой чертяки, знакомы ли они — но это ничего не меняет. Утренняя Звезда — мой друг.

Мир вокруг Джека стал еще более темным. Джек крепче сжал пальцы, державшие шерсть, потому что они начали резко снижаться. Очевидно, близилась граница, которую рогатый конь не смел пересечь.

В конце концов, ему сообщили о завершении этой части пути, с большим желанием придать голосу приятную интонацию.

— Только до этих пределов я мог донести тебя, господин. Черный камень перед тобой стоит на границе царства видимой тьмы. Я не смею нарушить ее. Дальше тебе придется идти самому.

Джек миновал черный валун, и тьма за ним оказалась абсолютной.

Он обернулся.

— Хорошо. Я отпускаю тебя. Помни одно: если нам суждено встретиться вновь, ты не смеешь действовать мне во вред, а будешь выполнять все, что я тебе прикажу. А теперь — иди.

И Джек пошел прочь от границы, чувствуя близость цели.

Это можно было определить по легкому сотрясению земли под ногами, по еле ощутимой вибрации воздуха. Казалось, все это исходит от гудящих где-то вдали механизмов.

Он шел и думал о том, что ему предстоит. Очень скоро волшебство потеряет свою силу, даже Ключ Величия Кольвейн

станет простой игрушкой. Но Джек понимал, что пересекаемое им черное пространство свободно от зла. Это просто чернота — и все. Джек сотворил маленький, чуть мигающий огонек — благо это пока еще было возможно — и дорога осветилась хотя бы под ногами. Сбиться с пути было нельзя — нужно только идти на усиливающийся звук.

..И по мере того, как звук становился громче, сила Джека, творящая путевой огонек, становилась все слабей и слабей.

Джек усилил внимание, нисколько не печалясь об угасшем огоньке — вдали была видна светящаяся точка.

XI

Вместе с ростом пятна света росли вибрация и гул. Наконец, стало настолько светло, что Джек смог разглядеть дорогу, а немного погодя освещение достигло такой яркости, что Джек в сердцах обругал себя за забывчивость и пожалел о забытых дома темных очках.

Нестерпимый свет превратился в четкий горящий квадрат. Джек долго смотрел на него, давая глазам привыкнуть к свету. По мере продвижения вперед он это проделывал не один раз, так как резь в глазах причиняла боль.

Запах, а, точнее, смрад, который преследовал Джека долгое время, исчез. На смену ему пришел освежающий прохладный воздух.

Так он шел, пока не оказался перед светлым входом — или выходом и все, что Джек смог разглядеть — это желтое, а, вернее, белое сияние. Гудение, скрежет и звяканье стали сильными настолько, что стало казаться, будто там, за входом, работает множество механизмов.

....Или Большая Машина.

Джеку пришлось лечь ничком. Он пополз вперед, стараясь побыстрее очутиться там, по другую сторону ярко светящегося проема.

Он лежал на карнизе, и его разум отказывался понять то, что он увидел внизу.

Там было столько механизмов, что одно простое их перечисление отняло бы уйму времени. Каждый из них вращался — одни быстрее, другие медленнее. Джек видел трудно вообразимое количество разных кулачков, рычагов, панелей, кнопок управления, рукояток, маятников... Одни из них были раз в двадцать больше Джека и ход их был тяжеловесным и замедленным, за скоростью других глаз не мог уследить; какие-то детали штопором ввинчивались в цилиндры и выползали наружу из блестящих металлических пазов; различной

окраски, размера и конфигурации конденсаторы, трансформаторы, выпрямители; огромные корпуса из вороненой стали, с многочисленными циферблатами, переключателями, кнопками и несчетным множеством разноцветных, постоянно мигающих лампочек. Все это шло в сопровождении не смолкающего ни на мгновение шума, лязга, гула. Гудели генераторы, размещенные еще ниже, а, быть может, и что-то совершенно другое, что получало энергию из недр планеты, от ее тепла, гравитационного и энергетического полей, или от скрытых от разума и глаза сверхнапряжений... В голове Джека стоял гул, будто прямо возле уха трудился громадный пчелиный рой. Резко пахло озоном. От стен котлована исходил яркий свет, который помог разглядеть целую вереницу вагонеток, движущихся по проложенным из конца в конец комплекса рельсам, которые иногда останавливались, чтобы выгрузить в определенных точках смазку для механизмов. Силовые кабели, словно паутина, опутывали все видимое, но недоступное пониманию Джека, сооружение. Мелкие же детали, спрятанные за стеклянными окошками крохотных коробочек и связанные с прочими тонюсенькими проводками, Джек со своего места четко видеть не мог, да и не пытался. Не меньше сотни похожих на лифты механизмов то ныряли в глубины, то исчезали наверху, останавливаясь только затем, чтобы вытолкнуть очередную порцию механизмов. Широкие красные полосы на дальней от Джека стене придавали всему этому бредово-фантастический вид.

Осмыслить увиденное разум Джека был не в состоянии. Невозможно было понять то, что он видел, чувствовал, обонял, слышал... На стендах висели циклопических размеров инструменты для обслуживания и ремонта: невероятной величины гаечные ключи, плоскогубцы, отвертки, рычаги. Какие же великаны могли пользоваться ими? Джек чувствовал, что со всем этим разобраться невозможно — и искал ту оптимальную точку воздействия на гигантскую структуру, которая должна была все это уничтожить. Где-то должна была находится такая штуковина, которая — если ей правильно воспользоваться — сломает Большую Машину.

Джек прополз вперед еще немного, уже пытаясь не обращать внимание на то великолепие, которое он никогда раньше не видел и больше не увидит.

Заглянув вниз, он обнаружил справа от себя — на довольно приличном расстоянии — лестницу, и двинулся к ней.

Карниз стал еще уже, но Джеку удалось добраться до верхних ступенек.

Он начал долгий спуск вниз.

Еще не достигнув дна котлована, он услышал чьи-то шаги. На удивление от того, как он мог их услышать в этом непрекращающемся шуме, времени не оставалось — Джек отступил в тень.

Тень, не имея здесь привычных Джеку свойств, все же скрыла его. Прижавшись спиной к стене какого-то генератора, который, к счастью, находился рядом с лестницей, Джек замер в ожидании, пытаясь обдумать свой следующий шаг, — и увидел маленького седого человека. Тот тянул канистру со смазочным маслом и, останавливаясь у очередного механизма, заливал смазку в специальные отверстия.

Джек наблюдал за ним до тех пор, пока человек не приблизился.

— Здравствуйте, — вежливо поздоровался Джек, заставив коротышку вздрогнуть от неожиданности.

— Что?.. Кто вы?

— Я? Человек. Человек, пришедший к вам.

— Как вы здесь оказались?

— Это слишком длинная история. Мне хотелось прийти сюда — и я пришел.

— Зачем?

— Чтобы кое о чем вас спросить.

— Только для этого? Приятно слышать. Готов ответить на ваши вопросы.

— Меня интересует устройство машины.

— О, это слишком сложный вопрос.

— Не сомневался. На простые я могу найти ответ и сам. Итак?

— Ну что же...

Джек был ошеломлен услышанными пояснениями. Он кивал, чувствуя, как руки сами собой напрягаются.

— Вы поняли?

— Да.

— Я еще что-то должен сделать?

— Да. Вы должны умереть.

— Что?..

На этот вопрос Джек ответил ударом кулака в левый висок.

Потом он посмотрел на набор инструментов возле машины. Среди многочисленного оборудования ему приглянулся увесистый стальной брусок непонятного назначения, но достаточно тяжелый. Взяв его, Джек отыскал — в соответствии с объяснениями старика — небольшой корпус из стекла с тысячью крошечных деталей, вращающихся по заданной им программе — одни быстрее, другие медленнее. Разбив бруском

стекло, Джек принялся уничтожать весь внутренний механизм. С каждым новым ударом он слышал скрежет и треск разрушающихся блоков. Затем последовал, похожий на сирену, пронзительный вой, внутри что-то взорвалось, и из развороченной конструкции повалил дым.

И началась цепная реакция. Из строя стали выходить другие механизмы. Один из самых массивных заработал с перебоями, сбавил обороты, остановился и снова заработал, но еще медленнее, чем раньше.

В то время, как Джек крушил другие корпуса, емкости со смазкой словно взбесились. Беспорядочно мечась, они выливали содержимое где попало и возвращались к кранам за новыми порциями масла. Внутри механизмов словно что-то лопалось, пол дрожал, несколько поршней, покинув свои цилиндры, вырвались на свободу. Запахло горелой изоляцией, в едком дыму можно было увидеть языки пламени. От испарений грудь Джека раздирали приступы кашля.

Машина содрогнулась до основания, на какое-то время замерла и вновь заработала, набрав бешеные обороты. Все содрогалось, лязгало, металось, тряслось. Огромное механическое образование разрывало самое себя на куски с нестерпимым для ушей Джека грохотом. Обрушив последний удар на Машину, Джек бросился к лестнице.

Когда он уже карабкался вверх, он увидел внизу громадные фигуры, мчавшиеся к изувеченной Машине.

Лестница осталась позади, Джек вновь был на карнизе и, не раздумывая, бросился в темноту, из которой пришел.

Так начал рушиться мир. Мир, который он знал. Обратная дорога оказалась намного опасней, чем та, по которой он шел сюда. Земля дрожала, в воздухе поднялась вековая пыль, стены трескались, вверху отваливались куски свода. По пути ему пришлось расчистить два завала, чтобы иметь возможность продвигаться дальше. В довершение ко всему все население тоннеля бросилось в паническое бегство, на ходу нападая друг на друга с многократно увеличенной жестокостью. Джек и сам уничтожил многих, освобождая себе путь к выходу из этого ада.

Наконец, тоннель остался позади и Джек поднял голову, глядя на черную сферу неба. От нее исходил холод еще больший, чем раньше, когда Джек только начинал свою миссию. А еще он обратил внимание на то, что шар чуть изменил свое положение.

Теперь можно было исполнить данное себе слово. Произнеся заклинание Ключа Величия Кольвейн, Джек в мгновение ока перенесся на берег океана, к таверне «Под Горящим

Пестиком». Он зашел в эту латаную-перелатаную древнюю гостиницу, построенную из местного дерева, пытаясь припомнить, когда же она появилась. Земля дрогнула, а стены заходили ходуном, когда он спускался по лестнице, ведущей в большой обеденный зал. Потом шатание и треск прекратились и после тишины, наступившей за колебаньями земли, до Джека донесся гул голосов обедавших у пылающего жаром камина людей.

Джек направился в их сторону.

— Где я могу найти старуху по имени Розалинда? — спросил он. — Она еще обитает здесь?

Широкий гигант поднял глаза от тарелки и Джек увидел русую, кучерявую бороду и багровый шрам, пересекающий весь лоб.

— Кто ты такой? — поинтересовался он.

— Джек из Шадоу-Гирд.

Это произвело впечатление. Мужчина широко раскрытыми глазами глянул на Джека и быстро их опустил.

— Мне неизвестно это имя, господин. А вам, ребята?

Остальные пятеро обедавших хором сказали «нет», не забыв добавить «господин».

— Кто хозяин этой таверны?

— Его зовут Гаррик, господин.

— Где я могу его найти?

— За дверью в конце зала, справа, если смотреть отсюда, господин.

Направляясь к двери, Джек услышал сказанное кем-то в тени свое имя.

Миновав два лестничных пролета, Джек попал в маленькую комнатушку. Там сидел краснолицый толстяк в грязном фартуке и сосредоточенно тянул из большой кружки молодое вино. Желтая свеча, стоящая перед ним, давала мало света, но это обстоятельство не помешало Джеку отметить грубые черты опухшего от чрезмерного употребления алкоголя лица. Глаза на этом лице пытались сфокусировать свой взгляд на Джеке.

Когда попытка увенчалась успехом, толстяк задал Джеку вполне естественный вопрос.

— Чего надо?

— Мое имя — Джек, если оно тебе что-нибудь говорит. И должен тебе сказать, что мой путь сюда был очень долгим, Гаррик. Так, кажется, тебя зовут? А ищу я старуху, Розалинду. Она хотела прожить здесь срок, который ей отмерен. Ты, наверное, знаешь о ней?

Гаррик старательно наморщил лоб, всем своим видом

выражая усиленную работу мысли, потом, порывшись в памяти, прищурил глаза и произнес:

— Разрази меня гром! Жила у меня одна старуха... Померла не так уж давно...

— Да-а, — протянул Джек. — Тогда не скажешь ли ты, где зарыто ее тело. Я хочу сходить на ее могилу.

Гаррик маленькими глотками допил вино, тыльной стороной ладони провел по губам, а рукавом грязной рубашки коснулся глаз, что, по его мнению, должно было означать крайнюю скорбь.

— Не тут-то было! Мы держали ее из жалости. И потом, она кое-что смыслила в заговорах и знахарстве.

Джек скрипнул зубами.

— Что же вы с ней сделали?

— А ничего. Бросили в океан. Не скажу, что это была добрая пожива для рыб...

...Джек шел к океану, а за его спиной пылала таверна «Под Горящим Пестиком», полностью оправдывая свое название.

Джек шел вдоль берега, и дрожание земли, передаваясь воде, тут же запускало в пляс хоровод звезд, в ней отраженных. Усталость давила на плечи, меч стал слишком тяжелым, хотелось плотней завернуться в плащ и прилечь, хоть ненадолго. И выкурить сигарету.

Он шел, еле волоча ноги, тонущие в прибрежном песке. Очнулся он лишь от шока, вызванного неожиданной встречей.

Навстречу ему шел он сам.

— А, это ты, душенька, — сказал он.

— Зря ты спалил таверну, — ответила та. — Осталось совсем немного ждать — океан вырвется на свободу и гигантские волны омоют землю. Первой они бы накрыли гостиницу.

— Ты, как всегда, не права. Это было нужно моему сердцу. Так что причина была... А откуда тебе известно, как поведет себя океан?

— Я не покидаю тебя. Я была с тобой на вершине Паника, когда ты вел беседу с Утренней Звездой; шла за тобой в глубь земли, когда ты крушил Большую Машину. Я пришла за тобой и сюда.

— Зачем?

— Ты сам знаешь.

— А ты знаешь ответ.

— Сегодня все изменилось, Джек. На все, что ты совершил, ты потратил много сил, если не все... Вполне вероятно, что ты загубил свои жизни, кроме той, которой живешь сейчас. Значит, я тебе нужна. И тебе это ведомо.

Джек смотрел на светлячки звезд, отраженные в воде.

— Вероятно, — ответил он. — Но еще не время.

— Кто знает... Посмотри на восток, Джек. Прошу тебя, посмотри.

Джек повернул голову.

— Ну и что? Горит таверна...

— Значит, ты не хочешь, чтобы мы...

— Не сейчас. Но можешь идти за мной. Я направляюсь в Шадоу-Гирд.

— Хорошо.

Неожиданно земля содрогнулась так, как ни разу до этого. Джек с трудом устоял на ногах.

Когда подземная волна ушла в сторону океана он, как и когда-то, кончиком меча начал выводить на песке кабалистические знаки.

Джек уже заканчивал произносить заклинания, как огромная волна — теперь уже океанская — накрыла его и сбила с ног. Она выбросила его значительно выше того места, где он находился до этого. Джек знал, что скоро набежит следующая, и попробовал, — воспользовавшись той, которая несла его, — оказаться как можно дальше от берега. Легкие, не получая кислорода, горели огнем.

Он полз, зарываясь в песок, перед глазами устроили карусель огненные круги, а он полз вперед и вперед, стараясь выиграть лишние метры прежде, чем волна схлынет.

Джек вырывался, волна тащила его назад, в океан, он цеплялся за песок, прижимался к нему, загребал руками, упирался ногами и продолжал ползти...

...Джек почувствовал, что выиграл.

Он лежал пластом, лицо почти полностью было зарыто в песок, ногти на руках были обломаны и кровоточили, в сапогах хлюпала вода... Но он выиграл.

— Джек! Сюда! Умоляю!

Это был крик души.

Это был зов души.

А он лежал, хватая воздух ртом, без движения, не имея сил даже пошевелить рукой.

— Джек! Идет вторая волна! Постарайся, Джек! Или возьми меня к себе!

Джек, застонав, сделал попытку встать. Не удалось.

Со стороны охваченной огнем таверны — она слабо озаряла берег все это время — раздался треск: рухнула одна из стен, а следом за ней и крыша.

Освещения убавилось и вокруг Джека заплясали старые друзья — тени.

Каждая из них, упав на него, по капле дарила ему силу.

— Скорее, Джек! Ну, вставай же!

Джек поднялся на колени, а потом — рывком — во весь рост. Качаясь из стороны в сторону, он пошел на крик.

Добравшись до верхней террасы, он двинулся вглубь берега.

Джек слышал, как его догоняет гул набегающей волны.

Он даже не повернул головы.

Потом раздался громоподобный рокот — это волна рухнула на берег.

Его обдало водяной пылью. И только.

Он чуть раздвинул губы в улыбке.

— Ну, как? Нуждаюсь я в твоих услугах?

— Думаю, скоро они тебе будут нужны, — улыбнулась в ответ душа.

Джек оглядел себя. Кинжал на поясе отсутствовал. Его вместе с плащом стянул океан. За ними последовал и меч, которым он чертил на песке в тот момент, когда накатила волна.

— Море обворовало вора. — Он рассмеялся. — Симпатичный каламбур, но он усложняет задачу.

Упав на колени и морщась о боли в израненных руках, Джек начал пальцем выводить на песке известные лишь ему знаки.

Потом прозвучало заклинание...

...Он стоял на коленях в большом зале Шадоу-Гирд.

Колеблющееся пламя факелов и громадных свечей создавало много тени, и Джек замер, разрешая теням омывать себя.

Потом он встал с колен.

— Что теперь? — спросила душа. — Будешь мыться, отсыпаться?

Джек покачал головой.

— Ну нет!.. Я не упущу момент величайшего триумфа... Или поражения. Я останусь здесь. Надо только принять наркотик, чтобы снова стать сильным и, конечно, быть начеку.

Он прошел в кабинет, где находилось все, что ему было нужно.

Прикрыв двери, Джек — бормоча заклинания — несмотря на дрожь в руках, приготовил ароматное снадобье. Прежде, чем проглотить приготовленный эликсир, он долго плевался, освобождая рот от песка.

Выйдя, он запер двери кабинета и двинулся к стоящей рядом скамье.

— Ты не спишь уже очень давно... Когда ты шел к Большой Машине, тебе помогло то же самое?

— Это мое дело. Во всяком случае, как видишь, я не

слабей тебя, — усмехнулся Джек.

— Тебе многое предстоит...

Джек промолчал. Ничего не сказал он и спустя некоторое время — когда его начал трясти озноб.

— Что, помогает не сразу, да?

— Заткнись!

Джек рывком встал со скамьи и раздраженно крикнул:

— Стэбб! Черт побери! Куда ты подевался, скотина! Я вернулся!

Черный человечек вырос, как из-под земли.

— Господин! Вы уже дома?! Мы не знали...

— Теперь знаете. Мне нужна ванна, чистая одежда, новый меч и еда... Много еды! Я подыхаю с голоду!

— Слушаюсь, господин!

Черный человечек растворился.

— Ты боишься? Разве нужен меч в собственном доме, Джек?

Джек рассмеялся.

— На то есть особые причины. Ты же, по твоим словам, бродишь за мной, и должна знать — обычно дома я себя так не веду. Отсюда следует, что ты просто хочешь вывести меня из себя, так?

— Не дать успокоиться — прерогатива души, ее долг.

— Забудь о своих привилегиях до лучшей поры.

— Но сейчас самый раз, Джек. Лучшего момента не найдешь. Ты же опасаешься, что вассалы восстанут, если ты потратишь свои силы?

— Я уже сказал — заткнись!

— Ты знаешь, что они тебя зовут Джекки-Злодей?

Джек вновь засмеялся.

— Ничего не выйдет, не старайся. Я не дам разозлить себя. Разве не ясно, что ты хочешь затянуть меня в свои сети... Да, мне знакомо это прозвище. Но очень немногие называли меня так, глядя в глаза. И никто не сумел это сделать дважды. Неужели трудно понять, что любой из моих вассалов, окажись он на моем месте, носил бы такое же прозвище — «злодей».

— А почему? Потому, что у них, как и у тебя, нет души!

— Не буду спорить, — сказал Джек. — Но мне любопытно — почему никто даже не заикнулся по твоему поводу?

— Меня никто не видит, кроме тебя. Да и ты видишь, когда я этого хочу.

— Замечательно! — воскликнул Джек. — Сделай одолжение, перестань быть видимой для меня! Может быть, тогда я смогу спокойно вымыться и поесть.

— Прости, я не готова сделать это.

Джек пожал плечами и отвернулся.

Когда в зал внесли наполненную до краев ванну, здание дрогнуло так, что по стене черной молнией пробежала трещина. Пара свечей, упав с высоты, сломалась и погасла, да и воды в ванной поубавилось. В покое рядом из потолка вывалился камень, правда, не произведя значительных разрушений.

Джек еще раздевался, когда принесли меч. Не удержавшись, Джек тут же опробовал его и остался доволен.

Он только заканчивал мытье, а стол уже был накрыт.

Джек завершил свое сидение в ванной, вытерся, оделся и направился к столу, прихватив меч с собой.

Ел он медленно, наслаждаясь, каждый кусок доставлял ему максимум удовольствия, и продолжалось это очень долго...

Зайдя в кабинет за лежавшими там сигаретами, он направился к основанию башни, которую любил больше всего, и стал подниматься по лестнице, ведущей наверх.

Через широкую бойницу башни он долго вглядывался в черную сферу. Дым сигареты не помешал заметить, как ощутимо сместилась сфера за то время, когда он в последний раз глядел на нее. От наркотика или чего-то другого, но его охватил восторг от содеянного. Что бы его ни ожидало — он владыка, творец нового мирового порядка, нового положения вещей.

— Ты не испытываешь сожаления? — спросила душа.

— Нет, — ответил Джек. — Я сделал то, что сделал.

— И тебе не жаль?

— Нет.

— А почему ты сжег «Под Горящим Пестиком»?

— Это была месть за Розалинду.

— Ты что-нибудь чувствовал там, на берегу?

— Да.

— Голод, усталость? Или что-то еще?

— Печаль... И сожаление.

— С тобой уже бывало такое?

— Нет.

— Знаешь, почему ты испытал такие чувства?

— Мне нечего ответить. Если знаешь сама — скажи.

— Потому что я была рядом. Ты освободил меня и я пошла за тобой, ты начал чувствовать меня. Ну, скажи, тебе от этого стало хуже?

— Отвечу потом, — сказал Джек. — Я пришел сюда не слушать твою болтовню, а посмотреть, что происходит.

...Тот, кто искал Джека, услышал его. И гора у горизонта сбросила свою вершину, изрыгая из своего чрева огонь и пепел. И снова замерла.

XII

Грохот разваливающихся на куски каменных глыб достиг слуха Джека. Ему почудилось, будто стонет вся земля, исторгая из своего сердца разрывающий уши вопль. Он видел, как огненные линии пронизывали ее, пересекая во всех направлениях.

Его ноздри уловили ядовитые запахи взбунтовавшихся подземных недр. Хлопья пепла, похожие на нетопырей, кружили в холодном небе. Звезды, нарушая извечные законы, изменили свое положение. Вершины семи гор, стоящих вдали, пылали яркими факелами. Джек вспомнил, как заставил двигаться одну из них. С неба сыпался ливень метеоритов, напоминая Джеку про день последнего воскрешения в Сточных Канавах Глайва. Вырвавшиеся на свободу пар и дым превращались вверху в темно-серые облака, затмевая звезды. Шадоу-Гирд сотрясался до основания. Джек не боялся всего, что происходит с крепостью; не боялся, что башня, на верхней площадке которой он стоял, развалится — он любил этот замок и положил на него сильнейшее из заклятий Ключа Величия Кольвейн. Он был уверен — пока у него Сила — Шадоу-Гирд не будет разрушен.

Рассматривая горы, он достал новую сигарету. Туда же, на горы, смотрела стоящая рядом душа.

Там, вдалеке, началась гроза. Тучи оттуда неспешно двигались в сторону крепости, перепрыгивая с горы на гору. Молнии сопровождали это движение, и небо от них словно пылало. Грозовой фронт неумолимо накатывал на Шадоу-Гирд.

Буря уже была рядом, над головой. Джек с улыбкой вытащил меч из ножен.

— Что ж, душенька, — нарушил он молчание, — посмотрим, велика ли моя Сила.

Мечом он начертил на камне замысловатый узор и произнес заклинание.

Молнии и гром стали обтекать Шадоу-Гирд, как река обтекает остров, оставляя крепость неуязвимой.

— Да, ты многое можешь.

— Благодарю.

Они находились по каким-то чудодейственным прозрачным куполом. Вокруг бунтовала земля, бесновалась буря, огненным дождем проливалось небо. А там, где находились Джек и его душа, царил мир и покой.

— Что скажешь ты теперь? — спросила душа.

— Многое. Теперь можно о многом поговорить, верно?

Душа молчала.

На лестнице раздались шаги, которые Джек не мог не услышать, не мог не узнать.

— Это Эвин, — сказал Джек. — В грозу она всегда приходит ко мне. Гроза ее пугает.

Появилась Эвин и, увидев Джека, молча бросилась к нему. Накрыв ее полой плаща, Джек обнял ее. Она прижалась к нему, не в силах унять дрожь, пробиравшую ее.

— Неужели ты не жалеешь ее, не жалеешь, что так с ней поступил?

— Отчасти, — ответил Джек.

— И ты не хочешь все изменить?

— Нет.

— Понимаю, возвратив память, ты сделаешь ее своим врагом.

Джек промолчал.

— Не волнуйся, она нас не слышит. А если она и увидит, как ты шевелишь губами, то решит, что ты шепчешь заклинания... Значит, ты боишься ненависти?

— Нет.

Теперь замолчали оба.

— Ты боишься, — вновь нарушила молчание душа, — что вернувшиеся воспоминания сведут ее с ума?

— Да.

— Ты полон чувств и эмоций намного больше, чем я могла предположить.

Сверкание молний и дождь метеоритов беспокоил Эвин, и она, заглянув Джеку в глаза, сказала:

— То, что происходит вокруг, пугает меня. Может быть, будет лучше, если мы спустимся вниз?

— Нет. Ты иди, если хочешь. А я побуду здесь.

— Тогда останусь и я.

Постепенно гроза отступала, уходила, пока не затихла совсем. Правда, горы еще извергали огонь, но уже не так энергично, как еще недавно, а сквозь трещины в земле лишь изредка прорывались языки пламени. Подняв голову вверх, Джек увидел, как в воздухе кружатся белые хлопья. Но это был не пепел, а снег.

Джек вдруг ясно осознал, что уже ничего не будет. Он почувствовал себя шаром, из которого выпустили воздух. Больше ничего не нужно было делать. Можно было только наблюдать.

— Эвин...

— Да, господин.

— Я должен тебе сказать...

— Говори, любимый.

— Я... — Джек хотел продолжить, но только вздохнул. — Нет, ничего. А душа стояла рядом, у него за спиной, замерев в ожидании. В Джеке возникло неведомое доселе чувство, оно переполняло его, рвалось наружу — и он не выдержал. Он еще крепче прижал ее к себе, обняв теплые, податливые плечи, и сказал:

— Я бесконечно сожалею. Прости меня.

— За что, любимый?

— О, если бы это можно было объяснить... Давай подождем. Кто знает, может и придет час, когда ты вспомнишь сказанное мной.

Она на мгновение задумалась, потом, стараясь избавиться от того, что не могла осмыслить, прошептала, тепло дыша Джеку в самое ухо:

— Я не желаю, чтобы оно приходило, Джек. Я так счастлива с тобой...

Внутри Джека что-то сжалось, в горле перехватило дыхание, он замер, всем телом ощущая гулкие удары сердца...

...*ОН* приближался с востока. *ОН* шел, не ведая страха, сквозь огонь, холод, грозу, не замечая содроганий земли и бунта неба. *ОН*, словно призрак, скользил по склонам холмов, струился ручьем среди скал, змеей полз среди камней — уворачиваясь от падающих и ища защиту у неподвижных. Однажды *ЕГО* ударила молния, но не опалила. Кем *ОН* был? Куском иссеченной шрамами протаплазмы, которая по всем существующим законам не должна была жить, не должна была двигаться? Наверное. *ОН* не жил в том смысле слова, которое вкладывали в это понятие не только жители дневной стороны, но и населяющие царство Тьмы. *ОН* не имел имени. Комок врожденных рефлексов и инстинктов трудно было назвать разумом. *ОН* не был наделен рассудком или чувствами. Кроме одного. Одно — единственное, всепоглощающее чувство было настолько велико, что позволяло не обращать внимание на раны, ожоги, переломы, боль. Путь, по которому *ОН* двигался, был чист — все живое разбегалось по сторонам, боясь попасть под каток ненависти, катящийся по этой дороге.

Билась в судорогах земля, грохотали обрушившиеся с вершин гор камни, бурлили огненные реки, тучи проливали пламя — *ОН*, не останавливаясь, двигался дальше и дальше.

Перед последним подъемом *ОН* на мгновение остановился, потеряв след. Нет, вот он... И вел туда, куда нужно.

Неприступные стены, надежная охрана...

У *НЕГО* не было разума. *ОН* не был способен на хитрость. Но у *НЕГО* было то одно, единственное чувство...

...Джек смотрел на восток.

— Выиграю я или потеряю, — убежденно сказал он, — но я совершил задуманное.

Эвин промолчала.

Откликнулась душа.

— Потеряешь. Будет или не будет польза для мира — совсем другой вопрос. Но ты, Джек, теряешь.

И Джек осознал — да, так оно и есть.

Небо на востоке посветлело.

Оно становилось светлей не от падающих дождем метеоритов, не от освещавшего его снизу огня вулканов, не от грозовых молний, нет. Это менялся мир, и Джек чувствовал, как все больше слабеет его Сила. Черная сфера на западе опустилась настолько, что готова была взорваться от наступающего рассвета.

Сила покидала его и неприступные стены Шадоу-Гирда начали осыпаться.

— Нам лучше покинуть башню. Время не терпит.

— Тебе-то что, душа? Ты же бестелесна. А я... Я не побегу. Эту башню рассвет не разрушит.

А далеко внизу стены осыпались каменным градом, стуча по мощеным плитам площадей крепости. Одна из стен наполовину обрушилась, явив миру убранство залов дворца. Даже сквозь весь этот шум Джек различал крики челяди, пробегавшей по двору.

Земля содрогнулась вновь и башня зашаталась.

Джек произнес заклинание. Ничего не произошло.

— Ключ Величия Кольвейн опять утерян, — сказал он. — На этот раз навсегда.

Послышался рокот, напоминающий шум бунтующей весной горной реки — и дальняя сторона замка осела, подняв в воздух облако каменной пыли.

— Ты можешь не уходить, но что станет с девушкой, которую ты любишь?

Джек взглянул на Эвин. Она стояла, прижавшись к нему, и ее тепло было его теплом, ее дыхание смешивалось с его дыханием. И это было так естественно, что он забыл о ее присутствии. Но теперь он заметил, что Эвин как-то странно смотрит на него. А когда она заговорила, он услышал, что голос ее звучал не так, как прежде.

— Джек, что происходит?

Джек почувствовал, как она оцепенела на какое-то мгновение.

Потом едва заметно она отодвинулась от него. Он разжал руки, чтобы не мешать ей.

Он все понял. Магия теряет свою силу. Наложенное на

Эвин заклятие уже не действует. Становилось светлей, над миром вставала заря. И она освещала самые дальние и темные уголки памяти Эвин.

Он попытался завладеть ее вниманием, желая смягчить переход сумеречного сознания к мгновенному озарению, и начал говорить.

— Да, все это совершил я. Вписанные в Уставную Скрижаль не захотели нести дежурство у Щита, сдерживая внешний холод, и я казнил их. Я думал, что всегда найду им замену. Не тут-то было. Других я не нашел. А мне одному это оказалось не под силу. Выбора не оставалось. Я разрушил Большую Машину, поддерживающую мировой порядок.

Легенды и мифы царства Тьмы возникают из того удивительного и непонятного, что на дневной стороне называют наукой. И мы уверены — мир движет Машина. Живущие на светлой стороне суеверны не меньше нас. Они утверждают, что в центре земли, среди расплавленных минералов и элементов живет дух огня. Кто из нас прав? Мудрецы и философы и тут, и там твердят, что мир иллюзорен и существует только в нашем сознании. Мне плевать на это. Чтобы понять реальность, от которой мы, по их выводам, изолированы, я и предпринял путешествие к земному ядру, вызвав там катастрофу. То, что мы видим — ее результат. Мир начинает вращаться. Приходит конец царствам Тьмы и Света. Свет и Тьма, скорее всего, будут регулярно сменять друг друга по всей планете. Что-то подсказывает мне, что Тьма найдет кое-где себе прибежище, сохранится в чем-то, к чему мы привыкли. А науки? Они, конечно, будут процветать среди тех, кто родился под светлым небом.

«Все будет так, — подумал он, — если мир уцелеет».

Интересно, а как сейчас там, на дневной стороне? Что они чувствуют, видя, как наступает вечер, впервые зажигая для них звезды?

Такой, как Пойндекстер, вполне может решить, что это просто проделки подвыпивших студентов в связи с окончанием семестра...

— Теперь, — продолжил Джек, — ни к чему создавать защиту от жары или холода. Тепло звезды, вокруг которой мы с самого Начала совершаем свой оборот, распределится равномерно. Я думаю...

— Джекки-Злодей! — Эвин отшатнулась от него.

Боковым зрением он уже уловил сияние поднимающейся на горизонте оранжевой дуги.

Под ее лучами задрожала башня, все больше раскачиваясь, низвергая вниз камни, которые, упав, сотрясли ее.

...Эвин, изогнувшись, приготовилась к прыжку. Густые волосы развевал ветер, широко раскрытые глаза горели безумием.

Джек увидел в ее правой руке кинжал.

Облизнув пересохшие губы, он отступил на шаг.

— Эвин, прошу тебя, выслушай меня, пожалуйста! Я не хочу сделать тебе больно. Я и так виновен перед тобой. Убери свою игрушку, умоляю. Я готов...

Когда она прыгнула на Джека, он снова отступил чуть в сторону.

Клинок прошел рядом с ним. Он стиснул ее плечи.

— Джекки-Злодей! — вновь воскликнула она и снизу ударила его по руке, до крови рассекая ее.

Джек ослабил хватку. Она воспользовалась этим и вырвалась. Потом бросилась на него опять с удвоенной силой, пытаясь добраться до горла.

Перехватив левой рукой ее запястье, он правой отшвырнул Эвин от себя. В свете зари он хорошо разглядел ее лицо: клочья кровавой пены в уголках рта, багровые струйки, текущие по подбородку из прокушенных губ...

Падая, она попыталась найти опору, спиной наткнулась на балюстраду, и та рухнула вниз, увлекая Эвин за собой.

Джек, не раздумывая, бросился к ней, но успел увидеть только ее юбки, которые развевал ветер, пока она не упала на плиты двора.

Крика он не услышал.

Башня ходила ходуном.

Солнце явило миру половину своего лика.

— Джек! Уходи! Замок рушится!

— Теперь уже все равно, — откликнулся он.

Но подчинился и направился к лестнице...

...Через дыру в северной стене *ОН* пробрался в крепость, дрожа в предвкушении близкой встречи.

По дороге к вожделенной цели *ОН*, не раздумывая, убивал, оставляя тела там, где *ОН* помог им расстаться с жизнью. Однажды на *НЕГО* обрушилась часть свода. *ОН* выкарабкался из своей каменной могилы и продолжил поиск.

Где было нужно, *ОН* становился призраком, где было необходимо — извивался змеей; скрывался в нишах, стоял за портьерами, сливался со стенами, прятался за мебелью, в складках драпировки... Однажды ему пришлось потерять много времени, прячась за большим, недавно свалившимся камнем, пока обезумевшая челядь — без всякой пользы — таскала ведра с водой, пытаясь потушить пожар.

ОН почуял след, когда продирался сквозь лабиринт об-

ломков и камней.

След петлял, пропадая, но потерять его он уже не мог.

ОН шел и знал — куда.

Наверх.

Рухнувшая балюстрада, развевающиеся парусом юбки Эвин, на фоне разорванной светом тьмы неба; кровавая пена и безумные, с неправдоподобно расширенными зрачками, глаза — вот только частичный перечень пунктов обвинения, который мог представить Джеку суд. Высший суд. Судороги израненной земли, пугающие своей монотонностью, настолько привычные, что стали как бы формой покоя; нагромождения камней, цвет которых приобрел кровавый оттенок в свете новоявленной зари; ветры, как трубы нижних регистров органа, играющего траурную мессу; медленно, как во сне, разрушающиеся стены и башни — действовали, вопреки здравому смыслу, почти успокаивающе...

Джек стоял на верхней ступени лестницы, когда увидел *ЕГО*.

Джек вытащил меч и замер в ожидании.

«Удивительно, — мелькнула мысль, — впереди всего идет инстинкт самосохранения».

Меч тоже замер в его руке.

...Когда Боуршинн, преодолев последние ступени, бросился на него, Джек успел пронзить левое плечо врага, чуть выше сердца. Затем резко качнулся в сторону и, не удержав меч, выпустил оружие из рук. Боуршинн проделал весь свой путь не для того, чтобы умереть после первого же удара. Были ли силы, которые смогли бы его остановить? Он сумел нанести Джеку удар сзади, сбил его с ног и склонился над ним.

Джек, не медля ни секунды, откатился в сторону и, вскочив на ноги, приготовился к прыжку, стараясь опередить Боуршинна. Меч блестел в свете зари, продолжая торчать в развороченном плече, но Джек не увидел крови — на краях раны появилась только густая коричневая масса.

Джек, сумев избежать второй атаки, нанес, казалось, сокрушающий удар двумя руками, но видимых последствий он не заметил. Руки били словно по вате.

Он еще дважды уворачивался от горы злости, обрушившейся на него. В одном случае он успел нанести удар по ноге, во втором — стукнуть по затылку, когда тварь проскочила мимо.

Боуршинн все-таки схватил Джека, но тот, воткнув меч еще глубже, выскользнул из разорвавшейся туники.

Постоянно кружа, стараясь держать Боуршинна на предельной дистанции, Джек успел поднять с плит площадки два больших каменных осколка. Сделав шаг в сторону при оче-

редном нападении, Джек попытался ударить вновь проскочившего мимо него противника одним из осколков, стараясь размозжить затылок, но... Не успев принять боевую стойку после своего промаха, Джек был смят не заставившей себя ждать очередной атакой.

Джек продолжал наносить удары камнями по голове, пока те не выпали из его рук. Ребра Джека трещали, морда твари находилась так близко, что Джек увидел свое отражение в горящих ненавистью зрачках. Джеку хотелось кричать, но сплющенные ребра давили на легкие, не давая воздуху наполнить их.

Зато он услышал крик своей души.

— Ты ошибся в выборе, Джек!

Боуршинн, чувствуя близость победы, начал крутить голову Джека с явным намерением сломать шейные позвонки.

Слезы боли, смешанные с потом, мешали видеть, но на какое-то мгновение Джек сумел заметить то, что давало надежду.

Да, волшебство пропало, побеждал рассвет. Но сумерки еще оставались. А сумерки — это тени.

Да, он уже не волшебник. Но он еще вор!

Тени и сейчас могли дать ему Силу.

В тени его не брал ни один меч. В тени он был непобедим.

Лучи восходящего солнца, проникая сквозь широкое окно бойницы в башню, сотворили длинную, густую, прекрасную, замечательную, изумительную и животворную тень.

Она лежала всего в каком-нибудь футе от Джека и звала его к себе.

Он сделал попытку дотянуться до нее. Не смог. Он выбросил правую руку, как можно дальше, в ее сторону.

Позвонки хрустели, тяжелейший пресс давил на грудь, боль пронизывала все тело...

Но старое, доброе чувство тьмы волнами растекалось по израненному телу.

Боясь потерять сознание, Джек, как мог, напряг мышцы шеи. Дарованная тенью сила помогла ему протолкнуть в родную среду руки и плечо. За ними удалось, помогая и пятками, и локтями, окунуть в тень голову...

Соблюдая последовательность последним скрылся в тени — уже сам схваченный за горло — Боуршинн.

— Джек, — услышал тот, кто носил это имя. — Где ты? В тени я не вижу тебя! Джек!

Джек появился не скоро.

Весь перемазанный кровью и чем-то коричневым и склизким, он — еле переводя дух — облокотился об освещен-

ную солнцем каменную стену и замер.

— Джек?!

Джек засунул дрожащие руки в то, что с большим трудом можно было назвать «карманами».

— Вот, черт... — разочарованно прохрипел Джек. — Сигареты тю-тю...

Похоже, он был готов заплакать.

— Я не надеялась увидеть тебя живым, Джек.

— Ты знаешь, я тоже... Судьба сделала мне подарок... Слушай, пусть ты и не давала мне покоя, но я тебе тоже кое-что подарю. Я многое перенес, я потерял все... Чем я могу тебя осчастливить? Тем, чего ты хочешь сама. Раз так, давай...

На мгновение он прикрыл глаза. А когда открыл — рядом никого не было.

— Душа, — тихо позвал он.

Ответа не последовало.

«Тут что-то не так, — подумал он. — Значит, мы не соединились?»

— Душа, где ты? Я поступил так, как ты хотела. За подарок принято говорить «спасибо».

Ответа не последовало.

— Ты не хочешь говорить со мной? Хорошо, обойдемся без собеседника!

И Джек, отвалив от стены, повернулся к освещенному квадрату бойницы.

Косые лучи солнца освещали сотворенную им пустыню. Ветер, затихнув, сменил тональность и пел уже что-то менее грустное. Вид разрухи, еще тлеющего огня, истерзанной, исковерканной земли, — как это ни странно — был красив, красив красотой разрушения. Все терзания земли, боль, смерть, его бесчестье были — так подсказывало ему что-то, спрятанное глубоко в недрах его сознания — необходимы, в них было что-то очищающее. Смотря на дело рук своих, Джек видел то, чего раньше никогда не замечал. Все, представшее его глазам, могло измениться, стать лучше. Нет, он не был умиротворен. Он нес ответственность за зло: за разрушенные деревни, расколотые горы, погребенные под пеплом леса. Но он каким-то непонятным образом осознавал, что вскоре взойдут ростки того, что никогда не росло на этой земле. Так подсказывала его душа. Он принимал вину за все. Но то, что нес миру изменившийся порядок, не пугало его. Чередование света и тьмы должны были принести добро...

Он смотрел на восток. Туда, где вставало солнце.

Смотрел — и не видел ничего прекрасней.

Солнечные лучи согревали душу.

«Да, она есть у меня, — думал он, — иначе не смог бы я увидеть и почувствовать подобное...»

Башня уже не качалась. Она разваливалась.

«Этого я и хотел, Эвин, — продолжил он мысленный монолог, — помнишь, я говорил тебе об этом, еще не имея души. Я просил у тебя прощения. Мне было бесконечно жаль тебя. Но не только. Я жалел весь мир. Прости меня... Я любил тебя, Эвин.»

...Камень за камнем падал вниз.

Башня стала оседать, будто взорванная снизу.

Джека отбросило на балюстраду.

Все верно. Иначе быть не может. Когда очищается мир, когда гибнет злоба, разве может уцелеть тот, кто являлся Верховным носителем, воплощением Зла.

...Балюстрада рухнула, перила скользнули вниз...

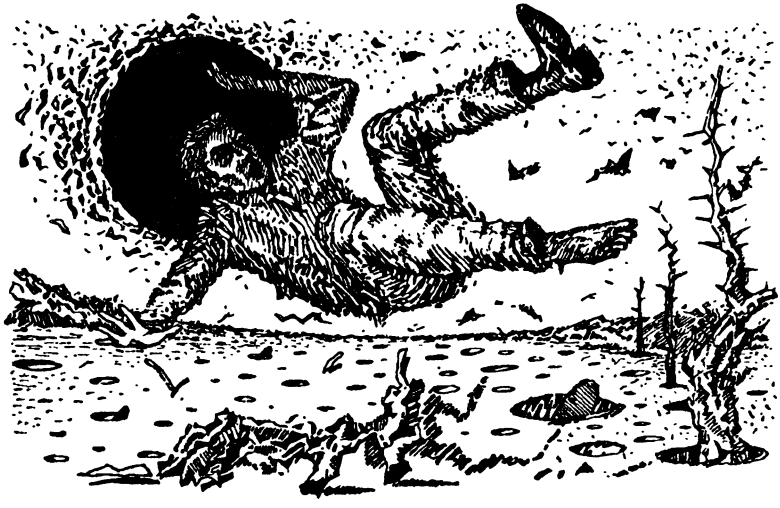
Что это? Шум ветра? Так хлопает сорвавшийся с креплений парус... Или вывешенное для простушки белье.

Джек стоял на самом краю, на своей последней черте и смотрел вверх. Потом он качнулся вперед и, уже падая, увидел в небе росший прямо на глазах знакомый силуэт.

Тот, кто увидел зарю, получил свободу!

Сложив могучие крылья, — словно черная молния перечеркнула рассвет — к Джеку стремительно приближался Утренняя Звезда. Он изо всех сил протягивал свои руки, раскрыв огромные, теплые ладони.

«Не могу утверждать, — отстраненно подумал Джек, — но, по-моему, он должен успеть...»

Сведения об авторе

Роджер Желязны — американский писатель-фантаст, критик, магистр мифологии — родился в 1937 году.

Уже в первых произведениях, опубликованных в начале шестидесятых годов, — момент возникновения «новой волны» фантастики — чувствуется незаурядная изобретательность и мастерство построения сюжета. С первых шагов в литературе Желязны завоевывает признание читателей и критиков, получает престижные американские премии «Хьюго» и «Небьюла». Произведениям автора присуща необычность стиля, наблюдается колоссальная эрудиция в вопросах истории религий, философии и мифологии народов мира, а жанр часто трудноопределим — это сплав, синтез, который отражает неординарность творческого замысла.

Роджера Желязны можно отнести к разряду «плодовитых» писателей. Первая книга — «Сегодня мы выбираем лица» — увидела свет в 1963 году. За ней последовали «Этот бессмертный» (премия Хьюго 1966), «Четыре на завтра» (1966) и «Князь света» (1967, премия Хьюго 1968). В 1967 году опубликованы «Три рассказа премии Небьюла».

Конец шестидесятых и семидесятые годы — период подъема творческой активности. Желязны пишет в соавторстве с Ф. К. Диком и Ф. Саберхагеном, публикуется в различных антологиях. Появляются в печати крупные произведения: «Долина проклятий» (1967), «Создания света, создания тьмы» (1969), «Остров мертвых» (1969), «Знаки дороги» (1969), «Проект Румоко» (1969), «Творец сновидений» (1970), «Джек-из-тени» (1971), «Умереть в Италбаре» (1973), «Имя мое — Легион» (1976), а также сборники рассказов «Розы для Экклезиаста» (1969) и «Двери его лица, лампады его уст» (1971).

В 1970 году появляется первый роман большого цикла «Янтарное королевство» (Эмбер). Цикл в дальнейшем постепенно дополняется и приносит автору мировую известность.

Наряду с фантастическими произведениями, у Желязны можно встретить великолепные образцы реалистической прозы, написанной в лучших традициях американской литературы, а также ряд критических статей.

Романы, представленные в данном сборнике, дают достаточно полное представление о различных сторонах творчества писателя.

А. Бобита

Содержание

Творец сновидений 7
Остров мертвых 123
Джек-из-тени 255
Сведения об авторе 383

Ж52 **Роджер Желязны**
Творец сновидений. Остров мертвых. Джек-из-тени. Романы.—Т. 5.— Ростов н/Д: Гермес, 1992, 384 с., ил.—(Библиотека фантастики)
ISBN 5-87022-011-4

В пятый том «Библиотеки фантастики» вошли три романа выдающегося американского писателя Роджера Желязны «Творец сновидений», «Остров мертвых» и «Джек-из-тени», сюжеты которых построены на основе мифологии народов мира, с поразительной глубиной исследующих внутренний мир человека, его личную ответственность за судьбу вселенной и судьбы окружающих людей в равной степени.

Литературно-художественное издание
Серия «Библиотека фантастики»

Роджер Желязны
Творец сновидений. Остров мертвых. Джек-из-тени. Романы.

Редакционная коллегия под руководством А. Г. Бобита, в составе:
Д. Е. Громов
О. С. Ладыженский
Е И. Гизело

Подписано в печать с оригинал-макета 23.10.1992.
Формат 84×108/32. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать высокая. Усл. печ. л. 20,16. Тираж 100 000. Заказ 104.

Подготовка к печати МП «Информатика и Техника». 310002, Харьков, ул. Маршала Бажанова, 28, к. 102.

Издательский центр «Гермес»
344011, г. Ростов-на-Дону, ул. Красноармейская, 3а

Отпечатано в ИПК «Царицын»
400066, г. Волгоград, Привокзальная площадь

